

"Их было семеро..."

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Андрей Таманцев

Их было семеро...

(Солдаты удачи — 1)

Вы все хотели жить смолоду,
Вы все хотели быть вечными, —
И вот войной перемолоты,
Ну а в церквах стали свечками.

А. Чикунов

В романах серии «Солдаты удачи» все события взяты из жизни. Мы изменили только имена героев. Почему? Это нетрудно понять: слишком тяжела и опасна их работа. Каждый из них всегда на прицеле, вероятность избежать смерти приближается к нулю... Имеем ли мы право лишать таких людей надежды на завтрашний день?..

Пролог

Это я, это я, Господи!

Имя мое — Сергей Пастухов.

Чин мой на земле — раб Твой.

Смиранный ли? Нет. Укротивший ли гордыню свою? Нет.

Потому что я — воин. Может ли быть смиренным воин? Может ли укротивший гордыню исполнять как подобает дело свое?

Твой ли я воин, Господи, или царя Тьмы?

Вразуми меня. Наставь на путь истинный.

Дай знак мне.

* * *

Я стоял один посреди пустого храма, скупо освещенного пробивавшимися сверху, сквозь разноцветные витражи, лучами солнца. Фольгой и позолотой мерцали оклады икон. Откуда быть злату и серебру в нашем Спас-Заулке, в бедной сельской церквушке, бревенчатый сруб которой и кресты над тремя ее куполами были для меня с самого раннего детства так же привычны, как тихие, в лилиях и кувшинках, заводи Чесны, как раскидистая ветла над нашей избой, как осенние стога и голубые разливы цветущего льна.

В этом храме двадцать шесть лет назад меня крестил отец Федор — огромный, бородатый, вечно полупьяный и жизнерадостный, как сатир. Сам я, конечно, не помню, но мать рассказывала, что он уронил меня в купель и еле успели вытащить. Опасались, что буду

бояться воды, — но нет, обошлось.

Он же венчал нас с Ольгой. Сами мы об этом и думать не думали, но мать попросила, не хотелось ее огорчать. Отец Федор и здесь отличился: мое обручальное кольцо выскользнуло у него из рук, минут десять ползали по храму, пока нашли.

Он же отпевал в этом храме отца, а через три года — мать. У меня долго стоял в ушах его требовательный бас: «Отпусти ей грехи ея вольные и невольные!..»

С тех пор в Спас-Заулке я не был ни разу. И даже не знаю, почему вдруг велел водителю свернуть на развилке не налево, к Москве, а направо — к Выселкам, к Спас-Заулку.

Утренняя служба кончилась, но дверь еще не успели запереть. Сухонькая старушка в синем халате, заканчивавшая уборку, предупредила меня:

— Закрываем храм, сынок. Вечером приходи.

— Да мне бы только свечку поставить. Пусть хоть немного погорит.

— Тогда и поставишь.

— Вечером я буду уже очень далеко отсюда, — объяснил я.

— Спрошу у батюшки, — сказала она и исчезла в глубине церкви.

Минут десять я стоял наедине с ликами святых и с самим собой. Потом появился священник. Но это был не отец Федор. Видно, тот уже отбасил свое. Открестил, отвенчал, отпел и отславил. Этот был совсем молодой — лет двадцать пять. Или тридцать. Или (почему-то подумалось мне) тридцать три.

Длинные русые волосы до плеч. Большие темные глаза. Что еще приметно: одет как-то странно. Вроде как бы ряса на нем, но не черная, и вроде бы мешковина. Рубище.

— Ты хочешь возжечь свечу, сын мой? — обратился он ко мне. — Знаешь ли, пред каким образом?

Он протянул ко мне руку. Странное дело: в ней была не одна свеча, а несколько... Семь. Но почему-то я этому даже не удивился, хотя удивляться было чему: откуда он знал, что нас семеро? Я взял у него свечи. Куда поставить одну, я знал точно. И поставил — перед иконой Николая-чудотворца. Свеча, не припаянная к подсвечнику воском, чуть наклонилась. Батюшка протянул руку и поправил ее. И свеча почему-то сразу занялась ярко, в полную силу. Куда поставить остальные шесть свечей, я не знал. Зато он знал. Подвел меня к большой иконе в глубине храма и сказал:

— Здесь.

И снова, будто бы от одного лишь прикосновения его тонкой легкой руки, свечи взяли ярким пламенем. В их свете проступил лик святого Георгия-победоносца.

— Верно ли возжены свечи? — спросил он.

— Да, — кивнул я. — Кто вы?

— Называй меня отцом Андреем, — ответил он. — Есть ли у тебя просьба ко мне?

— Помолитесь за меня и моих товарищей, отец Андрей. Нам предстоит очень трудное дело.

— Чисты ли помыслы твои? — спросил он.

— Не знаю.

— Веришь ли ты в праведность дела твоего?

— Не знаю.

— Жаждет ли душа твоя мира?

— И даже этого я не знаю.

— В смятении дух твой. Я буду молиться за тебя и други твоя.

Я вышел. С порога оглянулся: в полумраке храма ярко горели семь свечей

Когда мощный серебристый джип «патрол», выделенный в мое распоряжение начальником управления, пропылил по проселку и свернул на асфальтовое шоссе, ведущее к Москве, я обернулся на маковки Спас-Заулка, на золотые кресты над ними.

И подумал: «Какие же слова найдет он для молитвы за нас — наемников и, может быть, даже убийц?..»

Было лето 1996 года. 14 июля.

Глава первая. Мой сын будет Президентом России, или Террорист во фраке от «Бриана»

В 1996 году праздник католической Троицы пришелся на воскресенье 26 мая. С самого утра ко всем кирхам и костелам Германии начали съезжаться крытые яркими разноцветными тентами грузовики, до отказа набитые березовыми ветками. Привезенные из специальных лесопитомников, они предназначены были для украшения храмов в этот день. Береза, как известно, символ Святой Троицы. Грузовики уже поджидали десятки прихожан со всеми чадами и домочадцами; они втаскивали охапки пахучих веток в притворы, а потом под руководством священнослужителей украшали ими соборные залы, где вечером должны были пройти торжественные богослужения. Работа шла споро, немного не по-немецки суматошно, но суматоха эта была какой-то особенной, праздничной — такая царит обычно, когда наряжают рождественские елки.

Как и во всей Германии, праздничное оживление было в то утро и в одном из самых старинных соборов Гамбурга — костеле святого Михаила, Михаэлискирхе. Построенный в стиле классического барокко, «Большой Михель» по странной исторической случайности возвышался своей статридцатиметровой башней между двумя районами Гамбурга: фешенебельным Альтштадтом и развеселым Санкт-Паули, где (как деликатно отмечалось в путеводителях и туристских проспектах) не существует никаких табу.

День этот выдался не по-майски хмурым, откуда-то нагнало туч, с Эльбы тянул несильный, но пронизывающий, как на набережной Невы, ветер; красный кирпич старых, построенных еще в середине восемнадцатого века домов, окружавших Михаэлискирхе и чудом уцелевших после бомбежек союзнической авиации в конце второй мировой войны, казался почти черным; медные, позеленевшие от вечной сырости крыши, веселившие взгляд в погожие дни, сейчас

выглядели уныло-тусклыми.

Ближе к полудню, когда праздничная суeta в соборе святого Михаила была в самом разгаре, в один из многочисленных рукавов Эльбы вошла белоснежная, новейшей постройки крейсерская яхта. Она стала на якорь в районе Альтштадта, метрах в семидесяти от берега — швартовка непосредственно у набережных Гамбурга, да и то краткосрочная, разрешается лишь шлюпкам и легким прогулочным катерам.

Яхта была под английским флагом; на борту ее значилось название — «Анна» и порт приписки — Ливерпуль. На фоне огромных плавучих доков, сухогрузов, лесовозов она выглядела детской нарядной игрушкой, но любому человеку, хоть что-то понимающему в морских делах (а таким в древнем ганзейском Гамбурге был едва ли не каждый второй), с одного взгляда было ясно, что изящные обводы этой игрушки в сочетании с мощным современным двигателем таят возможности яхты развивать едва ли не скорость торпедных катеров, остойчивость и мореходные качества таковы, что даже кругосветное путешествие для нее не проблема. И даже уж совсем профану без пояснений было понятно, что такая яхта может принадлежать только богатому человеку. И не просто богатому — очень богатому.

Однако двое мужчин, доставленных с яхты на белом, похожем на глиссер катере, совершенно не походили на богатых людей. Один — высокий, плотный, лет пятидесяти — был в заурядной кожаной куртке, потертой на сгибах, в темной вязаной шапочке, натянутой из-за пронизывающего ветра чуть ли не на глаза. Он был похож на шкипера, в крайнем случае — на капитана, но уж никак не на владельца этой роскошной яхты. А второй и на шкипера не тянул: тоже высокий, сухощавый, лет двадцати семи, в джинсах, в китайской ветровке с капюшоном. Моторист? Стюард?

Лишь подобострастная услужливость, с которой матрос, сидевший за рулем глиссера, попытался помочь пассажирам подняться на набережную, могли бы подсказать внимательному наблюдателю, что доставленные — отнюдь не простые члены команды.

И такой наблюдатель, между прочим, был.

Как только эти двое оказались на набережной, из темно-серого «фольксвагена-пассат», далеко не последней модели, припаркованного неподалеку, вышла молодая женщина в длинном синем плаще и изящной фетровой шляпке и подошла к мужчинам.

— Вы есть мистер Назаров? — обратилась она к старшему.

— Да, это я, — подтвердил тот.

— Я очень рада. Я остерегалась, что у вас что-то может задержаться в пути. Я хочу себя представить. Я называюсь Эльза Рост, я работаю в нашем бюро по туризму как гид, и на русском языке тоже. Если я скажу что-то не так, заранее извините меня, потому что из вашей страны сначала было очень мало туристов и я не могла иметь практики после университета, а теперь здесь очень много русских, но мало кто может оплатить услуги гида. Итак, я в вашем полном распоряжении, господа, и мой автомобиль также, если, конечно, он вас устроит.

Она показала на свой «фольксваген». Мужчины переглянулись и почему-то засмеялись. Потом старший сказал:

— Мы, конечно, привыкли к «роллс-ройсам», но для разнообразия сойдет и этот.

И двинулись к машине. Эльза села за руль и включила двигатель...

* * *

Из протокола допроса гражданки Федеративной Республики Германии Эльзы Рост, урожденной Фогельштерн, 28 лет, замужней, постоянно проживающей в г. Гамбурге. Допрос проведен инспектором гамбургской криминальной полиции Францем Шмидтом. (Приводится в переводе с немецкого):

«Рост. 24 мая, в пятницу, около десяти часов вечера мне домой позвонил шеф нашего туристического агентства господин Крамер и спросил, не смогу ли я в воскресенье 26 мая поработать в качестве гида и переводчика с какими-то важными русскими господами. Он извинился за столь поздний звонок и объяснил его срочностью и важностью дела. Я не являюсь постоянным сотрудником агентства, сотрудничаю с туристическим бюро мистера Крамера в свободные дни, поскольку не могу позволить себе упустить возможность дополнительного заработка. Господин Крамер сказал, что мой гонорар будет удвоен, так как работать с русскими мне придется в воскресенье и к тому же — в праздник Троицы. Я согласилась, но напомнила, что русским языком владею гораздо хуже, чем английским, и среди штатных сотрудников агентства сейчас немало русских немцев. Господин Крамер ответил, что именно этот вариант он и предложил человеку, с которым вел переговоры, но тот самым категорическим образом потребовал, чтобы в роли гида и переводчика выступало лицо, ни малейшим образом не связанное с эмигрантами из России, — лучше всего женщина, коренная жительница Гамбурга.

Шмидт. Сказал ли господин Крамер, с кем именно он вел переговоры? И как — лично или по телефону?

Рост. Нет. А сама я не спросила, меня это не интересовало. Я уточнила только, когда и где я должна встретиться с этими русскими господами и в чем будут заключаться мои обязанности. Господин Крамер объяснил, что 26 мая в десять утра я должна быть на набережной Нордер-Эльбы в районе Альтштадта и ждать появления яхты „Анна“, порт приписки Ливерпуль. Имя моего клиента, который прибудет на этой яхте, господин Назаров. Я должна буду провести экскурсию с ним и с людьми, которые будут его сопровождать, экскурсию по городу в том объеме, в каком они пожелают, а вечером выполнять роль переводчицы во время праздничного приема, который господин Назаров намерен устроить на борту своей яхты для друзей и деловых партнеров.

Шмидт. Итак, вы дождались прибытия яхты „Анна“. Когда она пришла?

Рост. Около полудня. Я ждала почти два часа и уже начала беспокоиться.

Шмидт. Сколько человек сошло с борта яхты?

Рост. Всего двое. Сам господин Назаров и его сын Александр, аспирант из Гарварда. Он попросил называть себя просто Алекс.

Шмидт. У вас не возникло сомнений, что Алекс действительно сын господина Назарова?

Рост. Ни малейших. Во-первых, они были очень похожи. Оба высокие. И еще что-то в выражении лица, глаз. Глаза у обоих такие, знаете, серые, жесткие. А когда они смотрели друг на друга, это выражение жесткости исчезало. И общались они так, как отец с сыном после долгой разлуки.

Шмидт. Они много разговаривали между собой?

Рост. Как раз нет. В том-то и дело. Нет, они разговаривали, конечно: о каких-то знакомых, об учебе Алекса, об Анне. Как я поняла, Анна — это жена или очень близкий человек господина Назарова, но не мать Алекса, иначе он называл бы ее иначе, не по имени. Я поняла, Анна чем-то болела и лечилась в Швейцарии. Но больше они молчали. Они как будто и затеяли эту экскурсию, чтобы побыть вдвоем. Я в этом уверена. И знаете почему? Я показала им театр, ратушу, кунстхалле, потом подвезла к Катариненкирхе. Когда я начала рассказывать о ней, господин Назаров вдруг прервал меня и спросил, сколько я получу за работу с ними. Я ответила: триста шестьдесят марок. Тогда он достал портмоне — это был „Монблан“, господин инспектор! — и протянул мне триста долларов в трех купюрах. Он сказал: это вам за то, что мы изменим правила — вы будете говорить только тогда, когда мы вас о чем-нибудь спросим. Деньги я, разумеется, взяла, но это меня, буду откровенна, обидело, и я спросила, не желают ли господа осмотреть Репербан, если им неинтересна наша замечательная Катариненкирхе. Я объяснила: все русские туристы просят показать Санкт-Паули и Репербан, самую злачную улицу в мире. Они согласились, но так, будто им было все равно. Я оставила машину неподалеку от Михаэлискирхе, туда как раз подъехали автобусы телевизионщиков — они уже начали готовиться к трансляции вечерней мессы; мы пешком прошли по Репербану, туда и обратно. Вы сами знаете, господин инспектор, каков он в это время дня: вся ночная грязь и дрянь еще не убрана, почти все закрыто, работают только редкие стрип-бары и секс-шопы. У одного из открытых стрип-баров господин Назаров спросил сына: не хочешь зайти? На что Алекс Назаров ответил фразой, которую я запомнила из-за не вполне ясного мне семантического значения: „Этого говна сейчас и в Москве навалом“. Единственное, что их почему-то развеселило и чему они долго смеялись, — это когда я сказала, отвечая на вопрос господина Назарова, что здание на другой стороне Репербана — это главное управление полиции Гамбурга, вот это самое здание, где мы сейчас с вами разговариваем. Я так и не поняла, что их рассмешило.

Шмидт. Многих моих русских коллег это тоже смешит. Им кажется несурзным, что главное управление полиции находится в центре самого злачного района города.

Рост. А где же ему быть — на Кайзерштрассе?

Шмидт. Им это показалось бы более естественным. Но мы отвлеклись. Продолжайте, пожалуйста, госпожа Рост.

Рост. Потом мы вернулись к кирхе святого Михаила. По просьбе Алекса я перевела надпись на стене: „Гот руф дих" — Господь призывает тебя“. Господин Назаров предложил сыну зайти в храм. Алекс спросил: „Ты уверен, что этот призыв обращен к тебе?“ Господин Назаров ответил: „Как знать“. И мы вошли...»

* * *

Они вошли под высокие своды костела, когда уже почти все березовые ветки были развешаны по стенам, в простенках, на спинках длинных дубовых лавок, а на остатках веток в проходе с визгом и криками барахтались веселые немецкие дети. По залу метался, проверяя расстановку камер, молодой взъерошенный телережиссер, звукооператоры пристраивали микрофоны. Эльза отметила, что при входе Алекс сбросил с головы капюшон ветровки, а Назаров-старший стащил свою вязаную шапчонку и пригладил рукой такие же русые, как у сына, но заметно поредевшие волосы.

Эльза объяснила, что вон там — пульт органиста, на тех вон подмостках будет стоять хор, а белая, слегка изогнутая лестница, заканчивающаяся небольшой огороженной площадкой, вознесенной очень высоко, почти в центр зала, — это кафедра, с которой будет произноситься

свою проповедь епископ.

Среди резвящихся детей и занятых каждый своим делом взрослых Назаровы и Эльза были в кирхе единственными праздными людьми. Вероятно, именно поэтому режиссер неожиданно подбежал к ним и стал что-то быстро говорить по-немецки, обращаясь к Назарову-старшему.

— Он просит вас подняться на кафедру епископа и что-нибудь сказать, — перевела Эльза.

— Я? — изумился Назаров. — Что я могу сказать с епископской кафедры? Да еще по-русски!

— Не имеет значения. Четыре-пять фраз. Любых. Ему нужно проверить, как работают микрофоны, — объяснила Эльза.

Назаров-старший повернулся к сыну:

— Вот пойд и скажи. Надеюсь, тебе уже есть что сказать городу и миру.

— Найд! Найд! — запротестовал режиссер. Эльза перевела:

— Ему не нужен молодой голос. Ему нужен голос человека ваших лет. Тут большое значение имеют обертоны.

Назаров-старший чуть помедлил, усмехнулся и неторопливо двинулся к лестнице. И по мере того как он уверенно-неспешно, без всякого видимого напряжения одолевал довольно крутые ступени, зал затихал, а когда он оказался на площадке кафедры, все и вовсе побросали свои дела и даже прикрикнули на шумящих детей: настолько значительной, источающей силу и уверенность была фигура этого человека.

— Говорите, пожалуйста! — по-немецки крикнул ему снизу режиссер.

— Даже не знаю, что и сказать...

— Гут! Нох айнмаль! Нур филе, битте!

— Просит еще раз, только побольше, — перевела Эльза.

Назаров положил руки на перильца кафедры, немного подумал и произнес несколько фраз.

— Зер гут! Данке шён! — поблагодарил его режиссер и занялся другими делами.

Только два человека в кирхе — Эльза и Алекс — поняли, что сказал Назаров-старший.

А сказал он вот что:

— С этого места нельзя произносить пустых слов. Отсюда можно только провозглашать. И я говорю всем: пройдет не так уж много лет, и мой сын будет Президентом России!

Вот это он и сказал.

* * *

Из стенограммы допроса Эльзы Рост инспектором Ф. Шмидтом:

«Шмидт. Что было дальше?

Рост. Господин Назаров сказал, что времени больше нет и нам нужно ехать на яхту, чтобы успеть переодеться и приготовиться к приему гостей. Мы вернулись на набережную, на маленьком белом катере подплыли к яхте „Анна“ и поднялись на борт.

Шмидт. Опишите, пожалуйста, яхту.

Рост. Господин инспектор, я не могу этого сделать. Такое я видела только в фильмах об американских миллионерах.

Шмидт. Когда вы поднялись на яхту, гости уже были там?

Рост. Нет, только команда. Пять или шесть человек. Минут через сорок приехали музыканты — струнное трио из оперного театра, двое мужчин и женщина. Потом появились официанты из ресторана „Четыре времени года“, они привезли коробки с напитками и закусками для приема а-ля фуршет. И только позже, часам к шести, начали съезжаться гости.

Шмидт. Сколько было официантов?

Рост. Пять человек.

Шмидт. Пять? Вы уверены в этом?

Рост. Абсолютно.

Шмидт. Но менеджер ресторана „Четыре времени года“, которого я допрашивал перед вами, утверждает, что посылал на яхту только четырех официантов.

Рост. Не знаю, почему он так говорит. Я постоянно передавала им распоряжения господина Назарова и его русских гостей и совершенно точно знаю: их было пятеро. Четыре молоденьких, прекрасно обученных официанта и бармен, постарше, лет тридцати.

Шмидт. В чем они были?

Рост. В черных фраках.

Шмидт. А гости?

Рост. Мужчины — в белых смокингах, а женщины — в вечерних платьях.

Шмидт. Сколько было гостей?

Рост. Человек двенадцать. Кроме самого господина Назарова и его сына. Как я поняла, в основном русские друзья господина Назарова. Только один из них хорошо говорил по-немецки. Он почти не вынимал изо рта сигару. Господин Назаров обращался к нему на „ты“ и по имени — Борис, они были примерно ровесниками. Двое из гостей были немцами. Один пожилой, лет шестидесяти. Судя по акценту — местный, из Гамбурга. Второй, помоложе, лет сорока пяти, — откуда-то из Баварии, возможно — из Мюнхена.

Шмидт. Какие женщины были на приеме?

Рост. Три пожилых дамы. Одна русская, жена Бориса. Две других — жены немецких господ. И еще четыре очень красивые девушки — топ-модели из ателье Люмберта. Их пригласили, как я понимаю, чтобы развлекать гостей.

Шмидт. Где проходил прием — на верхней палубе или в каюте?

Рост. Внизу, в кают-компании. На улице было очень холодно, дул ветер. Поэтому господин Назаров даже отменил прогулку на яхте по Эльбе, которую сначала планировал.

Шмидт. Откуда вы это знаете?

Рост. Из разговора господина Назарова с капитаном яхты. Они говорили по-английски, у господина Назарова очень приличный английский. Капитан сказал господину Назарову: раз прогулка отменяется, нельзя ли команде сойти на берег, чтобы послушать в каком-нибудь из костелов вечернюю праздничную мессу. Господин Назаров усмехнулся и сказал: знаю, где они будут слушать мессу — на Репербане. Но отпустил всех, в том числе и капитана. Приказал вернуться не позже полуночи. Оставил лишь одного матроса, который управлял катером.

Шмидт. Как проходил прием?

Рост. В высшей степени благопристойно. Светский раут. Хотя, признаюсь, раньше на светских раутах мне бывать не приходилось. Трио играло Гайдна, Вивальди, иногда танцевальную музыку — танго, вальсы. Гости разговаривали, смеялись, танцевали с девушками и пожилыми дамами. Пили мало, в основном шампанское и сухой мартини. В половине десятого вечера уже начали разъезжаться. Весь прием длился не больше трех часов.

Шмидт. И все это время гости находились в кают-компании?

Рост. Нет. Примерно через час после начала приема господин Назаров, Борис и оба немецких господина уединились в одной из кают. Их не было около часа. Потом они вернулись и присоединились к гостям.

Шмидт. Давайте еще немного поговорим об официантах. Они были немцами?

Рост. Да, все пятеро. И говорили только по-немецки. Лишь бармен, его звали Карл, немного понимал по-русски. На мой вопрос, где он изучал этот язык, сказал, что его дед несколько лет после войны провел в русском плену, научился там хорошо говорить по-русски и учил Карла.

Шмидт. Не заметили ли вы чего-нибудь странного в поведении официантов?

Рост. Совершенно ничего. Все безукоризненно справлялись с работой. Особенно Карл, гости очень хвалили его мартини. Единственное, на что я обратила внимание... Впрочем, вряд ли это важно.

Шмидт. И все-таки?

Рост. Мне показалось, что фрак у Карла немного не такой, как у других официантов.

Шмидт. Что значит — не такой? Плохо сшит? Не по росту?

Рост. Наоборот. Он был лучше, чем у других. Как будто от другого портного, гораздо выше классом. Не могу сказать ничего конкретного, но мы, женщины, такие вещи очень хорошо чувствуем.

Шмидт. Вы сказали, что в половине десятого гости начали разъезжаться...

Рост. Да. Сначала катер отвез на набережную немецких господ с их женами, потом других гостей. На набережной их ждали машины. Потом уехали музыканты со своими инструментами.

Потом отправили официантов.

Шмидт. Всех пятерых?

Рост. Нет, сначала молодых — в катере всего четыре места для пассажиров. Следующим рейсом должны были уехать я и Карл. Мы стояли уже одетыми на палубе, когда господин Назаров сказал Карлу: „Задержись, ты мне еще понадобишься“. Карл попытался возразить: он живет на другом конце Гамбурга, автобусы перестанут ходить, а такси он не может себе позволить. Господин Назаров сказал: получишь на такси. Карл продолжал настаивать: его жена будет беспокоиться, а предупредить ее он не может, так как дома у них нет телефона. На что господин Назаров ответил: ничего, перебьется. Он поблагодарил меня за работу, галантно помог спуститься в катер. Последнее, что я слышала, были слова господина Назарова, обращенные к Карлу: принеси-ка нам с сыном водки, мы будем в капитанской рубке. И чего-нибудь зажевать. Он повторил: просто водки, а не этих твоих мартини, да поживей!..

Шмидт. Почему в капитанской рубке?

Рост. Не знаю. Может быть, потому, что из рубки прекрасный вид на город и порт.

Шмидт. Что было дальше?

Рост. Я высадилась на набережной, села в свой автомобиль и уехала домой. Что после моего отъезда происходило на яхте, не имею ни малейшего представления. О том, что случилось, я узнала только на следующий день из газет...»

* * *

Расшифровка разговора Аркадия Назарова с сыном с помощью подслушивающего устройства, установленного на яхте «Анна»:

«Алекс. Ну и как, отец, удалось тебе уболтать этих банкиров?

Назаров. В общем, да. Подписали договор о намерениях.

Алекс. Для них ты и устроил всю эту бодягу с белыми смокингами, оркестром и фотомоделями?

Назаров. Такие вещи на них действуют.

Алекс. И яхту для этого купил?

Назаров. В том числе.

Алекс. Так и не расскажешь, что это за дело?

Назаров. Очень крупное дело. Может быть, самое крупное из всех, что я проводил. И самое необычное. Нефть, сынок.

Алекс. Чего же тут необычного? Ты всю жизнь занимался лесом, золотом и нефтью.

Назаров. Это была мелочь: купля, продажа. Самотлор — это название тебе что-нибудь говорит?

Алекс. Какое-то богатейшее месторождение в Тюмени. Которое оказалось на таким уж богатым.

Назаров. Его загубили. Выкачивали нефть без всякой меры и совести. Доллары были нужны. И заводнили горизонты. Из Самотлора взяли не больше пятнадцати процентов запасов. И так — по всей Сибири. И не только по Сибири.

Алекс. В чем же твой план?

Назаров. Один техасский инженер-нефтяник, работавший у нас в Сибири по контракту, изобрел установку для разработки таких вот загубленных и истощенных месторождений. Нечто подобное уже было — так называемые установки „газ-лифт“. Но эта проще и эффективнее. Если ими оснастить наших нефтяников, можно получать сотни миллионов тонн дополнительной нефти в год. Куда же этот чертов Карл запропастился?

Алекс. Не боишься, что тебя обойдут?

Назаров. Нет. Я купил у техасца этот патент. Еще год назад. Он обошелся мне, ну, скажем, не дешевле этой яхты.

Алекс. А твои московские друзья? Не попытаются подставить подножку?

Назаров. А я с ними договорюсь. Или уничтожу. Ну, не физически, конечно. Но политическими трупами они станут — я ведь знаю обо всех их делах больше, чем они могут представить себе в самых кошмарных снах.

Алекс. Ты сказал, что купил патент год назад. Почему же начинаешь дело только сейчас?

Назаров. Нужно дождаться результатов президентских выборов в России.

Алекс. Не вижу связи. Ну, победит Ельцин...

Назаров. Я предпочел бы, чтобы победил он.

Алекс. Несмотря на то что он предал тебя?

Назаров. „Предал“ — это из области морали. А в политике, сынок, нет морали. Есть один критерий: политическая целесообразность. Если президентом станет Зюганов, иностранных инвесторов кнутом в Россию не загонишь.

Алекс. А ты сам не можешь финансировать свой проект?

Назаров. Нужны очень крупные первоначальные вложения. Построить завод для серийного производства этих установок, смонтировать их на скважинах. Это сотни миллионов долларов. Как говорят мои друзья-англичане: глупо нести яйца в одной корзине... Да что это с Карлом? Сходи-ка поторопи этого засранца! Заснул он там, что ли?

Пауза.

Алекс (приглушенно, с палубы). Отец! Он свалился в воду!

Назаров. Как — свалился?!

Алекс. Не знаю! Вон он, метрах в двадцати! Плывет на спасательном круге!

Очень короткая пауза.

Назаров. Немедленно прыгай за борт! Слышишь? Немедленно пры...»

Связь прервана.

* * *

Заголовки утренних немецких газет:

«Гамбургер беобахтер».

«МОЩНЫЙ ВЗРЫВ УНИЧТОЖИЛ БРИТАНСКУЮ ЯХТУ В ГАМБУРГСКОМ ПОРТУ».

«Франкфуртер альгемайне».

«ПРИ ВЗРЫВЕ ЯХТЫ „АННА“ В ГАМБУРГСКОМ ПОРТУ ПОГИБЛИ ВЛАДЕЛЕЦ ЯХТЫ И ЕГО СЫН».

«Берлинер цайтунг».

«ВЗРЫВ ЯХТЫ В ГАМБУРГЕ: ТРАГИЧЕСКАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ?»

Из дневного сообщения радио Гамбурга:

«По уточненным данным, во время вчерашнего взрыва яхты „Анна“ погибли не только ее владелец, известный русский бизнесмен и политический деятель господин Назаров и его сын, аспирант Гарвардского университета Александр Назаров, но и один из членов команды, находившийся во время взрыва в радиорубке. Кроме того, сегодня утром возле набережной обнаружен труп человека примерно тридцати лет, одетого в черный фрак. Как предполагает полиция, это один из официантов ресторана „Четыре времени года“, обслуживавших праздничный прием, устроенный господином Назаровым на борту своей яхты. Труп владельца яхты до сих пор не обнаружен. Водолазы и спасательные команды ведут поиски в акватории Нордер-Эльбы. Полиция продолжает расследование...»

* * *

Из протокола допроса менеджера ресторана «Четыре времени года» гражданина Германии А. Кугельмана, сорока восьми лет, женатого, постоянно проживающего в Гамбурге. Допрос проведен инспектором криминальной полиции Ф. Шмидтом:

Шмидт. Господин Кугельман, я вызвал вас на повторный допрос в связи с выявлением новых обстоятельств взрыва яхты „Анна“. Вам был предъявлен для опознания труп человека, который, по нашим сведениям, выполнял обязанности бармена во время приема на борту яхты. Вы по-прежнему настаиваете на том, что не знаете этого человека и никогда раньше его не видели?

Кугельман. Да, господин инспектор. И я по-прежнему с полной ответственностью утверждаю, что мы послали на яхту только четырех официантов, а не пятерых, как утверждаете вы.

Шмидт. Их было пятеро, это установлено бесспорно. Не могло так случиться, что бармена для обслуживания приема пригласили из какого-нибудь другого ресторана?

Кугельман. Не могу отрицать такой возможности, но совершенно не понимаю, для чего это могло понадобиться. Наш ресторан считается лучшим в Гамбурге и одним из лучших во всей Германии. К тому же русский господин Петров по имени Борис, который делал и оплачивал заказ, сказал, что поручает нам все дела, связанные с обслуживанием приема.

Шмидт. В каком ателье вы заказываете фраки для своих официантов?

Кугельман. У Люнсдорфа.

Шмидт. На фраке человека, о котором мы говорили, была обнаружена этикетка ателье Бриана.

Кугельман. Бриана? Вот вам, господин инспектор, самое убедительное доказательство, что этот человек не был нашим официантом. Ни один ресторан в мире не может позволить себе заказывать для своих служащих фраки у Бриана. Это не Карден, конечно, и не Сен-Лоран, но это очень-очень дорогое ателье. Возможно, этот человек вообще не был официантом или барменом.

Шмидт. Тогда кем же он был?

Кугельман. Полагаю, господин инспектор, ответ на этот вопрос вам придется искать самому...»

* * *

На следующий день крупнейшие газеты всего мира вышли с пространными статьями и комментариями, связанными со взрывом яхты «Анна» в Гамбурге.

Французская «Фигаро»:

«Аркадий Назаров, погибший в минувшее воскресенье при взрыве его яхты в Гамбурге, был, несомненно, звездой далеко не последней величины на экономическом и политическом небосводе демократической России. Широко образованный человек, талантливый предприниматель, он начал свою деятельность еще во времена Брежнева, заметно расширил ее в период горбачевской перестройки и был, как не без оснований полагают эксперты, одним из инициаторов закона о кооперативах и отмены запрета на частнопредпринимательскую деятельность, что явилось первым решительным шагом перевода экономики бывшего СССР, а затем России на рельсы рыночного хозяйства...»

Лондонская «Таймс» :

«Стремительная карьера господина А. Назарова, выдвинувшего в число одного из крупнейших бизнесменов России, взявшей курс на экономическую свободу, не была вместе с тем прямолинейной и безоблачной. Один из создателей и руководителей Союза объединенных кооперативов России, человек, оказывавший заметное влияние на политику правительства Гайдара, Назаров, несмотря на это, постоянно подвергался нападкам со стороны антидемократических сил. Эти нападки обострились после того, как А. Назаров после путча 1991 года стал выступать с резкими публичными заявлениями в адрес президента Ельцина, критикуя его за нерешительность в проведении глубоких экономических преобразований.

Замеченное в политических кругах России охлаждение президента к своему давнему и верному союзнику превратило эти нападки в травлю. Была даже сделана попытка возбудить против А. Назарова уголовное преследование за якобы допущенные им злоупотребления в тот период, когда он, еще при Горбачеве, возглавлял крупнейший в России многопрофильный кооператив „Практика“. Возможно, эта травля и заставила А. Назарова покинуть пределы России. Обосновавшись в Лондоне и осуществляя оттуда руководство деятельностью сети фирм, ассоциаций и банковских структур, созданных им в Москве, А. Назаров успешно ведет бизнес в Европе, использует свое влияние для привлечения иностранных инвестиций в экономику России. Вместе с тем он не скрывает своего резко критического отношения к аморфной и даже деструктивной политике президента Ельцина и правительства Черномырдина, ведущей к стагнации экономики России. Он выступает с этими заявлениями на крупнейших международных симпозиумах. Ходили слухи, что после одного из таких выступлений на А. Назарова было совершено покушение и он некоторое время находился на излечении в Австрии. Слухи эти, к счастью, не подтвердились. Но известие, поступившее из Гамбурга о гибели А. Назарова во время взрыва его яхты, — это уже не слухи (хотя тело Назарова до сих пор не найдено), а факт, наводящий на очень серьезные размышления...»

Американская «Вашингтон пост»:

«Смерть мистера Аркадия Назарова, одного из лидеров движения за экономическое обновление России, наступившая при весьма загадочных и требующих самого тщательного расследования обстоятельствах, — это весьма болезненный удар для всех истинных сторонников декларируемой правительством Ельцина политики, направленной на расширение и углубление проходящих в России реформ...»

Но глубже всех копнули газетчики из «Гамбургского обозревателя» («Гамбургер беобахтер»). Их репортаж не был насыщен анализом ситуации в России и деятельности Аркадия Назарова, но им каким-то образом удалось узнать о посещении Назаровым и его сыном собора святого Михаила, они нашли, расшифровали и перевели на немецкий язык техническую запись слов, произнесенных Аркадием Назаровым с епископской кафедры. Газета полностью привела в репортаже эти слова, а сам репортаж снабдила аршинной «шапкой»:

ЕГО СЫН НЕ БУДЕТ ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ!

* * *

Четыре дня поиски тела Аркадия Назарова велись в русле Нордер-Эльбы, затем были перенесены в устье самой Эльбы. Десятки катеров береговой охраны днем и ночью тщетно бороздили акваторию устья и прилегающего к ней участка Северного моря в надежде обнаружить вынесенный сюда течением труп Назарова.

На десятый день поисковые работы были прекращены.

Тело аспиранта Гарвардского университета Александра Назарова было перевезено друзьями его отца в Париж и погребено на кладбище Сен-Жер-мен-де-Пре.

В этот день — день святого великомученика Иоанна Нового — во всех православных храмах России читали из Премудростей Соломона, глава 4, стих 7-15:

«А праведник, если и рановременно умер, будет в покое, ибо не в долговечности честная старость, и не числом лет измеряется. Мудрость есть седина для людей, и беспорочная жизнь — возраст старости.

Как благоугодивший Богу, он возлюблен и, как живший среди грешников, преставлен, восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его. Ибо упражнение в нечестии помрачает доброе, и волнение похоти развращает ум незлобивый...»

После официального запроса правительства России копии всех материалов, собранных гамбургской криминальной полицией в ходе расследования обстоятельств взрыва яхты «Анна», были переданы Москве.

Глава вторая. Пастухов и другие

И когда этот кривоногий ублюдок в полевой форме с погонами генерал-майора Российской армии нехотя так, с ленцой поднял свой пистолет Макарова и я понял, что он сейчас, без шуток, выстрелит прямо мне в голову — вот и палец уже шевельнулся на спусковом крючке, — я скоренько откатился в сторону, на ходу подхватил брошенный Тимохой «калаш» и, как был, лежа на спине, высадил в эту зеленую гниду полмагазина. Его «Макаров» с визгом, как осколок мины, улетел куда-то к чертям собачьим, а на серой от времени дощатой двери в овечий загон, против которой он стоял, нарисовался его силуэт — свежими выщербинами белого дерева, обнаженного пулями из-под слоя гнили и грязи.

Аккуратный такой силуэт, мне даже самому понравился, четкий, почти сплошной линией. Только очертания головы были немного несимметричны — все-таки левое ухо я ему отстрелил, не все, конечно, чуть-чуть. На память о нашей встрече на гребне над ущельем Ак-Су, квадрат 17-25, Республика Ичкерия. Очень поманивало и яйца отстрелить. Но подумал: черт с ним, мужик не старый еще, пусть себе живет и радуется жизни, пока из всех мужских удовольствий у него не останется только удовольствие бриться.

Ребята между тем тоже времени не теряли. При первых моих выстрелах они запрыгали на каменистом плато, как клоуны в цирке, похватили автоматы, и не успел я долюбоваться силуэтом этого генерал-ублюдка, как четыре амбала, прибывшие вместе с ним в открытом «лендровере» и ни с того ни с сего, без единого слова объяснения, уложившие нас на землю под дулами своих коротких десантных «Калашниковых» какой-то новой, последней, видно, модели, уже сидели у глинобитного дувала овчарни со скрученными за спиной их же ремнями руками и только ошарашенно вертели головами, не понимая, как же это вышло: только что были в полном порядке, а и трех секунд не прошло...

А чего тут понимать. Это вам не в бункерах вашей вшивой спецслужбы штаны просиживать и строчить рапорты о своих героических подвигах. Лучше бы просто сидели. А то стоит выйти на задание, спланированное по их разведанным, так обязательно в какое-нибудь дерьмо вляпаешься.

Суки.

Ладно. У меня накопилось несколько вопросов к этому бравому генералу по фамилии Жеребцов, я только ждал, когда он слегка очухается. Он стоял, прислонясь к своему силуэту, скорчившись в три погибели: правую руку, отсушенную после того, как я выбил из нее «Макарова», сжимал между ляжками, а левой держался за ухо — между пальцами сочилась кровь. Наконец вроде бы начал соображать, на каком он свете. Я уже хотел задать ему первый

вопрос, но в этот момент ко мне обратился Артист.

Вообще-то он был лейтенант Семен Злотников, но все называли его Артистом: мужика призвали со второго или третьего курса то ли Шукинского, то ли ГИТИСа, каким-то боком оказался в училище ВДВ, дело у него неожиданно пошло — да так, что через полгода после училища он уже получил лейтенанта и оказался в моей команде. И вопросов у меня к нему не было: очень грамотно работал. Сноровки еще, правда, не всегда хватало, но это дело наживное. Главное: нутром совпал с нашим делом. А это нечасто бывает. Другой, бывает, вроде и тренированный малый, во всех делах натасканный, растяжка, как у Брюса Ли, из двух автоматов на бегу сажает пуля в пулю, чего еще? А нутром не совпадает. Я таких к себе никогда не беру. Раза два прокололся, чутьем угадываю. Такого взять — себе дороже. В операции либо сам подставится, либо еще хуже — других подставит. Артист не такой был. Не знаю, получился бы из него второй Смоктуновский, но спецназовец получился. Впрочем, артист, наверное, из него тоже был бы неплохой, если бы он доучился. Верно говорят: если человек талантливый, то он во всем талантливый. Единственное, что меня в нем раздражало, — это его привычка к уставному обращению. Кайф какой-то он через это пижонство ловил. Как гусары раньше звенели шпорами. Или как морская пехота выпендривается со своими кортиками.

Вот и теперь Артист повернулся ко мне и сказал:

— Товарищ капитан!

— Ну? — отозвался я.

— Товарищ капитан, там...

— Ложись! — рявкнул Боцман, он же старший лейтенант Дмитрий Хохлов. Вот он-то как раз пришел к нам из морской пехоты — потому и Боцман, хотя на самом деле боцманом никогда не был.

Ну, о таких вещах нас два раза просить не надо. Мы с Артистом одновременно плюхнулись в сухое овечье дерьмо, а сам Боцман блохой стебанул в сторону, дав на лету короткую очередь поверх глинобитного дувала. И еще с земли я увидел, как на дувале повис какой-то борец за независимость доблестной Ичкерии, а из его рук на землю по эту сторону дувала вывалилась американская скорострельная «М-16». Где они, подлюки, берут такие винтовки?

Я встал и отряхнул со своего добела выгоревшего хабэ остатки овечьей жизнедеятельности.

— Ну? — спросил я Артиста. — Что ты хотел мне сказать?

— Да это и хотел. Мне показалось, что там мелькнул кто-то.

— Артист, твою мать! Какое счастье, что я не гвардии генерал-полковник!

— Почему? — задал он идиотский вопрос.

— Да потому! Пока ты выговаривал бы мое звание, этот «дух» из всех нас мозги бы вышиб!

— Виноват, товарищ капитан.

— Отставить! — заорал я. — Пастух! Понял? Пастух. Повтори!

— Как-то неудобно.

— Ничего неудобного! Фамилия у меня Пастухов. Дед был пастухом. И отец. И я сам после школы коров пас. И еще, может быть, придется.

Надо же, как в воду глядел!

— И как раз очень удобно, — продолжал я. — Потому что Пастух произносится в три раза быстрее, чем «товарищ капитан». На секунду как минимум. А за секунду знаешь, что может случиться?

— Все, — согласился Артист. — Больше не повторится... Пастух.

— Так-то лучше, — одобрил я и обратился, наконец, к генералу: — Товарищ генерал-майор, не будете ли вы любезны объяснить нам, что происходит?

Он уже пришел в себя и начал раздуваться от дерьма.

— Вы пойдете под трибунал! Вы не выполнили боевой приказ! Я возразил:

— Мы получили приказ уничтожить бандформирование, обнаруженное вашей службой в ущелье Ак-Су. Там вон! — кивнул я за его спину, где за гребнем, далеко внизу, по дну ущелья протекал жидкий ручеек под названием Ак-Су, который, как говорили, во время таяния снегов превращается в ревущий поток. Но время таяния уже прошло. — Мы это сделали. Два боевика убиты, остальные восемь обезоружены и связаны. Лежат там сейчас рядком.

— Вам было приказано уничтожить бандитов, а не связывать их! Для этого вам был выделен БТР, миномет и гранатометы!

— Кроме десяти чеченских боевиков там оказались и восемь наших. Их захватили боевики, обезоружили и тоже связали. Мы не могли в этих условиях использовать миномет и гранаты.

— Какие наши?! — завизжал он. — Там нет никаких наших!

— Это по-вашему, — сказал я. — А мы их своими глазами видели. Капитан медицинской службы и с ним еще семь человек. В нашей форме, только без знаков различия. И все без документов.

— Дурак ты, капитан! Это не наши, а их боевики, переодетые в нашу форму!

Я все еще старался разговаривать вежливо, хотя это становилось все труднее.

— Прошу прощения, генерал. Академию Генштаба я, конечно, не кончал, но отличить чеченца от русского все же могу. Все эти восемь — русские. И даже если они работали на чеченцев, зачем боевикам нападать на них и обезоруживать? Я по радию доложил обстановку и попросил срочно прислать транспорт и солдат, чтобы вывезти всех в наше расположение. Вместо этого являетесь вы со своими мордоротами и без всяких объяснений укладываете нас в овечье дерьмо. Да еще и целите из своей пукалки мне в голову. Это что, нынче такие шутки у вас в ходу?

— Отставить разговоры! — прикрикнул он. — Я даю вам последний шанс избежать трибунала. Немедленно выполняйте приказ!

Тут уж я не выдержал:

— Но там же наши! Ты что, идиот? Не слышал, что я сказал? За этот приказ ты пойдешь под трибунал, а не я!

— Капитан Пастухов! Вы обращаетесь к старшему по званию!

— Да пошел бы ты знаешь куда, — вежливо сказал я ему.

— Ладно, — кивнул он. — Мы сами выполним этот приказ. Прикажете освободить моих людей и вернуть им оружие!

— Ага, разбежался! — сказал я ему. По моему знаку Артист собрал их модернизированные «калаши» и отволок к БТР, а Муха (лейтенант Олег Мухин, я нашел его в ставропольской бригаде совершенно случайно и сумел всеми правдами и неправдами перетащить к себе) развязал наших непрошенных гостей и кинул их ремни им на колени.

— А теперь, генерал, берите азимут сто семь и дуйте вдоль Ак-Су, имея солнце в правом глазу. Через тридцать два километра — наш блокпост. И постарайтесь не нарваться на «духов», мне почему-то кажется, что ничего хорошего вам эта встреча не принесет.

Генерал подождал, пока его орлы заправят ремни и подтянут штаны, и решительно направился к «лендроверу». Но возле него, лениво прислонясь спиной к заднему борту, уже стоял Трубач, старший лейтенант Коля Ухов, и поигрывал американским револьвером кольт-коммандер 44-го калибра, который казался детским пугачом в его огромной лапище. Этот кольт он добыл в одной из операций, когда мы вызволяли в Грозном двух американских журналистов, захваченных дудаевцами (Дудаев был тогда еще жив). Журналистов охраняли чеченцы вместе с турками и иранцами. У одного из них и был этот кольт. Коля как вцепился в него, так и не расставался — даже ночью совал под подушку. Боялся — уведут. И пытались. По-всякому. То начальство приказывало сдать трофейное оружие, то свои пробовали выменять или даже купить. Уж больно хороша была игрушка. Начальству Коля заявил, что кольт он положит на стол вместе с рапортом об увольнении (он был контрактником), а всем показал огромную дулю. Когда кто-то притащил в офицерский клуб видеокассету с фильмом «Грязный Гарри», где Клинт Иствуд играет крутого копа с такой же устрашающей пушкой, Колю даже начали называть Грязным Гарри. Но прозвище не привилось, так и остался он Трубачом. А потому Трубачом, что когда-то закончил музыкальное училище по классу духовых, играл на всем, во что нужно дуть. И хотя больше всего любил саксофон, Трубач — это было проще. И короче. Так и прилипло.

Так вот, он стоял у «лендровера» и вертел на указательном пальце правой руки любимую свою игрушку, а сам вроде бы даже любовался высокими перистыми облаками и низко над землей пролетающими стрижами. К непогоде примета. Но облака были красивые, белоснежные и прозрачные. Как кисея, фата невесты.

Генерал остановился перед ним и приказал:

— Прочь с дороги!

Трубач даже глаз от облаков не оторвал, только кольт в его руке замер, как впаянный в ладонь, и сухо щелкнул взведенный курок.

Очень убедительно прозвучало. Генерал даже растерялся и оглянулся на меня.

— Да, именно так, — подтвердил я. — Ваш «лендровер» может нам пригодиться. А вам придется топтать пехом. Это полезно, жирок растрясете.

— Но если нас захватят...

— Мы вас освободим, — успокоил я его.

— Но если убьют...

— Мы похороним вас со всеми почестями.

Он, видно, понял, что спорить со мной бесполезно, кивнул своим и зашагал по азимуту 107, имея солнце в правом глазу. Когда они отошли метров на десять, я окликнул его:

— Генерал! А свой портрет не хотите захватить? — Ствол «калаша» я показал на калитку овчарни. — Хороший, по-моему, портрет. И выполнен в нетрадиционной манере. Может, вас смущает, что он без подписи? Так это мы сейчас исправим.

Двумя короткими очередями я нарисовал в нижнем правом углу калитки свои инициалы: «С» и «П» (Сергей Пастухов). Немного подумал и после каждого инициала поставил по точке. Калибром 7,62.

— Вот и авторская подпись на месте. Повесите у себя в кабинете или в гостиной на даче. Будете сами любоваться и рассказывать внукам о своих геройских делах. А?

Но он, похоже, не одобрял авангардистов. Предпочитал, видно, классическую манеру живописи. Поэтому молча повернулся и зашагал со своими кадрами в заданном направлении.

— Не ценится в наше время искусство, — с сожалением констатировал я.

Ладно. Теперь нужно было разобраться с нашими пленниками. Что-то с ними было не то. Иначе с чего бы этому генералу-ублюдку так беситься?

— Артист, Боцман, Муха — остаетесь здесь, — приказал я. Красная ракета — сигнал тревоги. Форс-мажор — две красных. Отбой — зеленая. Остальные за мной!

Мы начали ссыпаться по крутому каменистому откосу на дно ущелья. Ловчее всех получалось у Тимохи. Он был верткий, как обезьяна, прыгал кузнечиком с одного каменного выступа на другой. Ничего удивительного — каскадер. На «Мосфильме» когда-то работал. Лейтенант Тимофей Варпаховский. Тимоха в нашей команде был единственным, к кому никакое прозвище не приклеилось. «Каскадер» — слишком длинно. А как еще? Так и осталось: Тимоха.

Трубач спускался по крутому откосу, как молодой слон. Не опасался, видно, что к месту назначения прибудет с голой задницей. Мне как-то жалко было свои заслуженные штаны, я старался цепляться за кустики. Хуже всего дело шло у Дока. Неудивительно — ему было уже тридцать пять. Не вечер, но мышцы все же не те. Не совсем те. Док был, как и я, капитаном. Прозвище его к нему пристало по делу. Он в самом деле был врачом, хирургом, закончил Военно-медицинскую академию, с самого начала чеченской кампании работал в полевом госпитале. Однажды их обложили дудаевцы. Док, как рассказывали, вынул пулю из плеча какого-то бедолаги, велел ассистентке наложить швы, а сам, как был, в зеленом халате и в зеленой хирургической шапочке, не снимая с рук резиновых перчаток, взял из-под операционного стола свой «Калашников» и за двадцать минут перебил человек пятнадцать нападавших. Причем укрыться там было практически негде — три палатки да две санитарные машины. Темноту, правда, он задействовал очень грамотно.

Когда мы подоспели на выручку, делать там было уже нечего. Я прямо обалдел, когда утром

проанализировал ситуацию. И главное — ничему он специально не учился, ни на что такое его никто не натаскивал. Нутро было соответствующее. И тут я понял, что наша команда без него существовать просто не может. Да и врач в такой группе, как наша, а тем более хирург, — человек далеко не лишний. Я предложил ему перейти к нам. К моему удивлению, Док легко согласился — видно, и сам чувствовал, что не хирургом родился. И с тех пор не пропустил ни одной нашей операции. И как заговоренный — без единой царапины. Мы, правда, его подстраховывали, но и сам он работал очень даже грамотно и быстро набирал хватку. Возраст, конечно, был не тот, чтобы из него получился такой скорохват, как Боцман или Трубач. Но зато у него было еще одно золотое качество, которое по-настоящему я оценил лишь позже. Он был не просто добродушным человеком, но еще и как бы умиротворяющим. В его присутствии на корню засыхали мелкие стычки, готовые вспыхнуть между нашими же ребятами, — а это бывает, когда люди подолгу на нервном пределе. Он любил нас, как младших братьев, а мы любили его. Такой вот он был, наш Док — капитан медицинской службы Иван Перегудов.

Когда мы спустились, наконец, на дно ущелья, все там оставалось таким же, как час назад, когда, заметив приближающийся «лендровер», нас вызвал красной ракетой оставленный наверху, на стреме, Артист. Рядком лежали спеленутые боевики, поодаль — наши, все восемь, тоже связанные. Два трупа мы оттащили в сторону и прикрыли каким-то рваньем.

Наших мы не то чтобы не успели развязать, на это времени хватило бы, но что-то помешало мне это сделать сразу. Не знаю что. Понятия не имею. Внутренний голос. А своему внутреннему голосу я привык доверять.

Трубач встал в сторонке со своим кольтом и «Калашниковым» на плече — страховал. Тимоха — с другой стороны. Док принялся осматривать вещи наших — какие-то сумки, вроде спортивных, коробки с ручками — как автомобильные холодильники, только светло-желтого цвета. А я подсел к их старшему.

— Кто вы? — спросил я.

— Капитан медицинской службы Труханов. Прикажите нас развязать.

— Сейчас развяжем, — пообещал я. — Что за люди с вами?

— Моя команда, медики.

— Почему у вас нет документов?

— Мы выполняем особое задание командования.

— Мы тоже выполняем особое задание, но документы у нас есть.

— У нас задание максимальной секретности.

— Какое?

Он даже позволил себе повесить голос:

— Вы что, не поняли, что я сказал? Задание сверхсекретное!

Ему было лет сорок. Мужик как мужик. Лицо круглое, сильно обветренное и загорелое, как у людей, которые все время проводят под открытым небом. Нормальный вроде мужик, но чем-то он мне не нравился. Гонор — само собой. Но что-то еще было. Взгляд бегающий какой-то. С

чего бы?

— Кому непосредственно вы подчиняетесь? — спросил я.

— Этого я не имею права вам сказать.

— Тогда скажите то, на что имеете право.

— Я ни на что не имею права. А если будете продолжать свой допрос, пойдете под трибунал!

— Что-то больно часто сегодня у нас идет речь о трибунале, — заметил я. — Вы — второй, кто мне этим грозит. Всего за сорок минут.

— Вы развяжете меня, наконец, или нет?

— Пока — или нет. Не выступайте, капитан. Если бы мы не появились здесь, эти сыромятные ремешки были бы у вас не на руках и ногах, а на горле. Вам не кажется, что со своими спасителями следует обращаться поделикатнее?

Он хотел что-то ответить, но в этот момент меня окликнул Док:

— Сережа, взгляни-ка, что я тут нашел!

Док был единственным, кто не признавал прозвищ, а обращался ко всем по имени: Сережа, Сеня, Дима, Олежка. В обычное время, конечно. На операциях — там другое дело. Там не назовешь Трубоча Колюней — он просто не поймет, что это к нему обращаются.

Я оставил капитана Труханова обдумывать ответ, а сам подошел к Доку. Он сидел на корточках возле разворошенной спортивной сумки.

— Что же ты нашел?

— Вот — рация.

— Понятно, рация. По ней они, видно, и вызвали помощь, когда увидели, что попали в засаду.

— А вот эта штука поинтереснее.

Он показал мне какой-то термос не термос, но что-то вроде термоса — только не с плоским дном, а с заваленными углами.

— Что это такое? — спросил я.

— Это называется «сосуд Дьюара». В таких сосудах хранится сжиженный газ, обычно азот. При температуре, если мне не изменяет память, минус двести восемьдесят шесть градусов. Подставь ладонь.

Я подставил. Док нажал какую-то кнопку, из носика вылетела белесая струйка, и я ощутил, как мою руку словно бы ожгло кипятком.

Я судорожно зачесался, одновременно сообщая Доку все, что думаю о его манере разьяснять командиру научные вопросы.

— Ничего страшного, — успокоил меня Док. — А вот если подержать руку под такой струей

минуту-другую, она остекленела бы и при ударе разлетелась, как ледышка.

— Только не доказывай! — прикрикнул я, на всякий случай убирая руки. — Я тебе и так верю. На хрена им этот Дьюар?

— Вообще-то он применяется в медицине для быстрой заморозки тканей. Живых тканей.

— А на кой черт их замораживать, если они живые?

— Чтобы сохранить жизнедеятельность. Например, при трансплантации органов, когда почку погибшего человека вживляют больному. При определенном температурном режиме жизнеспособность почки может сохраняться достаточно долго.

— Что все это значит? — спросил я.

— Полагаю, это мы сейчас выясним.

Док положил сосуд Дьюара в сумку и взялся за коробку, похожую на автомобильный холодильник.

Его остановил крик капитана Труханова:

— Не прикасайтесь к термостату! Я вам приказываю от имени командования: отойдите от термостата!

Лицо капитана было перекошено — то ли от гнева, то ли от страха. Но если тут еще можно было гадать, то выражение лиц остальных семерых не вызывало вопросов: в них был нескрываемый ужас.

— Эй, капитан, поды суда! — окликнул меня от группы чеченцев какой-то рыжебородый мужик с зеленой исламской перевязью на голове. — Говорю, поды! Важный дэло скажу!

Ну, почему бы и нет. Я подошел.

— Я — полевой командир Иса Мадуев, — назвался он. — Я тебя знаю. Ты от меня у Чойбалши еле ушел.

— Привет, Иса! — сказал я. — Какая приятная встреча. Только ты все перепутал: это ты от меня еле ушел, а не я от тебя.

Но его сейчас волновало другое — и как я понял, не на шутку. Он показал своей рыжей бородой в сторону капитана Труханова и его медиков.

— Эти люди — очень плохой люди. Очень, очень плохой!

— Зато ты очень хороший. Это ты хочешь сказать? — спросил я.

— Ты слушай, что тебе говорит старший человек! Я тебе говорю: это очень плохой люди, они у мертвых глаза вырезают!

— И уши обрезают — тоже они? И животы вспарывают? И головы отрубают? И кожу сдирают? Иса помрачнел.

— Это — гнэв моего народа, — хмуро объяснил он. — Нэт плотины его сдержатъ. И люди —

совсем другой люди! Мы следили за ними восемь дней. Фотографии делал, скрытно, телевиком. На камеру снимали, тоже скрытно, издалека. Не веришь мне? Посмотри в той сумка, сам увидишь. Там отпечатанные снимки есть, негативы есть, пленка в камера есть. Они не только у наших глаз брал, кровь брал, у русских тоже брал. Сам смотри, своими глазами смотри!

Я не заставил себя упрашивать. Быстро распотрошил содержимое хурджума, на который показал Иса. В нем действительно было три фотоаппарата с полуметровыми телеобъективами, японская видеокамера с крошечным монитором, с десятков непроявленных пленок и штук двадцать крупных снимков. Я перебрал снимки, и мне едва плохо не стало — на каждом из них, где отчетливо, а где не слишком, но было одно и то же: эти медики во главе со своим капитаном колдуют над трупами, лица прикрыты марлевыми полумасками, на руках хирургические перчатки, а в пальцах — то скальпель, то что-то вроде ножниц, то пила вроде маленькой ножовки. На двух снимках было отчетливо видно какое-то приспособление, похожее на аппарат переливания крови, — посмотрелся я на такие с год назад, когда валялся в госпитале после ранения.

Подошел Док, молча просмотрел снимки. Потом мы кое-как разобрались в кнопках на камере, отмотали назад пленку и дали запись на встроенный монитор. Тут я уже просто смотреть не мог. Силой заставлял себя не отрывать взгляда. Там было то же самое, что на снимках, только в цвете. Док вполголоса комментировал:

— Удаление роговицы глаза... Изъятие желез... Полное обескровливание трупа...

— А кровь-то зачем? — взревел я. — Роговицы — понимаю, почки — понимаю. Но — кровь?!

— Кровь мертвого человека в течение шести часов пригодна для переливания, — объяснил Док и выключил камеру. — Значит, так все оно и есть. У меня приятель работает в спецлаборатории экспертом. Вместе в академии учились. В этой лаборатории занимаются опознанием трупов. Еще с полгода назад он рассказывал: начали время от времени поступать трупы с профессионально удаленными роговицами глаз, железами, полностью обескровленные. Ясно: кто-то охотится за человеческими тканями. Думали — они, — кивнул он на боевиков. — Оказывается — нет, не они. Что же это такое, Сережа?!

— Зачем вы за ними следили? — спросил я у Исы. — Что вы хотели сделать со снимками и пленкой?

— Мы хотели передать все людям из ОБСЕ. Вместе с ними. Устроить большая пресс-конференция. Мы хотели сказать всему миру: не чеченцы — звер, а русские — хуже звер. Если ты честный человек, капитан, сделай так. Скажи всем. Такой не должен быть. Никогда. Ваш Бог говорит: так нельзя. Аллах говорит, так нельзя. Сделаешь?

Я лишь пожал плечами.

— Иншалла, — сказал я, имея в виду не высокое звучание этих слов: «На то будет воля Аллаха», а вполне бытовое: «Как получится».

— Аллах акбар! — ответил мне полевой командир Иса.

Мы с Доком выгребли из хурджума все пленки и снимки. Кассету из видеокамеры вытащить не получилось, пришлось брать кассету вместе с камерой. На обратном пути Док приостановился и открыл крышки всех пяти термостатов. Я даже заглядывать в них не стал, только махнул рукой:

— Закрой!

— Бесполезно. Терморезим уже нарушен, ткани непригодны к употреблению.

И просто захлопнул крышки, не защелкивая.

Мы подошли к капитану Труханову и выложили перед ним фотографии.

— Это и есть твое сверхсекретное задание? — спросил я.

Он не ответил.

— От кого ты его получил? Он продолжал молчать.

— Ладно, — сказал я. — Когда вы обнаружили засаду?

— Около полудня.

— И сразу связались по радиации со штабом?

— Да. Они обещали срочно прислать помощь.

— Кто именно?

— Этого я сказать не могу.

— Тогда я скажу. Генерал-майор Жеребцов.

— Откуда вы знаете?

— От верблюда. В двенадцать десять мою группу подняли по тревоге, доставили на ближайший к этому месту блокпост, дали БТР и под завязку — мин и гранат. Приказ был: уничтожить бандформирование в этом ущелье, засыпать минами.

— Но он же знал, что мы здесь!

— Поздравляю, начинаешь соображать. Когда мы стреножили Ису и его джигитов и нашли вас, я сообщил об этом по радиации в штаб, потребовал срочно транспорт и солдат, чтобы доставить всех к нам. Вместо них через час прикатил сам генерал и потребовал, чтобы я выполнил ранее полученный приказ.

— Но он же знал, что мы здесь! — с отчаянием повторил этот трюханый капитан.

— Старый ты выродок! — проговорил я. — Как же у тебя рука поднялась на такое?

— Приказ есть приказ. Приказы не обсуждают, а выполняют.

— Вот ты и выполнил. Но что-то я сомневаюсь, что тебе дадут Звезду Героя.

— Что вы собираетесь сделать?

— То, что и собирался. Доставить всех вас в штаб. Только не к Жеребцову, а в штаб армии. Пусть они и думают, что теперь с вами делать. Сейчас мы выведем вас наверх...

Я не успел договорить. Послышался приглушенный хлопок, и над Ак-Су повисла красная

ракета. И тут же — еще две, подряд. Это был даже не форс-мажор, а что-то еще серьезнее. Спускались мы минут пятнадцать, а тут взлетели на гребень минуты за три, не больше. И вовремя.

— Пастух! — истошно завопил Артист из-под БТРа и отчаянно замахал рукой. И только мы успели втиснуться между гусеницами, как со стороны солнца на нас спикировал вертолет и по броне прогрохотали пули крупнокалиберного пулемета.

Вертолет заложил вираж и пошел на второй боевой заход. Пока пулеметная очередь буравила камни и дувал овчарни, я высунулся на полсекунды и увидел, как в открытом люке вертолета к пулеметной турели припал генерал-майор Жеребцов и поливает на все деньги, при этом, возможно, что-то крича.

— Как они могли так быстро обернуться? — удивился я.

— Наверное, рация у них была, — предположил Боцман. — Отошли километра на два и вызвали вертолет.

«Вертушка» уже делала третий заход. На наше счастье, вертолет был легкий, транспортный, без пушек и ракет, а то все мы давно уже плавали бы в небе вместе с обломками БТРа. Не целиком, конечно, плавали, а частями. Третий заход мы спокойно пересидели под укрытием бронированной туши БТРа, а на четвертый Трубач выдвинулся из-за боковины, вскинул свой «кольт-коммандер» и выстрелил три раза подряд по этой злобной, ревущей двигателем и плюющейся трассирующими очередями стрекозе. И вроде попал. Или мне показалось?

— Фонарь я ему высадил, — сообщил Трубач, усовываясь под бронетранспортер и вкладывая в барабан новые патроны вместо истраченных. — Упреждение слишком большое взял. Сейчас будет нормалек.

И он занял выжидательную позицию.

Но пятого захода не последовало. То ли Трубач действительно разбил смотровой фонарь, то ли Жеребцов понял, что пулеметом нас из-под БТРа не выковырнешь. Вертолет заложил обратный вираж и ушел к западу, растаял в лучах склоняющегося к закату солнца.

Я кубарем выкатился из-под БТРа.

— Ребята, ходу! Сейчас здесь будут «Черные акулы». Заводи БТР! — крикнул я Тимохе, который у нас был самым большим спецом по всему, что двигалось, — от мотоцикла до танка. Вторым таким после него умельцем был Боцман.

— На БТРе не уйдем, — возразил Тимоха. — Мишень. С первого же захода возьмут. Все в «ровер»! — скомандовал он.

— А в «ровере» уйдем? — спросил я, переваливаясь через борт круто разворачивающейся машины.

— Он хоть верткий!

Тимоха оглянулся, чтобы убедиться, что все сели, и дал по газам, только щепень брызнул из-под колес.

По моим прикидкам у нас было минут тридцать или тридцать пять форы: пока «акулы»

поднимутся, пока дотряхают до квадрата 17-25, пока раздолбают БТР и будут прочесывать окрестности, отыскивая нас. Полный резон был, конечно, напрямик двинуться на запад, к нашим блокпостам. Всего тридцать два километра. И уже оттуда послать какой-нибудь транспорт, чтобы забрать повязанных боевиков и наших «медиков». Но простые решения — далеко не всегда лучшие решения. Это я уже давно хорошо усвоил. А что, если этот ублюдочный Жеребцов выставит там своих и нас встретят шквальным огнем? Не исключено. Совсем не исключено. Учитывая важность информации, которая у нас была. Даже если Жеребцов усомнится в том, что мы сумели ее получить. Это не американский суд, где сомнения толкуются в пользу обвиняемого. Ему надо чистым, как стеклышко, выйти из этого грязного дела, а для этого он не остановится ни перед чем.

Второй момент был такой: если мы двинем на запад, то окажемся на курсе «акул» уже через четверть часа. И тут — туши огни.

Оставалось одно направление — на восток. Весь этот район контролировался боевиками. Но встреча с отдельными группами нас не очень волновала. То ли встретим, то ли не встретим. Зато, судя по карте, там были лесополосы и мелкие овраги. Если бы удалось добраться до них и спрятать там «ровер» до темноты — лучшего и не придумать. Ночью мы бы вышли к своим без проблем. На худой случай — километрах в двадцати пяти там был мост через ущелье Ак-Су. Метров сто длиной. Легкий, тяжелая техника там не пройдет, а «лендровер» проскочит запросто. Эту сторону моста охраняли чеченцы, а другую — наши. Можно было бы попытаться прорваться.

Я в трех словах изложил ребятам свои соображения, и мы рванули на восток. «Ровер» швыряло на бездорожье так, что приходилось обеими руками держаться за скобы, — иначе выкинуло бы из машины, как пустую бочку из кузова грузовика. Так мы двигались минут десять, а потом услышали надвигающийся сзади свист реактивных двигателей. Но это были не «Черные акулы». Это были три истребителя-бомбардировщика «Су-25». Этот сучий Жеребцов решил, видно, что не стоит терять времени с боевыми «вертушками». И может быть, был по-своему прав. Для нас это было и хорошо, и плохо. От «акул», конечно, трудней уворачиваться. Но и под ковровое бомбометание попасть — тоже не сахар.

Я тронул Тимоху за плечо, показал назад. Но он уже и сам все понял и заметно сбавил скорость. Я не уловил смысла, но Тимоха всегда знал, что делает.

Из самолетов нас, конечно, давно заметили, но неожиданно ведущий сменил курс, его маневр повторили и оба ведомых. Они прошли над ущельем Ак-Су, затем резко взяли вниз и скрылись за каменистой гривкой. А еще через минуту показались вновь. И там, где они только что прошли, вспухло огромное багрово-черное пламя, не вместившееся в широкий проран ущелья и перевалившее за его откосы.

— Напалм! — прокричал Артист.

А чего тут кричать. Ясно, что напалм. Суки. «Не применяем, не применяем, международные конвенции! Суки». И ясно было, и к бабке не ходи, что проблема Жеребцова с его засекреченными медиками и джигитами Исы Мадуева решена, и довольно кардинальным образом. Теперь они примутся за нас.

И они принялись. Единственная крошечная наша надежда была только на то, что напалма у них больше нет. И, кажется, она оправдалась. В первый заход они полили нас из пушек. Причем атаковал только один самолет, а два других шли за ним в верхнем эшелоне. Решили, видно, что с нас и одной «сучки» хватит. Но плохо они знали, с кем имеют дело. Точно в ту

секунду перед тем, как нас должен был разнести в клочья первый же снаряд — ни полсекундой раньше, ни полсекундой позже, — Тимоха резко крутанул руль, дал на полную, и «ровер» словно бы отпрыгнул метров на пятьдесят в сторону. Первый снаряд разорвался точно в том месте, где мы только что были, а остальные перепахали плоскогорье не меньше, чем на километр, прежде чем стрелок сообразил, что тратит боезапас впустую.

Это, видно, летунов разозлило. Они сделали боевой разворот, причем не кругом, а через мертвую петлю, и вышли на нас уже втроем, сомкнутым строем. Тут уж в сторону не отпрыгнешь. Тимоха зачем-то снова сбросил скорость. Он висел над рулем обезьяной, а спина словно бы превратилась в одно огромное ухо. И в какой-то Момент, когда свист реактивных двигателей стал нестерпимым, рванул машину вперед, мгновенно дернул ручник и, выкрутив рулевое колесо резко влево, дал полный газ и тотчас отпустил ручник. «Ровер» развернулся на месте и понесся в обратную сторону — словно бы нырнул под пушки наших доблестных асов. И уже не одна, а три снарядные борозды пропахали каменистую землю Ак-Су.

Ну, тут они уже просто взбесились. Вот сейчас и будет ковровое бомбометание, понял я. Да и все поняли. Но и Тимоха не позволил себе расслабиться. Пока истребители выстраивались на очередной боевой заход, он неожиданно свернул с довольно ровного плоскогорья и погнал «ровер» к торчавшему метрах в ста в стороне каменному зубу. Ямы по пути были такие, что я ждал: вот-вот разлетится шасси. Но «ровер» был сделан на совесть, недаром генералы его любили. На последней яме мы просто каким-то чудом не перевернулись, метров десять шли на двух колесах, но успели притиснуться к восточной стороне зуба как раз в тот момент, когда из всех трех «Су» посыпались мелкие фугасные бомбы, и от пыли, земли, от поднятых на десятки метров вверх камней стало темно, как во время солнечного затмения. Одна из бомб угодила точно в верхушку зуба, разнесла его в клочья, на полметра бы в сторону — и уже все проблемы этого генерала-подонка были бы благополучно разрешены, точно бы в «ровер» врезалась. Но и на этот раз нам повезло. На машину обрушилась лавина камней, земляных комьев и щебня; камни падали довольно увесистые, меня неслабо долбануло по темечку, Боцману, как я успел заметить, тоже обломилось булыжиной по плечу.

Эти три «сучки» еще раз прошли над нами, явно оценивая результаты своей работы. Представляю, какой мат стоял в их ларингофонах, когда они увидели, что все их старания дали нуль-эффект. Если бы у них оставались бомбы, они наверняка устроили бы нам еще один ковер. Но это были «Су», а не тяжелые бомбардировщики, бомбовые отсеки у них уже опустели. Можно было, конечно, попытаться достать нас пулеметами, но укрытием от пулеметов нам могла служить каждая яма, а их тут, слава Богу, было навалом. Ракет же на их фюзеляжах не было, не прицепили — решили, видно, что мы не та цель, на которую стоит тратить эти дорогие игрушки класса «воздух—земля». Так что пришлось им умыться и в таком вот умытом виде возвращаться на базу. Они наверняка сразу же связались со штабом, и следующим номером нашей программы теперь уж наверняка были «Черные акулы». Я будто своими глазами видел, как экипажи «акул», поднятые по боевой тревоге, несутся по аэродромной бетонке, на ходу натягивая шлемы, и как начинают раскручиваться лопасти их тяжелых машин.

Твою мать. Мечты, мечты, где ваша сладость? Ухнули наши мечты отсидеться в какой-нибудь рожице или в складках местности до темноты. Нужно было срочно прорываться к своим. Путь был только один — через мост. И на все про все нам отпущено не больше сорока минут. А может, и меньше.

Срывая до крови ногти и кожу на ладонях, мы разгребли завалы перед «ровером» и повыкинули камни и землю из кузова. Пока Тимоха выруливал из пересеченки на более-менее ровную гривку вдоль ущелья, очистили от грязи «Калашниковы» — и наши, и те, что мы забрали у жеребцов генерала Жеребцова. Досадно, конечно, что не успели поднять наверх

автоматы бойцов Исы и этих долбанных медиков, но стволов у нас и так хватало. И магазинов к ним тоже. Нам одного только сейчас не хватало — удачи. Чуть-чуть не хватало, самой малости.

Удачей нас сегодня Бог не обидел, грех жаловаться. И боевиков Исы Мадужева взяли чисто, и с Жеребцовым разобрались, и от «Су» увернулись. Но осталась ли еще хоть крошка от лимита удачи — хоть пара капель на донышке? Так вот иногда в горячем деле мучительно соображаешь: хоть пара-тройка патронов в магазине твоего «калаша» еще есть или все, финиш? И ведь пока не выстрелишь, не узнаешь.

Но лимит вроде мы еще не весь выбрали — к мосту мы подъехали довольно быстро и остались при этом незамеченными. Патруль у моста был небольшой — человек пять. Они сидели у небольшого костерчика и курили, отложив в сторону свои автоматы. Правда, въезд на мост преграждал поставленный поперек грузовик. Это было хуже, с ходу не прорвешься. Но и обратного пути у нас не было — вот-вот должны появиться «акулы».

Тимоха оглянулся на меня. Я кивнул: начинаем. Никаких приказов мне отдавать не пришлось, все и без меня знали, что делать. На широкое переднее сиденье втиснулись Муха и Боцман, пристроились поудобнее, положив стволы на нижнюю рамку лобового стекла. Благо, самого стекла не было — его разбило камнями. Мы с Доком скорчились по правому борту, а Артист и Трубоч — на левом. Артист был левшой, ему это было в масть, а Трубочу без разницы — он и с левой, и с правой руки навскидку жало у осы отстреливает.

Тимоха газанул, «ровер» рванулся к мосту. Те, у костра, услышали нас метров за сто. Повернули головы и начали вглядываться, недоумевая, что бы это могло быть. С тыла они опасности не ожидали. Когда мы были уже метрах в пятидесяти, они начали медленно подниматься, в тридцати — суматошно похватили свои автоматы. Но было уже поздно. Двумя короткими очередями Муха и Боцман уложили всех пятерых вокруг костра. «Ровер» резко затормозил перед грузовиком, Тимоха соскочил с водительского сиденья и залег с «Калашниковым», страхуя нас, а мы вшестером навалились на «зиллок», пытаясь откатить его в сторону. Хрена с два — ни с места. Муха метнулся в кабину, снял «зиллок» со скорости и с ручника. Теперь он легко пошел, но секунды четыре мы потеряли. Я обложил себя предпоследними словами, но что толку? Удача — барышня капризная, небрежности она не прощает. И точно: только мы собрались попрыгать в «ровер», как из блокпоста, стоявшего метрах в тридцати от моста, высыпало не меньше двух десятков «духов», и такая пальба пошла, что нечего было и думать уходить на «ровере». У них тоже стрелки были не из последних, а битком набитый открытый джип — лучше цели и не бывает. Так что пришлось нам распластаться под прикрытием грузовика и железных мостовых ферм и уйти в глухую оборону. Под нашим огнем они тоже залегли и начали короткими перебежками брать мост в полукольцо.

Худо дело. Продержаться мы могли столько, на сколько хватит патронов. А этого добра у них было намного больше. Прорваться к ним в тыл — нечего было и думать, с блокпоста подвалило еще человек десять. Скатиться в ущелье Ак-Су — тоже не выход. Пока мы будем пластаться по крутым откосам, они с моста выбьют нас поодиночке, как на учебных стрельбах.

Был только один выход. Плохой, но другого не было.

Тимоха оглянулся, крикнул мне:

— Валите по одному! Я прикрою. Потом прикроете меня.

Это и был тот самый единственный выход. Я приказал:

— Док, пойдешь первым! Пленки береги! Артист — за ним! Потом Муха, Боцман, Трубач!.. Начали!

Огнем из шести стволов мы заставили всех «духов» воткнуться носами в землю. Док двигался грамотно, от одной несущей двутавровой стойки к другой. Когда он оказался на той стороне моста, мы дали «духам» возможность поднять головы и немного пострелять, а потом повторили. Артист нормально ушел, Боцман тоже. Муху, по-моему, зацепило—в ногу, к последней ферме он уже перебежал, прихрамывая. Но все же перебежал. Трубача мы прикрывали уже только из четырех стволов: я из двух, с обеих рук, Тимоха тоже из двух. Тут очень кстати пришлось жеребцовские «калаши». Когда подошла моя очередь, я подтащил Тимохе все четыре автомата и оставшиеся магазины, положил ему под руку. Похлопал по спине. Он коротко оглянулся, кивнул: «Давай, Пастух!» И начал поливать из двух стволов без передышки.

Боевики уже разгадали наш маневр и старались стрелять прицельно. Пока я короткими перебежками и перекатами по деревянному настилу моста передвигался от фермы к ферме, пули вокруг меня так и ярились, стальные тавры и двутавры гудели от рикошетов, будто бы кто-то резко дергал гитарные струны, из-под ног летела щепка. Но мне все же удалось выскочить в более-менее безопасную зону. Ребята уже заняли позиции и ждали команды. Я пристроился за какой-то балкой и махнул рукой. Влупили в шесть стволов, не жалея патронов. И хотя пальба была неприцельной, нужный эффект произвела. «Духи» примолкли на несколько секунд, этого Тимохе хватило, чтобы прыгнуть за руль «ровера» и резко взять с места. Тут уж «духи» повскакивали и начали поливать на всю катушку. И многие поплатились за это. Далеко не далеко, но в стоящего человека даже издали можно, «ровер» уже шел по мосту, быстро набирая скорость. Еще метров сорок...

И тут вдруг средний двадцатиметровый пролет моста вздыбился от мощного взрыва и стал медленно валиться вниз. Подорвали, гады! Видно, взрывчатка была заранее уложена — как раз на случай попытки прорыва. И кто-то на их блокпосту успел нажать на кнопку. Я ожидал, что Тимоха затормозит, но «ровер» явно набирал скорость. На что он рассчитывал? С ходу перелететь через двадцатиметровый провал? Если бы хоть маленький трамплинчик был — мог бы, на трюковых съемках на «Мосфильме» он и не такое проделывал. Но трамплинчика-то не было, никакого!

Мы даже стрелять перестали. И «духи» тоже. Стояли, опустив автоматы, и смотрели.

«Ровер» пересек обрез моста и словно бы завис в воздухе. Инерция у него была что надо, но и с законом всемирного тяготения не поспоришь. Все шло к тому, что «ровер» врежется в опору моста метрах в десяти ниже настила. Но в тот момент, когда джип должен был начать терять высоту, Тимоха вскочил ногами на сиденье и резко прыгнул вверх. Так они и летели: «ровер» вниз, а Тимоха над ним, с расставленными в стороны руками. Как обезьяна, перелетающая с ветки на ветку. Или как Икар, у которого уже не было крыльев. И расчет его оправдался.

Почти.

Ему удалось вцепиться обеими руками в край поперечной балки уже на нашей стороне полета. И будь эта балка поуже, он наверняка удержался бы. Но двутавр был широкий, был наверняка в ржавчине и грязи. Пальцы Тимохи соскользнули, и он тряпичной куклой полетел вниз, вдоль опорного мостового быка. Господи, он летел целую вечность, а мы стояли на мосту, смотрели и ничего не могли сделать. Шестьдесят метров высоты. У него не было ни единого шанса. Наконец он упал на камни между остатками мостового пролета и горящим «ровером», у которого при ударе о землю рванул бензобак.

Шевельнулся и затих. Навсегда.

Лейтенант спецназа Тимофей Варпаховский.

Не сговариваясь, мы рванулись было скатиться по откосу в ущелье, но внизу из расщелины появилось человек десять боевиков, блокировавших, видно, подходы к мосту снизу; они сгрудились над телом Тимохи, потом вчетвером взяли его за руки и за ноги и быстро, оглядываясь в нашу сторону, утащили в расщелину, в которой, скорее всего, были вырублены ступеньки вверх.

Финиш.

Мы повернулись и, не обращая никакого внимания на боевиков, столпившихся на той стороне моста, пошли к нашему блокпосту, кто — закинув «калаш» на плечо, а кто и просто волоча его за ремень. Муха прихрамывал. Док остановил его, вспорол ножом штанину и осмотрел рану.

— Ничего страшного, касательное по мякоти. Сейчас дезинфицируем и перевяжем.

Въезд на мост с нашей стороны, как и с той, был перекрыт грузовиком, только здесь «КамАЗом». По бокам громоздились мешки с песком. Из-за них нам приказали:

— Стоять на месте! Бросить оружие! Руки за голову!

Мы послушно выполнили приказ. Из-за бруствера появился средних лет майор-эмвэдэшник, а с ним — человек пять солдат с автоматами на изготовку.

— Кто такие?

— Капитан Пастухов, — представился я. — Командир оперативной группы специального назначения. Вот мои документы.

Он внимательно изучил удостоверение и вернул мне, понимающе протянув:

— А-а, спецназ! То-то мы гадали: кто это там такую заварушку устроил?.. — Он кивнул в сторону моста. — Этот был ваш?

Я подтвердил:

— Наш.

— Воздух! — истошно завопил один из солдатиков.

Мы поспешно юркнули за бруствер.

С запада сначала донеслось характерное полуфыркание-полубульканье вертолетных винтов, затем на фоне заходящего солнца прорисовались три черные хищные тени. Это и были «акулы». Я удивился: неужели всего полчаса прошло? Взглянул на свои «командирские»: точно, всего тридцать две минуты. А казалось — полдня! И вторая мысль мелькнула: три «акулы», три «Су-25». Чтобы задействовать их, генерал-майором быть мало, какую бы должность этот Жеребцов ни занимал. Здесь командовал кто-то калибром покрупнее. Намного крупнее. И мне это, честно сказать, не очень понравилось.

«Акулы» прошли над ущельем и мостом туда, потом обратно, зависли, рассматривая то, что внизу: обломки пролета и догорающий «ровер», потом покрутились над чеченским блокпостом.

Кто-то из джигитов не выдержал, пальнул по ним ракетой. «Акулы» снизились и высыпали на блокпост десятка полтора фугасок, явно припасенных для нас. Потом прошли предместье из крупнокалиберных пулеметов и, довольно похрюкивая двигателями и лопастями, ушли на запад. Им было что доложить: мост взорван, «лендровер» свалился вниз и сгорел, задание выполнено. Только вот кому они это будут докладывать? Это меня сейчас интересовало больше всего.

Я сообщил майору МВД, что имею сверхважную оперативную информацию, которую нужно срочно доставить в штаб. В какой, я уточнять не стал. Он помялся, побряхтел, но свой «УАЗ» все-таки дал, только слезно просил вернуть без задержки. Я клятвенно пообещал.

— Куда? — спросил шофер, когда мы набились, как селедки в бочку, под брезентовый тент «уазика».

Я помедлил с ответом. По правилам я должен был бы явиться и доложить обо всем своему непосредственному командиру, полковнику Дьякову. Он был мужик что надо, я вполне ему доверял. Но сможет ли он что-нибудь сделать? Не поставлю ли я его в сложное и даже опасное положение, нагрузив этой информацией, источающей смерть, как клубок ядовитых гадюк? Нельзя этого делать, понял я и скомандовал водителю:

— В штаб армии!

Через час с небольшим он высадил нас на окраине Грозного и поспешил обратно, чтобы успеть добраться до своего блокпоста засветло. Внешнюю охрану мы прошли довольно легко. Сработало: спецназ, опергруппа особого назначения. А вот на входе в здание школы, где размещался командный пункт командарма и его штаб, получился полный затык. Капитан, дежуривший у входа с четырьмя солдатами, и слышать ничего не хотел: есть у тебя непосредственный начальник — к нему и иди. Я уж и так, и эдак — ни в какую. Единственное, чего я добился: он позвонил адъютанту командующего, доложил о моей просьбе и, повесив трубку, приказал мне:

— Кру-гом! И на выход. Или я сейчас вызову комендантскую роту и будешь ночевать на «губе»!

Ничего не поделаешь, пришлось привести более веские аргументы. Мы очень деликатно обезоружили капитана и его команду, связали, заткнули кляпами рты и оттащили в дежурку. Пока мы шли по широкому школьному коридору, отыскивая приемную командарма, штабные майоры и подполковники, попадавшиеся нам на пути, очень подозрительно нас рассматривали, но остановить и спросить, какого хрена нам тут нужно, никто из них не решился. Почему-то. Зато довольно молодой адъютант в звании подполковника даже в лице изменился, увидев нас на пороге приемной.

— Вы па-чему... — недоговорив, он схватил телефонную трубку. Я вырвал шнур из розетки и мирно сказал:

— Товарищ подполковник, доложите командующему, что капитан спецназа Пастухов просит принять его по делу государственной важности. — И, видя, что он не шевелится, так же мирно добавил: — Иначе, товарищ подполковник, я вышибу вам мозги. И вставить их на место будет довольно трудно. Идите и докладывайте. И оставьте в покое кобуру, вы не успеете даже достать свою пукалку.

Он дико посмотрел на меня и метнулся к двери в смежную комнату. Когда дверь за ним закрылась, Док поинтересовался:

— Сережа, а ты уверен, что выбрал верный тон для разговора с адъютантом командующего?

Я отмахнулся:

— Без разницы! Мы по уши в дерьме. Чуть больше или чуть меньше...

Обе створки двери кабинета распахнулись, на пороге появился кряжистый мужик с иссеченным крупными морщинами нестарым лицом, в камуфляже, с погонами генерал-лейтенанта. Из-за его плеча настороженно выглядывал адъютант.

Мы вытянулись по стойке «смирно».

Он с интересом оглядел нас, спросил адъютанта:

— Эти, что ли?

— Так точно, они.

— Капитан спецназа Пастухов, — представился я.

— А что, капитан Пастухов, ты и вправду грозился вышибить мозги моему адъютанту?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

— И вышиб бы?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант!

— А не врешь?

— Никак нет, товарищ генерал-лейтенант!

— Что ж, дело у тебя, похоже, действительно государственной важности. Ну, заходите.

Он посторонился, пропуская нас в кабинет. В прошлом это была, наверное, учительская или кабинет директора школы. И мебель здесь осталась старая, школьная. Только на стенах висели не географические карты и анатомические атласы, а подробные планы и схемы театра военных действий. Адъютант задернул их черной шторой.

— Докладывай, — приказал командующий, усаживаясь на хлипкий учительский стул.

Я кивнул на адъютанта:

— Пусть он уйдет.

— Не доверяешь?

— Нет.

— Очень интересно. Выйди, — приказал он адъютанту.

Когда за ним закрылись двери, Док по моему знаку выложил из сумки на стол фотографии, пленки и видеокамеру.

Командующий стал внимательно рассматривать снимки, один за другим. А я старался по

выражению его лица понять, в курсе он или нет. Если в курсе — нам всем кранты. От снимка к снимку он хмурился все больше и больше. Отложив последнюю фотографию, он спросил:

— Что это?

Не ответив, я перемотал в видеокамере пленку на самое начало и включил воспроизведение. Командарм так и впился глазами в экран монитора.

Запись длилась минут двадцать. Когда пленка кончилась, я выключил камеру.

— Докладывай, капитан. Со всеми подробностями.

«Не знал», — понял я, и у меня чуть отлегло от сердца.

Командарм слушал, не перебивая. Только когда я упомянул генерал-майора Жеребцова, он жестом остановил меня и приказал адъютанту немедленно разыскать Жеребцова и доставить к нему.

— Продолжай, капитан!

Второй раз он прервал меня, когда я привел слова Дока о том, что ему рассказал его знакомый из лаборатории по опознанию трупов.

— Соедините меня с начальником спецлаборатории номер 124! — бросил он в трубку. Дождавшись ответа, спросил: — К вам поступали группы с удаленной роговицей глаз, с вырезанными железами, обескровленные?.. С какого времени?.. Как часто?.. Это были наши солдаты?.. Спасибо, все.

Как раз в ту минуту, когда я закончил доклад, в кабинет всунулся адъютант:

— Жеребцов прибыл.

— Давай его сюда!

В кабинет бодро вошел Жеребцов. Левое ухо его закрывал внушительных размеров марлевый тампон, прилепленный лейкопластырем.

— Товарищ генерал-лейтенант, генерал-майор Жеребцов по вашему приказанию...

Тут он увидел нас, и челюсть у него так и отвисла.

— ...прибыл, — еле выдавил он из себя.

— Вольно. Что у тебя с ухом?

— В меня стрелял капитан Пастухов.

— В самом деле? — повернулся ко мне командующий.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Зачем?

— Чтобы убить, — ответил вместо меня Жеребцов.

- Почему же не убил?
- Не попал, товарищ генерал-лейтенант!
- Странные дела. Что это у нас за спецназ такой? Со скольких метров он в тебя стрелял?
- Примерно с шести.
- С шести?! — Он повернулся ко мне. — Сколько ты на стрельбах выбиваешь?
- Сто из ста.
- Из какого оружия?
- Из любого.
- С какого расстояния?
- С любого.
- Из какого положения?
- Из любого.
- И с шести метров в него не попал?
- Почему не попал, — сказал я, — как раз попал.
- Ладно... А теперь иди сюда, Жеребцов, — приказал командующий и разложил на столе снимки. — Знаешь, что это такое?
- Так точно, товарищ генерал-лейтенант.
- Твоя работа?
- Я выполнял приказ, товарищ генерал-лейтенант.
- Чей?
- Я не могу говорить об этом при посторонних.
- Почему я ничего обо всем этом не знал?
- Я не могу говорить об этом при посторонних, — повторил Жеребцов.
- Выйди и жди!

Жеребцов, пятясь, вышел. Командующий встал из-за стола и заходил вдоль своего кабинета. От стены до стены было метров семь, за это время он успевал произнести примерно пять или шесть фраз, включая междометия. И честно скажу: такого черного мата я никогда в жизни не слышал. Даже не подозревал, что такой существует. Правда, в армии я всего шесть лет, а он — лет на двадцать, а то и на тридцать больше. Или у них в Академии Генштаба такой спецкурс читают?

Только на пятом или шестом витке генерал-лейтенант начал слегка повторяться. Видимо, он и

сам это почувствовал. Поэтому вернулся к столу и долго сидел, закрыв лицо руками. Потом сказал:

— Иди, капитан, отдыхай. И вы, ребята, тоже. Дальше я уж сам этим делом займусь. Только никому об этом — ни слова. Понимаете, надеюсь?

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, — ответил я за всех.

Вернувшись в часть, мы сгоняли Артиста за бутылкой — это у него в любой ситуации хорошо получалось — и помянули Тимоху.

Бывшего каскадера «Мосфильма». Лейтенанта Тимофея Варпаховского. Светлая ему память.

Такой вот у нас денек получился. И я чувствовал, что этим дело не кончится. Внутренний голос мне это подсказывал. А он мне никогда не врет. Даже когда я сам себе пытаюсь врать. И на этот раз не соврал.

На следующий день, как всегда после операции, нам полагался, как говорят на гражданке, отгул. Но уже в десять утра к нам в казарму вошел наш полковник Дьяков. Лицо у него было как после тяжелого боя с большими потерями с нашей стороны.

— Что у вас там вчера случилось? — спросил он меня.

— Я же представил рапорт.

— А кроме того, что в рапорте?

— Николай Дементьевич, мало у вас своих проблем? Ничего хорошего не случилось. А что случилось — об этом доложено командующему армией.

— Выходит, вы у него вчера были?

— Пришлось.

— Ладно. Не хочешь — не говори.

— Не имею права.

— Я так и понял. Собирайтесь, он вас вызывает. К одиннадцати ноль-ноль. — Он помолчал и добавил: — Без оружия.

— Форма одежды парадная? — поинтересовался Артист.

— Парадная? — переспросил полковник. — Не думаю. Нет, не думаю, — повторил он.

Мы побрились, надраились, навели марафет и в десять пятьдесят шесть были уже на КПП штаба армии: подобранные, подтянутые струночкой, словно бы облитые полевой камуфляжкой, — не на всяком и парадная форма так сидит, с боевыми наградами — у кого что было. А у всех было — от медали «За отвагу» у Мухи и Трубача до «Ордена Мужества» и американского «Бронзового орла» у меня; «Орла» вручил мне посол США за освобождение их журналистов. Я взглянул на нашу группу как бы со стороны, и мне понравилось. Как раньше говорили: военная косточка. Или как полковник Дьяков иногда говорит: «Элита!» Правда, говорит он это только тогда, когда делает нам втык за какой-нибудь прокол, и добавляет при

этом: «Мать вашу!»

На КПП нас встретили, как делегацию НАТО: полная корректность и нуль эмоций. Один дежурный офицер передал нас другому, тот — третьему, и ровно в одиннадцать ноль-ноль адъютант открыл перед нами двери кабинета командующего:

— Вас ждут.

Командарм, похоже, эту ночь на спал — таким тяжелым и обрюзгшим было его лицо. В кабинете сидел еще один человек — лет пятидесяти, с бледным сухим лицом, в очках с тонкой золоченой оправой. Он был в штатском, но темно-синий костюм на нем сидел, как форма на кадровом офицере.

— Товарищ генерал-лейтенант, по вашему приказанию...

— Вижу, что прибыли. Это товарищ из Управления по планированию специальных мероприятий. Ему представьтесь.

— Капитан Пастухов, — назвался я.

А за мной и ребята, по старшинству.

Док:

— Капитан медицинской службы Перегудов.

Боцман:

— Старший лейтенант Хохлов.

Трубач:

— Старший лейтенант Ухов.

Артист:

— Лейтенант Злотников.

Муха:

— Лейтенант Мухин.

— Вольно. Садитесь, — кивнул командующий.

Но гостя нам так и не представил. Товарищ из Управления по планированию специальных мероприятий. И будет с вас. Я и не подозревал, что такое управление существует. А какие специальные мероприятия оно планирует — об этом только сейчас стал догадываться.

— У меня к вам, товарищи офицеры, несколько вопросов, — начал штатский. — Скажите, капитан Пастухов, эти материалы, которые вы вчера доставили... У них есть копии?

Я сразу понял, куда он клонит. И ответил:

— У нас — нет.

— А у них?

— Думаю, нет. Кассета не доснята, многие пленки не проявлены. Негативы снимков наверняка есть. Но снимки мелкие, даже погон не видно. А лица в марлевых полумасках.

— У вас не было намерения сделать копию видеопленки?

— Зачем? Если бы дело касалось только генерал-майора Жеребцова, эти материалы мы отнесли бы прямо в ОБСЕ. И прославили бы его на весь мир.

— Почему же вы так не сделали?

— Потому что на весь мир прославилась бы и Российская армия. А она и так прославлена с головы до ног.

— Значит, вы думали о чести Российской армии?

— А вы? — неожиданно вмешался Док. — Когда планировали это мероприятие? Если планировали его вы.

Таким я Дока никогда не видел. Он с трудом сдерживал бешенство.

Штатский словно бы не услышал его вопроса.

— Спасибо, — сказал он. — Я удовлетворен вашими ответами.

— Анатолий Федорович, я хотел бы поговорить с моими офицерами наедине, — обратился к нему командующий.

«Анатолий Федорович — вот, значит, как его зовут», — взял я себе на заметку.

— Разумеется. Ничего не имею против, — ответил штатский и вышел.

Командующий проводил его тяжелым взглядом и повернулся к нам:

— Курит кто-нибудь? Угостите сигаретой.

Док выложил перед ним пачку «Мальборо» и зажигалку. Он был единственным, кто в нашей команде курил. Раньше Артист и Муха смолили, но после двух подряд тридцатикилометровых марш-бросков по горам с полной выкладкой, которые я специально для них устроил, как-то быстренько бросили. А вот у Дока не получалось.

Командующий закурил и довольно долго молчал. Потом сказал:

— Плохие у меня для вас новости, ребята. Очень плохие. От меня потребовали, чтобы я отдал вас под трибунал.

— За что?! — вырвалось у Мухи.

— Невыполнение боевого приказа. Нападение на генерала Жеребцова... Что ж ты его не пристрелил, капитан? Сам же сказал: он тебе в башку целил. И свидетелей у тебя вон сколько! Пристрелил бы — и дело с концом. Тоже мне, спецназ хренов!

— В следующий раз так и сделаю, — пообещал я.

— Не будет у тебя следующего раза. И ни у кого из вас не будет. Вы разжалованы и уволены из армии. Вчистую.

Я даже засмеялся.

— Не складывается, товарищ генерал-лейтенант. Это все равно что приказать: отрубить голову и повесить. Если мы разжалованы и уволены, значит — мы штатские. При чем здесь военный трибунал? А если трибунал, зачем увольнение? А вдруг трибунал решит, что правильней нас расстрелять?

— Трибунала не будет. Я сказал, что сяду рядом с вами, потому что тоже не выполнил бы такого приказа. А Жеребцов сядет — за то, что его отдал.

— Полегчало, — заметил я. — Трибунала, значит, не будет, а приказ об увольнении остается в силе?

— Да, — сказал он и погасил сигарету. И тут же закурил новую.

— Но за что? — снова спросил, почти крикнул Муха.

— Не за что, а почему, — поправил командующий. — Или зачем.

— Зачем? — повторил Муха.

— Вы слишком много знаете. Программа, по которой проводились эти дела, закрыта...

— Так это была целая программа? — спросил я. — И, наверное, кодовое название у нее было? Безумно интересно — какое же?

— «Помоги другу».

— Как?! — заорал я. — «Помоги другу»? Да там что, в этом Управлении по планированию специальных мероприятий, параноики сидят? А может — поэты? «Помоги другу»! Сразу и не сообразишь, что кощунственней — сама программа или ее название! «Помоги другу»! Это надо же до такого додуматься!

— Не забывай, капитан: благодаря этой программе многим нашим солдатам удалось спасти жизнь.

— Многим — это скольким? — спросил Док.

— У меня нет этой информации.

— Может, стоит поинтересоваться? И сравнить: сколько тканей и органов было получено в ходе реализации этой программы и сколько использовано в наших госпиталях. С учетом того, что этим занималась не только команда капитана Труханова.

Командующий нахмурился.

— Вы хотите сказать...

— Ничего конкретного, — возразил Док. — Просто мысли вслух. Однажды я видел биржевой каталог. Меня интересовало хирургическое оборудование для полевых госпиталей. И случайно я обратил внимание на строчку: «Препарат Ф». Мне объяснили: это гормональная вытяжка из

эмбрионов, которые получают при абортах. И настоятельно советовали не вникать.

— При чем здесь аборт? — не понял командующий.

— Я не знаю, сколько стоит почка или роговица глаза, но цены могут быть сопоставимы с ценой препарата Ф. А цена его: сто тысяч долларов за один грамм.

— За один грамм?! — поразился командующий.

— Вот именно, — подтвердил Док.

— Мы произведем самую тщательную проверку. Мой адъютант лично этим займется. Он парень въедливый. И если что...

— О чем вы говорите?! — вмешался я. — О другом нужно говорить: сколько матерей не смогли в последний раз увидеть лицо своего сына!

— Я повторяю: программа закрыта, — ответил командующий. — Продолжение ее признано нецелесообразным. Не без вашей помощи, — добавил он.

Я поправил:

— Скажите лучше: не без помощи полевого командира Исы Мадужева.

— Сейчас это уже не имеет значения. Программы нет. Но если о ней станет известно — даже задним числом... Вы задействованы на самых опасных заданиях. Нельзя исключать, что кто-то из вас может попасть к боевикам. И под пытками рассказать о ней. Ваше увольнение эту опасность нейтрализует.

— Товарищ генерал-лейтенант, это вы сами придумали? — изумился я.

Он хмуро покачал головой:

— Нет.

Мы молчали. Совершенно обалдели. Логика была — высший пилотаж. И единственный из нас, кто нашелся, был Артист. Он подошел к столу командующего и вежливо попросил:

— Можно на секунду вашу сигарету?

Взял из рук ничего не понимающего командарма дымящуюся «Мальборо», подсел к столу, поддернул обшлаг форменки на левой руке и приложил сигарету к коже повыше запястья. И эдак медленно, не торопясь, потушил. После чего вернул сигарету командующему, сказал «Извините» и сел на свое место.

Мы-то знали этот фокус Артиста, а командующий просто офонарел.

Собственно, это был никакой не фокус. Как-то в казарме мы заговорили о пытках. Ну, мало ли о чем говорят в казармах. Чаще, конечно, о бабах, но и другие темы проскальзывают. Вот и вывернулось из трепа: может ли человек выдержать пытку? Знали, конечно, из книг: может. Партизаны в войну, а еще раньше Джордано Бруно, ранние христиане, протопоп Аввакум. Но — как? Вот тогда Артист нам это и продемонстрировал. А потом рассказал. Он с детства жутко боялся боли. Когда в школе объявляли, что завтра будут делать прививки, всю ночь не спал. А перед любым уколом вообще обмирал от ужаса. И однажды, он уже в театральном

учился, вышло так, что его девушка сказала ему, что полюбила другого. Артист вспоминал: «Я понял, что схожу с ума. И чтобы хоть как-то отвлечься, случайно ткнул сигаретой в руку. И ощутил не боль, а облегчение. Боль, конечно, тоже была. Но это было — как комариный укус». Вот тогда, сказал он, я и понял, что есть кое-что сильнее любой боли. Ненависть, ярость, гордость, любовь. Только о них надо думать, а не о боли. Предложил: не хотите попробовать? И мы попробовали, каждый. И ничего, нормально выдержали. С того дня у каждого на левой руке, повыше запястья, по метке осталось. А у самого Артиста их было четыре. Не слишком-то, видно, ему везло в любви.

Командующий долго рассматривал потушенную сигарету, потом бросил ее в пепельницу и спросил:

— Что вы этим хотели сказать? Артист только плечами пожал:

— Да ничего.

Командующий жажнул по столу ладонью так, что на пол посыпались бумаги и карандаши.

— Не я этот приказ подписал, ясно? Не я!

Я спросил:

— А кто?

— На, капитан, читай!

Я взял листок приказа, отпечатанный на служебном бланке. Подпись на нем была: заместитель министра обороны. Я передал приказ Доку, он — Боцману, бумага обошла всех и вернулась на стол командующего.

— Теперь верите? — спросил он. — Я был категорически против. Самым категорическим образом!

— И ничего не смогли сделать? Он только развел руками:

— Ничего... Извините, ребята, но так получилось.

— Не расстраивайтесь, товарищ генерал-лейтенант, — успокоил я его. — Я все думал: почему у нас ничего не получается? В Афгане обосрались, в Чечне обсираемся на каждом шагу. А причина-то очень простая. Если боевой генерал, командующий действующей армией, бессилен против министерской вши — это не армия. Это выгребная яма. И сидеть в ней по уши в говне — увольте!

Я содрал свои капитанские погоны, «Орден Мужества», первую мою медаль «За отвагу», которой очень гордился, и все это добро положил на письменный стол командующего. То же самое сделали Док, потом Артист, Боцман, Трубач и Муха. Через минуту перед командующим уже лежала целая горка офицерских погон и боевых наград свободной России.

— А чего ж «Орла» не бросаешь? — хмуро поинтересовался он.

— Этот орден был мне вручен правительством Соединенных Штатов. А к нему никаких претензий у меня нет. Честь имею!

С порога я оглянулся. Командующий сидел за своим столом, невидяще глядя перед собой.

Жалко мне было его? Нет. Тимоху мне было жалко. Других ребят, которые полегли в развалинах Грозного и на всех хасавюртах. И тех, кто из Афгана вернулся домой в цинке под условным шифром «груз 200». Вот их мне было до муки жалко. А его — нет.

* * *

Через два дня мы обменялись адресами и распрощались на Курском вокзале. Артист, Муха и Трубач были коренными москвичами, тут были их родительские дома, и старики были еще живы. Боцман был из Калуги, там у него была жена и трехлетний сын, жили в двухкомнатной «хрущевке», которую дали жене от фабрики. У Дока была однокомнатная квартира в Подольске, он получил ее при разделе его двухкомнатной московской квартиры после развода с женой. А мне, моей жене Ольге и дочке Настене путь лежал сначала в Зарайск, а потом еще дальше — в деревню Затопино на берегу речки Чесны. Там догнивала изба-пятистенка, пустовавшая после смерти матери, всего на три года пережившей отца.

Другого дома у меня не было.

Глава третья. Форс-мажор

I

Приказ был понятным. Хоть и не сразу. Предельно четким. Если отбросить словесную шелуху. А с точки зрения нормальной человеческой морали, которой привык руководствоваться полковник Константин Дмитриевич Голубков, не слишком, впрочем, об этом задумываясь, — просто чудовищным. Когда до Голубкова дошла суть дела, словно бы специально прикрытая обтекаемыми формулировками и специальной терминологией, у него едва брови на лоб не полезли. Да как же это? Да разве так можно? Да это же...

Чччерт знает что!

Но внешне он своих чувств, конечно, не проявил, лишь нахмурился, что вполне могло сойти за высшую степень сосредоточенности. Как и все участники этого совещания в очень узком кругу, он внимательно слушал начальника управления, дающего установку, только все строчили в черных блокнотах, которые запрещалось выносить из здания, а Голубков лишь постукивал своим блокнотом по колену. Это не укрылось от взгляда начальника. Он прервался и с нескрываемым раздражением обратился к полковнику:

— Константин Дмитриевич, а вы почему ничего не записываете? То, что я говорю, кажется вам не важным?

Голубков встал:

— Напротив, товарищ генерал-лейтенант...

— Пора вам уже привыкнуть к нашим порядкам. Не товарищ генерал-лейтенант, а Анатолий Федорович.

— Виноват. То, что вы говорите, кажется мне очень важным. Поэтому и не записываю. Что записано, то забыто. У кого как, конечно, но про себя я это знаю точно. Поэтому записываю только мелочи, которыми не стоит загружать память.

— И помните все, что я говорил?

— Повторить любую из ваших фраз?

— А сможете?

— Какую?

— Допустим, предпоследнюю.

— «Нестандартно сложившаяся ситуация заставляет нас искать нетрадиционные подходы к разрешению проблемы», — ни на секунду не задумавшись, повторил Голубков.

— Слово в слово, — подтвердил один из участников совещания, старательно конспектировавший мысли руководителя.

— Любопытно, — отметил начальник. — А какой была моя последняя фраза?

— «Константин Дмитриевич, а вы почему ничего не записываете? То, что я говорю, кажется вам не важным?»

Начальник хмуро усмехнулся и кивнул:

— Садитесь. Как-нибудь вы мне расскажете, как тренировали свою память. Продолжим, товарищи...

«Чего это я шуга из себя строю?» — неожиданно разозлился на себя Голубков.

Совещание продолжилось. Голубков слушал вполуха, но любую из фраз мог повторить с полуслова. Как он тренировал свою память? Да так и тренировал. Прослужил тридцать лет в разведке и контрразведке — и не тому научишься. Сотни, если не тысячи деталей приходилось постоянно держать в голове. И часто то, что казалось главным, оборачивалось пустяком, а мелочь вылезала на первый план. Поэтому мало было иметь хорошую или даже очень хорошую память. Она должна быть избирательной, способной удерживать самое важное, а второ- и третьестепенное сдвигать на периферию, в запасники, как убирают в чулан ненужную вещь, которая если и понадобится, то неизвестно еще когда.

И теперь, слушая начальника Управления по планированию специальных мероприятий генерал-лейтенанта Анатолия Федоровича Волкова, Голубков с большим интересом рассматривал его самого, нежели вдумывался в смысл его слов, — эту работу предстояло ему сделать позже, когда совещание кончится и Голубков вернется в свой кабинет на втором этаже старинного московского особняка, у чугунных узорчатых ворот которого висела солидная, но совершенно непонятная по смыслу вывеска: «Информационно-аналитическое агентство „Контур“» и постоянно прогуливались три молодых человека в штатском.

Волков был примерно ровесником Голубкова или даже года на два-три младше: вряд ли ему было больше пятидесяти. Обычно он ходил в строгих темно-серых или темно-синих костюмах с подобранными в тон рубашками и галстуками. Эти костюмы, сухое лицо, явно очень дорогие очки в золотой оправе делали Волкова похожим на кого угодно: на университетского профессора откуда-то из Сорбонны, на высокопоставленного правительственного чиновника, на депутата Госдумы, — но только не на матерого контрразведчика, кем он, собственно, и был. А на кого, впрочем, должен быть похож матерый контрразведчик в крупных званиях? Как раз на профессора Сорбонны или депутата Госдумы.

Голубков познакомился с ним давно, еще в Афгане, в самом начале заварушки с Амином.

Волков тогда был уже полковником госбезопасности. В свое время он закончил Академию КГБ, служил в «конторе», неизвестно, чем он там занимался, но продвигался быстро. И в Кабуле в конце семьдесят девятого и в начале восьмидесятого он был, как понимал Голубков, одним из практических руководителей дворцового переворота, который позже, как водится, стали называть демократической революцией.

У самого Голубкова, хоть он и закончил училище с отличием, служба поначалу шла ни шатко, ни валко: покомандовал взводом, ротой, постирал штаны в штабе батальона, а потом попал в разведку полка. В семьдесят девятом был все еще капитаном, и только перед введением в Афганистан нашего «ограниченного контингента» ему дали майора и назначили командиром особого подразделения. Это его подразделение и было активно задействовано в операциях, которыми руководил Волков. По ходу дела они довольно часто встречались, и уже тогда, видно, молодой полковник КГБ Волков приметил простоватого с виду, но толкового майора Голубкова, который очень быстро вник в местные условия и на оперативках давал дельные советы. Упорно спорил, когда к ним не хотели прислушиваться, а когда поступали вопреки его мнению и проваливали операцию, позволял себе делать морду колодкой и даже бурчать: «А что я вам... говорил?» При этом коротенькая пауза, которую он делал после «вам», была как раз такой длины, что в нее точно влезало слово «мудакам».

Война, какой бы говенной она ни была, все равно для военного человека — дело. К середине кампании Голубкову досрочно присвоили звание подполковника, а когда наш «ограниченный контингент» победоносно покидал братскую республику, выполнив интернациональный долг, в последней колонне вместе с генералом Громовым был и свежее испеченный полковник Голубков.

После Афгана он надолго потерял Волкова из виду и вновь встретился с ним только в Чечне. Волков бывал там наездами, все время в штатском. В каких он уже был званиях и чем занимался — об этом можно было только догадываться. Голубков догадывался. Каждый приезд Волкова в Чечню обязательно предшествовал какому-нибудь событию. Волков недели три торчал в Грозном перед тем, как убрали Дудаева. Перед первым штурмом Грозного тоже с месяц мелькал то в штабе армии, то в полковых контрразведках. И еще пару раз было такое. Последний его приезд в Грозный, срочный и самый короткий, Голубков, правда, ни с чем конкретным определенно связать не смог. Он совершенно случайно столкнулся с Волковым, когда заглянул просто так, без дела, к своему давнему, еще с Афгана, другу, полковнику Коле Дьякову, командиру спецназа. Был поздний вечер, в городе и окрест было тихо, лишь слегка постреливали, и Голубков рассудил, что сейчас самое время раздавить с Дьяковым заветный «кристалловский» бутылек, привезенный Голубковым из Москвы, где он был в краткосрочном отпуске.

Но застолье пришлось задержать: у Дьякова сидел Волков. Он сразу узнал Голубкова, дружески поздоровался и извинился, что еще на некоторое время придется отвлечь полковника Дьякова от более приятных дел. При этом он явно намекал на завернутую в газету бутылку под мышкой Голубкова. А Голубков и не собирался ее прятать.

Пока они заканчивали разговор, Голубков аккуратненько расспросил водителя «уазика», на котором приехал Волков, и выяснил, что тот прилетел в Грозный всего полтора часа назад на военно-транспортном «Ане», причем никакого груза на борту не было, а из пассажиров был только один этот штатский, минут сорок пробыл в штабе армии и после этого приказал сразу везти его сюда.

— О чем он тебя пытал? — поинтересовался Голубков, когда Волков наконец уехал и они смогли приступить к занятию, которое оба уважали за возможность расслабиться и душевно

поговорить.

Дьяков только плечами пожал:

— Не понял. О Пастухе расспрашивал, о его ребятах. О каждом, очень подробно. Если забрать их у меня хотят — вот я их отдам! Да и куда забрать? Горячей, чем здесь, нигде нет. Разве что в Таджикистане. Но вряд ли. Скорее, к наградам хотят представить. Они сегодня Ису Мадуева и девять его басмачей свели на конус. Правда, Тимоху потеряли. Так что ему — посмертно...

Каково же было изумление Голубкова, когда на следующий день он узнал, что Пастухов и вся его команда приказом сверху разжалованы, уволены из армии и вывезены самолетом в Ставрополь, где располагался штаб военного округа и где в офицерских общежитиях жили их семьи. Он даже подъехал к Дьякову, чтобы узнать, в чем дело (по телефону такие разговоры ни к чему). Но Дьяков знал не больше, чем сам Голубков, он был в состоянии только материться и пинать стул, который все время попадался ему на пути.

Чудны дела Твои, Господи! Лучшие из лучших. Профессионалы экстракласса. Испытанные в десятках самых опасных и безнадёжных дел. Да чего же такого они могли натворить?!

Так и лег камнем на душу этот безответный вопрос.

И еще одно событие произошло поздно ночью того же дня: нарвался на мину «уазик», в котором возвращался из штаба армии в свою часть генерал-майор Жеребцов. Дело, в общем, обычное: и БТРы подрывались, и БМП, и «КамАЗы». Но как могла оказаться мина на асфальтовом шоссе всего в двухстах метрах от блокпоста? Когда ее успели заложить? Как? Дырка в асфальте была? Или раздолбали ломами? Эксперты облазили всю воронку, но ничего толком не выяснили: обычная противопехотная мина. А как «УАЗ» умудрился на нее наскочить — у водителя уже не спросишь. Всех троих разнесло — и водителя, и генерала, и солдата охраны.

То, что от них осталось, собрали и отправили в запаянном цинке домой. Еще один раз махнула костлявая своей косой в этой бессмысленной и бездарной войне. Сокрушенно покачали головами, похмурились, но никто от горя волосы на себе не рвал. Не больно-то его любили, Жеребцова. С большим гонором был мужик, таинственность на себя напускал, намекал на свои связи в Москве, тертыми-перетертыми полковниками пытался командовать, как салагами. Ну, Бог ему теперь судья. С тем и проехали.

Поспешное изгнание из армии капитана Пастухова и его ребят и гибель генерала Жеребцова связывались лишь одним — присутствием в Грозном Волкова. Но сколько ни прокручивал Голубков всю ситуацию, какие сопоставления ни пытался делать, по всему выходило — просто случайность. Волков в Грозный прилетел, конечно, не просто так — да еще и срочно, спецрейсом. Следовало подождать, что произойдет в ближайшее время, и только потом уже можно будет делать какие-нибудь выводы.

Самого Волкова Голубков совершенно неожиданно для себя встретил уже на следующее утро. Но для Волкова эта встреча была явно не случайной, он просто попытался придать ей вид случайности. Заглянул в кабинет Голубкова, сказал, что заскочил по пути хоть поздороваться со старым боевым товарищем. Посидел, повспоминали Афган, порасспрашивал, как идет служба.

— Вы надолго к нам? — осторожно поинтересовался Голубков.

— Нет, через час возвращаюсь в Москву, — ответил Волков и, пожимая на прощание руку,

ободрил: — Держитесь, Константин Дмитриевич. Скоро этой войне конец.

— Как скоро?

— Стараемся до президентских выборов подписать договор. Но получится ли — вопрос. В Чечне, сами знаете, никогда ничего заранее не угадаешь.

— Дерьмовая война, — сказал Голубков.

— Сложная война, — согласился Волков.

Вот теперь ясно стало, зачем он прилетал в Чечню. В стране набирала обороты предвыборная кампания, и Чечня для Ельцина была как рыба кость в горле. Кабы удалось ее если не закончить, то хотя бы пригасить — победа Ельцина была бы обеспечена уже в первом туре. Мирные переговоры по Чечне стали элементом предвыборной борьбы. И Волков, по-видимому, имел задачу им содействовать. Своими, понятно, методами. Значит, можно было ожидать, что в самое ближайшее время бесследно исчезнет, подорвется на mine или будет убит при невыясненных обстоятельствах какой-нибудь из наиболее непримиримых последователей Дудаева. И скорее всего — не один.

Но время шло, а ничего неожиданного не происходило. Стычки федералов и боевиков то вспыхивали, то стихали, подписывались соглашения о перемирии и прекращении огня, которые тут же нарушались. Но последствия пребывания Волкова в Грозном все же проявились — и совершенно непредсказуемым образом. Голубков был срочно вызван в Москву, с неделю его гоняли по разным кабинетам Министерства обороны и ФСБ на собеседования с генералами и штатскими, которые не имели обыкновения называть себя, а потом в Главном управлении кадрами объявили:

— Есть мнение предложить вам новое место службы. Здесь, в Москве. Экспертом в Управлении по планированию специальных мероприятий. Вы согласны?

У Голубкова хватило ума не спрашивать, что это за специальные мероприятия, но другой вопрос он задал:

— Кто начальник этого управления? Это был нормальный вопрос, законный.

— Генерал-лейтенант Анатолий Федорович Волков, — ответил кадровик и добавил: — Он вас и рекомендовал.

Примерно такого ответа Голубков и ждал.

— Я согласен, — немного подумав, сказал он.

А почему бы и нет? Чечней он был уже по горло сыт. Перспективы продвижения по службе там не было никакой, да Голубкова это давно уже не волновало. Стать генералом ему не светило ни с какой стороны. Возраст не тот. Да и не та это была война, на которой боевой офицер может быстро сделать карьеру. Карьеры делали в штабах, при большом начальстве. У Голубкова же за все время службы был только один шанс для рывка: сразу после Афгана поступить в Академию Генштаба. Но он упустил этот шанс: Нюра забеременела третьим ребенком, с жильем пришлось повозиться, пока сумели обменять двухкомнатную квартиру Голубкова в Екатеринбурге и двухкомнатную малометражку родителей Нюры в Москве на трехкомнатную в подмосковном Калининграде. Переезд, обустройство, то да се — так и ушло время. Ну, ушло и ушло. По крайней мере, его солдаты и молодые офицеры не будут посылать заявки на

радиостанцию «Маяк» с просьбой исполнить для любимого командира песню «Как хорошо быть генералом».

Что же до специальных мероприятий... Контрразведка и в Африке контрразведка. Разберемся как-нибудь, не пальцем деланы. Зато дома, каждый вечер с семьей — кроме командировок, которых, догадывался Голубков, будет немало. И все равно — дома. Нюше помощь, да и дети требовали отцовского глаза.

Конечно, согласен.

Через полчаса кадровик ввел его в кабинет начальника Управления, а сам на черной министерской «Волге», утыканной антеннами, вернулся на Фрунзенскую набережную, в «Пентагон».

— Товарищ генерал-лейтенант, полковник Голубков прибыл для дальнейшего прохождения службы, — по всей форме доложил Голубков, хотя Волков был в штатском.

— Отставить. У нас нет ни генералов, ни полковников. Есть Анатолий Федорович и Константин Дмитриевич. — Волков вышел из-за своего стола, обставленного десятком телефонов и аппаратов спецсвязи, пожал Голубкову руку и указал на одно из глубоких кожаных кресел, стоявших у стены кабинета возле низкого журнального столика. — Рад вас видеть, Константин Дмитриевич. Присаживайтесь. Этот вызов для вас был, наверное, полной неожиданностью?

— Не полной, — признался Голубков. — Ему предшествовала наша случайная встреча перед вашим отлетом из Грозного. Бойцы вспоминают минувшие дни.

— Что дает вам основания связывать эту встречу с вашим вызовом?

— Генерал Жеребцов.

— Неплохо, — отметил Волков. — Вы правы. Гибель генерала Жеребцова обезглавила нашу резидентуру в Чечне. Нужно было срочно искать замену. У меня была мысль предложить вашу кандидатуру, но...

«Должность генеральская, а ты всего лишь старый полковник», — закончил про себя его фразу Голубков.

— Дело не в том, что это генеральская должность, — словно бы угадав, о чем он думает, продолжал Волков. — Совсем не в этом. Я не знаю человека, который лучше вас ориентировался бы в обстановке в Чечне. Но вы совершенно незнакомы со спецификой нашей работы. Поэтому мы остановились на промежуточном варианте: в Чечню мы откомандировали одного из наших сотрудников, а ставшую вакантной в результате кадровых передвижек должность я решил предложить вам. У нас работают специалисты высшей квалификации в самых различных областях. Но порой им не хватает того, что я назвал бы заземленностью, умения оценить ситуацию с самой что ни на есть бытовой точки зрения. В том числе и оценить моральные аспекты проблемы. Вероятно, и мне этого не всегда хватает. Поэтому иногда случаются осечки. А одна из программ, блестящая по замыслу и сулившая огромную практическую пользу, едва не обернулась для нас катастрофой. Именно потому, что не был учтен нравственный фактор, взгляд самого обычного человека. У вас вопрос?

У Голубкова был, конечно, вопрос. И не один — штук пятнадцать. Но задал он только один:

— Кому подчиняется Управление?

— Уполномоченным на то лицам, — чуть помедлив, ответил Волков. — Умеете вы задавать вопросы.

— А вы умеете на них отвечать. Волков усмехнулся:

— Это моя профессия. Итак, Константин Дмитриевич, я уверен, что мы сработаемся. Не хуже, чем в Кабуле. Особенно если вы не будете заявлять после каждой неудачи: «А что я вам, придуркам, говорил?»

— Я так не заявлял, — запротестовал Голубков.

— Но так думали. И были в большинстве случаев, насколько я помню, правы. Завтра я представлю вас коллективу и вашему непосредственному начальнику — генерал-майору Александру Николаевичу Нифонтову. Первое время мы не будем вас задействовать в разработке конкретных мероприятий. Осматривайтесь, осваивайтесь, а там и до дела дойдет.

— Каковы будут мои обязанности в этот период адаптации?

— Вы — эксперт оперативного отдела. Вот и будете давать экспертные заключения по нашим программам.

— С точки зрения здравого смысла? — уточнил Голубков.

— Нет. У вас огромный профессиональный опыт. Он и будет вам основной опорой. Кстати, у вас есть гражданский костюм?

— Есть один.

— Придется вам разориться еще на пару. У нас принято ходить на работу в штатском. Мне, правда, приходится надевать мундир чаще — когда вызывают наверх... Желаю успеха!..

Месяца два Голубков осматривался и вникал. Он довольно быстро и без труда, не задавая никому лишних вопросов, разобрался в структуре Управления. В нем было четыре крупных отдела: оперативный, аналитический, внешнеполитический и внутривнутриполитический. Особняком стоял отдел компьютерного обеспечения — информационный. Он занимал весь цокольный этаж, на входе постоянно дежурила внутренняя охрана, а вход разрешался только по специальным разовым пропускам.

По программам, которые поступали к нему на отзыв, Голубков определил в общих чертах и сферу деятельности Управления. Она озадачила его своей разноплановостью. Были конкретные разработки, связанные с Чечней и Таджикистаном, с противодействием акциям иностранных спецслужб. Но были и совершенно неожиданные: программа стабилизации обстановки в Кузбассе и Воркуте, комплекс мероприятий по предотвращению перекачки из России на Запад капиталов в валюте...

Понятно, что далеко не все разработки проходили через него, но главное Голубков уяснил. Управление относилось не к ГРУ или Службе внешней разведки, как он поначалу было решил, не к ФСБ и не к Министерству обороны. «Уполномоченные на то лица», которым непосредственно подчинялся Волков, сидели в Белом доме, а возможно — и в самом Кремле. Для высшего руководства России Управление было инструментом для решения наиболее деликатных проблем. Это и сообщало ему особую значимость, а его сотрудникам — чувство избранности, превосходства над простыми смертными, будь они даже в генеральских званиях.

Как и в любое подобное заведение, попасть сюда было не так-то просто. За плечами многих нынешних коллег Голубкова были зарубежные университеты, МГИМО, военные академии, некоторые даже прошли двухгодичный курс обучения в Международном центре стратегических исследований имени Джорджа Маршалла — он находился где-то в Баварии, в Альпах. Нередки были известные всей России фамилии — сыновья крупных военачальников, дипломатов, министров. Учреждение было сверхсекретным, что лишний раз подчеркивалось атмосферой царившей здесь всеобщей подозрительности. Никто не говорил о своих делах даже с сослуживцами из своего отдела — не столько в силу требований режима, сколько в еще большей степени для того, чтобы придать себе таинственности и значительности.

Появление Голубкова в Управлении было воспринято с нескрываемой настороженностью. Но когда выяснили, что никакой руки у него нет и никому он не сможет составить конкуренции, отношения выровнялись. А главное, разобрался что к чему генерал-майор Нифонтов, непосредственный начальник Голубкова, получивший лампасы и передвинутый на генеральскую должность после гибели Жеребцова. Едва Нифонтов понял, что никакого подвоха со стороны Голубкова можно не опасаться, он приоткрылся и оказался нормальным мужиком, с которым можно было говорить напрямую. Они даже перешли на «ты», хоть и обращались друг к другу по имени-отчеству.

— Я одного до сих пор понять не могу, — однажды признался ему Голубков. — Как я оказался среди этой публики?

— Да, публика та еще, — согласился Нифонтов. — Но кому-то нужно и пахать. Так ты здесь и оказался.

— А ты? — поинтересовался Голубков.

— И я так же. Только раньше тебя.

— После Афгана?

— Нет. Пять лет назад, когда Управление только создавалось. После Южного Йемена и Анголы. Но ты меня об этом не спрашивал, а я тебе ничего не говорил. И вообще, Константин Дмитриевич, поаккуратней с вопросами. Здесь этого не любят.

— Это я уже понял, — кивнул Голубков.

Из слов Нифонтова он уяснил еще одно. Управление создано пять лет назад. В девяносто первом. А что было в девяносто первом? Когда-нибудь на экзаменах по истории школьники будут ковырять в носу, раздумывая, как ответить на этот вопрос. Но сейчас, в девяносто шестом, это еще не было историей. В девяносто первом был первый путч, ГКЧП-1. И громоздкая машина КГБ промедлила с выбором. Это и было началом ее конца. И Управление, в которое отбирались самые надежные кадры, было призвано стать важным мозговым центром новой структуры государственной безопасности, стопроцентно лояльной к новой власти.

Нифонтов и сообщил Голубкову, что тот включен в группу, которой будет поручено срочное и важное дело.

— Какое? — полюбопытствовал Голубков, рассудив, что этот вопрос он вполне имеет право задать.

— Понятия не имею, — ответил Нифонтов.

— А почему решил, что оно срочное и важное?

— Очень просто. Следи. Полчаса назад шеф приехал в Управление. Мрачнее тучи. В форме. Значит, был наверху. Сразу приказал сформировать группу. Значит — горит. Включили троих из аналитического отдела, трех международных, а от нас меня, тебя и майора Васильева. Обычно берут по двое. Значит, дело важное. И сдается мне — какое-то необычное. Больно уж шеф вздрючен. Пошли, через пять минут он будет давать установку. Вопросов не задавай, — предупредил Нифонтов уже возле кабинета Волкова. — Он этого очень не любит. Считает: сначала разберитесь, а потом приходите с вопросами, если они возникнут...

На таком совещании у начальника Управления Голубков присутствовал впервые, и его крайне озадачила манера, в которой Волков изъяснялся. Через слово мелькало: «объект внимания», «фактор угрозы», «директриса поиска», «рычаг воздействия». Эту профессиональную терминологию Голубков сдавал когда-то в училище, но с тех пор не было ни одного случая, чтобы возникла нужда ею воспользоваться. Да и не поняли бы его офицеры. Вздумай он таким образом ставить им боевую задачу, кто-нибудь обязательно бы сказал:

— А теперь, товарищ полковник, своими словами, пожалуйста...

Оперативка длилась минут двадцать, но Голубкову показалось, что прошло не меньше часа. Наконец Волков сказал:

— Таково задание в общей форме. Все материалы вам будут розданы. Изучайте. Начальником группы назначается Александр Николаевич Нифонтов. Курировать вашу работу буду лично я. Дело сверхсрочное. Если вопросов нет, все свободны.

Вопросов ни у кого не было. Как ни странно. Ну и дела!

Вернувшись к себе, Голубков минут пятнадцать простоял у окна, анализируя услышанное и по привычке пытаясь выделить главное, но не почувствовал ничего, кроме усилившегося раздражения. «Объект особой социальной значимости». «Треугольник интересов». «Нестандартно сложившаяся ситуация заставляет нас искать нетрадиционные подходы к разрешению проблемы». Тушите свет!

Голубков пересек коридор и без стука вошел в кабинет Нифонтова. Тот сидел за столом и листал какое-то пухлое досье.

— Послушай, Александр Николаевич, у меня такое ощущение, что я все это время газетную бумагу жевал. Он всегда так ставит задачи? «Несанкционированное перемещение объекта»!

— А как, по-твоему, он должен был сказать?

— Да так и сказать, как есть.

— Ну-ну, сформулируй.

— Пожалуйста. Задача: выкрасть с территории некоего ближневосточного государства объект особой социальной значимости и доставить в Россию. И все понятно.

— Ты по-солдатски рассуждаешь.

— Я и есть солдат.

— А тут нужно быть и дипломатом. Скажи тебе «выкрасть», ты и отдашь такой приказ. А если не выкрасть, а выманить? Или угрозой заставить вернуться в Россию? Или создать условия, при которых он сам захочет вернуться? Или еще как? «Выкрасть» — это как раз последний вариант, крайний. Твоя задача — переместить объект. А как ты это сделаешь — решать тебе. Верней, всем нам.

— Что это за ближневосточное государство? — спросил Голубков.

— Кипр.

— А кто этот объект?

— Аркадий Назаров.

— Какой Назаров?.. Погоди. Тот самый?

— Тот самый.

— Который во время первого путча вытащил с биржевиками российский флаг в сто метров и нес его к белому дому?

— Он.

— И который...

— Да.

— Но он же погиб! Вместе с сыном. При взрыве его яхты где-то в Германии.

— В Гамбурге.

— Правильно, в Гамбурге. Еще перед первым туром выборов. Об этом во всех газетах было, и по телевизору передавали, сам видел.

— А заметки, что он уцелел, не видел?

— А были?

— Были. В наших газетах — мельком. На Западе, конечно, побольше.

— Как же я мог их пропустить? — озадачился Голубков.

— Потому что тебя это не очень интересовало, — объяснил Нифонтов. — А кого интересовало — не пропустил.

— Каким образом ему удалось уцелеть? Яхту же вдребезги разнесло!

— Его выбросило через фонарь капитанской рубки на соседний сухогруз. Рано утром сухогруз снялся с якоря и ушел в Испанию с грузом удобрений. Матрос обнаружил Назарова среди мешков. Отправили вертолетом в госпиталь в Бельгии. Там он назвался чужим именем. Поэтому не сразу нашли.

— А как нашли?

— Вычислили. В частной клинике под Цюрихом уже года три лечится его вторая жена, Анна. Яхта, кстати, тоже называлась «Анна». Он должен был ей сообщить, что остался жив. Ну, понятно: чтобы с ума не сходила от горя. Он и позвонил, из госпиталя, как только немного оклемался. Наши звонок перехватили. Остальное — дело, как говорится, техники. Да он после госпиталя и не скрывался. В Париже дал пресс-конференцию. На вопрос, кого подозревает в покушении, ответил: у него есть предположения, но доказательств нет, поэтому воздержится от комментариев. После этого попытался исчезнуть. На частном самолете перелетел в Афины. Самолет арендовал его друг и компаньон Борис Розовский, в Гамбурге он называл себя Петровым. Оттуда переплыл на Кипр. Но наши уже глаз с него не спускали.

— Наши — кто? — спросил Голубков.

— Ну, кто. Какие-то детские вопросы ты задаешь.

— «Контора»?

— Я тебе этого не говорил.

— Они и взрыв устроили?

— Да. И двоих потеряли. Радиста — его внедрили в команду яхты еще в Англии. И второго — он под видом бармена проник на борт и заложил бомбу.

— И не успел уйти?

— Судя по всему, да. В этих документах про него есть. Его случайно задержал Назаров.

— Понятно... Цель покушения?

— Слишком много знал. Боялись, вероятно, что начнет выступать.

— Кто боялся? Нифонтов усмехнулся:

— А вот этого, Константин Дмитриевич, я тебе сказать не могу. Потому что не знаю. А знал бы — тем более бы не сказал. Видно, тот или те, кому было чего бояться. И у кого достаточно власти, чтобы отдать такой приказ. Причем это не первое покушение. Была попытка — три года назад. Тогда дело замяли, а тут уж — шум на весь мир.

— Значит, «контора» напортачила, а разгрести нам?

— Для того и существует наше Управление, — подтвердил Нифонтов. — Кто бы ни напортачил, а разгрести приходится нам.

— А для чего вообще нужно было это покушение? Жил себе человек, молчал.

— Кто может предсказать, сколько он будет молчать!

— Теперь уж точно долго не будет. После того как убили его сына...

— Потому ситуация и стала форс-мажорной, — заключил Нифонтов.

Голубков с сомнением покачал головой:

— Не сходится. Яхту взорвали три месяца назад. А форс-мажор — только сейчас?

— Быстро соображаешь, — одобрительно кивнул Нифонтов. — Поступила информация: на контакт с Назаровым пытаются выйти третьи лица. Это и делает главным фактор времени. Возьми, Константин Дмитриевич, это досье, я его уже просмотрел. Тут много любопытных материалов. В том числе и те, что переданы гамбургской криминальной полицией. Вникай. Через два часа соберемся всей группой, будем думать, что делать.

В этот день просидели в кабинете Нифонтова до десяти вечера. На следующий разошлись к полуночи — с большими головами не столько от бесконечного курева, сколько от бессмысленного перебирания вариантов.

Все, что могли, выложили международники. Ситуация вокруг Кипра, схема противостояния интересов России, США и других стран НАТО в этой части Ближнего Востока и Европы. Возможный эффект от похищения Назарова российскими спецслужбами, если об этом станет известно. Эффект резко отрицательный: Россия сводит счеты со своими политическими противниками, пользуясь методами КГБ. Дальние последствия: усиление антироссийских настроений в конгрессе США, антиельцинских — внутри страны, сильный пропагандистский козырь в руках оппозиции. И не исключено: ужесточение политики Международного валютного фонда.

Аналитики тоже не отмалчивались. Были просмотрены десятки операций, схожих с этой хоть чем-либо, но оптимального решения не нашлось и здесь. Близких родственников у Назарова в России не было, единственный сын погиб. Рос Назаров без отца, мать умерла в начале девяностых, а младшая сестра была замужем за венгерским инженером и жила в Будапеште. В качестве рычага давления можно было бы использовать его жену Анну, но переместить ее в Россию и тем самым создать Назарову стимул для возвращения не представлялось возможным: жена была нетранспортабельна из-за паралича позвоночника.

На третий день Нифонтов предложил:

— Давайте-ка, друзья мои, разберемся в том, что мы накопили. Подведем, так сказать, предварительные итоги...

В эту минуту дверь его кабинета открылась, и вошел Волков. Сделал успокаивающий жест рукой.

— Сидите-сидите. Как идут дела?

— Да вот, вышли на промежуточный финал, — объяснил Нифонтов. — Хотим посмотреть, что мы имеем.

— Очень интересно. — Волков устроился на стуле в углу кабинета. — Работайте, не буду вам мешать.

Нифонтов резюмировал:

— Если смотреть правде в глаза, а мы люди практические и не имеем права тешить себя иллюзиями, то ситуация на данный момент представляется принципиально неразрешимой. Мы не нашли ни единой возможности создать условия для добровольного перемещения объекта внимания в Россию. Остаются только силовые методы. В нашем распоряжении все возможности и средства Российской армии и спецслужб, но воспользоваться ими мы не можем. Здесь две причины. В случае неудачи — а ее исключать мы не имеем права — участие России в акции станет совершенно очевидным. В наших компьютерах собрана информация о многих сотрудниках центра в Лэнгли и даже о рядовых их спецподразделений. Нет сомнений, что не

меньшим объемом информации, если не большим, обладают и Штаты. И если даже хоть один участник операции окажется задержанным, установить его личность и доказать «руку Москвы» — не проблема. Даже если у задержанного не будет никаких документов или будут фальшивые. Второй момент. В российских спецслужбах достаточно профессионалов, способных справиться с заданием. Но вряд ли кто-нибудь из них согласится работать без прикрытия. Похищение человека — это двадцать лет каторги. Законы там на этот счет суровые. А никакого официального прикрытия мы дать не можем.

— Что вы предлагаете? — спросил Волков. — Отложить акцию до более благоприятного момента? Или вообще отменить?

— Я прекрасно понимаю, что это не выход. Это было возможно до покушения. Сейчас, после смерти сына, Назаров — как граната, из которой выдернута чека. Можно попытаться заблокировать его контакты. Но это слабое решение.

— Разрешите? — поднялся майор Васильев. — Анатолий Федорович, не проще все-таки нейтрализовать объект на месте?

— Каким образом?

— Есть много способов, не мне вам об этом говорить. Можно сделать это руками русской мафии. Она пустила корни на Кипре, с ними можно найти контакт. Как — подскажут в МВД или ФСБ. За деньги они смогут убрать Назарова.

— А потом нам убирать их? Вы что, хотите устроить на Кипре маленькую войну?

— Не обязательно убирать.

— Обязательно. Иначе обладателями этой информации станут уголовники. И рано или поздно она всплывет. Это исключено. И кто вам сказал, что нейтрализация — это физическое уничтожение объекта? Вы от меня это слышали? Или от Александра Николаевича?

— Но я думал...

— Нужно не думать, а точно оценивать смысл терминов. Нейтрализовать — это значит нейтрализовать. И только. Назаров — объект внимания, а не объект угрозы. Садитесь, майор!.. Более того, — продолжал Волков, — если обнаружится опасность для жизни нашего объекта, мы обязаны ликвидировать ее любыми средствами. Потому что сам факт физического устранения Назарова, кто бы это ни совершил, даст толчок к мощной антироссийской кампании. Если сейчас разговоры о «руке Москвы» звучат достаточно глухо, то потом нашим политическим противникам и доказательств не понадобится. Так что о покушении и думать забудьте. Я понимаю, что этот вариант наиболее простой и эффективный, но в данной ситуации он совершенно неприемлем. Поэтому на установочном совещании я и сказал вам, что нужно искать нестандартные решения... Вы хотите что-то сказать, Константин Дмитриевич?

Голубков покряхтел, но все же поднялся. Не лежала у него душа к этому делу. Никак не лежала. Но он был человек военный, а служба есть служба.

— Да, — сказал он. — Есть кое-какие соображения. Не знаю, что получится, но попробовать стоит. Мне нужен легкий гражданский вертолет и сутки времени.

— Смысл идеи? — спросил Волков.

— Воздержусь. Через сутки буду готов ответить на все ваши вопросы.

— Гарантии есть?

— Пока не знаю. Но если получится — это будет решением всех проблем.

— В нашей ситуации сутки — это очень много. Вы берете на себя большую ответственность, — предупредил Волков, но с предложением Голубкова согласился.

Это было по-генеральски: будет с кого спросить.

На этом совещание было прервано.

— Куда ты собрался лететь? — поинтересовался Нифонтов, когда начальник Управления и участники совещания покинули его кабинет.

— Есть такая речушка под Зарайском — Чесна, — объяснил Голубков. — Впадает в Осетр, а тот — в Оку. Не знаю, как насчет осетров, но судак там, говорят, хорошо ловится. А на этой Чесне есть деревенька Затопино. Вот там живет человек, который нам нужен...

II

Как может чувствовать себя молодой, удачливый, честолюбивый, прошедший всю Чечню офицер после того, как его и его друзей сначала бросили на грязное дело, потом попробовали истребить с применением современной авиации и тяжелых боевых вертолетов и в конце концов вышвырнули, как облезлых от лишаев котят, из армии, в один день выперли из офицерского семейного общежития и даже какого-нибудь паршивого грузовичка не дали, чтобы отвезти на вокзал скудный, нажитый по крохам семейный скарб?

Вот так он себя и чувствовал: вчерашний блистательный капитан спецназа, а ныне пастух худосочного затопинского стада двадцатилетний Сергей Пастухов.

После того как на площади Курского вокзала он распрощался с ребятами, не меньше шести часов пришлось ему с Ольгой и Настенкой добираться до Затопина на перекладных: сначала двумя электричками до Зарайска, потом автобусом до Выселок, а последние четыре километра пешком. Недавно прошел дождь, глина на разбитом тракторами и грузовиками проселке раскисла, липла к ногам. Самому Пастухову это было до феньки, на нем были высокие спецназовские ботинки, а вот Ольгины кроссовки сразу промокли, она была в грязи по колено. Настена хныкала, просилась на ручки, но у Сергея руки были заняты двумя чемоданами, а Ольга тащила рюкзак с одеялами, подушками и бельем и полиэтиленовые пакеты с едой. У нее была свободна только одна рука, которой она и волокла дочку, приговаривая: «Ну, потерпи, скоро уже, совсем скоро». А сама поглядывала на мужа, словно спрашивая: в самом-то деле, скоро ли? И он отвечал ей, как и она Настене: «Потерпи, немного осталось».

К деревне они подошли уже в сумерках. На правом, возвышенном берегу Чесны темнели три десятка изб, выстроившихся вдоль изгиба речки одним порядком; в окнах мутно желтели огни; на фоне последних бликов заката четко вырисовывались кресты телевизионных антенн. Одна из изб стояла немного на отшибе, крайняя в порядке и чуть ближе к реке. Она была совсем безжизненная, сухая ветла над ней с черными растопыренными ветками точно бы лишняя раз подчеркивала вымороченность этого места.

Возле калитки, висевшей на одной верхней петле, Сергей поставил чемоданы на землю и сказал:

— Вот это и есть наш дом.

— И мы с мамой будем здесь жить? — недоверчиво спросила Настена.

— Если захотите, — ответил Сергей.

Последний раз он приезжал сюда три года назад, хоронил мать. После поминок плотно закрыл ставни, забил все окна и дверь досками и уехал на армейском «уазике», без слов выделенном ему комбатом, хотя от их части до Затопина было не меньше трехсот километров. Пока их машина переваливалась по грунтовке, все оглядывался, гадал, придется ли еще сюда вернуться когда-нибудь.

И вот — пришлось.

Сергей помнил, что топор он тогда сунул под крыльцо, пошарил. Топор оказался на месте. Со скрежетом поддались гвозди. Из дома пахло нежитью, тоскливым духом давно покинутого жилья. Свет был обрзан, но на стенке в сенях должна была висеть керосиновая «летучая мышь» — с электричеством в Затопине всегда были перебои, поэтому в каждой избе наготове были свечи и керосиновые лампы. И лампа оказалась на месте, и даже на доньшке что-то плескалось. При тусклом свете «летучей мыши» Сергей сорвал доски с окон, настезь распахнул створки, впуская в затхлость дома свежую речную прохладу. Потом в сараюшке набрал дров и затопил печку. Сбегал к Чесне за водой, поставил старый облупленный чайник. Немного повеселело.

И когда поужинали припасенными в Москве консервами и уложили заснувшую прямо за столом Настену на узкую продавленную кушетку в горнице, Сергей внимательно взглянул на жену и повторил:

— Это и есть наш дом. Туалет на улице, школа и магазин на Выселках, в четырех километрах, вода в Чесне, а дрова в сарае. А музыкальная школа, где ты могла бы работать, только в Зарайске. Я понимаю, что не этого ты от жизни ждала, но больше нечего мне тебе предложить. Так что если захочешь вернуться к своим в Орел — так и скажи, я в обиде не буду.

— Дурак ты, Серега, — помолчав, отозвалась она. — По-твоему, я мечтала стать генеральшей? Нет, я мечтала не стать вдовой. Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо. А теперь пойдем спать, я уже с ног валюсь.

Постелили на широкой родительской кровати в той же горнице, где спала и Настена. И едва Сергей задул лампу, как их охватила темнота и огромная, бездонная тишина, от которой даже звенело в ушах.

— Как тихо, — негромко проговорила Ольга.

— Не стреляют, — согласился Сергей.

— Гвоздик, — сказала она и засмеялась.

— Какой гвоздик? — не понял он.

— Я где-то читала или слышала... Люди бывают двух видов. Одни — после пожара, когда сгорел

их дом, — ходят по пепелищу и вспоминают: вот здесь был шкаф, а здесь столовый гарнитур. И волосы на себе рвут. А есть другие. Нашел в золе гвоздик и радуется — хоть гвоздик сохранился. Или еще что. Не о потерянном горюют, а радуются тому, что осталось... Вот я и говорю: тишина — гвоздик, а не стреляют — это очень хороший, прекрасный гвоздь.

— Спи... гвоздик!.. — проговорил Сергей. Но ответа не услышал: Ольга уже спала.

И хорошо, что спала. И хорошо, что не могла видеть лица мужа. Оно словно окаменело, по скулам ходили желваки, волна унижения и ярости вновь захлестнула его — как в тот момент, когда он швырнул на стол командующего армией свои офицерские погоны и боевые награды.

Суки.

Утром он отыскал в чулане старую отцовскую телогрейку, рабочие штаны и резиновые сапоги. По просьбе Ольги затопил печку, натаскал воды в ведра и в выварку. Когда вода согрелась, Ольга закатала до колен тренировочные штаны и принялась за генеральную уборку, а сам Сергей собрал по закуткам инструмент, наточил топор и ножовку и взялся менять сгнившие ступеньки крыльца и половицы в горнице и на кухне.

Слух о возвращении Сергея быстро облетел всю деревню. Приходили соседки, бабы Клавы и тети Маруси, которые знали Сергея с рождения, приносили молоко в трехлитровых банках и куриные яйца в холщовых, чисто выстиранных тряпочках. Знакомились с Ольгой, протягивая ей руки лодочкой, от денег за молоко и яйца отмахивались, даже обижались, когда Ольга настаивала, спрашивали, что да как, да надолго ль приехали. Узнав, что надолго, понимающе кивали, на словах одобряли, но в выражении лиц без труда угадывалось сочувствие. Редко кто, уехав из Затопина, возвращался сюда — разве что те, у кого ничего с городской жизнью не вытанцевалось. Видно, и у этого молодого соседа тоже.

К обеду подкатил на «Беларуси» с тракторной тележкой одноклассник Сергея Мишка Чванов, пьяный — дальше некуда. Радостно заорал, затискал Сергея, с Ольгой сразу перешел на «ты», замахал бутылкой «Столичной» и потребовал закуску и стаканы, да не в дом, а во двор, на бревнышки, налил доверху, предложил:

— Давай, Серега! За тебя, друг! Со свиданьем!

Хлопнул водяры, крякнул, загрыз коркой и тут только увидел, что Сергей к своему стакану даже не прикоснулся.

— А ты че? Давай! Выдыхается продукт!

— Я не пью, — объяснил Сергей.

— Как?! Совсем?!

— Совсем.

— Да ты... Во даешь! Да как же так? Совсем-совсем?

— Да, совсем.

— Ну, ты! А? Во! Скажи кому! Да это ж... Ё-моё! Совсем! Нет, а? Во дела! Зашился, что ль?

— Нет.

— И не принимаешь?! Не, ну! Ваще! Надо же! Я тебе доложу! Полный отпад! Я тебе собаку подарю, — неожиданно предложил он.

— Какую собаку? — не понял Сергей.

— Кобелька. У меня сучка давеча оценилась. Порода — ух! Почти овчарка. Если не пьешь, так пусть хоть у тебя собака будет!

Сергей так и не понял, какая связь между выпивкой и собакой, но Мишка и сам этого, похоже, не понимал. Он допил водку и из Сергеева стакана, взгромоздился на «Беларусь» и укатил так же неожиданно, как и появился.

— Как же он поедет? — встревожилась Ольга. — Он же совсем пьяный! Свалится в канаву!

Мишкин «Беларусь» лихо перемахнул кювет, отделяющий проселок от съезда в деревню, потеряв при этом тележку. Но он даже и не заметил этого и покатил дальше, к видневшимся вдалеке строениям свинокомплекса.

Еще через час возле пастуховской избы остановился «уазик» председателя местного колхоза, ныне — акционерного общества. Семен Фотиевич Бурлаков и раньше был председателем колхоза, еще когда Сергей в школе учился. За это время он стал словно ниже ростом, разбух, крупное круглое лицо его стало еще круглее от болезненной одутловатости. Он обнял Сергея, обдав его ядреным духом старого перегара, круто разбавленного свежачком, самогонкой или «Столичной», познакомился с Ольгой, солидно порасспрашивал, что и как, а потом предложил:

— Начальником машинного двора к нам пойдешь?

— Нет, — сказал Сергей. — У вас там такая пьянь, что и сам сопьешься.

— Пьянь — это есть, — согласился Бурлаков. — Что есть, то есть, не буду скрывать. А главным инженером ко мне?

— Я же в сельском хозяйстве ничего не понимаю.

— В сельском хозяйстве, Серега, никто ничего не понимает. А кто понимает — тем Бог рогов не дает. Вникнешь. Парень грамотный, в технике разбираешься, в вопросах снабжения тоже как-нибудь разберешься. Зарплаты у нас, прямо скажу, небольшие. Но и другое скажу: не пожалеешь. Понял? В общем, вечером заеду, посидим за бутылочкой, обмозгуем. Согласен?

— Не нужно, дядя Сеня, ко мне заезжать. Не получится из меня главного инженера и снабженца. Да и не пью я.

— Совсем? — поразился Бурлаков, и Сергей подумал, что и он сейчас подарит ему собаку.

— А с папаней твоим мы... Да, это сложно. Не вступишь в коллектив. А впрочем... В общем, подумай. А надумаешь — приходи...

— Почему они все такие пьяные? — спросила Ольга, когда председатель колхоза уехал. — В армии пьют, но чтобы так — и с утра!.. От чего умер твой отец? Он же был совсем молодым, шестидесяти не было.

— Отравился техническим спиртом.

— Поэтому ты и не пьешь?

— В том числе. Тебе это не нравится? Она только улыбнулась:

— Пошли обедать. Тащи Настену от речки, а я пока на стол накрою...

Но не успели они устроиться на кухне за дощатым, добела выскобленным Ольгой столом, как явилась целая делегация — человек пять бабулек во главе с ближней соседкой тетей Клавой, как называл ее Сергей еще с детства.

— С поклоном мы к тебе, Сережа, от всего мира, — начала тетка Клава и в самом деле поклонилась. — Выручай нас, сирых.

— А что такое?

— Беда у нас. Пастух наш, Никита, совсем записался, с кругу сошел. За все лето пять раз только стадо вывел, да и то буренку Авдотьевны потерял, еле нашли. А сейчас и вовсе черный лежит под крыльцом, то ко мычит. Взятся бы попасть наших коровок, а? Дело тебе знакомое, я ить помню, как ты после школы до армии пас. И ниче, хоть и совсем молодой был. А мы б тебе по очереди со дворов, как заведено, по три баллона молока каждый день приносили, хоть с утренней дойки, хоть с вечерней, как твоя хозяйка скажет...

— Да куда же мне столько молока? — удивилась Ольга. — По девять литров в день. Что я с ним буду делать?

— Не скажи, голубушка, не скажи. Всегда творожок свежий будет, для дитя дело очень даже полезное, сметана, сливки, масло опять же свое, не из магазина, а како масло в магазине — маргарин, да и все.

— Да не умею я масло делать!

— Научишься, дочка, покажем. Дело нехитрое, век сами сбиваем. Еще, Сережа, по десятку яичек каждый день приносить будем, али, как захочешь, картошечкой, лучком или свеколкой. Там, глядишь, и своего бычка или телочку заведешь. Денег, правда, много платить не можем. Мы тут прикинули — по шесть тысячев со двора получится. А на семь не поднимемся. Как ты, Сережа, про это думаешь?

— Сразу и не скажешь.

— Тебе, можа, Бурлаков золоты горы сулил? — вступила в разговор другая бабулька. — Так ты, паренек, на его слова не поддавайся. Жулик он и пропойца. Весной трактор «Кировец» на сторону комусь сплавил, с самого как с гуся вода, а евонного главного инженера в тюрьму посадили. Бона каки у него золоты горы!

— И верно, и верно, — закивали бабульки. Сергей повернулся к Ольге:

— Что скажешь, жена?

— Смешно. Но почему бы и нет? Решай.

— Что ж, уговорили. Согласен.

— Слава тебе Господи! — перекрестилась тетя Клава. — Дай Бог тебе, сынок, удачи. Токо если бы ты уже завтра с утра стадо выгнал, а? Мужиков своих мы тебе пришлем, помогут избу подлатать. А коровкам ждать не годится, самый травостой сейчас, только и время пожировать.

Как, Сережа?

— Ну, завтра так завтра...

Вот так и стал вчерашний капитан спецназа затопинским пастухом. С рассвета он собирал бурёнок из Затопина и соседних полувымороченных деревень Излуки и Маслюки, выводил в поймы, на разнотравье, вымахавшее этим дождливым и теплым летом по пояс, к полудню пригонял к водопою на мелководье Чесны, почти у самого своего дома. Пока стадо жировало, обкашивал купавы и неудобницы, готовя сено на зиму — для своей телки или бычка, если появятся, а нет — на сено всего можно выменять: и дров, и картошки, и мяса. А иногда просто сидел на берегу, глядя, как на мелководье резвятся мальки, как медлительно тянутся по несильному течению длинные придонные травы, невольно щурился от отблесков солнца, щекотавших глаза.

Душа, конечно, еще болела, но это была уже не острая боль открытого живого огня: все лечит время, понемногу отгорала обида, отпускала мука за Тимоху, поослаб стальной обруч, сжимавший сердце. Даже для Ольги и Настены он начал находить нечастые еще улыбки.

В один из таких дней, когда он уже собирался отгонять стадо от реки, к отмели рядом с ним причалила плоскодонка. Сухощавый мужик в ватнике и резиновых сапогах, с седыми, коротко подстриженными волосами бросил весла в уключинах, выскочил на берег и вытащил лодку на песок.

— Бог в помощь! — обратился он к Сергею. — Как тут у вас — судачок клюет?

В лодке у него было полно рыболовной снасти. Сергей не ответил.

— Эй, парень! Клюет тут, я спрашиваю? — повторил мужик.

Сергей поднял на него тяжелый взгляд.

— Валил бы ты отсюда, полковник, — миролюбиво посоветовал он. — Говна здесь и без тебя хватает. А мало будет — на то у нас бык есть.

— Да ты чего? — попробовал обидеться мужик. — Какой я тебе полковник? И чего это ты тут раскомандовался?

Не говоря ни слова, Сергей сгреб непрошеного гостя за шиворот и за задницу, крутанул вокруг себя и зашвырнул в речку. В мужике было килограммов семьдесят, но и Сергей форму еще не потерял.

После этого ссунул его плоскодонку в воду и ногой оттолкнул от берега.

— Плыви!.. — Предупредил: — Вернешься — с двустволкой встречу. У нас тут демилитаризованная зона. Понял, Голубков?

— Откуда ты меня знаешь? — спросил полковник, стоя по грудь в воде.

— Ты в Чечне контрразведкой командовал. А два года назад в Ставрополе тактические учения проводил.

— Однако память у тебя! Может, поговорим?

— Не о чем нам с тобой разговаривать.

- А я, между прочим, хотел тебе привет от Коли Дьякова передать.
- От какого Коли? — не понял Сергей.
- От полковника Дьякова Николая Дементьевича. Быстро ты своих командиров забываешь!
- Я не забываю. Я просто не хочу их вспоминать. Можешь от меня тоже передать ему привет.
- Может, все-таки поговорим?
- Сказано было: не о чем.
- А если я скажу, что твой друг Тимоха, лейтенант Варпаховский, жив?
- Врешь! Я своими глазами видел, как он с моста сорвался!
- И все же уцелел. Каскадер. Может, хоть из воды разрешишь выйти?
- Вылезай.

Голубков вытолкнул на берег лодку, которую уже начало понемногу уносить течением, потом выбрался сам, таща на ногах плети кувшинок и водяных лилий.

- Что с ним? — нетерпеливо спросил Сергей.
- Все расскажу, — пообещал Голубков. — Дай только сначала отжаться.

Он скинул резиновые сапоги и вылил из них воду, сбросил пудовые от воды ватник и штаны. С помощью Сергея выкрутил их, сколько смог, и расстелил на камнях сушиться. Потом, стыдливо оглядываясь, выжал трусы и майку и снова натянул их на себя. День был солнечный, теплый, вода в Чесне успела прогреться, но после неожиданного купания кожа на щуплом теле полковника пошла пупырышками, а зубы поклацывали от холода.

Сергей снял с себя телогрейку и бросил полковнику:

- Накинь.
- Спасибо. А закурить не найдется?
- Не курю.
- Жалко. А то мои размокли... Ладно. Так вот, Пастух, уцелел твой Тимоха. Несколько переломов ног, рук, сильное сотрясение мозга, что-то с позвоночником, но, в общем, выкарабкался. Сейчас у них в госпитале, где-то в горах.
- Как узнали? — спросил Сергей. — Разведка?
- Нет, они сами на нас вышли. Вычислили его — что он из твоей команды. А за твою голову они, сам знаешь, миллион долларов назначили. Вот и предложили нам...
- Обменять?
- Нет, выкупить. И заломили — сначала триста тысяч баксов, потом сбавили до двухсот.
- И в чем проблема? — спросил Сергей, хотя и сам понимал в чем.

- Если за каждого нашего пленного мы будем платить по двести тысяч баксов...
- Лейтенант Варпаховский — не каждый.
- Дело в принципе. Заплати за одного, всех остальных будут нам продавать. А когда у них останется с десятков наших, а у нас — хоть тысяча их пленников, согласятся на обмен: всех на всех. Как это принято во всем мире. И нам придется согласиться. Такой вот, Пастух, расклад.
- Вы давно из Чечни? — спросил Сергей, невольно переходя на «вы».
- Да уж месяца два. Перевели в Москву. Да ты можешь и на «ты», я не гордый. Или, если хочешь, по отчеству: Константин Дмитриевич.
- Откуда вы все это узнали?
- Дней десять назад мне позвонил полковник Дьяков. Попросил меня найти твой адрес и сообщить о Тимохе. Он же знает, что вы были как братья.
- А он что, моего адреса не мог в части узнать?
- Нет больше твоего адреса в части. И нигде нет. Ни твоего, ни твоих ребят. И в компьютерах нет. Все ваши личные дела — в архиве Минобороны. Там я твой адрес и узнал. Хотел написать, да вот выпал случай приехать.
- Судачка половить?
- Вроде того.
- Знаешь, Константин Дмитриевич, мы все-таки не дипломаты. Поэтому давай — карты на стол. Зачем приехал?
- Дело к тебе, Пастух, есть. И к твоим ребятам. Сергей поднялся.
- Нет у нас никаких дел с Российской армией. И никогда больше не будет.
- Да ты сядь, не кончен разговор. Я не от армии.
- А от кого? ФСБ?
- И не от ФСБ. Не знаю, нужно ли говорить. Ну да ладно. Управление по планированию специальных мероприятий. Небось даже не слыхал о таком?
- Почему? — возразил Сергей. — Даже начальника видел. Высокий, с худым таким лицом, в золотых очках. Ходит в штатском. Зовут Анатолий Федорович.
- Откуда ты его знаешь?
- Пришлось встретиться. Думаю, не меньше, чем генерал-лейтенант. С командующим разговаривал на равных.
- Верно, генерал-лейтенант. Волков Анатолий Федорович.
- В чем он подчинении?

- Ни в чем. Выходы — прямо на Белый дом. Или на Кремль. А на кого именно — никто в Управлении этого не знает.
- Что ему от нас понадобилось?
- Важное дело, Пастух. Трудное. И очень опасное.
- И очень грязное, — предположил Сергей.
- Скажем так — деликатное.
- Так и возьмите у генерала Жеребцова его мордovorотов. Они любят деликатные дела.
- У генерала Жеребцова уже ничего не возьмешь. Погиб он, подорвался на mine. На окраине Грозного, у нашего блокпоста.
- Как там могла оказаться мина?
- Это интересный вопрос. Саперы сказали: обычная противопехотка. Но мне почему-то не больно в это поверилось. Послал своих спецов. Никакая это была не противопехотка. Безоболочковое взрывное устройство с радиоуправлением новейшей конструкции. Всего десять штук поступило на спецсклад. Первая опытная партия. А после этого осталось только девять.
- Когда это было?
- Как раз вечером того дня, когда вас уволили и вывезли в Ставрополь.
- Вон даже как!.. — Сергей надолго задумался, потом спросил: — Значит, ваш Волков считает, что только мы можем справиться с этим делом?
- Нет, это я так считаю, — поправил Голубков. — Но он со мной согласится. У него просто нет выбора.
- Почему именно мы?
- Во-первых, профессионалы. А во-вторых — и это главное — вы — никто. Не имеете никакого отношения ни к армии, ни к ФСБ, ни к каким спецслужбам. Кто ты? Пастух, и только. А твои ребята — обыкновенные обыватели. Ну, служили когда-то в армии, а кто из молодых ребят не служил?
- Значит, мы будем работать без прикрытия?
- Да. Полностью на свой страх и риск. И если провалитесь, рассчитывать вам не на кого.
- Веселенькая перспектива! Насколько важное это дело?
- Если группа создается за полчаса в усиленном составе, а сам начальник Управления лично курирует операцию — важное это дело? Форс-мажор!
- Мы сделаем то, что нужно, — помедлив, проговорил Сергей. — Но только после того, как выкупят Тимоху и доставят сюда.

Голубков с сомнением покачал головой:

— Вряд ли Волков на это пойдет.

— Значит, и никакого дела не будет. Но я так думаю, что пойдет. Скажите ему, что лейтенант Варпаховский знает все о программе «Помоги другу».

— Что это за программа?

— Вы ничего не знаете о ней?

— Даже краем уха не слышал.

— Вам повезло. А Волков слышал. И если Тимохе надоест гнить в чеченском зиндане и он расскажет об этой программе, Волкову недолго останется ходить в генерал-лейтенантах и начальниках Управления.

— А ты не перебарщиваешь? — усомнился Голубков.

— Жеребцову провал этой операции стоил жизни. Тимоха знает, конечно, намного меньше, но Волкову и этого хватит. И он это понимает.

— В опасные игры играешь, Серега!

— Не я их начинал.

— Что ж, доложу. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Посмотрим, — согласился Сергей.

Голубков подошел к лодке, вытащил из кормового отсека завернутый в целлофан портативный радиопередатчик и сказал в него несколько слов. Через три минуты откуда-то из заречной ложбины поднялся легкий вертолет и опустился на пригорке, распугав шумом своего двигателя коров. Голубков сунул голые ноги в резиновые сапоги, сгреб в охапку штаны и ватник и, вернув Сереге его телогрейку, зашагал к машине.

— А лодка? — крикнул ему вдогонку Сергей. Голубков махнул рукой:

— Себе оставь. Может, когда и выберусь порыбачить!..

Он скрылся в люке, вертолет взмыл и ушел в сторону Москвы. Ольга, хлопотавшая возле избы, проводила его взглядом и с тревогой спросила Сергея:

— Кто это был?

— Так, знакомый, — неопределенно отозвался он. — Передал привет от полковника Дьякова.

И он защелкал кнутом, сбивая в кучу стадо и отгоняя его на сухотину.

* * *

Через три дня другой вертолет, потяжелей, военно-транспортный, всполошил гулом двигателя всех дворняг в округе и взрыбил воду в тихих заводях Чесны. Он опустился на том же пригорке неподалеку от пастуховской избы. А когда двигатель заглох и словно бы опали лопасти, из сдвинутого в сторону люка выставили лесенку, потом четыре солдата осторожно снесли по ней инвалидную коляску и поставили ее на землю.

В коляске сидел Тимоха.

Лейтенант Тимофей Варпаховский. В парадной форме, с медалью «За отвагу» и «Орденом Мужества».

Худущий. Бледный. Небритый.

Живой.

Ольга как увидела его, так сначала глазам своим не поверила, а потом ахнула и разрыдалась, обнимая его и уткнувшись лицом в его колени. А Тимоха лишь смущенно улыбался, гладил ее короткие черные волосы и бормотал:

— Да что ты? Оль! В натуре! Ну, перестань, все путем, я уже ходить немного могу. Ну, Оль! Слышь? Кончай плакать!..

Следом за солдатами из вертолета появился полковник Голубков. На этот раз он был в сером костюме, сидевшем на нем как-то наперекосяк, будто бы пиджак был застегнут не на ту пуговицу. А с ним — еще один штатский, лет тридцати, накачанный такой малый, с хорошим открытым лицом. Голубков пожал Сергею руку, представил спутника:

— Майор Васильев, он в нашей группе. Вадим Алексеевич.

— Просто Вадим, — поправил тот, здороваясь с Сергеем. — А вы, значит, и есть тот самый Пастух? Много о вас слышал.

— Ну вот, Серега, твое условие выполнено, — проговорил Голубков. — Может, пора нам и о деле поговорить?

Сергей кивнул:

— Теперь можно...

III

Святые угодники! Если бы кто-нибудь сказал, что мне предложат такое дело и я за него возьмусь, даже не знаю, куда бы я послал этого провидца. Но очень далеко. Очень. Я и теперь не взялся бы за него ни за какие коврижки. Если бы не Тимоха. Они сделали сильный ход. Очень сильный. И выйти из игры я уже не мог.

И главное было совсем не в том, что мы должны будем работать в чужой стране, о которой ни черта не знаем, кроме того, что там танцуют сиртаки. И не в том, что без какого-либо прикрытия. Про оружие и не говорю, какое там может быть оружие! И если бы нужно было выкрасть — или, как выразился полковник Голубков, переместить — какого-нибудь бандюгу, мафиози или агента-двойника, вопросов бы не было. Но речь-то шла совсем о другом человеке — об Аркадии Назарове!

Который во время путча девяносто первого года нес от биржи стометровый российский флаг.

Который стоял рядом с Ельциным на танке возле Белого дома.

И который через несколько месяцев после этого сказал Ельцину прямо в лицо перед десятками телекамер:

— Борис Николаевич, своим бездействием вы просрали нашу победу!

Он, конечно, не совсем так сказал, но смысл был именно такой, и все это поняли. В том числе и сам Ельцин.

И этого человека «несанкционированно переместить» в Россию?

Полковник Голубков излагал суть дела короткими фразами, без рассуждений — так, как ставят боевую задачу. Но мне показалось, что немногословие его вызвано другим — стремлением поскорее с этим покончить.

— Таким образом, ваше задание состоит из трех частей, — подвел он итог. — Первая: заблокировать контакты объекта с третьими лицами. Вторая: обеспечить безопасность объекта. Это — одна из важнейших задач операции. И наконец, третья — переместить объект в пункт, который будет указан вам позже. Вопросы есть?

— По первым двум частям — нет. По третьей... Чем вызвана эта необходимость? — спросил я.

— Не в курсе.

— Вот как?

— Мы солдаты, Серега. Нам отдают приказ — мы выполняем.

— Каждый солдат должен знать свой маневр. Это еще Суворов сказал, — напомнил я.

— Свой, — подчеркнул Голубков. — Даже Суворов не объяснял гренадерам общий замысел.

— Я не гренадер. А вы не Суворов. Если я что-то делаю, я должен понимать, для чего. Кто в курсе?

— В Управлении, думаю, только сам Волков.

— Я хочу с ним встретиться. Голубков кивнул:

— Доложу.

— И еще, — продолжал я. — Мне нужна вся информация, которая у вас есть. Досье, агентурные данные, все остальное.

— Это сверхсекретные документы.

— Константин Дмитриевич, мы можем работать без оружия. Мы можем работать без прикрытия. Но с завязанными глазами не можем. И никто не может.

— Он прав, — заметил майор Васильев, молчаливо присутствовавший при разговоре.

— Но я же не могу дать ему допуск. И Нифонтов не может. Это наш начальник, — объяснил мне Голубков. — Генерал-майор.

— Волков может? — не отставал я.

— Он-то, конечно, может.

— Пусть он и даст. Мне без разницы, от кого я получу документы. Хоть от вашей уборщицы.

Голубков поднялся с бревна, на котором мы сидели.

— Попробую с ним связаться, — сказал он и направился к вертолету.

— Хорошие у вас тут места, — заметил майор Васильев. — Тишина. Простор. Настоящая Россия. А там — церковь? — кивнул он в сторону Заулка, где виднелись три купола, один большой и два поменьше, поблескивающие в закатном солнце позолотой крестов.

— Да. Спас-Заулок.

— Действующая?

— Действующая.

— Это хорошо. Бабка моя говорила: если храм стоит, значит, земля живая...

Я огляделся. Солдаты подтащили коляску с Тимохой к избе, Ольга уже поила его молоком. Молоко здесь было такое, что к утру в банке набегало сливок на четыре пальца, на нем Тимоха быстро отъестся. Буренки, пользуясь недосмотром, разбрелись по всему берегу Чесны. Я взял кнут и направил стадо в пойму.

Когда я вернулся, майор Васильев стоял у бревна и курил сигарету.

— Богатый у тебя кнут, — оценил он.

— Еще дедовский. Настоящая сыромять. Четыре с половиной метра.

— Ловко ты им управляешься. Трудно, наверное?

— Чего тут трудного? — удивился я и выщелкнул кончиком кнута окурок прямо у него изо рта.

Он отпрянул, а потом рассмеялся, обнажив ровные белоснежные зубы.

— Ты прямо ковбой! Лихо! Дай попробовать!

— Ну, попробуй, — сказал я и на всякий случай отошел подальше.

Майор примерился к кнуту, с форсом размахнулся и врезал себе по заднице так, что бросил кнутовище и обеими руками схватился за ожженное место.

Полковник Голубков, подоспевший от вертолета, только головой покачал.

— Пацаны, да и только!.. Беги переодевайся, — кивнул он мне. — Волков встретится с тобой в двадцать пятнадцать.

— К чему такая спешка? — удивился я.

— К тому. Есть свежая информация. Зафиксирован телефонный звонок. Завтра с компаньоном Назарова встречается какой-то тип. Скорей всего — эмиссар КПРФ. Вероятно, будет договариваться о встрече с самим Назаровым. Нужно успеть предотвратить этот контакт.

— Но я не могу так сразу. Надо найти, кто бы меня подменил. Стадо без присмотра не бросишь.

— Боже ты мой, какой только ерундой не приходится заниматься!

Голубков, конечно, не совсем так выразился, но в этом смысле. Он повернулся к майору:

— Вадим Алексеевич, километрах в пятнадцати отсюда воинская часть. ПВО. Мы тебя высадим возле нее, возьмешь у командира машину и двух солдат — молодых, деревенских. И привезешь сюда. Пусть ходят за стадом, пока Сергея не будет. А не будет его дней десять. Сам потом доедешь до Луховиц, а там электричкой до Москвы.

— Где же они будут жить? — спросил я.

— Палатку поставят. У тебя связь с ребятами есть?

— Адреса. У Артиста, Мухи и Трубача — телефоны.

— За сколько ты их сможешь собрать?

— Ну, дня за три.

— Отставить. День — на все. Послезавтра вы должны вылететь в Никосию. Самолет в восемнадцать тридцать из Шереметьева-два.

— Больно ты шустрый, Константин Дмитриевич! Док в Подольске живет. А Боцман вообще в Калуге.

— Получишь машину. Хорошую. И с хорошим водителем. С рассветом выедешь, быстро обернешься.

— А загранпаспорта, визы, билеты?

— Не твоя забота. Три минуты на сборы. Паспорт не забудь!..

В избе я натянул джинсы и коричневую кожаную курточку, купленную по случаю в Грозном у какого-то турка, сунул ноги в кроссовки, показал Ольге, где лежат деньги — остатки моего последнего офицерского жалованья.

— Опять в Чечню? — упавшим голосом спросила она.

— Ни Боже мой! Совсем в другую сторону. На Кипр.

— Не врешь?

— Разве я тебе когда-нибудь врал?

— А то нет? Всю дорогу. «Рекогносцировка, рекогносцировка»! А потом я узнаю, что за твою голову назначили миллион долларов.

— Жалко, ко мне не пришли. Я бы, может, и продал. А что? С миллионом баксов можно и без головы прожить. Живут же многие. Было бы куда водку лить.

— Куда же ее лить, если рта нет?

— Никаких проблем! Можно и через задницу. Как водители-дальнобойщики. Засадил клизму граммов в двести — и запаха никакого, и полный кайф! Извини. Шутка, конечно, казарменная.

Больше не буду. Ну, постараюсь!

— Да я уж привыкла... В том месте, которое ты назвал Кипром, — там действительно не стреляют?

— Да они и слова такого не знают! — заверил я. — Они сиртаки танцуют, когда им стрелять.

— И что ты там будешь делать?

— Что и все. Танцевать сиртаки.

— Перед отлетом заедешь?

— Не знаю. Может быть. Постараюсь. Я поцеловал ее и Настену, обнял Тимоху.

— Как же вы будете без меня? — спросил он, и в голосе его была такая тоска, что мне стало не по себе.

— Без тебя, Тимоха, нам будет, конечно, очень трудно, — ответил я. — Но у тебя сейчас другая задача — приходиться в норму. Чтобы к нашему возвращению стометровку за десять секунд бегал. Приказ ясен?

— Так точно, капитан!

— Так-то лучше...

Минут через десять после того, как мы взлетели, вертолет снизился у КПП воинской части, о принадлежности которой к ПВО говорили огромные полусферы радаров. Здесь майор Васильев выпрыгнул, а мы взяли курс на Москву. Еще через час, пересев на военном аэродроме с вертолета в неприметную серую «Волгу», въехали в Москву и остановились возле жилого дома где-то в районе Гольянова. На восьмом этаже полковник Голубков отпер своим ключом стальную, обшитую простеньким дерматином дверь и посторонился, пропуская меня внутрь.

Это была обычная трехкомнатная квартира с узкой прихожей и десятиметровой кухней. Но обставлена она была, как присутственное место. Лишь в самой большой комнате были не столы, а четыре кровати с тумбочками, заправленные без особых затей, отчего комната напоминала офицерское общежитие.

— Мы сюда баб водим, — с усмешкой объяснил мне полковник Голубков, хоть я его ни о чем не спрашивал.

Я кивнул. Понятно, каких баб они сюда водили.

В кухне сидел какой-то молодой парень в штатском и читал «Известия», придерживая страницы одной рукой. Вторая лежала у него на коленях, на черном атташе-кейсе, от ручки кейса к запястью тянулась короткая стальная цепочка.

При нашем появлении он молча встал, открыл зашифрованные замки и передал Голубкову толстую серую папку. После чего опустился на тонконогий кухонный табурет и вновь принялся за газету. Голубков провел меня в одну из комнат и положил папку на письменный стол.

— Садись. Вникай. Записей — никаких. Вопросы можешь задавать.

— А где Волков? — спросил я.

— Подъедет. Сейчас девятнадцать ноль пять. Времени у тебя хватит.

Я развязал тесемки и раскрыл папку. Вопросы у меня появились довольно быстро, и хотя я понимал, что Голубков ответить на них не сможет, один все-таки задал:

— Свежая информация — от кого?

— Есть там человек.

— Резидент?

— Да.

— В Никосии?

— В Ларнаке. Это на южном берегу Кипра. Объект живет там. Снимает виллу в пригороде на берегу моря.

— Этот резидент — ваш, из Управления?

— Нет.

— ФСБ? Служба внешней разведки?

— Неважно. В этой операции он работает на нас.

— У нас с ним будет связь?

— Нет. У него с вами — будет. Конкретно — с тобой. Если позвонят и попросят Сержа — это он и есть. Так что насчет информационного обеспечения не беспокойся.

Насчет этого я не очень и беспокоился. Беспокоило меня совсем другое.

— Шесть человек на это дело — не слишком ли много?

— Начальство решило — нет. Ты что, не хочешь дать своим ребятам немного подзаработать?

— Немного — не хочу, — ответил я. — Хочу — много.

Голубков усмехнулся:

— Тем более...

В начале девятого я покончил с документами и закрыл папку. Голубков отнес ее на кухню и передал штатскому. Тот спрятал папку в кейс, защелкнул замки и вышел из квартиры. И все это — без единого слова.

Ровно в двадцать пятнадцать стукнула входная дверь и вошел Волков. Видно, и у него был свой ключ. Он был в светлом летнем костюме и почему-то не в надетом, а лишь в наброшенном на плечи легком плаще. После нашей встречи в Грозном, в кабинете командующего армией, он нисколько не изменился. Да и с чего бы, времени-то всего прошло чуть больше двух месяцев. При его появлении Голубков встал. Поднялся и я — сработала многолетняя армейская привычка.

— Добрый вечер, — поздоровался Волков.

— Здравия желаю, — ответил Голубков. — Познакомьтесь, Анатолий Федорович. Это Сергей Пастухов.

— Мы знакомы. Садитесь, товарищи. Рад, Пастухов, что вы согласились поработать на нас. Не сомневаюсь, что ваша команда справится с этим делом. У вас есть вопросы ко мне. Задавайте. Все. Потому что больше мы с вами не встретимся.

Я начал с главного.

— Что будет с Назаровым, когда мы доставим его в Москву?

— Не в Москву, — возразил Волков. — Ваша задача — переместить его в Россию. А еще точнее — на польско-белорусскую границу в указанном месте.

— На польско-белорусскую границу? — переспросил я.

— С детальной разработкой он еще не знаком, — объяснил Голубков Волкову.

— Понятно, — кивнул тот.

— И все-таки, — повторил я. — Рано или поздно он окажется в Москве.

Волков, видимо, понял, что — хочет он того или нет — отвечать на мой вопрос придется.

— Попробую объяснить. Хоть это и не мой вопрос. Как вы, надеюсь, поняли из этих документов, — указал он взглядом на письменный стол, словно бы на нем еще лежала серая папка, — наш объект — фигура весьма крупного масштаба, человек, широко известный и популярный на Западе и в среде нашей либеральной интеллигенции, с прочным имиджем деятеля демократического толка.

— Я и раньше об этом знал, — заметил я.

— И как вы оцениваете его деятельность?

— Насчет всей деятельности — не скажу, не в курсе. Но он мне нравится. А вам?

— Я отдаю должное его организаторским способностям и умению мыслить государственными категориями, — уклонился Волков от прямого ответа. — Так вот, разногласия нашего объекта с Борисом Николаевичем Ельциным уже давно дают недоброжелателям на Западе и оппонентам внутри страны возможность трактовать их как отход президента от провозглашенной им политики реформ. После неудачного покушения на господина Назарова наши контрагенты усилили пропагандистскую кампанию, обвиняя высшее руководство страны в попытках возродить практику политического террора. Понятно, что это наносит ущерб престижу России и мы не можем с этим мириться.

— Кто организовал взрыв яхты «Анна»?

— Я ожидал, что вы зададите этот вопрос. У нас нет сомнений, что это дело рук конкурентов Назарова или его партнеров по бизнесу.

Я промолчал.

— Если бы это было поручено нашим спецслужбам, как заявляют некоторые западные газеты, он бы не уцелел, — счел нужным добавить Волков.

Я хотел снова промолчать, но это было уже как-то неудобно и я кивнул:

— Ну, допустим.

— Наша задача, таким образом: обесценить карты наших противников, — продолжал Волков, решив, видно, что его доводы меня убедили. — Это можно сделать разными путями. Один из них: организовать встречу господина Назарова и Бориса Николаевича, не один на один, конечно, а в ходе какого-нибудь мероприятия. И показать ее по телевидению. Чтобы все убедились, что господин Назаров и президент общаются, как уважающие друг друга политические деятели. Есть еще один вариант. Если вы внимательно читали документы, то должны были обратить внимание на проект Назарова по восстановлению нефтеносности наших загубленных и истощенных месторождений. Он хочет осуществить его с немецкими партнерами. Мы предложим ему средства Центробанка или уполномоченных коммерческих банков, дадим соответствующие гарантии. Эффект понятен: Россия получает миллионы тонн нефти, открываются десятки тысяч новых рабочих мест, а господин Назаров активно включается в деловую жизнь России. И руководит своими фирмами и предприятиями не из Женевы или Лондона, а из Москвы. После этого его уже никому не удастся использовать в политической игре. Я ответил на ваш вопрос? Я спросил:

— Если все так, для чего вообще эта операция с перемещением? Почему бы просто не объяснить все это самому Назарову? Может быть, это его убедит добровольно вернуться в Москву?

— Объясните. Ничего не имею против. Это было бы идеальным решением.

— Вы прекрасно понимаете, что это должен сделать не я.

— А кто? Сам президент?

— Или человек, достаточно близкий к нему.

— Не уверен, что такой человек согласится лететь на Кипр для переговоров с Назаровым. И не очень уверен, что эти переговоры могли бы кончиться успехом.

— По-вашему, Назаров будет сговорчивей, если мы привезем его со связанными руками и ногами и с кляпом во рту?

— Послушайте, Пастухов, — проговорил Волков, — мы не о том сейчас говорим. Я имею определенные указания и обязан их выполнить. Обсуждать последствия этой акции — не в моей компетенции. И не в вашей. Давайте в этих рамках и вести разговор. У вас есть конкретные вопросы?

У меня были конкретные вопросы. И не один. Но я понял, что он будет отвечать на них так же. Поэтому сказал:

— Нет.

— В таком случае давайте обсудим размер вашего гонорара за эту работу, — предложил Волков.

— По пятьдесят тысяч баксов каждому, — сказал я. — Плюс все расходы.

— Вы сможете обосновать эту цифру?

— Вам кажется, что это слишком много?

— Я сейчас не говорю о том, много это или мало, — возразил Волков. — Я хочу понять, откуда она взялась. Просто потому, что это красивая круглая цифра, или еще почему?

— Если мы попадемся на этом деле, все или один из нас, то получим по двадцать лет тюрьмы. Наши семьи должны будут на что-то жить. Пятьдесят тысяч на двадцать лет — это чуть больше, чем по миллиону рублей в месяц. Не ахти что, но прожить можно.

— В вашем обосновании мне больше всего не нравится слово «если», — заметил Волков.

— Если бы вы знали, как оно не нравится мне! — ответил я. — Но мы должны считаться с этой возможностью.

— Мы уже заплатили двести тысяч долларов за лейтенанта Варпаховского, — напомнил он.

— Вы заплатили не нам. Вы просто оплатили его работу в Чечне. И гораздо дешевле, чем она стоит. Кстати, вы вышибете его из армии так же, как нас?

— Нет. Он будет уволен по состоянию здоровья.

— И на том спасибо, — сказал я.

Волков ненадолго задумался, потом спросил:

— Как я понимаю, вы не даете мне выбора?

— Нет.

— Что ж, я вынужден согласиться. Пятьдесят процентов сейчас, пятьдесят — после завершения операции. Мы откроем для вас валютные счета в Сбербанке.

— Никаких Сбербанков, никаких счетов, никаких пятьдесят процентов. Все — вперед и наличными.

— Вы не доверяете мне?

— Конечно, нет. Если бы я имел с вами дело как с частным лицом, я бы подумал, как ответить. Но вы — представитель государственного учреждения. А сейчас в России госучреждениям доверяют лишь последние идиоты. И их становится все меньше.

На этот раз он думал чуть дольше. Наконец кивнул:

— Я вынужден согласиться и с этим. У нас есть еще невыясненные проблемы?

— У меня нет.

— И у меня нет. — Он встал. — Желаю удачи.

— Вам тоже, — сказал я.

Голубков вышел его проводить, его не было минуты четыре. Видимо, Волков давал ему какие-то цэу. Потом полковник вернулся.

— Крепко ты его взял за горло, — отметил он, и неясно было, чего больше в его тоне — одобрения или осуждения.

— Надеюсь, — ответил я.

— А как он отвечал на твои вопросы, а?

— Ни одному его слову не верю!

— Да? Ну-ну! — неопределенно отозвался Голубков и как-то словно бы искоса, с интересом посмотрел на меня. И вновь я не понял, одобряет он или осуждает мои слова. — Ладно, Пастух, отдыхай. Смотри телевизор, а еще лучше — спать пораньше ложись. Машина за тобой придет в пять утра. Ключ от входной двери у водителя есть. Когда соберешь ребят, дашь мне знать. Встретимся здесь

— Как я с вами свяжусь?

— Водитель знает. Спокойной ночи, Серега.

— Спокойной ночи, Константин Дмитриевич...

Когда он ушел, я вытащил записную книжку и подсел к телефону. Нужно было вызвонить Артиста, Муху и Трубача, чтобы завтра не тратить на это время. Но в трубке стояла мертвая тишина — телефон был отключен. Я сунулся было позвонить из уличного автомата, но дверь была заперта и не отпиралась изнутри. Мощная дверь, динамитом ее только и возьмешь. Крепкие решетки на окнах. Однако! Я к Кипру даже на метр не приблизился, а уже сидел в тюрьме. Что у них за порядки такие?

А и хрен с ними, решил я. Пощелкал кнопками телевизора, но глазу не за что было зацепиться. Поэтому плюнул на развлечения, залез под душ, а потом завалился на одну из кроватей в большой комнате. Все-таки встал я сегодня с петухами, а завтра предстоял хлопотливый день.

IV

К Калуге мы подъехали в половине восьмого утра, еще минут сорок потеряли, пока искали улицу Фабричную, на которой жил Боцман.

Полковник Голубков не соврал: машину нам дали классную, лучше не придумаешь: серебристый джип «патрол» с двигателем-«восьмеркой» мощностью не меньше трехсот сил. И водитель был под стать тачке: лет тридцати, плотный, как молодой подберезовик, в штатском, но явно с армейской выправкой. Старлей или даже капитан. Но он не сказал, а я не стал спрашивать. Назвался просто: Валера. Ну, Валера и Валера. Лишь бы дело знал. А он его знал. На свободных участках «патрол» разгонялся километров до двухсот, сонные гаишники даже жезл не успевали поднять и заверещать в свисток. Но информацию на соседние посты о злостном нарушителе скоростного режима почему-то не передавали. А может, и передавали, но там не решались задержать нас. На джипе не было никаких ментовских прибабасов вроде мигалок или сирен, но, возможно, в номере, с виду вполне нормальном, была какая-то цифирка, означавшая, что это машина спецслужбы. Или по-другому рассуждали: если человек прет таким нахалом, значит, имеет на это право. И если бы не запрудившие все шоссе фуры и тяжелые грузовики, снявшиеся спозаранку с ночных стоянок, мы были бы в Калуге уже часов в

семь утра. Но дорога — это дорога, у нее свой отсчет времени.

В общем, когда я поднялся на пятый этаж блочной «хрущевки» без лифта и позвонил в нужную дверь, жена Боцмана сказала, что Митя уже уехал на работу, он с девяти, но добираться на двух автобусах, а они плохо ходят и к тому же — час «пик», все на работу едут.

Митя. Дмитрий Хохлов. Боцман,

— Где он работает? — спросил я.

— Охранником в пункте обмена валюты. Возле автовокзала, слева, там вывеска издали видна. А вы кто?

— Мы вместе служили. Я Сергей Пастухов. Она недоверчиво посмотрела на меня:

— Вы и вправду Пастух? Надо же. Митя много про вас рассказывал. Я думала, что вы, как этот — Шварценеггер. А вы самый обыкновенный. Даже и не слишком из себя видный.

— Ну, спасибо, — сказал я.

Боцману было двадцать шесть лет, а жене его я дал бы не больше двадцати. Красавицей я бы ее не назвал, но было что-то в ее круглом, чуть скуластеньком лице, какой-то затаенный внутренний свет, который пробивался даже сквозь утреннюю будничную озабоченность.

Их трехлетний сын, полуодетый к детскому саду, крутился тут же, в тесной прихожей, на пороге которой мы разговаривали. Он был весь в Боцмана — такой же чернявый, бука букой, тоже весь в отца.

— Ты чего такой строгий? — спросил я его. Он посмотрел на меня исподлобья и юркнул за юбку матери.

Она улыбнулась:

— Чужих стесняется. Как и Митя.

— Ну, как он?

Она поняла, что я имею в виду.

— Да как тебе сказать, Сережа... Днем молчит. Ночью иногда вскакивает и орет. Верней, наоборот: сначала орет, потом вскакивает. А потом сидит на кухне до утра, кулак на кулак, и лбом на них или подбородком. И взгляд иногда — как у рыси. — Она посмотрела на меня и добавила: — Как у тебя. Испортила вас эта война. Хоть вернулись — и то, слава Богу... Извини, мне на работу к девяти, а еще Саньку в садик нужно.

— Может, подвезти? — предложил я. — У меня машина внизу.

— Да нет, тут рядом, мы дворами ходим. А обменный пункт сразу найдешь. И автовокзал каждый покажет. Через центр, на другом конце города...

Автовокзал мы нашли быстро и вывеску обменника тоже увидели издали. Я велел Валере остановить машину метрах в тридцати и подошел к обменному пункту. Он располагался в торце какого-то дома, входная дверь была открыта и подперта колышком. Внутри было пусто, в этот ранний час нужды продавать или покупать доллары ни у кого еще, видно, не было. По

предбаннику от стены к стене бродил Боцман, иногда останавливаясь и во всю пасть зевая. Он был в серой униформе «правопорядка», только ботинки у него были наши, спецназовские.

Я выждал, когда он повернется и окажется спиной к входной двери, проскользнул внутрь и сзади положил руку ему на плечо.

— Замри, парень! Это ограбление!

И не успел договорить, как уже лежал мордой в пол, радуясь, что на линолеум еще не успели натащить грязи, а Боцман сидел на мне верхом и деловито защелкивал на моих запястьях наручники. Я вывернул шею:

— Боцман, твою мать! Он ахнул:

— Ты?!

Мгновенно сбросил с меня браслетки и рывком поставил на ноги.

— Что такое, Дима? — спросила из узкого зарешеченного окошка кассирша.

— Все в порядке! Какой-то алкаш думал, что это палатка!

И — мне, быстрым шепотом:

— Машина есть?

— Есть.

— Я сейчас ей скажу, что хочу налить кофе. Она откроет дверь. Сразу бей меня по кумполу и входи. Кнопка тревоги у нее под столом слева. — Он сунул мне тяжелый газовый пистолет, похожий на кольт 38-го калибра. — Только без дураков бей. Пушку потом брось, пальцы сотри. Начали!

— Боцман! — изумился я. — Обалдел?! В самом деле решил, что я хочу взять вашу вшивую кассу?!

— А нет? — спросил он, словно бы даже разочарованно. — Тогда здорово, Серега!

— Здорово, Димка! Мы обнялись.

— Опять этот пьяный? — спросила кассирша, пытаюсь углядеть через свою амбразуру, что происходит в предбаннике. — Может, наряд вызвать?

— Не нужно. Просто старого друга встретил.

— Скажи, чтобы она вызвала тебе подмену, — подсказал я.

— На сколько?

Я немного подумал и ответил:

— Повезет — навсегда. Не повезет — лет на двадцать.

— Какие дела?

— Узнаешь.

— Чечня?

— Нет.

Больше он вопросов не задавал. Так уж у нас повелось. Все знали: придет время — скажу.

Мы смотались на «патроле» за сменщиком Боцмана, потом заехали на Фабричную — Боцман переоделся и взял паспорт. Из автомата позвонил на работу жене, сказал, что уедет ненадолго в Москву.

— Недели на две, — уточнил я.

— Недели на две, — повторил он в трубку, немного послушал и сказал: — Я тебя тоже...

И вышел из будки.

На обратную дорогу мы потратили больше трех часов, хотя Валера шел на такие обгоны, что мы с Боцманом судорожно хватались за ручки и упирались ногами в пол, ожидая лобового удара. Но дело Валера знал не хуже Тимохи.

В Подольске мы довольно быстро нашли дом Дока, но на звонки никто не отвечал. Позвонили в соседнюю квартиру. Какая-то тетка долго рассматривала нас через дверной глазок, расспрашивала, кто мы и что, а потом все-таки сказала, что доктор Перегудов сейчас на дежурстве, а работает он на центральной подстанции «Скорой помощи». Но доктора Перегудова там никто не знал. Санитар Перегудов — да, есть, а доктора нет.

— Он сейчас на вызове, — сообщили нам в диспетчерской. — Вот-вот должна вернуться машина.

«Вот-вот» растянулись на полчаса. Наконец во двор подстанции въехала «скорая», дежурный врач пошел в диспетчерскую за новым нарядом, а два санитара присели на скамейку и закурили из красной пачки «Примы». А в Чечне Док курил «Мальборо». Такие-то вот дела.

— Доктор Перегудов! — строго сказал я, подойдя к скамейке. — С этой минуты вы уволены без выходного пособия!

Узнав нас, он заулыбался, но все же спросил:

— За что?

— За служебное несоответствие. Хирургу таскать носилки — это все равно что генералу чистить картошку.

— Жрать захочет, так и почистит, — рассудительно ответил Док. — А что было делать? — объяснил он, когда мы, покончив с его делами, двинулись к Москве. — В подольских больницах вакансий не было, а ездить каждый день в Москву — на дорогу больше потратишь, чем заработаешь. Вот и устроился санитаром. А что? Работа грязная, но вполне честная.

— Вот примерно такая работа нас всех и ждет, — сказал я, но в подробности вдаваться не стал. Да и не при водителе же это делать. — Валера, — попросил я его. — Тормозни у автомата.

— Зачем? — спросил он и из бокса между передними сиденьями извлек трубку какого-то

крутого телефона. — Звони. Хочешь — в Лондон. Хочешь — в Австралию.

— А просто в Москву можно?

— Можно даже в Москву, — подтвердил он.

Я набрал номер Мухи. Ответила его мать. К счастью, я ее знал — она приезжала навестить сына, когда он лежал с небольшим ранением в нашем госпитале. И даже помнил, как ее зовут — Алена Ивановна. Она тоже меня вспомнила.

— А знаете, Сережа, Олежки нет дома, он работает.

— Где?

— Как-то даже неудобно говорить. Он газеты продает в электричках.

— Чего же тут неудобного? Не наркотики же! — возразил я, хотя ее слова не слишком-то меня развеселили. — На каком вокзале?

— На Казанском. Голутвин, Черусти, Шатура — в этих электричках.

— Спасибо, Алена Ивановна... Так, теперь Трубачу.

Я начал набирать номер, но Док остановил меня:

— Коле можешь не звонить, он тоже уже на работе.

— А чем он занимается?

— Любимым делом.

— Шмаляет из «калаша»? В Москве? — удивился я. — В кого?

— Нет, играет на саксофоне. Днем на Старом Арбате. А вечером или когда погода плохая — в подземном переходе на Пушкинской. Я там его однажды случайно встретил.

— И как он?

— Да как и все, — неопределенно ответил Док.

— Ладно, Трубача мы отловим позже, — подумав, решил я и позвонил Артисту. Мужской, с легкой старческой хрипотцой голос (отец, понял я, профессор Злотников) объяснил, что Семен в театре на репетиции. «Хоть один на своем месте», — отметил я. Правда, про такой театр — «Альтер эго» — мне никогда слышать не приходилось. А когда профессор Злотников сказал, что он в Кузьминках, против универмага «Будапешт», я и вовсе озадачился. Какой может быть театр в Кузьминках? Там может быть барахолка у «Будапешта», штук пять пивных и жуткие черные очереди на автобусной остановке в час «пик». Но только не театр. Правда, в этом я мало что понимал. По театрам меня немного потаскала Ольга, когда я был курсантом, а она училась в «Гнесинке». Но этого было явно мало, чтобы чувствовать себя знатоком.

Ну, Кузьминки так Кузьминки. Театр там, как ни странно, действительно был: огромное полукруглое здание на пустыре против «Будапешта», явно не слишком давно построенное. Афиши и рекламные плакаты извещали, что здесь можно по сниженным ценам купить видеотехнику, парфюмерию и много чего еще. Но и для театра место все же осталось. Даже не

для одного: там был какой-то Московский областной, еще один областной — драматический, а рядом с ними и этот самый «Альтер эго» — «Второе я». Театральная экспериментальная студия. Ближайшая премьера: У. Шекспир «Гамлет». Спонсоры: администрация Чукотского национального округа и московское представительство французской фирмы «Шанель». Ни хрена себе! А кто это сказал, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань? Или в этом случае вернее будет: оленя?

Результатами этого театрального эксперимента заинтересовался даже невозмутимый Валера. Он оставил «патрол» у главного входа и включил охранную сигнализацию. Поплутав по лестницам и фойе, мы на цыпочках вошли в зал, где шла репетиция «Альтер эго», и пристроились в заднем ряду.

В зрительном зале свет был погашен, освещалась лишь пустая, без декораций, сцена и режиссерский пульт в проходе у первых рядов. Возле пульта стоял какой-то человек и давал указания осветителям. Лучи софитов побродили по дощатому полу и серым кулисам и сошлись на актере, который в полном одиночестве стоял посреди сцены с кинжалом в руках — скорее, бутафорским, а может, и настоящим. Это и был экс-лейтенант спецназа Семен Злотников. Он же — Артист.

— Текст! — приказал ему снизу, от пульта, режиссер. Артист приблизился к рампе, помолчал и начал монолог:

Быть или не быть — вот в чем вопрос; Что благородней духом — покоряться Пращам и стрелам яростной судьбы Иль, ополчась на море смут, сразить их Противоборством?..

— Стоп! — остановил его режиссер. — И снова не так. Не то, не то!.. — Он резво пробежал по проходу и поднялся на сцену. — Категорически не то! Вы произносите монолог так, словно для вас не существует вопроса. Вы заранее отвергаете эту трагическую возможность — «не быть». Вы презираете ее! Сеня, дружок, откуда в вас эта агрессивность? Вы же интеллигентный еврейский мальчик, это должно быть противно вашей сути. Если хотите — даже сути национального характера!

— Ну почему? — попытался возразить Артист. — Еврейские мальчики в войне Судного дня раздолбали арабов всего за шесть дней.

Режиссер решительно затряс головой:

— Я не о том, совсем не о том! Ваш герой, принц Датский, Гамлет, а не израильский штурмовик! Двойственность, вечный разлад в душе, мучительная борьба не с арабами, а с самим собой, со своим «вторым я»! В вас есть этот душевный разлом, я это почувствовал на просмотре и поэтому взял вас на эту роль. Это величайшая роль и самая загадочная в истории мирового театра! Я разгадал эту загадку, я нашел на нее ответ. Наш Гамлет станет сенсацией на всех сценах мира!

— В чем же ответ?

— Нет, дружок, нет и еще раз нет! Вы сами должны найти его. Я могу вам в этом только помочь. Вы успеваете записывать? — неожиданно обернулся он к темному зрительному залу.

— Он нас, что ли, спрашивает? — удивился Валера.

Оказалось, не нас. От режиссерского пульта поднялась какая-то девица с толстым гроссбухом в руках.

— Все до последнего слова, — сказала она.

Но и вопрос Валеры не остался без ответа. Слух у режиссера был, как у хорошей овчарки. Он всмотрелся в глубину партера и довольно резко спросил:

— Почему в зале посторонние?

— Сейчас выясню, Леонид Давыдович. Девушка подошла к нам и строго сказала:

— Господа, мы будем рады видеть вас на премьере. А сейчас репетиция. Это — таинство. Прошу вас удалиться.

— Миленькая! — взмолился я. — Мы из Калуги, из молодежного театра-студии. Специально приехали посмотреть, как работает такой большой мастер, как Леонид Давыдович.

А сам подумал: «Только бы фамилию мастера не спросила!»

— Вы его знаете? — с некоторым недоверием поинтересовалась она.

— Да кто ж у нас в Калуге его не знает! — вмешался Боцман. Но тут же понял, видно, что слегка зарвался, и уточнил: — В нашем театре-студии.

— Я спрошу у Леонида Давыдовича.

Она поднялась на сцену, что-то сказала режиссеру. Тот мельком взглянул в нашу сторону и великодушно кивнул: ладно, пусть, мол, сидят.

Ему было лет сорок пять. Длинные, до плеч, волосы — черные, не слишком ухоженные. Круглое бабье лицо. Красный бархатный пиджак, а на груди — завязанный пышным узлом шелковый шейный платок, черный в белый горошек. Я хотел сказать ребятам, на кого он кажется мне похожим, но воздержался.

— Итак, продолжим. Досадно, что еще не готов ваш костюм. Я понимаю: непросто ощутить себя датским принцем в этой джинсе. — Слово «джинса» он произнес с нескрываемым отвращением. — Но все же попробуем. Представьте: на вас черное жабо, на плечах — буфы, ноги обтянуты тонким черным трико — так, что виден рельеф каждой мышцы, каждая деталь вашего прекрасного тела.

— Каждая? — переспросил Артист. — Как у солистов балета?

— Вот именно! А в руках у вас — этот кинжал. Вы чувствуете его вес?

— Да.

— Вы чувствуете опасность, исходящую от этой стали, острой как бритва?

Артист провел лезвием по ногтю, согласился:

— Да, хорошо наточен.

— Вы чувствуете, как тонка ваша одежда, как беззащитна ваша кожа, как легко эта сталь войдет в ваше тело?

— Ну, это смотря куда ткнуть.

— Да нет же! Мы не о том сейчас говорим! В этом кинжале — ответ на самый мучительный для вас вопрос: быть или не быть?

— Я не понимаю, почему он для меня мучительный! — почти с отчаянием проговорил Артист. — Не понимаю, хоть вы меня убейте!

— Сейчас поймете, — пообещал режиссер. — Давайте текст после слов: «Иль ополчась на море смут...»

— «Сразить их. Противоборством», — подхватил Артист.

— Дальше!

— «Умереть, уснуть — и только; и сказать, что сном кончаешь тоску и тысячу природных мук, наследье плоти — как такой развязки не жаждать?..»

— Вот! Вот они — ключевые слова не только для всего этого монолога, не только для всей пьесы, но и для самого Шекспира! «Наследье плоти»! Вы понимаете, о чем я говорю?

— Нет, — признался Артист; чувствовалось, что это признание далось ему нелегко.

— Зайдем с другой стороны, — согласился режиссер. — Есть ли во всей пьесе хоть одна ремарка, хоть один намек на то, что Гамлет пытается обнять Офелию, поцеловать — так, как мужчина целует любимую женщину?

— Нет. Даже наоборот — он все время отстраняется от нее.

— А почему?

— Ну, у него другие проблемы.

— Какие?

— Мстить — не мстить за убийство отца.

— Если бы он был тем, кого мы называем настоящим мужчиной, встал бы перед ним этот вопрос?

— Думаю, нет.

— А если бы он был женщиной? Не мужеподобной, а такой, как Офелия?.. Очень хорошо, дружок, что вы задумались. Конечно же, для такого Гамлета ответ однозначен: не быть. «Умереть, уснуть!..»

— Погодите. Вы хотите сказать...

— Не торопитесь, — остановил его режиссер. — Надеюсь, сонеты Шекспира вы хорошо знаете?

— Более-менее.

— Следите за моей мыслью. «Растратчик милый, расточаешь ты свое наследство в буйстве сумасбродном». Сонет номер четыре. «Не изменяйся, будь самим собой». Номер тринадцать. А вот двадцатый: «Лик женщины, но строже, совершенней природы изваяло мастерство. Поженски ты красив, но чужд измене, царь и царица сердца моего». И так далее. Есть ли во всех

ста пятидесяти четырех сонетах хоть один, где автор обращался бы к предмету своей любви именно как к женщине? Нет!

— Почему, есть, — возразил Артист. — «Я не могу забыться сном, пока ты — от меня вдали — к другим близка». Не помню, какой это сонет.

— Шестьдесят первый.

— Есть и еще, — продолжал Артист. — «Что без тебя просторный этот свет? Ты в нем одна. Другого счастья нет».

— Сто девятый. Есть еще восемьдесят восьмом, сто двадцать седьмом и в нескольких других. Так вот, все это — лукавство переводчиков. Я консультировался с крупнейшими шекспироведами, нашими и лондонскими, изучал подстрочники. И в оригинале, буквально в каждом из сонетов, либо обезличенное «мой друг», либо мужское «ты».

— Куда это он гнет? — напряженно морщась, спросил Валера.

— Сейчас, возможно, узнаем, — ответил я. Хоть уже и догадался куда.

Артист, похоже, тоже догадался.

— Значит, по-вашему, Шекспир был...

— Вот именно! — торжествующе воскликнул режиссер. — Это была его огромная личная драма в условиях пуританского общества. И ее-то он и вложил в душу своего самого любимого героя — принца Гамлета! Теперь вы поняли, как нужно играть эту роль?

Артист тоскливо огляделся по сторонам — на закулисную машинерию, на штанкеты, свисающие сверху, на деревянный, подморенный серым портал.

— «Любите ли вы театр так, как люблю его я?..» — проговорил он и обернулся к режиссеру. — Теперь понял.

— Превосходно! Недаром я верил в вас! Наш спектакль обойдет лучшие сцены всего мира!

— Ваш, — хмуро поправил Артист. — А на роль такого Гамлета вам лучше пригласить настоящего гомика.

Он двинулся к краю сцены, к лесенке, ведущей в зрительный зал. Режиссер попытался остановить его:

— Сеня! Что с вами?

— Убери руки, пидор! — приказал Артист и пошел к выходу.

— Злотников, остановитесь!.. Злотников, я обращаюсь к вам!

Артист и ухом не повел.

— Злотников! Верните реквизит! — завизжал режиссер, не придумав, видно, ничего более подходящего.

Артист взглянул на кинжал, про который, судя по всему, забыл, и снизу, почти неуловимым

движением метнул его в сторону сцены. Клинок-то, оказывается, был не бутафорским. Он вошел в портал в метре от головы режиссера. И, судя по звуку, хорошо вошел, не на излете, сантиметров на пять, не меньше.

Метров с двадцати. Неплохо. Я поаплодировал. Меня горячо поддержали Боцман и Док, а Валера — почему-то особенно рьяно.

Артист остановился, недоумевая, откуда несутся эти дружные, но не переходящие в овацию из-за нашей малочисленности аплодисменты. И увидел нас. И тут же, с короткого разбега, прыгнул метра на полтора вверх, в воздухе развернулся и с нечленораздельным радостным воплем упал спиной на подставленные нами руки. Он только и мог повторять:

— Боцман!.. Пастух!.. Док!.. — И снова: — Пастух! Док! Боцман!..

И, может быть, плакал. Во всяком случае, щека моя после объятия с ним была мокрой. Да и у меня самого как-то подозрительно защекотало в носу. Благо, в зале было темно и нетрудно было сделать вид, что никто ничего не заметил.

С шумом и гамом мы вывалились из этой юдоли высокого искусства и погрузились в «патрол». Но прежде чем отъехать, Валера оглянулся на храм Мельпомены, Талии и потеснившего их Меркурия и убежденно сказал:

— Это не театр. Это цирк!..

V

После полумрака зрительного зала и странного действия, свидетелями которого мы были, Москва показалась яркой и полнокровной, как восточный базар. И если бы я не видел этого своими собственными глазами, трудно было бы поверить, что где-то в дебрях огромного мегаполиса, вздыбленного и поставленного на уши тем, что именуется демократическими преобразованиями, на голой сцене театрального зала в Кузьминках сидит человек в красном бархатном пиджаке и мучительно размышляет, как доказать, что Шекспир и его любимый герой принц Датский Гамлет были гомосексуалистами, и тем самым явить изумленному миру блеск своего гения. И тратит на это драгоценное время жизни.

У каждого свои заботы: у кого суп жидкий, у кого жемчуг мелкий. И неизвестно еще, что для самого человека мучительней: жидкий суп или мелкий жемчуг.

А у нас были свои заботы. И если бы этот непризнанный пока гений театрального авангарда узнал о них, он уставился бы на нас так же ошарашенно, как смотрели на него мы. И возможно, так же подумал бы: да на что же они тратят время своей жизни?! И был бы, наверное, по-своему прав. Как правы были и мы. Тоже по-своему.

Между тем время жизни нас уже слегка поджимало. На Казанский вокзал мы приехали в начале пятого, оставили Валеру с его «патролом» на стоянке, прошли на перрон и принялись изучать расписание пригородных электричек. Шансов отловить бывшего лейтенанта Олега Мухина на одном из маршрутов было немного, но все-таки мы решили попробовать. Проще было, конечно, подъехать к нему попозже, когда он после работы вернется домой. А вдруг не сразу вернется? Вдруг отправится к какому-нибудь приятелю или к подружке, если успел ее завести? Можно было и пролететь. А он нужен был сегодня, и как можно раньше. Поэтому распределились: Док взял на себя Шатуру, Боцман — Черусти, Артист — Виноградове и Фабричную, а мне достался Голутвин и «47-й километр». Договорились, где встретимся после обследования маршрутов, и разошлись по электричкам, поданным на посадку.

Я очень давно уже не был в Москве, в электричках вообще мало ездил, и меня сначала удивило, а потом искренне восхитило то, что в них творилось. Это был настоящий базар, но здесь не покупатели обходили продавцов, а наоборот. Чего только не предлагали бродячие офени, переходившие из вагона в вагон: фильтры для воды, кремы от укусов комаров и простуды, исторические романы, даже подтяжки, выдерживающие вес в сто килограммов. Вешаться на них, что ли? Продавали, понятно, и газеты. В основном дешевые: «Московский комсомолец», «Мир новостей», «Мегаполис-экспресс».

Немного отъехав от Москвы, я прошел весь состав из конца в конец, в Выхино вышел и дождался следующей электрички. В Раменском пересел еще на одну. Продавцов газет мне попалось человек десять, но Мухи среди них не было. Уже на обратном пути, пройдя от первого до последнего вагона еще две электрички, я понял, что и на этот раз вряд ли мне повезет. Оставалось надеяться, что повезет Боцману, Доку или Артисту. Но повезло все-таки мне.

Где-то на перегоне между Отдыхом и Удельной я услышал сзади знакомый голос:

— Господа, газета популярной информации «Мир новостей» всегда с вами! Программа телевидения и радио на будущую неделю. Объективный комментарий к сенсационному заявлению генерала Лебеда. Новые законы о налогах с физических лиц. Сенсационные документы о злоупотреблениях в Западной группе войск. Неизвестное об известном. Лучшая газета для семейного чтения. Всего восемьсот рублей!..

И он пошел вдоль вагона, останавливаясь, чтобы дать газету и получить деньги. Он был в простеньком спортивном костюме, на голове — синяя кепка-бейсболка с сеткой на затылке, с длинным козырьком и надписью «Калифорния». Газеты он держал на сгибе левой руки, так официанты держат салфетки, а через плечо, как у автобусного кондуктора, висела небольшая сумка, куда он складывал деньги. Маленький, щуплый. Муха и Муха. Совсем пацан.

Когда он поравнялся со скамейкой, на которой я сидел, я хотел было окликнуть его, но решил, что в людном вагоне это неудобно — сразу начнут на нас пялиться. Поэтому вышел в заднюю дверь, на ближайшей остановке пробежал два вагона по ходу поезда и заскочил в тамбур, рассчитывая перехватить Муху здесь. И как-то обстановка в этом тамбуре мне сразу очень не понравилась. Я даже не понял чем, но здесь была какая-то опасность. И исходила она от двух качков, которые стояли, привалившись к стенке, прихлебывали пиво из банок и время от времени поглядывали в окошко в дверях, разделяющих вагоны. Будто кого-то ждали. В это же окошко поглядывал и я, высматривая Муху. Минуты через три один из парней, повыше, сказал мне:

— Поди-ка, мужик, в вагон, не маячь тут.

— А в чем дело? — спросил я.

— Во козел! — лениво проговорил второй, плотный такой коротышка. — Сказано тебе, вали отсюда! Не понял? Нет? Объяснить?

Я мог бы, конечно, послушать их объяснения и сам им кое-что объяснить, но не хотелось портить настроение себе. И к тому же мне любопытно было, кого это они здесь поджидают. И зачем.

— Все понял, — заверил я их и вошел в вагон. Но одной из створок дверей не дал полностью закрыться, придержал ногой, чтобы не только видеть, но и слышать, что будет происходить в тамбуре.

Некоторое время там ничего не происходило. Качки беспрепятственно пропустили двух торговцев каким-то расхожим товаром, двух пассажиров, переходящих поближе к голове состава, но когда в оконце мелькнула синяя кепка с надписью «Калифорния», побросали банки и преградили Мухе дорогу.

Его, выходит, ждали? Странно, что им могло от него понадобиться?

— Попался, падла? — обратился к нему высокий. — Опять будешь дуру гнать, что бабки принесешь завтра?

— Обязательно, ребята! — заверил их Муха. — Прямо завтра с утра! Вы где будете? На обычном месте, у расписания?

— Гада! — взревел коротышка. — Ты сколько раз нам это уже говорил? Четыре?

— Пять, — признался Муха. — Но завтра, ребята, железно! Прямо с утра!

— Да он изгиляется над нами, сучонок!

— Боже сохрани! — запротестовал Муха. — Я — над вами? Да вы что?!

— Больше не будет, — проговорил высокий. Своими клешнями он разлепил створки входных дверей и стал в проеме, спиной отжимая одну створку, а ногой придерживая вторую. Кивнул коротышке: — Делай!

Тот отшагнул к противоположной двери и пригнулся, изготовась к броску.

Я придвинулся поближе к тамбуру.

— Не суйся туда! — предупредил меня какой-то мужик, стоявший рядом.

— Даже не собираюсь, — сказал я.

И я действительно не собирался. Что мне там было делать? Мне просто любопытно было, как все это будет происходить.

Но ничего особенного не произошло.

Коротышка спиной оттолкнулся от двери и бычком ринулся на Муху с очевидным намерением вышибить его из электрички, которая как раз летела по какому-то мосту или виадуку. Не выпуская из руки газет, а другой придерживая сумку с деньгами, Муха увернулся, в нырке упал на спину и словно бы выстрелил обеими ногами в задницу коротышке, придав ему такое ускорение, что тот сначала выбил, как кеглю, из дверного проема высокого, а следом вылетел сам.

Двери закрылись. В электричках они, как известно, закрываются автоматически.

Да, эти двое, похоже, уже никому ничего никогда не смогут объяснить.

Муха отряхнулся и вошел в вагон.

— «Мир новостей»! — объявил он. — Самая полная и объективная информация обо всех важнейших событиях за неделю!..

— Дай-ка мне, парень, твою газету, — прервал его мужик, который остерег меня соваться в тамбур. — Сдается мне, это правильная газета.

— Но самой важной информации в ней нет, — заметил я.

— Какой? — не оглядываясь, спросил Муха. — он отсчитывал мужику сдачу.

— О том, что лейтенант Варпаховский жив. Он повернулся. И газеты, и сдача вывалились у него из рук.

— Нет, — сказал он. — Нет.

— Да, — сказал я. — Да!..

* * *

Оставался Трубач. Когда все собрались и мы отъехали от Казанского вокзала, был уже восьмой час вечера. Улицы забиты машинами, тротуары кишат людьми. Мы немного поспорили, куда ехать сначала — на Старый Арбат или на Пушкинскую площадь. Но рассудили, что Трубач сейчас, скорее всего, на Арбате — еще довольно светло, день хороший, на Арбате наверняка толпы гуляющих. Так и было. По обеим сторонам Старого Арбата теснились столики с тысячами деревянных матрешек, художники прохаживались возле своих картин, развешанных по заборам и просто разложенных на земле. Через каждые десять-пятнадцать метров стояли парни с гитарами, а то и маленькие оркестры, у Вахтанговского театра какая-то девушка играла на скрипке. Народ слушал, глазел, освежался пивом и чем покрепче.

Я бы тоже с удовольствием послушал и поглазел, но времени не было. Мы прошли Старый Арбат из конца в конец, однако Трубача не обнаружили. Пришлось ехать на Пушку. Валера приткнул «патрол» у «Макдональдса», мы спустились в переход под Тверской. Здесь Трубача тоже не было. Не было и в вестибюле метро. И только на повороте второго подземного перехода услышали саксофон — ни с каким другим не спутаешь. А потом увидели и самого Трубача.

Он стоял у стены между двумя длинными столами-прилавками, на одном из которых были книги, а на другом разные «Пентхаусы» и «Плейбой»: громоздкий, как шкаф, с крупной, рано начавшей лысеть головой, согнувшись над серебряным саксофоном, — будто свечечку защищал своим телом от ветра. Прикрыв глаза и отбивая такт ногой в кроссовке сорок шестого размера, он играл попури из старых джазовых мелодий, уходя в импровизации, а затем возвращаясь к основной теме. У ног его лежал раскрытый футляр от инструмента, куда слушатели бросали свои «штуки» и пятисотки. Слушателей было немного, человек пять-шесть, одни уходили, их место занимали другие. Иногда кто-нибудь просил сыграть на заказ, он играл, а потом вновь заводил свое. Ему было словно бы все равно, есть слушатели или нет, платят они или не платят, он даже не видел их. Он играл для себя.

Я остановился у стола с «Плейбойми», разглядывая роскошные формы изображенных на обложках див, но больше прислушиваясь к сакс-баритону Трубача. Заметив это, не слишком молоденькая продавщица, кутавшая плечи в ветровку из-за знобкой сырости, стоявшей в переходе, заинтересовалась:

— Нравится?

— Ничего, — ответил я и подумал, что соло на автомате Калашникова у него все-таки получается намного лучше.

— Он сегодня не в ударе, — объяснила она. — А когда в настроении — такая толпа собирается, что проход закрывают. Но что-то последнее время нечасто такое бывает.

Наметанным своим взглядом она поняла, что я не из тех, кто покупает ее товар, и ей просто хотелось поговорить.

— За место, наверное, приходится отстегивать? — спросил я, демонстрируя тонкое знание современной московской жизни.

Она пожала плечами:

— А что делать?

— А на него наезжали? — кивнул я на Трубача.

— Конечно, наезжали. На всех наезжают.

— И что?

Она как-то странно усмехнулась и ответила:

— Больше не наезжают.

Мы обступили Трубача, вдвое увеличив аудиторию его слушателей. Воспользовавшись паузой, Док бросил в футляр пятитысячную бумажку и попросил:

— Маэстро, «Голубой блюз», если можно.

Трубач сначала рассеянно кивнул, потом быстро поднял голову и сразу нас всех узнал. И тут же как будто забыл о нас. Отбил кроссовкой такта четыре и неожиданно мощно, чисто, свободно вывел первую фразу. Ну, примерно так, как мы палили бы в небо из своих «калашей» в последний день чеченской войны, салютуя своей победе, — если бы этот день наступил, если бы возможна была победа, и если бы мы до нее дожили.

И пошел! И пошел! Словно бы подменили его инструмент. Или его самого. Спешившие по переходу люди с размаху втыкались в толпу, сразу образовавшуюся вокруг Трубача, а те, кто успел проскочить вперед, останавливались и возвращались обратно. Купюры полетели в футляр, как хлопья апрельского снега. Не прекращая игры, Трубач ногой закрыл крышку футляра, но деньги продолжали сыпаться и скоро самого футляра под ними не стало видно.

Минуты через две я сказал себе: нет, с этой серебристой загогулиной он управляется не хуже, пожалуй, чем с «калашом». А еще через минуту поправился: лучше. Хотя, казалось бы, лучше просто не может быть. Может, оказывается. И намного.

Продавщица «Плейбоев» протиснулась сквозь толпу и сказала мне, сияя глазами:

— А что я вам говорила?

На последних тактах Трубач поднялся на такую высоту, что казалось: не хватит ему ни дыхания, на самого сердца. Но серебряный звук его саксофона уходил все выше и выше, как сверхзвуковой истребитель с вертикальным взлетом вонзается в чистое небо, оставляя за собой белый инверсионный след. И где-то там, в стратосфере, во владениях уже не человека, а самого Бога, этот след истончился и исчез.

Все.

Трубач положил саксофон на хлопя денег, перешагнул через него и обнял нас. Всех пятерых сразу. А заодно — случайно, наверное, — и продавщицу «Плейбоев». Только у него могло так получиться.

Вот теперь мы были все вместе.

* * *

Я попросил Валеру связаться с полковником Голубковым и сказать, что мы готовы встретиться с ним через час. Ехать в Гольяново было минут тридцать пять — сорок, но я взял небольшую фору, чтобы до встречи с Голубковым успеть поговорить с ребятами. Но уже у подъезда притормозил. Вдруг дошло: эта конспиративная квартира вполне могла прослушиваться. Черт. Как я раньше об этом не подумал! Я постарался вспомнить, не сказал ли чего лишнего. Но, кроме фразы «Ни одному его слову не верю!», ничего не вспомнил. Точно, прослушивалась. И Голубков это знал, поэтому так неопределенно реагировал на мои слова. Значит, Волков в курсе, что я о нем думаю. Да и черт с ним. Но о чем я буду говорить с ребятами — об этом ему знать было необязательно. Поэтому я сказал Валере, что мы перекурим на свежем воздухе. Он кивнул и отогнал машину в сторонку, чтобы не светиться перед подъездом, а мы расположились в глубине двора вокруг стола, на котором местные пенсионеры забивали «козла».

Мой рассказ выслушали не перебивая. Когда я закончил, Боцман спросил:

— Кто такой Назаров? Я объяснил. Артист:

— Что с ним сделают?

Я повторил то, что сказал мне Волков.

Муха:

— Ты в это веришь?

— Нет. В досье есть копии материалов уголовного дела, его завела Генеральная прокуратура. Приписки в объемах работ, расхищение стройматериалов. Ущерб — около шести тысяч рублей. Квалифицировано: в особо крупных размерах. При миллионных оборотах — в ценах тех лет — вряд ли размеры эти такие уж крупные. После взрыва яхты дело закрыли — в связи со смертью обвиняемого.

Трубач:

— Думаешь, теперь откроют?

— Не исключено

— И посадят?

— Постараются.

Док:

— У него будут хорошие адвокаты.

— А у них — хорошие прокуроры.

— Грязное дело, — сказал Муха.

Я кивнул:

— Да. Но они выкупили Тимоху.

— Выходит, у нас нет выбора? — спросил Артист.

— Почему? Выбор всегда есть. Сам знаешь: быть иль не быть.

— Значит, закрыли тему, — заключил Док.

Мне было интересно, как они отреагируют на сообщение о пятидесяти тысячах баксов, которые я выжал из Волкова за эту работу. Вяловато отреагировали. Лишь Трубач с усмешкой сказал:

— С этого надо было начинать!

— Эти бабки можно заработать более простым способом, — заметил Боцман.

— Каким? — заинтересовался Муха.

— Банк ограбить.

— Это, конечно, намного проще, — согласился Муха.

Вот так они и отреагировали. И я понимал почему. Эти пятьдесят тысяч были как орден, который любят обещать генералы, ставя трудную боевую задачу. А какой нормальный солдат думает об ордене перед боем? Между каждым из нас и этими деньгами стояло дело, поэтому они и ощущались как некая эфемерность. Они словно бы еще не существовали.

Подошел Валера, напомнил:

— Время.

Мы поднялись на восьмой этаж. Валера впустил нас в квартиру, сам остался на лестничной клетке и запер за нами дверь. Я успел предупредить ребят о прослушке, поэтому осматривались они молча. В комнатах никого не было, а на кухне, как и накануне, сидел тот же молодой парень в штатском с тем же кейсом, прикованным к руке, и читал те же «Известия». Он никак не прореагировал на наше появление, даже мельком не глянул, и у меня создалось впечатление, что он — часть стандартного кухонного набора. Как газовая плита. Или как холодильник.

Минуты через три стукнула тяжелая входная дверь, и в спальне, где мы расположились, потому что в других комнатах для шестерых было тесно, появился полковник Голубков, а с ним — какой-то штатский, лет пятидесяти, довольно высокий, в хорошо сидящем на нем темном костюме, с уверенным лицом. Он был явно той же породы, что и Волков, разве что калибром поменьше.

— Александр Николаевич, — представил его Голубков. — Он руководит операцией.

«Нифонтов, — вспомнил я. — Генерал-майор».

Он быстрым внимательным взглядом оглядел нас. Показал на часы на моей руке:

— «Командирские». Сменить.

Боцману — на его спецназовские ботинки:

— Сменить.

Мухе — под курткой у него была офицерская рубашка «хаки»:

— Сменить.

Еще раз окинул нас общим оценивающим взглядом и недовольно покачал головой.

— Туристы, значит...

— По легенде — да, — подтвердил Голубков. — Кто откуда: из Калуги, из Москвы, из Подольска. Случайно оказались в одной группе.

— Туристы — допустим. А насчет случайно... Нет. Они же — как горошины из одного стручка. Взвод. Посмотрите внимательно.

— Вы правы. Команда, — согласился Голубков. — Может, пусть так и будет — команда? Спортсмены, допустим. Вторая сборная Московской области. Легкая атлетика. Или биатлон.

— Стрельба, — поправил Нифонтов. — Это им ближе. Как они оказались на Кипре?

— В порядке поощрения. Награждены бесплатными путевками за третье место на первенство области.

— А почему не за первое? — спросил я.

— Проверяется, — объяснил Голубков.

— Кто дал путевки? — уточнил Нифонтов.

— Национальный фонд спорта. Это в их компетенции.

— Согласен. Позаботьтесь, чтобы в фонде были их данные.

— Будет сделано.

— Здравствуйте, товарищи спортсмены! — обратился к нам Нифонтов.

— Здорово, тренер, — ответил за всех Трубач. Нифонтов усмехнулся и кивнул:

— Давайте работать.

Голубков принес из кухни планшет, извлек из него три крупномасштабные карты и десятка полтора цветных снимков и разложил их на кроватях. На снимках был курортный городок или поселок, чем-то напоминающий Ялту, снятый в нескольких ракурсах белый двухэтажный дом, полускрытый высокой каменной оградой и ветвями каких-то деревьев, и два человека — за столиком уличного кафе, на набережной, возле ворот дома. Один — высокий, плотный, немного болезненного вида, с редкими русыми волосами. Другой — на голову ниже, круглый, с

лысиной, с сигарой во рту. Оба в летних костюмах, в рубашках с короткими рукавами. Низенький — в шортах, из которых довольно нелепо торчали загорелые кривоватые ноги.

— Высокий — это Назаров, — объяснил Голубков. — Тот, что с лысиной, — Борис Розовский, его компаньон и друг... Это — вилла, Розовский арендовал ее на чужое имя. Сигнализация, видеокамеры, шесть человек вооруженной охраны — местные секьюрити, турки.

На плане Ларнаки он показал квадратик виллы и почти рядом — пансионат «Три оливы». Там нам предстояло жить.

На второй карте был остров Кипр, на третьей — выкопировка топографического плана участка польско-белорусской границы в стороне от трассы Белосток—Гродно. Название поселка или городка Нови Двор было обведено красным фломастером.

— От Нови Двора до границы — пять километров, — продолжал объяснения Голубков. — Дорога местная, пограничного пункта нет. В двух километрах южнее — сосновый бор с густым подлеском, подходит прямо к границе. За контрольно-следовой полосой — тоже лес. Граница охраняется из рук вон плохо. Из Нови Двора позвоните по этому телефону... — Он написал номер, показал всем. — Запомнили? — Тут же сжег бумажку в пепельнице. — Ответит диспетчер. Скажете только одну фразу: «Посылка готова, встречайте ночью». И назовете точное время. Этой же ночью перейдете границу. На нашей стороне вас встретит майор Васильев. Ровно в двух километрах к югу от дороги, не перепутайте. Пароль и отзыв вам тоже скажет диспетчер.

Я с сомнением всмотрелся в точку этого Нови Двора.

— Почему выбрано это место? Там же наверняка каждый новый человек на виду.

— Наоборот, — возразил Голубков. — Там сейчас огромная автомобильная барахолка. На территории бывшего военного городка. Со всей Европы старую рухлядь свозят. Проходной двор. Туда полк веди — никто внимания не обратит.

— Как мы доберемся до Нови Двора? — спросил Док, когда полковник закончил объяснения.

— Ваши проблемы. С Кипра — паром, теплоход, самолет. Можете — через Турцию. Или через Грецию, Болгарию и Румынию. Транзитные визы у вас будут. С транспортом — тоже на месте определитесь. Купите подержанный микроавтобус. Или две легковые машины. На заключительном этапе без своего транспорта вам не обойтись. Деньги на это предусмотрены. Машины бросите у границы.

— Возможны и другие варианты пересечения границы, — заметил я. — Через Брест, Чоп. Или морем до Одессы или Новороссийска. Вполне легальные. Особенно если нам удастся убедить Назарова добровольно уехать с нами.

— Абсолютно исключено, — вмешался Нифонтов. — Могут быть попытки перехватить объект. Оперативное наблюдение ведут наши коллеги из смежных, так скажем, организаций. Нет гарантий, что эта информация не поступает и к другим заинтересованным лицам. Ваша задача: доставить объект на белорусскую сторону границы. Живым. После этого ваш контракт будет считаться полностью выполненным.

Еще минут двадцать уточняли детали. Но, в общем, все было ясно. Ясно, что ничего не ясно. Но я не стал делиться с нашими работодателями своими соображениями.

То ли Нифонтов что-то почувствовал, то ли спросил просто так, на всякий случай:

— У вас есть сомнения? В частностях или в сути?

— В частностях — ничего, кроме сомнений. Насчет сути... — Я пожал плечами. — Вы — заказчик. А мы — ну, как портной. Хотите двубортный костюм — сошьем двубортный. Однобортный — будет однобортный. Я только одно могу уточнить: кепочку с пуговкой?

— Значит, вопросов нет, — заключил Нифонтов.

Голубков уложил карты и снимки в планшет, собрал у нас паспорта и прошел на кухню. Вернувшись, раздал увесистые пакеты в плотной оберточной бумаге.

— Ваш гонорар. Можете не пересчитывать — банковская упаковка.

Мы и не стали пересчитывать. Только Боцман разорвал на одной из пачек бандероль и начал изучать столларовую купюру: смотрел на свет, щупал, разглядывал под разными углами крупный портрет Бенджамина Франклина.

— Боишься, что фальшивка? — удивился Голубков.

— Знали бы вы, сколько сейчас фальшивых баксов ходит! — ответил Боцман. — У моей кассирши однажды детектор забарахлил, так за один день налетела на две сотни!.. Похоже, настоящие, — закончив осмотр, сказал он.

— Я передам нашим специалистам, что вы одобрили их работу, — пообещал Нифонтов.

— Самолет завтра в восемнадцать тридцать, — напомнил Голубков. — Сбор в шестнадцать ноль-ноль в Шереметьеве-два. Получите документы, билеты, деньги на расходы. Летите по путевкам турагентства «Эр-воаяж», в Никосии вас встретит симпатичная девушка — их гид. Никаких записных книжек, писем, телефонов, только паспорта и водительские удостоверения. Никаких самостоятельных передвижений по Москве, машины для вас будут завтра в девять утра. Место сбора водители знают. Сегодня переночуете здесь.

— В режиме гауптвахты? — спросил я.

— Это просто мера предосторожности. Мы хотим быть уверенными, что кого-нибудь из вас не потянет искать приключений. Их у вас и без того будет достаточно. До завтра!..

Нифонтов и Голубков ушли. Я выглянул на кухню — малого с кейсом тоже уже не было. Когда я вернулся в спальню, ребята сидели на кроватях и тупо молчали. Поговорить было о чем, но говорить было нельзя.

— Я чувствую себя проституткой, — заметил Муха. Повертел в руках пакет с баксами и добавил: — Валютной.

— Прогресс, — успокоил его Трубач. — Раньше ты был просто шлюхой, которую имели практически за бесплатно.

— Мы теперь, выходит, наемники, — подытожил Артист.

А Док поправил:

— Солдаты удачи...

* * *

На следующий день в восемнадцать тридцать мы вылетели на Кипр charterным рейсом Москва— Афины—Никосия. Но до этого Боцман успел смотаться в Калугу на выделенной для него «Волге», а я с Валерой на его «патроле» — в Затопино. Я понимал, что, если отдам Ольге баксы, она с ума от беспокойства сойдет. Поэтому спрятал деньги в чулане и показал Тимохе место. Объяснил:

— Здесь сорок пять штук моих и тридцать тысяч зеленых твоих. Не спорь, так решили. Считай, что это твои комиссионные за наш контракт. И если что... Понял?

— Никаких «если что», — ответил он. — Понял?..

И когда джип перевалил через кювет, отделявший деревенский проулок от грунтовки, я почему-то велел Валере свернуть к Спас-Заулку и через четверть часа стоял один в полутемном храме.

* * *

«Это я, это я, Господи!

Имя мое — Сергей Пастухов.

Чин мой на земле — раб Твой.

Дело мое — воин.

Твой ли я воин, Господи? Или князя Тьмы?..

Отец мой небесный, всемилостивый, всеведущий и всемогущий, снизойди к бедным детям твоим, вразуми их и наставь на путь истинный, очисти помыслы их и благослови дела их. И да не будут обделены милостями Твоими и справедливостью Твоей близкие, любимые и любящие их...»

Глава четвертая. Объект внимания

I

С наступлением темноты на южное побережье Кипра обрушивался звон цикад. Из многочисленных уличных кафе и баров на набережной доносились звуки музыки, к полуночи они слабели, а позже исчезали вовсе. Оставались лишь цикады, редкие гудки буксиров на рейде Ларнаки и мерный шум волн, лениво накатывавших на пустые пляжи с выпирающими из песка ноздреватыми каменными глыбами. В легких струях ночного бриза с жестяным шелестом терлись друг о друга листья дубов, покачивались вершины кипарисов и ветви алеппских сосен, в купах которых белели обнесенные террасами виллы, делающие курортные предместья похожими на гавань, где у причалов теснятся дорогие яхты и многопалубные пассажирские теплоходы. А потом все поглощала ночь — мертвая, прекрасная, страшная.

Аркадий Назаров, человек, обозначенный в оперативной разработке Управления по планированию специальных мероприятий как объект внимания, полулежал в белом кожаном шезлонге во дворе одной из вилл в фешенебельном пригороде Ларнаки. Двор был надежно укрыт от внешнего мира высоким каменным забором и плотным строем кипарисов, по всему

периметру ограды постоянно дежурила охрана — молодые смуглые турки, специально выписанные из Анкары. Они не говорили по-гречески и чувствовали себя в этой части острова, населенного греко-киприотами, как во вражеском окружении.

Рядом с шезлонгом Назарова стоял низкий белый стол с квадратной бутылкой виски «Уайтхолл» и серебряным ведерком со льдом, в метре от стола и шезлонга за невысоким мраморным бортиком чернела вода в овальном бассейне, в ней отражались круглые садовые фонари...

Проклятая бессонница!

Проклятая ночь!..

А ведь ночь когда-то была его временем. Ночью отпускало нервное напряжение дня, снисходило глубокое успокоение.

Привычку к ночному образу жизни Назаров приобрел еще в юности, во время учебы на экономическом факультете МГУ. С матерью и младшей сестрой он жил в двенадцатиметровой комнате в огромной коммунальной квартире на Тишинке, и в сутках было всего несколько часов, когда он мог спокойно, без помех, заниматься на общей кухне: с часу ночи, когда в квартире засыпали, и до начала шестого утра, когда принималась греметь чайником и кастрюлями соседка, работавшая на швейной фабрике в первую смену. Позже, после университета и двух лет бессмысленного нищенского прозябания в плановом отделе Минцветмета, он попал на Колыму, в старательскую артель, мывшую золото на отработанных приисках. Летний сезон был короткий, работали по двенадцать часов в сутки без выходных, и молодой, крепко сбитый, высокий и сильный Аркадий Назаров уставал не от тяжелого промыточного лотка, не от перелопачивания отвалов, а оттого, что некуда было укрыться от беспощадного солнца долгого полярного дня. Даже в балок, где старатели спали, сменяя друг друга на деревянных топчанах, сквозь тряпье на оконцах проникали солнечные лучи, не давая забыть про море света и режущее глаза сверкание наледей на обступивших прииск гольцах. И когда после первого сезона он вернулся в Москву и вышел из самолета на ночной Внуковский аэродром, словно бы тяжелый рюкзак спал с его плеч. Груз, привычный, как горб, о котором он даже не подозревал. И тогда он понял, чего хочет: быть свободным, диктовать времени свой счет. И чтобы всегда в его полном владении была ночь. Царица ночь.

А это означало: быть богатым.

Свои первые деньги Аркадий Назаров заработал на Колыме. После трех сезонов на сберкнижке у него было около двадцати тысяч рублей. По тем временам, когда двести рублей в месяц считались очень приличной зарплатой, двадцать тысяч — это было немало, с ними можно было начать присматриваться к какому-нибудь делу. Но тут жена, отношения с которой разладились уже через год семейной жизни, а после рождения сына стали и вовсе невыносимыми, подала на развод и по решению суда о разделе совместно нажитого имущества ополовинила его счет. Он уже собрался на Колыму на четвертый сезон, но тут его нашел Борис Розовский, бывший его сокурсник, и уговорил его ехать командиром ССО — студенческого строительного отряда — в Дудинку на сооружение причалов. К тому времени ССО выродились в бригады умелых шабашников, составлявшиеся не из студентов, а из аспирантов, младших научных сотрудников и молодых инженеров: к отпуску накапливали отгулы, всеми правдами и неправдами брали еще месяц-полтора за свой счет и отправлялись на Крайний Север или в Сибирь, чтобы подработать к своим инженерским или мэнээсовским ста двадцати.

Аркадии согласился. Но не потому, что подряд был выгодным. Причиной послужила случайно

прочитанная статья в «Литературной газете», автор которой, позже ставший видной фигурой в экологическом движении, выступал за немедленный запрет молевого и котельного сплава леса по Лене, Оби, Ангаре и Енисею: запани прорывает, плоты-«кошеля» разбивает на перекатах, огромное количество леса тонет и гниет, отравляя великие сибирские реки. В подтверждение масштабности экологического бедствия приводился пример: в водах Карского моря и моря Лаптевых на долгие устья Енисея, Оби и Лены всю промышленность финские предприниматели, наладившиеся вылавливать вынесенные течением бревна, грузить их на лесовозы и отправлять на свои целлюлозно-бумажные комбинаты.

Угроза флоре и фауне великих сибирских рек оставила Назарова безучастным, а вот информация о финских предпринимателях очень даже заинтересовала. Если они вылавливают столько леса вдалеке от устьев, что на этом почти дармовом сырье могут работать целые комбинаты, сколько же можно собирать в самих устьях?

За время работы студенческого отряда в Дудинке Аркадий досконально изучил обстановку, свел знакомство с нужными людьми из руководства порта и Енисейского пароходства. А вернувшись в Москву, всю зиму потратил на пробивание кооператива экологической направленности. В те годы законами кооперативный способ производства был предусмотрен, но создание кооперативов было обставлено таким количеством ограничений, что пройти сквозь них было не легче, чем провести котельную плотку по ангарским и енисейским порогам. Добрая половина денег, скопленных Назаровым, и все, что сумел заработать и достать в долг Борис Розовский, ушло на подарки, коньяки и рестораны для чиновничьей сошки, а остальное — на подмазку деятелей из Центробанка за разрешение на кредит. Когда же, наконец, производственный кооператив «Экология-лес» обрел официальный статус и на счет его появились сто тысяч кредита, дело пошло живее. Назаров заключил с Дудинским портом договор на очистку акватории порта от топляков, таранивших моторки и иногда даже пробивавших обшивку судов, оговорив отдельным пунктом, что извлеченный в ходе работ лес становится собственностью кооператива, арендовал на месте несколько буксиров и три баржи-самоходки, и как только прошел ледоход, кооператив приступил к работе.

Результаты первого сезона оказались ошеломляющими. За три с половиной месяца навигации кооператив «Экология-лес» поставил Игаркскому лесокомбинату около трехсот тысяч кубометров древесины — столько, сколько дает за год средних размеров леспромхоз. И хотя госрасценки были мизерные, чистая прибыль кооператива — после возвращения кредита, оплаты аренды и щедрого расчета с рабочими — составила около шестисот тысяч рублей.

В следующую навигацию в низовьях работало уже двенадцать самоходных барж и лесовоз класса «река—море» водоизмещением в тридцать тысяч тонн. Расчетная прибыль переваливала уже за миллион, но Назаров понимал, что это не те деньги, которые может дать дело. Нужно было искать выход на границу. Это было настолько сложной проблемой, что Борис Розовский, коммерческий директор кооператива, только руками махал, когда Назаров изложил ему свою идею: «И думать брось! Ничего из этого не выйдет!» Но ему не удалось переубедить друга и компаньона.

В те годы западный рынок был наглухо закрыт для мелких российских товаропроизводителей, даже найти возможного партнера было задачей не из простых. В один из дней на арендованном вертолете он прилетел на Диксон и свел знакомство с командиром погранотряда, базировавшегося на острове. Имя Назарова в этих краях было уже известно, быстрому сближению способствовал и ящик армянского коньяка, запасы которого Аркадий держал как раз для таких случаев. Преисполнившись к гостю самыми дружескими чувствами, пожилой майор, дотягивавший на Диксоне до пенсии, охотно выполнил его просьбу: разрешил пойти на сторожевике в патрулирование и даже сам вызвался его сопровождать.

Расчет Назарова оказался верным. Уже на втором часу был замечен финский лесовоз, промышленявший сбором топляка. Командир погранотряда объяснил, что это дело обычное и они ограничиваются в таких случаях приказом судну-нарушителю немедленно прекратить незаконный промысел. Но на этот раз — по настоятельной просьбе Назарова — командир сторожевика приказал капитану судна оставаться на месте и подать трап для пограничной проверки. Вместе с патрульной группой на борт поднялся и Назаров. Перепуганный капитан беспрекословно предъявил пограничникам все документы, выслушал строгое предупреждение о недопустимости незаконной деятельности в территориальных водах СССР и, едва патруль вернулся на сторожевик, лесовоз на полном ходу ушел на север. Но своей цели Назаров достиг: выяснил, что лесовоз зафрахтован фирмой «Энсо», которой принадлежало несколько деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных комбинатов в Финляндии. Генеральная дирекция фирмы размещалась в Хельсинки, а имя владельца было Урхо Хямляйнен.

Вернувшись после окончания навигации в Москву, Назаров купил в «Интуристе» для себя и Бориса Розовского путевки в Финляндию и в Хельсинки встретился с господином Хямляйненом. Генеральный директор и он же владелец фирмы «Энсо» вежливо выслушал предложение молодых русских господ поставлять его фирме необходимое количество леса на десять процентов дешевле, но интереса к их предложению не проявил: его вполне устраивала существующая схема. Это не обескуражило Назарова. Он оставил владельцу «Энсо» свою визитную карточку на двух языках, русском и английском, и попросил связаться с ним, если господин Хямляйнен изменит свое решение. Он знал, как заставить его это сделать.

Самым сложным оказалось, как и предупреждал Борис, получить разрешение на внешнеэкономическую деятельность. Пришлось проникать в верхние эшелоны власти. Но у Назарова уже был широкий круг деловых знакомых, выйти через них на нужных людей не составило особого труда. В ход пошли не рестораны и коньяки, а суммы с тремя и четырьмя нулями. Алчность чиновничества могла равняться лишь его трусливости. Редко кто отваживался брать просто деньги. Приходилось изворачиваться: в порядке дружеской услуги подсовывались «Жигули» и «Волги», якобы купленные Назаровым по госцене, дорогие мебельные гарнитуры за полцены — якобы с браком. На самом же деле Назаров покупал все это на черном рынке и переплачивал вдвое, а то и втрое. И как это издревле повелось на Руси, взятки брались не за нарушение закона, а за его исполнение.

Все это вызывало у Назарова раздражение, переходившее в бешенство. Не денег было жалко, деньги были, после двух сезонов кооператив «Экология-лес» имел уже больше трех миллионов чистой прибыли. Бесила необходимость стелиться перед министерскими и партийными шишками, к каждому искать подход, помогать этим рвачам влезть на елку и ж... не ободрать. Как говорили раньше купцы: «И капитал приобрести, и невинность соблюсти». «Знаешь, как я представляю себе правовое государство? — в один из таких моментов сказал Назаров Борису. — Вот как: окошечко, над ним надпись — „Прием взяток“, а рядом — прејскурант: кому, сколько, за что, когда, до того или после». А в другой раз приказал документировать все взятки, переговоры вести под скрытый магнитофон, записи расшифровывать и вместе с пленками хранить в сейфе.

Так или иначе, но разрешение на внешнеэкономическую деятельность было получено, и последний этап комбинации реализовался уже практически без труда. В конце июня, когда на Енисее возобновилась навигация, Назаров вновь прилетел на Диксон. Никто не знал, о чем он полночи проговорил с начальником погранотряда, но уже через несколько дней произошли события, которые едва не привели к международному скандалу. По приказу майора пограничными сторожевиками были задержаны три финских крупнотоннажных лесовоза, промышленявших сбором бревен, отконвоированы на Диксон, груз конфискован, а капитаны и члены экипажей арестованы. О чем начальник погранотряда специальным рапортом и

поставил в известность вышестоящее начальство. И хотя все было сделано строго по закону, руководство погранокруга даже растерялось от такой самодеятельности тихого майора, а когда дело дошло до Москвы, там и вовсе за голову схватились. Отношения СССР с Финляндией были самые что ни на есть дружественные, Хельсинки отводилась главная роль в проведении политики детанта на Западе, и осложнять эту чрезвычайно выгодную для Москвы дружбу из-за каких-то трех паршивых лесовозов, вылавливавших никому не нужные топляки, — это было черт знает что: не просто глупость, а настоящая провокация.

Поэтому, не дожидаясь официального запроса из Хельсинки, капитанов и экипажи освободили из-под ареста, вернули груз и разрешили покинуть Диксон, что финны и сделали. А ретивого майора отправили на пенсию. И хотя, продержись он еще полгода, пенсия его была бы рублей на пятьдесят больше, увольнение его не огорчило. Он дал роскошный прощальный ужин своим сослуживцам и вместе с семейством улетел на материк, в Подмоскovie, где его ждал просторный дом с участком, купленный на его имя и отремонтированный кооперативом «Экология-лес».

И хотя до дипломатических осложнений дело не дошло, в Финляндии эта история получила огласку. В итоге все судовладельцы, сотрудничавшие с фирмой «Энсо», аннулировали контракты, других желающих получить этот подряд не нашлось. И не прошло и недели, как в московскую контору кооператива «Экология-лес» пришла телеграмма из Хельсинки, в которой господин Хямяляйнен предлагал господину Назарову встретиться и обсудить условия делового сотрудничества между кооперативом и фирмой «Энсо». И уже в том же сезоне половина выловленного в устье Енисея леса ушла в Финляндию, а затем поставки леса в Игарку и вовсе были прекращены.

К середине восьмидесятых годов «Экология-лес» представлял собой уже мощное многопрофильное предприятие. Десятки его буксиров и лесовозов промышляли сбором топляков не только на Енисее, но и в устьях Оби и Лены. В отдельное структурное подразделение входило восемь крупных старательских артелей золотоискателей — кооператив обеспечивал их бульдозерами и другой техникой, что для старателей всегда было самой острой проблемой, финансировал сезонные работы, оплачивал перевозку рабочих и закупку продовольствия, за что получал изрядный процент прибыли. Дело стремительно разрасталось. Оборот «Экологии-леса», преобразованного в многопрофильный кооператив «Практика» с правом внешнеэкономической деятельности, исчислялся десятками миллионов рублей в год. Проблема денег как гаранта личной свободы давно уже осталась для Назарова далеко позади. Он купил хорошую трехкомнатную квартиру для матери и сестры, помог удачно, хоть и с очень большой доплатой, разменяться бывшей жене, которая успела за несколько лет после их развода сменить двух мужей и обзавестись двумя дочерьми от разных отцов. Один из ее мужей был модный поэт, другой телевизионный режиссер. Они то исчезали, то возвращались, и когда Назарову случалось звонить или заезжать за сыном, чтобы взять его к себе на выходные, он никогда не мог заранее угадать, с кем из них он столкнется. В конце концов, обремененная малолетними дочерьми и своими утонченными и чрезвычайно сложными отношениями с мужьями, жена согласилась отдать Назарову двенадцатилетнего Сашку, который без присмотра начал отбиваться от рук.

К тому времени у Назарова была удобная двухкомнатная квартира в Сокольниках, где он жил со своей второй женой Анной. Она была на десять лет моложе его. После окончания Красноярского цветмета и раннего неудачного брака она взяла распределение на Колыму и работала в геологическом отделе треста «Магаданзолото», куда Назаров прилетал, чтобы определить дислокацию старательских бригад на очередной сезон. Там они познакомились и сошлись — случайно, без признаний в пылкой любви, как сходятся одинокие, душевно неприкаянные люди, благодарные друг другу за временное тепло и не строящие никаких

планов на совместное будущее. Но встреча эта не стерлась, как чаще всего бывало, из памяти Назарова. Через полгода он приказал Борису Розовскому срочно вылететь в Магадан, предложить Анне работу в центральном офисе кооператива и привезти ее в Москву. При этом — не упоминая ни словом, что инициатива эта исходит от Назарова, который был для Анны обычным командированным, занесенным в магаданскую тьмутаракань служебными обязанностями.

Борис все понял. В отличие от Назарова, совершенно равнодушного к житейской мишуре, он знал толк в красивой жизни. И обставил появление Анны в Москве в соответствии со своими представлениями о том, как это должно произойти. На руку ему оказалось, что начался отпускной сезон, аэропорт Магадана был битком забит желающими вылететь на материк, за билетами записывались в очередь на месяц вперед. Не долго думая, Розовский закупил коммерческий рейс, и на борту «Ту-154» единственными пассажирами, вокруг которых крутились шесть бортпроводниц, были лишь он и Анна. Через восемь с половиной часов самолет приземлился во Внуково-2 и подрулил к стеклянному павильону, предназначенному для приема правительственных делегаций к самым высоким гостей. От павильона к трапу самолета тянулась красная ковровая дорожка. На ней стоял Назаров в своем лучшем костюме и с огромным букетом белых роз.

Через два часа заведующая Сокольническим загсом зарегистрировала их брак.

Когда они остались одни, Анна сказала:

— Я чувствовала себя Золушкой на королевском балу. Не знаю, как сложится, но эту сказку я никогда не забуду. Спасибо, Аркадий.

Назаров был тронут.

К его удивлению, Анна проявила недюжинные деловые способности. Она закончила курсы стенографии, быстро вникла в дела кооператива и вскоре стала заведующей канцелярией и личной секретаршей Назарова. При ней дела в канцелярии были в идеальном порядке, не терялась ни одна бумага, не оставались без ответа ни одно письмо и ни один телефонный звонок. Она сопровождала Назарова во всех деловых поездках, а на его возражения отвечала: «Хватит с нас случайных встреч». Единственное, что омрачало их семейную жизнь, было то, что Анна — из-за неудачного первого аборта — не могла иметь детей. Не смогли помочь даже лучшие специалисты. Поэтому она обрадовалась, когда Назаров сказал ей, что Сашка будет жить с ними.

Очень непросто складывались их отношения. Парень был зажатый, безвольный, хотя и с унаследованным от матери гонором. Отца он побаивался, зная его крутой и взрывной характер, Анну в грош не ставил. Она поднималась в половине седьмого утра, чтобы приготовить ему завтрак и проводить в школу, до позднего вечера просиживала с ним за уроками, в ответ же получала трусливо-неявное и изощренное хамство, на которое способны только дети в период ломки голоса и характера. Иногда, застав на кухне жену с опухшими от слез глазами, Назаров готов был схватиться за ремень, но Анна вставала между ним и сыном взъерошенной квочкой.

Назарова поражало ее упорство и педагогическое чутье. Она связалась с одним из московских туристических клубов и вытаскивала Назарова с сыном в походы — пешие и на байдарках, записалась на курсы английского языка — раз в неделю втроем они изображали из себя лондонских туристов в Москве (метод обучения был ситуационный) и хохотали над идиотскими текстами, которые вынуждены были произносить. Потом вычитала в газете, что приглашаются желающие помочь в восстановлении храма Сергия Радонежского: ездили туда по

воскресеньям, разбирали завалы, таскали мусор с такими же, как они, добровольцами, а после работы, сложив припасы, пили чай в трапезной. Как ни странно, но все это, в конце концов, дало результат: Сашка стал лучше учиться, сблизился с отцом, а когда Анна подхватила однажды воспаление легких и на две недели слегла в постель, почти не отходил от нее, бегал за лекарствами по аптекам, мерил температуру, кормил с ложечки, сам варил для нее бульоны и каши, даже стирал что-то. Назаров предложил нанять сиделку, но Сашка так резко запротестовал, что стало ясно: Анна выиграла эту нелегкую житейскую битву.

Они давно уже жили не в Сокольниках, а в просторной квартире на Котельнической набережной, окнами на Москву-реку, с кухней-столовой, комнатами для Сашки и Анны, спальней и кабинетом Назарова, обставленными так, как он когда-то мечтал: глубокие кожаные кресла, такой же диван, камин с решеткой каслинского фигурного литья, старинные напольные часы, гулко отбивающие в ночи невозвратимые кванты жизни.

За порогом этого кабинета оставалась дневная мельтешня, молчал отключенный телефон, ночь приглушала шумы огромного города. Здесь Назаров оставался наедине с собой. Иногда он читал — то, что случайно попадалось под руку в его обширной, хорошо подобранной библиотеке, реже смотрел телевизор, а чаще просто сидел, откинув голову на спинку кресла, положив руки на подлокотники и вытянув длинные ноги. И ни о чем не думал. И в этом бездумье, незашоренности конкретными делами каким-то странным образом являлись ему решения главных, глобальных для его жизни и для его дела проблем. А если не решения, то сами проблемы — в их общем, абстрагированном от конкретики виде.

Его положение становилось уязвимым, даже в чем-то опасным. Мысль эта, явившаяся в одну из таких ночей, была неожиданной и вместе с тем абсолютно верной. И дело было не в том, что в финансовой отчетности кооператива и его филиалов постоянно рылись целые бригады ревизоров из КРУ и местных финотделов, мечтающая изболтеть в преступных махинациях новоявленного миллионера. Опасность была в другом — в его обособленности, неучастии в политической борьбе, втягивающей в свою орбиту все более широкие пласты общества. Борьба эта была неявной, как болезнь в раннем инкубационном периоде, проявлялась перестановками ключевых фигур в ЦК и правительстве, безадресной полемикой в газетах и журналах на общеэкономические темы. К Назарову обращались за разрешением написать о его кооперативе. Либеральная «Литгазета» — чтобы на примере трудностей его становления проиллюстрировать коренные пороки существующей экономической системы. «Правда» — наоборот: чтобы доказать огромные резервы социалистической плановой экономики, в рамках которой могут успешно сосуществовать и развиваться все формы собственности и способы производства.

Назаров отклонил оба предложения. Но чувствовал, что бесконечно долго сохранять нейтралитет ему не удастся. Так вполне можно было оказаться между двух огней. Каким бы разным богам ни поклонялись коммунисты и либералы, в основе своей они были совками и принцип «Кто не с нами, тот против нас» сидел в каждом из них неискоренимо. Да и вообще, пора было выходить из тени.

Проблемы выбора для Назарова не существовало. Как ни претило ему краснбайство и самолюбование либеральной интеллигенции, но будущее было за свободной рыночной экономикой, идеи которой она робко, с многочисленными оговорками озвучивала на «круглых столах» и в проблемных статьях. Убежденность свою Назаров черпал не из этих статей и даже не из аналитических докладов, которые готовились для Политбюро социологическими центрами (эти доклады втихаря давал читать Назарову один из его знакомых, занимавших заметное место в правительстве). Нет, опорой ему служил собственный опыт. На своей шкуре он испытал носорожью непрошибаемость государственного аппарата, полнейшую его

неспособность воспринимать проблемы реальной жизни, продажность и карьеризм всей номенклатуры — советской и партийной, столичной и местной. Он своими глазами видел полуразворованные заводы, поголовно спившиеся деревни. Но видел он и другое: как преобразаются люди, когда им дают настоящую работу и платят за нее настоящие деньги. И при всем своем неприятии высоких слов и пафоса в любых его формах на вопрос, верит ли он в возможность возрождения России из коровьей апатии, беспробудного пьянства и смрада, ответил бы без колебаний: да, верю.

Похоже, пришла пора подкрепить эту веру делом. Не делом даже, для дела еще не было опоры, — жестом. Но и жест в смутной политической ситуации тех лет мог быть весомым поступком.

Но лишь в том случае, если бы он был замечен, а не остался фигой в кармане. Как это сделать — об этом следовало подумать. И так случилось, что долго раздумывать Назарову не пришлось.

Через несколько дней Борис Розовский привел в его служебный кабинет, располагавшийся на втором этаже старинного дворянского особняка, снятого Назаровым под офис своего кооператива, невысокого молодого парня в джинсовом костюме и с длинными, по моде тех лет, волосами. Лицо у него было цыганистое, живое, на носу вызывающе поблескивали очки.

— Ефим Губерман, — представил его Борис. — Наш отдел по связи с прессой.

— Разве у нас есть такой отдел? — удивился Назаров.

— Уже два месяца. Я решил, что не помешает. У Фимы есть кое-какие идеи. На мой взгляд, любопытные. Поговори с ним.

Назаров кивнул:

— Слушаю.

— Я социальный психолог, — начал парень, не смущенный присутствием большого начальства (а Назаров, от которого зависела работа и благополучие нескольких тысяч человек, был для него, бесспорно, большим начальством).

— Это что — такая профессия? — уточнил Назаров.

— Нет, мироощущение. По профессии я журналист. За два месяца я прочувствовал ситуацию, в которой находится кооператив «Практика», и пришел к некоторым выводам. Но прежде два вопроса. У вас обширные связи в правительственных и околоправительственных кругах. И вы наверняка имеете свое мнение о первых лицах. Видите ли вы в ком-нибудь из них сильного лидера, который будет востребован в ближайшие годы? Я сам могу ответить на этот вопрос: никого, кроме первого секретаря МГК Ельцина.

— А Горбачева вы уже в расчет не берете? — с усмешкой поинтересовался Назаров. Парень был, конечно, наглец, но ему нравился.

— Как и вы, — последовал короткий ответ. — Второй вопрос. Видите ли вы в нынешнем политическом бомонде авторитетных людей, на которых сможет опереться Ельцин? Я имею в виду не теоретиков, а сильных практиков.

— Ну, разве что Федоров, директор «Микрохирургии глаза».

— А кроме него?

— С ходу и не назовешь.

— Не с ходу — тоже не назовете. Не кажется ли вам, что одним из таких людей должны стать вы? Хотите того или нет.

— Вот как? Даже если и не хочу? — переспросил Назаров.

— Да. По своей психофизике вы человек, лишенный честолюбия. Свой творческий потенциал вы реализуете в своем деле. Но вам придется стать заметной политической фигурой. Во-первых, чтобы своим авторитетом защитить маленький капиталистический анклав, который вы создали в зоне советской плановой экономики. Вторая причина более общего свойства. В первом веке до новой эры в Афинах был такой законодатель — Солон. О нем есть у Плутарха в «Сравнительных жизнеописаниях». Один из законов Солона гласил: «Человек, не примкнувший во время междоусобия ни к той, ни к другой партии, лишается гражданских прав».

— Странный закон, — заметил Назаров.

— Плутарх тоже называет его странным. Но к нашей ситуации он применим. Развитие вашего дела невозможно обеспечить взятками — даже крупными. Настоящий импульс может дать только принципиально новая экономическая политика. А до тех пор дело может держаться лишь на вашем личном авторитете. Поэтому вы и не можете в междоусобице занимать позицию стороннего наблюдателя.

Поразительно, но этот Фима говорил именно то, о чем совсем недавно думал сам Назаров.

— По-твоему, междоусобица будет? — спросил он, невольно переходя на «ты» и тем самым как бы приближая «социального психолога» к себе.

— Обязательно и очень скоро.

— Интуиция?

— После университета я работал около года в информационном отделе одного НИИ. Оборонка, военная электроника. Переводил с английского разные материалы, тоже по электронике. И когда я приносил переводы ведущим специалистам, они даже понять не могли, о чем идет речь. Тогда я и понял, что совдепии приходят кранты. И значит, междоусобица неизбежна. И сейчас, не теряя времени, вы должны заявить о себе. Причем достаточно эффективно.

— Как?

Губерман усмехнулся:

— Только не отвергайте мою идею с порога. Насколько я знаю, вы член КПСС? На учете в какой организации вы состоите?

— По месту жительства, в ЖЭКе.

— Там же платите членские взносы?

— Само собой.

— Какая у вас зарплата? Я спрашиваю не из праздного любопытства.

Назаров обернулся к Борису:

— Какая у меня зарплата?

— Две тысячи рублей в месяц.

— Так мало? — удивился Губерман.

— Пока хватает. Нужно будет больше — попрошу Бориса Семеновича о прибавке. Надеюсь, не откажет.

— Можно ли сделать так, что ваша зарплата хотя бы на один месяц станет пять, а еще лучше — десять миллионов рублей?

Назаров слегка пожал плечами:

— Теоретически — да. Но зачем?

— Чтобы заплатить парторгу вашего ЖЭКа триста тысяч рублей членских взносов.

У Назарова даже брови полезли на лоб.

— Триста тысяч? Вот так просто взять и отдать? С каких фиггов? Это же десять новых «Волг» по ценам черного рынка!

— А вы подумайте, — невозмутимо посоветовал Губерман.

Назаров подумал. И даже засмеялся, представив эффект, который эта его акция произведет, когда о ней станет известно. А в том, что слух о ней пройдет по Москве, как лесной пожар по верхушкам сухостоя, сомнений не было.

— Вот вы и сами все поняли, — констатировал Губерман. — Всего за триста тысяч деревянных вы получаете мощный информационный повод для интереса к своей персоне. О газетах и телевидении я позабочусь. Через несколько дней вы станете самым популярным человеком в стране. Эту популярность нужно использовать с максимальным эффектом. К вам придет мой знакомый из «Литгазеты» — с ним будьте откровенны. В разумных пределах. С остальными — по обстоятельствам. Ваш основной тезис: «Я создавал свое дело не благодаря, а вопреки. Мне противостояли не отдельные чиновники, а вся экономическая и политическая система. Я хочу, чтобы на примере моего кооператива все увидели, какие огромные резервы таятся в частной инициативе людей, не скованных колодками государственного регулирования и диктата партийного аппарата».

— После чего меня немедленно вышибут из партии, — заметил Назаров.

— Это было бы для вас небольшим, но очень приятным подарком. Вы снова окажетесь в центре внимания. Даже если они этого не сделают, вы сами объявите о прекращении своего членства в КПСС.

Назаров задумался. Этот социальный психолог был прав: честолюбие было чуждо его характеру. Но если не существовало других способов защитить свое дело, этот был — при всей его экстравагантности — наиболее эффективным. И Назаров сказал:

— Я согласен.

Борис Розовский заулыбался:

— Я же говорил, что у этого еврейского мальчика на плечах хорошая голова.

— Сколько он у нас получает? — спросил Назаров.

— Триста.

— С этой минуты — шестьсот. И внеси в первый список.

— Что такое первый список? — спросил Губерман.

Розовский объяснил:

— Люди, которые могут входить в этот кабинет без доклада. Их всего одиннадцать человек. Ты — двенадцатый.

— Пустячок, а приятно, — оценил Губерман. — А что нужно сделать, чтобы получить право открывать эту дверь ногой?

— Ты можешь сделать это прямо сейчас. Но это будет в первый и последний раз. Больше в этот кабинет ты не войдешь никогда. Здесь позволено хамить только одному человеку.

— Кому? — с невинным видом спросил Губерман.

— А ты догадайся, — предложил Розовский. — Сообразил?

— С трудом.

— Тогда выметайся!..

— Нахал, а? — проговорил Розовский, когда за Губерманом закрылась дверь. — Новая генерация! Никаких табу! Твой Сашка такой же?

— Не такой развязный. Но если что-то в голову возьмет — ничем не выбьешь.

— Прорезалась-таки твоя натура?

— Надеюсь.

— Сколько ему сейчас?

— Этой весной школу кончает. Будет поступать в МГИМО.

— Почему именно в МГИМО?

— Связи на будущее.

— Резонно, — согласился Розовский. — Нужно искать ходы. С улицы туда не берут.

— Никаких ходов, — возразил Назаров.

— А если не поступит?

- После армии поступит.
- А если загремит в Афган?
- Значит, загремит. Чем он лучше других?
- Суровый ты, Аркадий, человек! Не хочешь, чтобы он был папенькиным сынком?
- Очень не хочу, — согласился Назаров. — Но я сейчас думаю о другом. Коль уж мы решили вступить в политическую игру, неплохо бы иметь информацию о других игроках. Нужны досье.
- На кого?
- На всех.
- Большая работа.
- Окупится.

Розовский был не из тех, кому нужно разжевывать один раз сказанное.

- Один канал — люди, которые у нас на крючке, — предположил он. — Немало расскажут. Без всякого шантажа, конечно. Дружеская доверительная беседа.
- КГБ, — подсказал Назаров. — У них есть досье на всех.
- Нужен свой человек. И не один. Недешево будет.
- Не дороже денег.
- Значит, начинаем? — подвел итог Розовский. — Когда?
- А чего тянуть? Завтра!

* * *

Сценарий, предложенный социальным психологом Фимой Губерманом, реализовался в наилучшем виде. Отставной полковник, секретарь жэковской парторганизации, лишился дара речи, когда Назаров вывалил перед ним тридцать тугих пачек в банковской упаковке, в каждой по десять тысяч рублей, и попросил тиснуть штампом «Уплачено» в партбилете. Отставной полковник тут же помчался в райком, оттуда кинулись в МГК, там уже крутились репортеры из «Вечерки» и «Известий», требовавшие подтвердить или опровергнуть разнесшийся по чиновной Москве слух о необычных партвзносах доселе никому не известного предпринимателя. В этот же день информация появилась в «Вечерней Москве» и в московском вечернем выпуске «Известий», наутро — почти во всех центральных газетах, а вечером — в конце программы «Время». Огромный, в полторы полосы, материал в «Литературной газете» и интервью, данное Назаровым московскому корреспонденту «Радио Свобода», вызвали сдержанно-осуждающий отклик в «Правде» и откровенно злобный — в «Советской России».

Идеологическому отделу ЦК понадобилась почти неделя, чтобы выработать свое отношение к этому социально-политическому феномену. Зато потом верноподданная пресса как с цепи сорвалась. Всех перещеголяла «Советская Россия», фельетон о новоявленном нуворише Назарове и его сомнительных махинациях назывался «Пришествие Хама». Либеральные «Литгазета» и «Московские новости» вяло отбрехивались. Всего за несколько дней, как и

предсказывал Фима Губерман, имя Назарова стало известно всей стране. И не только стране. Западногерманский «Штерн» поместил обстоятельную статью о кооперативе «Практика» и его создателе, а нью-йоркский «Тайм» опубликовал на первой обложке портрет Назарова под рубрикой «Человек недели».

Это была уже не известность. Это была слава.

Секретариат Назарова был завален приглашениями на «круглые столы», теоретические конференции и симпозиумы. Назаров выбирал наиболее представительные, терпеливо отсиживал на них, в кулуарах пожимал руки видным ученым-экономистам, социологам, известным писателям и журналистам, которые хотели с ним познакомиться. Пришло несколько приглашений и из-за рубежа. Большинство из них Назаров вежливо отклонил, сославшись на загруженность делами, а во Франкфурт-на-Майне решил слетать. И не прогадал. Сам международный симпозиум, посвященный взаимоотношениям Востока и Запада, показался ему нудным и малоинформативным, но там он познакомился с несколькими немецкими и английскими бизнесменами, всерьез интересовавшимися ситуацией в СССР с его неисчерпаемыми запасами сырья и необъятным, еще ни кем не занятым рынком. Деловые предложения, обсуждавшиеся во время этих встреч, были очень заманчивыми.

Вернувшись из Франкфурта, Назаров вызвал Фиму Губермана и в присутствии Розовского сказал ему:

— Девятьсот. И можешь открывать дверь ногой.

В тот же день Назарову позвонил помощник первого секретаря МГК и передал просьбу Бориса Николаевича Ельцина приехать к нему часам к семи вечера. «Просьбу». «Часам к семи». Это дорогого стоило.

Ельцин принял Назарова в комнате отдыха, примыкавшей к его огромному кабинету, налил «Смирновской» и долго, вникая в детали с цепкостью опытного прораба, расспрашивал о делах. Прощаясь, сказал:

— Такие люди, как вы, скоро будут очень нужны. Понадобится моя помощь — звоните!..

Но помощь понадобилась не Назарову, а самому Ельцину. Когда опальный реформатор, ошельмованный, вышвырнутый с партийного Олимпа, покинутый всеми жополизами, сидел сычом в кабинете зампреда Госстроя, мимо приемной чиновный люд пробегал, словно боясь подцепить чуму, Назаров позвонил его референту и с соблюдением всех тонкостей этикета попросил узнать, не сможет ли Борис Николаевич принять его в любое удобное для него время.

Время нашлось в тот же день. Встреча была короткой. Назаров спросил:

— Чем я могу вам помочь?

Ельцин долго молчал, потом ответил:

— Спасибо, что пришел.

И крепко пожал ему руку.

На другой день Назаров связался по телефону с московским корпунктом «Радио Свобода» и предложил интервью о своем отношении к Ельцину. Корреспондент «Свободы» охотно

согласился: тема была горячая, а Назаров уже занимал прочное место среди самых авторитетных общественных деятелей.

В интервью он сказал:

— То, что произошло с Борисом Николаевичем, я считаю позорищем для Горбачева и его прихлебателей. Но для самого Ельцина это было полезным испытанием. Он должен был через все это пройти, чтобы избавиться от иллюзий, что эту партию с насковзь прогнившей и коррумпированной верхушкой можно реформировать изнутри.

— Но вы сами являетесь членом этой партии, — напомнил корреспондент.

— Уже нет. Вчера я отослал в райком свой партбилет и заявление о выходе из КПСС.

— Значит, вы не считаете политическую карьеру Ельцина законченной?

— Я убежден: она только начинается, — ответил Назаров.

Он верил в то, что говорил. И потому без колебаний принял участие в финансировании предвыборной кампании Ельцина, когда тот баллотировался в Верховный Совет СССР — последний, как выяснилось, в семидесятилетней истории страны. Но сам выдвигать свою кандидатуру отказался. И лишь позже, когда ему предложили стать кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по списку «Выбора России», Назаров, поколебавшись, дал согласие.

Но думал он не о своей политической карьере.

Он заглядывал на очень много лет вперед.

Он думал о сыне...

Проклятая бессонница!

Проклятая ночь!

Проклятые цикады!..

Из виллы, шлепая задниками сандалет по мраморным плитам, вышел Борис Розовский — с лоснящейся от загара лысиной, в цветастой гавайской рубашке, в дурацких шортах-«бермудах», из которых торчали короткие волосатые ноги. Он придвинул к столу шезлонг, сел на край, плеснул виски в пузатый хрустальный фужер. Сделав глоток, он откинулся на спинку шезлонга, сказал, помолчав:

— Они прилетели.

Еще помолчал и добавил:

— Но их почему-то четверо...

II

— Господа! Наш самолет совершил посадку в аэропорту города Никосия, столице Республики Кипр. Местное время двадцать часов пятьдесят пять минут. Температура воздуха плюс двадцать два градуса. Добро пожаловать на остров любви!..

Артист наклонился к моему уху и предупредил:

— Не оглядывайся. В заднем ряду у иллюминатора, справа. В сером костюме. Довольно молодой, смуглый, в очках. Длинные волосы. Обратил внимание?

Я кивнул:

— Да.

— По-моему, он нас пасет.

— Похоже.

— Что бы это значило?

— Не знаю. Пройди в хвост к нашим, скажи Боцману и Трубочу: пусть отстанут. К нам не подходить.

— Присмотреть за серым?

— И за нами. До Ларнаки доедут на такси. Пансионат найдут, адрес есть в путевках.

Артист поднялся и двинулся в хвост самолета — места Мухи, Боцмана и Трубоча были во втором салоне. К нему кинулась стюардесса нашего славного «Аэрофлота»:

— Гражданин! Вы что, не знаете, что нельзя вставать с места до полной остановки двигателей? Сядьте, вам говорят!

На что Артист так выразительно приложил руки к животу и скорчил такую физиономию, что она поспешно отскочила в сторону, опасаясь, как бы он не заблевал ее синюю форменку. Боковым зрением я увидел, как тот, в сером костюме, проводил Артиста рассеянным взглядом, но следом за ним не пошел.

— Что происходит? — спросил меня Док, прокемаривший всю дорогу от Москвы и разбуженный только посадкой в Афинах.

— Пока не знаю.

— Но происходит?

— Не исключено...

Самолет подрулил к зданию аэровокзала, сиявшего в густой ночи, как елочная игрушка; ко всем выходам словно бы присосались длинные круглые трубы, соединяющие салоны с залом прилета. И сразу здесь забурлила обычная аэропортовская толпа. Пассажиры в основном были русскими, многие с детьми, мелькали смуглые лица греков и турок. Все было настолько похоже на Внуково или Домодедово в момент прилета борта с Кавказа, что, сколько я ни прислушивался к себе, ничего похожего на тоску по Родине обнаружить мне не удалось. А жаль. Я много читал об этом чувстве, а вот испытывать никогда не приходилось. Потому что за границей я ни разу не был, если не считать пятидневной поездки в Будапешт, еще в школе, в десятом классе — в числе победителей республиканской математической олимпиады. Но тогда всех нас так поразило изобилие и какое-то запредельно-избыточное роскошество магазинных витрин, забитых фантастической радио- и видеотехникой, такая праздничность вечерних улиц, что все свободное от математических состязаний время мы прошлялись по городу, раскрыв

рты, и лишь на обратном пути, уже в поезде, вспомнили, что были за границей, и бодро спели приличествующую случаю песню: «Проезжая теперь Будапешт, снова слышу я речь неродную, и вдали от знакомых мне мест я по Родине больше тоскую...»

Если быть точным, в песне говорилось про Бухарест, но какое это имело значение? Главное было в другом: тосковать по Родине — это звучит гордо.

Не получилось тогда. И теперь не получалось. Но может, еще получится?

У стойки паспортного контроля к нам с Доком присоединились Артист и Муха. Трубача и Боцмана в толпе не было видно, а малый в сером костюме маячил в сторонке, не упуская нас из виду.

Он был явно не профессионал. Возможно, какую-то спецподготовку прошел, но главного не усвоил: скрывать нужно не взгляд, а чувства. Слежку чаще всего обнаруживаешь не тогда, когда замечаешь, что кто-то за тобой идет, прячась в подъездах или за спинами прохожих. Нет, сначала чувствуешь на себе чужое внимание, а потом уж с помощью школярских приемов вроде остановки возле зеркальной магазинной витрины или неожиданной смены маршрута вычленишь из толпы объект угрозы.

Поскольку мысли мои были очень кстати заняты воспоминаниями о Будапеште, я подробно рассмотрел этого малого, нисколько не встревожив его своим взглядом. Ему было лет тридцать, модные очки в тонкой оправе придавали смугловатому живому лицу интеллигентный и даже несколько высокомерный вид. Черные, почти до плеч, волосы, какие лет десять-пятнадцать назад носила хипповая молодежь. Серебристый галстук. Небольшой серый атташе-кейс.

Не турист. Не челночник. Для крупного бизнесмена жидковат, да и не на чартерных рейсах крупные бизнесмены летают. Не военный — выправка не та, слишком свободен. Для журналиста слишком спокоен. Похож на знающего себе цену юриста. Я так его и назвал про себя: Юрист. При всем его очевидном внимании к нашим персонам никакой опасности от него не исходило. Во всяком случае, я ее не почувствовал. Я вопросительно взглянул на Артиста и Дока. Они еле заметно пожали и печами.

Тоже ничего не почувствовали. Странно. А тогда какого черта он за нами следит?

После каменных морд и волчьих взглядов наших погранцов в Щереметьеве-2 смотреть, как работают дежурные здесь, было одно удовольствие. Почти не глядя они лихо шлепали в паспорта штампы, одаривали всех белозубыми улыбками и на разных языках, в том числе и на русском, повторяли фразу, которую мы уже слышали в самолете: «Добро пожаловать на остров любви! Белком!» А таможенники даже не притрагивались к багажу, весело махали руками: «Идите, идите, гуд лайк!»

Ну, гуд лайк так гуд лайк. Никому еще не мешала удача.

Миновав за пять минут пограничный и таможенный контроль, мы вышли в зал ожидания и нос к носу столкнулись с высоким рыжеватым парнем, который стоял в негустой толпе встречающих с бумажным плакатиком, держа его обеими руками на уровне груди. На плакатике была надпись по-русски: «Туристическое агентство „Эр-вояж“. Пансионат „Три оливы“». И тут от моего благодушия не осталось и следа. Парень словно бы распространял вокруг себя волны напряжения и опасности. Причем опасность исходила не от него самого — для этого он был слишком молод, ломок и не уверен в себе, несмотря на то что слева под мышкой, под легкой курткой, у него явно была какая-то пукалка. Нет, опасность была вне его,

где-то там, откуда он появился, он словно бы транслировал ее. И почему-то я сразу утвердился в мысли, что опасность эта не имеет никакого отношения к Юристу. Здесь было что-то другое, темное. Может быть, уголовщина.

Артист окинул парня довольно пренебрежительным взглядом и сказал:

— У нас путевки от «Эр-вожжа». Но ты не девушка!

— Я? — переспросил он.

— Ну да, ты. Ведь не девушка?

— Ясное дело, не девушка.

— А почему? — настаивал Артист.

— Что почему?

— Почему ты не девушка?

— «Почему, почему!» — разозлился сбитый с толку парень. — Трудное детство было, вот почему!

— Я спрашиваю о другом. Нам обещали, что нас встретит симпатичная девушка, гид «Эр-вожжа». А встречаешь нас ты. Я считаю, это нарушение контракта.

— Заболела девушка, — буркнул рыжий. — Меня послали вас встретить.

— Кто послал? — поинтересовался Док.

— Ну, этот. Из «Эр-вожжа». А где еще двое?

— Какие двое? — удивился Артист.

— Мне сказали, что вас будет шесть человек.

— А, эти двое! Они опоздали на самолет.

— Как это?

— Да так. Не знаешь, как опаздывают?

— Значит, они не прилетели?

— А как бы они прилетели? Они же не гуси! Завтра прилетят.

Парень подумал и кивнул:

— Ладно, пошли.

Проходя мимо урны, он бросил в нее плакатик.

Двери в аэропорту были такие же, как в Шереметьеве-2, на фотоэлементах, их стеклянные створки расходились перед входящими и выходящими и тут же сходились. Я чуть поотстал и, когда двери закрылись перед моим носом, увидел в их полированной поверхности, как Юрист

остановился возле урны, сделал вид, что уронил сигаретную пачку, а, поднимая ее, прочитал плакат. И, не спеша, направился к таксофонам, солидным сооружениям, похожим на игральные автоматы.

Рыжий провел нас через примыкавшую к аэровокзалу площадь, заставленную таким количеством машин, что создавалось впечатление, будто пол Никосии улетело куда-то по делам, оставив свои автомобили дожидаться возвращения хозяев. В самом конце площади, на выезде, стоял синий мерседесовский микроавтобус с тонированными стеклами, а возле него — какой-то высокий плотный малый в темной кожаной куртке.

— Только четверо, — сообщил ему рыжий гид. — Двоих нет. Говорят, опоздали на самолет. Что будем делать?

Эти слова крайне озадачили плотного малого. Он помолчал, похмурился, потом откатил перед нами дверь в салон.

— Поехали!

— Это водитель, — объяснил нам рыжий, но за руль почему-то сел сам, а водитель устроился рядом с ним на переднем сиденье — вполоборота. То ли чтобы за нами приглядывать, то ли чтобы следить через заднее стекло, нет ли хвоста. Этот был посерьезней рыжего, куда серьезней. И под курткой его, надетой явно не по погоде, вполне мог быть спрятан десантный «калаш» или «узи».

Добро пожаловать на остров любви!

Микроавтобус оказался богатый, с удобными креслами, подголовниками и подлокотниками. Но боковые стекла были не просто тонированными, а совершенно глухими, светонепроницаемыми. Это дало повод Артисту продолжать разыгрывать из себя мелочного жлоба, который желает иметь за свои кровные все удовольствия.

— Что это за труповозка? — недовольно спросил он. — Нормальной машины не нашлось? А может, я хочу полюбоваться окрестностями? Имею полное право!

— Сломалась другая машина, — ответил рыжий, выруливая на шоссе.

— Что у вас тут творится? — удивился Артист. — Девушка заболела, машина сломалась. Сам пансионат-то цел, не взорвался?.. Эй, обалдел?! Ты же по встречной полосе прешь!

— На Кипре левостороннее движение, — терпеливо объяснил рыжий. — Потому как в прошлом это была английская колония.

— А почему руль слева? При левостороннем движении руль должен быть с правой стороны!

— Слушай, отстань! — взмолился рыжий. — Достал ты меня! Потому что машина европейской сборки. Потому что она из Германии пригнана. Поэтому и руль слева. Есть у тебя еще вопросы?

Хотя Артист и продолжал брюзжать, вопросов у него больше не было. У меня тоже. И ни у кого из нас. Машина из Германии. Если я — владелец пансионата «Три оливы» и постоянно живу на Кипре, зачем мне машина с левым рулем? А если я работаю в турагентстве, то никогда не скажу: «Этот, из „Эр-воаяжа“». Скажу: хозяин. Или даже назову его по фамилии. Ясно, что рыжий и его напарник никакого отношения ни к «Эр-воаяжу», ни к «Трем оливам» не имеют. А

к кому имеют? Мне почему-то казалось, что мы узнаем об этом довольно скоро. Вопрос был в другом: хотим ли мы это узнать. Хотим, конечно. Ни к чему нам невыясненные вопросы.

Поэтому мы не запротестовали, когда автобус вдруг крутанул с шоссе, юркнул за какой-то виноградник и погасил огни. Через пару минут по шоссе по направлению к Ларнаке просвистел тяжелый грузовик, а за ним — низкий седан, что-то вроде «доджа». Стоп-сигналы седана вспыхнули на миг и тотчас погасли, словно бы водитель хотел притормозить, а потом раздумал. Еще через минуту в ту же сторону прошла какая-то красная легковушка. Других машин на шоссе не было.

Рыжий развернулся и погнал микроавтобус по узкой асфальтированной дороге мимо шпалер виноградников и низкорослых рощиц каких-то деревьев с узкими листьями, серебристыми в свете фар. Наверное, это и были оливы.

— Эй, куда мы едем? — всполошился Артист и вскочил с места. — До Ларнаки еще двадцать шесть километров, только что щит проехали! Эй, я тебе говорю!

Но вместо рыжего ответил его напарник:

— Куда надо, туда и едем. Кое-кто хочет с вами поговорить. Поэтому сядь и заткнись.

Для убедительности он достал из-под куртки какой-то ствол и пристроил его на спинке кресла.

— Как это заткнись, как это заткнись?! — очень натурально, даже с еврейским привизгиванием заверещал Артист, возмущенно размахивая руками и незаметно подбираясь поближе к стволу. — Как вы разговариваете с клиентами? Имейте в виду, я буду жаловаться на вас!

Я положил ему руку на плечо и заставил сесть.

— Так-то лучше, — одобрил рыжий и поинтересовался: — Кому ты будешь жаловаться?

— В Комитет по защите прав потребителей! — гордо ответил Артист и оскорбленно умолк, давая понять, что последнее слово все равно будет за ним.

Километров через пять дорога углубилась в лощину, по склонам которой поднимались виноградники, и вскоре уперлась в ворота какой-то усадьбы. Высокий забор и просторный двухэтажный дом в глубине двора, освещенного фонарями, были сложены из серого песчаника. Ворота были кованые, с завитушками, фонари тоже явно выполнены на заказ, а на втором этаже дома светилось просторное, без мелких переплетов окно. Скорее всего, когда-то здесь жили крестьяне, виноградари или скотоводы, потом усадьбу перестроили и превратили в загородную виллу.

Рыжий помигал дальним светом, ворота раскрылись — электроприводом, микроавтобус проехал по аллейке и снова притормозил возле подземного гаража. Стальной щит ушел вверх, машина въехала в темный гараж и остановилась.

— Вылезайте, — скомандовал напарник рыжего и повел стволом в сторону двери.

Мы выпрыгнули на бетонный пол. Рыжий дал задний ход и вывел машину во двор. Створка гаражных ворот опустилась, мы остались в кромешной темноте. И темнота эта была смертельно опасной. Без дураков. Такое и в Чечне не часто бывало. Ничего себе остров любви.

Под низким потолком вспыхнули прожектора, и мы обнаружили, что стоим посреди огромного,

метров в двести, бетонного зала в окружении четырех лбов с направленными на нас автоматами «узи». Пареньки были той же волчьей породы, что и напарник рыжего. Лет по двадцать пять — двадцать семь. С одинаковой короткой стрижкой. С одинаковыми золотыми цепями на бычьих шеях. Стоило лететь на край Европы, чтобы оказаться в такой компании. Они стояли вокруг нас на равном расстоянии друг от друга, как бы по углам правильного квадрата, и это говорило о многом.

Док взглянул на меня и с сомнением покачал головой. Я понимающе кивнул. Шушера. Дешевка.

Так-то оно так, но они были в таком напряжении, что малейшее наше движение — и они откроют огонь. Они были явно не из тех, для кого убийство привычное дело. Перемолоть ребра кулаками и ногами — да, это им сподручней. А убить... Но сейчас они были настроены именно на убийство. Поэтому и вздрючены до предела. Нужно было как-то сбить этот их высокий душевный настрой, перевести действие из жанра греческой трагедии в обычный милицкий боевичок.

— Ребята, — миролюбиво сказал я, обращаясь к одному из них, постарше, судя по всему — главному в этой шакальской команде. — Извините, что суюсь с советами, но если вы вздумаете палить, то перестреляете друг друга.

Он довольно быстро оценил мой бесплатный совет, по его знаку все четверо сместились на одну сторону. После чего приказал:

— Руки за голову! К стенке! Лицом к стенке!

Мы подчинились. Двое держали нас на мушке, а двое других закинули автоматы за спину и принялись обшаривать нас. Это был очень удобный момент, чтобы отобрать у них их игрушки. Я чувствовал, как ребята напряглись, ожидая моего сигнала. Но все-таки промолчал. Ситуация была, конечно, очень горячая, но я решил: если кто-то хочет с нами поговорить, пусть говорит с позиции силы. Это располагает к большей откровенности. А удобные моменты — ну, будут еще. Эти лбы не смогут не сделать пары-тройки ошибок, не та школа. А нам столько и не надо, нам и одной хватит. Но в свое время.

Пока они охлопывали наши бока и выворачивали из карманов документы и деньги, а потом вываливали на бетонный пол бельишко из наших сумок, я внимательно осмотрел зал. Выходов из него было только два. Один — через гаражные ворота, черта их откроешь, если электропривод будет заблокирован снаружи. Второй — через дверь, ведущую, видно, в глубь дома. Тоже не слабая дверь — из стального листа, обваренного уголками. Окон не было. Если не считать двух проемов в торцевой стене, напротив ворот. Проемы были шириной метра по полтора и высотой с полметра. Изнутри они были закрыты толстыми прутьями арматуры, а снаружи застеклены. Не окна, а вентиляционные отверстия под самым потолком. Что надо тюрьма. Если они вздумают нас здесь держать, выбраться будет непросто. Но вряд ли будут. Иначе не стали бы выгонять микроавтобус. А зачем выгнали — ужю ясно: чтобы не повредить при стрельбе. Бережливый народ.

Когда со шмоном было покончено, главный достал из кармана «уоки-токи», сказал в микрофон:

— Нормально все.

Я ожидал, что на нас наденут наручники, но то ли их не припасли, то ли решили, что при такой огневой мощи они и без браслеток обойдутся. Ну, тем лучше. Такие маленькие оплошности противника всегда украшают жизнь.

Минут через десять стальная дверь открылась и в зале появились еще три действующих лица. Одного мы уже знали, это был напарник рыжего водилы. На плече у него висел «узи», а впереди себя он аккуратно спускал по пандусу инвалидную коляску, в которой сидел совершенно лысый мужик лет шестидесяти. Он был в цветастой рубашке с расстегнутым воротом и короткими рукавами, обнажавшими жилистые, в синих наколках руки. Наколки просвечивали и сквозь седые волосы на груди. Ноги были укрыты клетчатым пледом. С ним было все ясно: пахан.

А вот третий, который вошел вслед за ними и прикрыл за собой дверь, был птицей совсем другого полета. Лет сорока, в аккуратном светло-коричневом костюме, с правильным невыразительным лицом и быстрым взглядом. В толпе на него и внимания не обратишь, но тут, среди этой уголовной братии, он выглядел белой вороной. «Контора». Это было на нем прямо написано. Майор или даже подполковник. Впрочем, вряд ли подполковник, слишком подобран, в форме, подполковники редко такими бывают. Его-то как сюда занесло?

У все троих физиономии были такими, словно бы перед тем, как войти сюда, они крепко пересобачились. И как бы в продолжение этой ругани напарник рыжего показал на нас:

— Вот, только четверо!

Лысый и Майор (так я про себя его окрестил) посмотрели на нас, как будто хотели в этом убедиться. И убедились: да, четверо. Майор извлек из кармана пиджака небольшой фотоаппарат «Никон» и раза три щелкнул нас, сверкнув вспышкой.

— Завтра снова, выходит, ехать? — недовольно спросил лысый. — Так не договаривались. Двойная работа.

— Уладим! — раздраженно бросил ему Майор, сделал еще пару снимков и сунул аппарат в карман.

Старшой автоматчиков подошел к коляске и протянул лысому наши документы и деньги. У каждого из нас было по пятьсот баксов мелкими купюрами на карманные расходы. Трубач прихватил из своего гонорара пачечку новеньких стольников — он хотел купить хороший саксофон взамен старого. А еще двадцать штук — на серьезные траты, которые по ходу дела могли понадобиться, — были переведены на мое имя в ларнакский «Парадиз-банк», я мог их получить по предъявлению паспорта.

Деньги лысый оставил у себя, а документы передал Майору. Тот внимательно просмотрел наши паспорта. Куда внимательней, чем кипрские пограничники.

— Иван Георгиевич Перегудов... Что ж, Иван Георгиевич, давайте поговорим, — обратился он к Доку, предположив в нем старшего, из чего я с чувством глубокого удовлетворения заключил, что даже если он о нас что-то и знает, то знает далеко не все.

— Я — врач команды, — ответил Док. — А капитан у нас — он, Сергей Пастухов.

— Команды? — переспросил Майор. — Ах да, вы же спортсмены. Как вы, Сергей Пастухов, насчет того, чтобы откровенно поговорить?

— При них? — кивнул я на лысого пахана и его шайку.

— Вы правы, пожалуй, — согласился Майор и обернулся к лысому: — Извините, пан. Эта информация вам ни к чему. Не возражаете, если я побеседую с нашими гостями тет-а-тет?

Пан. В лысом не было ничего польского. Значит, кличка.

— Валяйте. Меньше знаешь — лучше спишь. А если что?

— Вы же будете рядом.

Пан нажал какую-то кнопку на ручке коляски и откатился в другой конец гаража. За ним последовали и его кадры. Четверо с «узи» слегка расслабились, но все еще были настороже и не спускали с нас глаз.

— Так лучше, да? — спросил Майор. — Итак, кто вы? Но прежде: где еще двое?

— В милиции, — ответил я, а сам тем временем соображал. Знает, что спортсмены. Знает, что должно быть шестеро. Знает про «Эр-вож» и «Три оливы». Знает, когда мы должны были прилететь. Что он еще знает?

— Что они делают в милиции? — удивился Майор.

— Что делают в милиции люди? Или работают, или сидят. Наши сидят.

— Почему?

— За что, — поправил я. — Немного поддали, ввязались в драку с какими-то неграми. Их и забрали.

Понятия не имею, откуда мне на язык вывернулись эти негры. Но вывернулись очень кстати, такие детали сообщают достоверность любой туфтыре.

— Не с неграми, — вмешался в наш разговор Артист. — С арабами.

— С какими арабами? — подключился Муха. — С татарами!

— Иди ты с татарами! — возразил Артист. — Тренер сказал: с черными. Разве татары черные?

— А какие? Желтые?

— Белые. Даже рыжие бывают.

— Татары — рыжие?! — презрительно переспросил Муха. — Где ты таких видел?!

— А что? И видел! — стоял на своем Артист. — Даже грузины и чечены бывают рыжие!

— Во дает! У него уже и чечены рыжие!

— Кончайте, — прервал их перепалку Док, резонно опасаясь, что их ненароком занесет в воспоминания о чеченской войне. — Неважно, с кем они подрались. Важно, что их забрали.

— Неплохо, — оценил Майор. — Синхронно работаете. И что же — некому было выручить?

— Поздно узнали, — объяснил я. — Перед самым отлетом. Выручат, конечно.

— Кто?

— Ну, кто? Тренер. Или кто-нибудь из Национального фонда спорта.

— Мы договаривались быть откровенными, — напомнил Майор.

— Разве? — удивился я. — Так, может, вы и начнете?

— Я знаю о вас все.

— Да ну?

— Или почти все.

— Есть разница.

— Цель вашего приезда на Кипр — господин Назаров. Я знаю, что вы должны с ним сделать. Но я хотел бы, чтобы вы сами об этом сказали.

«Резидент, — понял я. — Вот откуда он это знает. Ровно столько, сколько знает резидент. На хрена бы нам такое информационное обеспечение?!»

— Не слышу ответа, — проговорил Майор. Я пожал плечами.

— Зачем вам мой ответ, если вы и так все знаете? Убить, конечно.

— Бросьте, Пастухов! Кто же посылает шесть человек, чтобы убить одного? Здесь одного и достаточно. Нет, у вас другое задание: выкрасть Назарова и доставить его в Россию.

Он внимательно взглянул на меня, пытаясь определить, какое впечатление произвели его слова.

— Не слабо, майор, — сказал я. — Вы действительно много знаете. Чего же вы не знаете?

— На кого вы работаете?

— А вы?

— Почему вы назвали меня майором? — спохватился он.

Дошло.

— Потому что вы и есть майор. — Я вспомнил слова полковника Голубкова: «Эмиссар КПРФ». И добавил: — В отставке или в запасе. Вас из «конторы» вышибли или вы сами ушли?

— Так... Что еще вы знаете обо мне?

— Вчера вы встречались с другом и компаньоном Назарова Борисом Розовским.

— Вы в этом уверены?

— Более чем.

Он не спросил, откуда я это знаю, но, судя по выражению лица, напряженно об этом думал.

— Не сушите мозги, майор, — посоветовал я. — Конечно же резидент.

Он укоризненно покачал головой:

— Ай-ай-ай, какой нехороший человек! Просто сволочь.

— Ну, почему же сразу сволочь? — возразил я. — Может, вы просто мало ему платите? И он вынужден подторговывать информацией на стороне?

— Зачем же, по-вашему, я встречался с Розовским?

— Чтобы договориться о встрече с самим Назаровым.

— А для чего мне встречаться с Назаровым? «Зачем эмиссару КПРФ встречаться с Назаровым?» — спросил я себя. И ответил вслух:

— Вы хотите получить от него компромат на некоторых деятелей из президентского окружения. Но вы его не получите. Он вас пошлет. Очень далеко. — Я будто пробирался по кочкам через болото — приходилось тщательно обдумывать каждую фразу. — Тогда вы дадите ему срок для размышления. И намекнете, что его ждет в случае отказа.

— Что?

Я не люблю произносить это слово. Есть слова, которые притягивают опасности. Еще древние это знали. Поэтому у них было столько табу. Но в этой бетонной коробке каждый кубический сантиметр был пропитан опасностью. Хуже не бывает. Поэтому я сказал:

— Смерть.

Майор промолчал. Я был уверен, что угадал. Теперь можно было и блефануть.

— Это вторая позиция в вашей оперативной разработке. Запасной вариант. В новом покушении на Назарова весь мир увидит руку Кремля. Что вполне устраивает ваших работодателей. Вы считали этот вариант маловероятным, — продолжал я уже более уверенно. — Не сомневались, что Назаров согласится отдать вам компромат на своих врагов.

— Я и сейчас в этом не сомневаюсь, — сказал Майор.

— Вы ошибаетесь. На вас работают никчемные психологи. Они не смогли понять, что такой человек, как Назаров, никогда не даст ни одного козыря коммунистам. Поэтому вы и не запаслись профессиональным киллером. И теперь будете вынуждены обращаться к этой швали.

— Я обратился к ним только для того, чтобы перехватить вас.

— Зачем?

— Познакомиться с конкурентами. А вдруг выяснится, что мы не противники, а союзники?

— Ну, перехватили. Познакомились. Выяснили, что не союзники. А дальше что? — спросил я. — Кому-то нужно будет завершить операцию. Значит, придется и за этим к ним обращаться. Гиблое дело, майор. Рано или поздно они завалятся и продадут вас со всеми потрохами. И этого вам ваши заказчики не простят. У вас нет ощущения, что вас подставляют?

Если этого ощущения у него раньше и не было, то после моих слов появилось. Майор задумался. Наконец сказал:

— Вы правы. Поручать им это дело нельзя. Но я знаю, кто с ним справится.

— Кто?

— Вы.

— Это вы так шутите?

— А если я скажу, что за эту работу вы получите пятьдесят тысяч долларов? Я засмеялся.

— Знаете, почему коммунисты не смогли удержать власть? Они не любили платить. Все тащили к себе и жрали за заборами своих дач.

— Хотите сказать, что вам заплатили больше?

— И намного, — подтвердил я.

— У вас нет выбора. Либо вы будете работать на меня, либо отсюда не выйдете.

— Выстрелы услышат в соседних домах, — предостерег я.

— Ближайший дом — в пяти километрах отсюда.

— Нас будут искать.

— Не здесь. Никто не узнает, куда вас увезли.

— А четыре трупа? И завтра еще два. Их вы куда денете?

— Не мои проблемы. Но я поинтересовался. Тут неподалеку есть бетонный завод. Делают блоки для фундамента. Продолжать?

— А если мы согласимся, а потом кинем рас? Майор усмехнулся. Похоже, он обрел под ногами твердую почву.

— Вы этого не сделаете. У вас есть родители, жены, дети. Вы подумаете о них.

— Неужели вы пойдете на это? — спросил я, хотя был на все сто уверен, что он пойдет на всё. Такая это порода. Они с генералом Жеребцовым в одной школе учились. А верней: одну бешеную суку сосали.

— С неохотой, — ответил Майор. — Но я должен подстраховаться. Для этого мне достаточно сделать всего один звонок в Москву. Я могу сделать его прямо из этого дома. Если хотите — при вас. И я его сделаю.

— Если у вас будет эта возможность, — вступил в наш разговор Док.

Майор мгновенно осмотрелся. Четверо с автоматами по-прежнему стояли метрах в двенадцати от нас. Как я и предполагал, намеренно затягивая этот разговор, они еще больше расслабились, опустили стволы, двое курили. «Узи» пятого, напарника рыжего водителя, вообще висел на плече. Склонившись к Пану, он о чем-то негромко с ним разговаривал. Значит, этот вообще не в счет. Ему понадобится секунды три, а то и больше, чтобы начать стрелять. Целая вечность. Этим четверым — меньше, конечно. Двоим, что курили, — секунды две. А двоим другим — полторы как минимум. Да плюс время, пока врубятся. А они не похожи были на профи, способных сделать это мгновенно. Так что шансы у нас были. И неплохие, в Чечне не раз бывало и хуже.

Но Майор, судя по всему, не оценил ситуацию как угрожающую. Не вник, видно, в глубинный смысл известной песни из фильма про Штирлица: «Не думай о секундах свысока». Может, вообще фильм не видел? Большой пробел в его культурном развитии. И я бы даже сказал — опасный. На всякий случай он отодвинулся от нас, шага на два. И как раз по направлению к автоматчикам. Ну, подарок! В какой он, интересно, спецшколе учился? Будь он в моей команде, за такое дело я отправил бы его на «губу». Суток на трое. Потому что он перекрыл автоматчикам директрису — линию огня. Значит, в плюс нам — еще секунда: пока они сообразят, как стрелять через Майора...

Пора. Лучше момента не будет. Я уже готов был дать знак, но тут Док демонстративно-медлительно закурил и неожиданно протянул мне пачку «Мальборо»:

— Сделай пару затяжек. Очень прочищает мозги.

Он прекрасно знал, что я не курю. Но раз предлагает — значит, знает зачем. Я прикурил от его зажигалки. Не затягиваясь, выпустил изо рта струйку дыма. Ничего не понял. Выпустил еще одну. И только тут дошло: дым не стелился в воздухе, как всегда в закрытых помещениях, а явственно вытягивался вверх. Это могло означать только одно — что вентиляционные люки-окна наверху открыты. И это в корне меняло ситуацию.

— Расслабьтесь, — сказал я Майору. — Мы не собираемся брать вас в заложники.

— Значит, вы принимаете мое предложение?

— Нет, не значит. У нас уже есть контракт. Выгодней вашего.

— Контракт — с кем? — спросил он.

На этот вопрос можно было не отвечать. Но я решил, что стоит попытаться прояснить, кто наши работодатели. Он мог о них знать. Поэтому я ответил:

— С Управлением по планированию специальных мероприятий. Знаете такое?

Реакция его была неожиданной и, нужно отдать ему должное, очень быстрой.

— Огонь! — крикнул он, прыгнул в сторону и перекатился по полу к ногам автоматчиков, одновременно вырывая из подмышечной кобуры пистолет. Я предполагал, что от команды до начала пальбы пройдет секунды полторы-две, но ошибся как минимум вдвое. Мы рассыпались по бетону, как брызги ртути. Муха успел перемахнуть пустое пространство, взвиться в сальто и взять в захват ногами шею напарника рыжего. Он уже лежал на полу, а эти четверо все бросали сигареты, поднимали, поднимали и поднимали свои стволы — конца этому, казалось, не будет. А когда все же подняли, прозвучало два очень громких выстрела. Верней, четыре — два по два, сообразил я, увидев, как все четверо повалились на пол, так и не успев нажать курков. Майор выхватил, наконец, свой ПМ и вскинул его, целя вверх, над нашими головами. Но еще два выстрела поставили точку в его карьере. Я решил, что все закончено, и хотел уже встать, но тут лысый Пан круто развернул свою коляску и по бетонной стене над нашими головами полоснули две автоматные очереди. Надо же, какой хитрожопый! В ручки коляски вмонтировал стволы. Прямо Кулибин. Но истратить весь боезапас ему не удалось, Муха уже завладел автоматом клиента и короткой очередью, почти в упор, снес Кулибину полчерепа.

— Все в порядке, Пастух? — прозвучал сверху, как глас самого апостола Петра, бас Трубача. Его физиономия виднелась в вентиляционном люке между прутьями арматуры. А в соседнем люке — физиономия Боцмана. И из обоих люков торчали автоматные стволы.

— В полном, — ответил я. — Спускайтесь!

— Сейчас будем!..

Мы связали клиенту Мухи руки и ноги, оттащили его к стене и обошли гараж, осматриваясь. Картина была та еще. Пять трупов, не считая Майора. А почему, собственно, не считая? Считаю. Шесть трупов.

Артист только головой покачал.

— Добро пожаловать на остров любви! — проговорил он и после некоторого раздумья добавил: — Если кто-нибудь при мне еще раз скажет эти слова, я ему всю морду разобью!

— Что будем делать, Сережа? — спросил Док.

— Нужно подумать.

И было над чем подумать. И прежде всего: почему этот Майор так реагировал на мое упоминание об Управлении? Что же это за зверь такой, ввергающий в панику тертых-перетертых кагэбэшников или фээсбэшников? А Майор явно был в панике, когда узнал, с кем имеет дело. Поэтому мгновенно забыл про все свои планы. У него в мозгах было лишь одно: уничтожить все следы его контакта с нами. Выжечь. Стереть. Смыть кровью. Думай, Пастух, думай, приказывал я себе. Но ничего путного в голову не приходило. Кроме одного: что с нашими работодателями нужно держать ухо востро. Очень востро.

— Общайте их! — кивнул я ребятам на трупы, а сам занялся Майором. Бывшим. Одна пуля вошла ему в лоб и на выходе разнесла весь затылок, другая попала в сердце и по пути прошла бумажник.

Крови на костюме почти не было, а во внутренний карман пиджака, где лежал бумажник, немного натекло, так что дырка в углу паспорта была обведена красным. Если бы это был не обычный общегражданский паспорт еще с гербом СССР, а комсомольский или партийный билет, место ему было бы в музее на стенде «Они сражались за Родину». Только вот за какую, интересно, Родину этот Майор сражался?

Вологдин Олег Максимович. Сорок лет. Так я и предполагая. Место рождения: город Москва. Отметки о браке нет. О детях — тоже. Что ж, меньше горя будет в Москве. Выездной визы нет. Значит, прямиком прилетел на Кипр, для въезда виза не требовалась. Немного денег в бумажнике: доллары и кипрские фунты. Никаких писем, записок, фотографий, никакой телефонной книжки. Из наружного кармана пиджака я извлек фотоаппарат и взглянул на счетчик кадров. В окошечке стояла цифра «5». Значит, на пленке, кроме нас, ничего не было. Я засветил пленку, вернул «Никон» на место и на всякий случай ощупал труп с боков. Могло быть еще оружие. В районе пояса почувствовал какое-то утолщение. Расстегнул рубашку, задрал майку. На голом теле был укреплен широкий парусиновый пояс. Я вытащил его и расстегнул «молнию». В кармашках лежали доллары. Десять пачек по пять тысяч в каждой. Итого: пятьдесят. Я подозвал ребят и показал на пояс:

— Цена жизни Аркадия Назарова. Или правильной — цена смерти?

Они постояли, посмотрели, но ничего не сказали. Да что тут скажешь? Цена жизни или смерти — одна цена.

Документы, извлеченные из карманов остальных, не дали никакой интересной информации. У

лысого был вид на жительство на Кипре. Фамилия его была Панков, отсюда и кличка — Пан. У двоих были долгосрочные германские визы, у остальных — обычные загранпаспорта с отметками о въезде на Кипр.

Тем временем из-за стальной двери, ведущей в дом, появились Трубач и Боцман. И не одни. Боцман подталкивал перед собой давешнего рыжего водилу, а Трубач волочил за шиворот еще двух молодых мордovorотов. Руки у этой троицы были связаны, а рты забиты кляпами. Их «узи» висели у Боцмана и Трубача на плечах.

— Внешняя охрана, — объяснил Трубач, сваливая своих пленников на пол. — А этот рыжий возле микроавтобуса был.

— Дом осмотрели? — спросил я.

— Больше никого нет. Вот их документы и «тэтэшник» рыжего.

То же самое: германские визы и транзитные через всю Европу.

Я вытащил у них кляпы и спросил:

— Вы что, из Германии ворованные машины гоняли?

Рыжий с готовностью закивал:

— Ну! Мы больше не будем, не убивайте нас! Гаражный пейзаж произвел на него, судя по всему, очень сильное впечатление.

— Кому же нужны на Кипре машины с левым рулем?

— А наши брали, русские. Их здесь сейчас полно. Вы нас не убьете?

— Посмотрим на ваше поведение...

Трубач отвел меня в сторону и негромко сказал:

— У нас цейтнот, Пастух.

— А что такое?

— Понимаешь, «додж»...

— Которым вы нам мигнули — стоп-сигналами на шоссе?

— Ну да. Поникаешь, его бы надо поскорей вернуть.

— Кому? — не понял я.

— На стоянку. Пока не хватились. Может, и не хватятся скоро, а вдруг?

— Так вы его угнали?

— А что было делать? Не на такси же за вами ехать!

— Черт! Кипрской полиции нам только и не хватает! Ладно, потороплюсь.

Проще всего, конечно, было немедленно позвонить в полицию и объяснить, все как есть: как нас захватили в аэропорту и привезли сюда под угрозой оружия, как наши товарищи проследили за похитителями, разоружили охрану и вынуждены были открыть огонь для защиты наших жизней. Убийство в пределах необходимой обороны. Такая статья была в российском Уголовном кодексе, наверняка была и в кипрском. Но у полиции возникла бы куча вопросов: почему захватили именно нас, чего от нас требовали, о чем мы говорили с Паном и его клиентом. И еще немало других. А на них ответить мы не могли. К тому же — до выяснения всех обстоятельств дела — нас поместили бы в кутузку, а во всех газетах наверняка появились бы наши снимки. В общем, в любом варианте на нашем задании мы могли ставить жирный крест.

Не годилось. Нужно было придумывать другой план. И я его придумал.

— Развяжите их, — кивнул я ребятам на пленников, а сам обшарил карманы Пана. И нашел то, что искал: связку ключей. Один из них был сложный, с множеством выступов и бородок — явно от сейфа.

— Где сейф? — спросил я у рыжего, понимая, что он сейчас самый разговорчивый.

— На кухне, за холодильником, — поспешно ответил он.

— Как отодвигается холодильник?

— Просто руками — сильно влево. Хотите, покажу?

— Обойдемся. — Я бросил ключи Боцману: — Открой. Сигнализацию не забудь отключить. Если есть деньги — неси сюда. Бумаги вывали на пол. Сейф не закрывай, пусть так и стоит.

Боцман вышел. Я достал из своей разворошенной сумки майку и тщательно вытер автоматы, из которых стреляли Трубач, Боцман и Муха, предварительно их разрядив. После этого, обмотав руку майкой, чтобы не оставить на металле своих пальцев, сунул автоматы охранникам и напарнику рыжего. Ничего не понимая, они взяли оружие в руки.

— А теперь положите стволы на пол и отойдите в сторону! Объясню ситуацию, — продолжал я, когда они выполнили приказ. — Сейчас мы вызываем полицию и рассказываем: мы заблудились, подъехали к этому дому спросить дорогу и неожиданно услышали стрельбу. Поскольку мы опытные спортсмены, нам удалось проникнуть в дом и обезоружить вас. Картина для полиции будет совершенно ясной. Каким-то образом вы заманили или похитили российского бизнесмена. Его, — показал я на труп Майора. — При нем было пятьдесят тысяч долларов. Вы убили его, но при дележе добычи поссорились и перестреляли друг друга. Ваши пальцы на «узи» есть, баллистическая экспертиза покажет, из какого автомата в кого стреляли. Так что высшая мера вам обеспечена.

— На Кипре нет вышки, — буркнул напарник рыжего.

— Для общеуголовных преступлений, — согласился я. — Ко не для таких, где шесть трупов.

— Не докажешь, — хмуро возразил напарник. — Мы все на вас скажем. Как было.

— А что вы нас похитили под угрозой оружия — тоже скажете?

Вошел Боцман. В одной руке у него был средних размеров атташе-кейс с цифровыми замками, в другой — пачка кипрских фунтов. Очень даже приличная пачка.

— Ключи оставил в сейфе, — объяснил он, передавая мне деньги. — Пальцы стер. Я бросил фунты на пол.

— Вот вам еще одно: вы не только застрелили хозяина, но и его тоже попытались ограбить... А что в кейсе?

— Не знаю, — сказал Боцман. — Сейчас посмотрим.

Прикладом «узи» он сбил замки и открыл крышку. В кейсе были плотно уложенные небольшие полиэтиленовые пакеты с каким-то белым порошком. И хотя я видел кокаин и опиум только по телевизору, сразу догадался, что это. Наркота.

Док вынул один из пакетов, повертел его в руках, пощупал, а потом разорвал плотный полиэтилен так, что часть порошка высыпалась на пол.

— Эй! Ты что?! — предостерегающе потянулся к нему напарник рыжего. — Это же!..

Док понюхал порошок, растер между пальцами, потом осторожно попробовал на язык.

— По-моему, героин, — сказал он. — Опыт у меня небольшой, но... Да, героин.

— Так-так, — заметил я. — Значит, вы не просто хотели ограбить хозяина, но и забрать у него партию наркотиков. Сколько здесь?

— Килограммов пять, не меньше, — предположил Боцман.

— Пять килограммов героина и шесть трупов. Неужели и это не потянет на вышку? Как, потвоему? — обратился я к знатоку кипрского уголовного законодательства.

Он промолчал.

Я заключил:

— Вижу, вам не нравится этот вариант. Нам тоже. Не потому, что мы хотим сберечь ваши шкуры. Просто у нас еще слишком много дел и нет времени на объяснения с кипрской полицией. Предлагаю другое. Сейчас мы вас отпускаем. Вы садитесь в микроавтобус и с максимальной скоростью гоните в ближайший аэропорт. В Никосию...

— Ближе в Ларнаку, — подсказал рыжий. — Там тоже международный аэропорт.

— Тем лучше, в Ларнаку, — согласился я. — Там вы покупаете билеты и улетаете ближайшим рейсом в Европу. Через сутки вы должны быть в Варшаве. Там сядете на поезд до Белостока. А оттуда доберетесь до городка, который называется Нови Двор. Запомнили? Остановитесь в мотеле при въезде в Нови Двор со стороны Белостока. Документы не показывайте. За бабки поселят без них. Назовете любые чужие фамилии...

— Почему? — перебил рыжий.

— Потому что настоящие ваши фамилии будут в Интерполе. А значит — и на всех пограничных пунктах. Вас будут разыскивать за убийство русского предпринимателя и пятерых своих сообщников.

— Как Интерпол узнает наши фамилии?

— Очень просто. Анонимный звонок. В Нови Дворе вы будете очень тихо сидеть и ждать нас. Неделю или две. Мы поможем вам перейти границу. Через Белоруссию доберетесь до России и заляжете там на дно. Потому что вас будет искать не только милиция, но и кореша Пана. А они вас вычислят без всяких анонимных звонков. Есть вопросы?

— Зачем вам это нужно? — спросил один из охранников.

— Во-первых, мы не хотим быть замешанными в это дело. Ни сном, ни духом. А во-вторых, в Нови Дворе нам, возможно, понадобится ваша помощь.

— А вы нас не сдадите? — спросил тот же охранник.

— Вам придется поверить мне на слово. А что, у вас есть другой выход?

— Есть, — вмешался напарник рыжего. — Мы скажем, что встречали вас в Никосии. Нас двое свидетелей. И кто-нибудь в аэропорту наверняка видел. Лучше сесть за похищение, чем за такую мокруху. И похищение еще доказать нужно. А наркота вообще не наша. Ничего не видели, ничего не знаем. Так что, фраера, не выйдет у вас ничего. И кореша Пана вас достанут, я им дам наколку.

Артист поднял с пола ТТ рыжего и всадил пулю напарнику точно между глаз.

— Нет, — сказал я ему. — Никогда тебе Гамлета не сыграть.

Артист даже обиделся:

— Это еще почему?

— Больно уж быстро ты решаешь вопрос «быть иль не быть».

— А чего тянуть? Злобная тварь. Ни к чему нам иметь такого у себя за спиной. Не так, что ли?

— Все правильно, — сказал я. Артист стер с металла свои пальцы и сунул пистолет рыжему:

— Держи!

Тот послушно взял ТТ в руки.

— А теперь положи на пол. Вот так. Это чтобы у тебя не возникло желания отмазаться от этого дела. Вот и нет у вас двоих свидетелей, — констатировал Артист.

Да, ничто в мире не возникает ниоткуда и не исчезает бесследно. Свидетелем меньше — трупом больше. А что делать? Против законов физики не попрешь.

— Время, — напомнил мне Трубач. Я спросил пленников:

— Вам все ясно?

Они поспешно закивали:

— Все, все!

— Берите свои ксивы, эти фунты и валите. И помните: у вас всего сутки.

Через пять минут взревел движок мерсовского микроавтобуса, и машина скрылась в ночной темноте. Еще через полчаса, тщательно уничтожив все следы нашего пребывания в доме, выключив везде свет и заперев все двери и ворота, отъехали от усадьбы и мы. За рулем «доджа» был Боцман. Он уже освоился с левосторонним движением и гнал по пустой дороге под сотню. Не доезжая с полкилометра до трассы Никосия — Ларнака, я заметил бегущий вдоль дороги небольшой ручей и велел Боцману остановиться. Артист спустился к ручью, распатронил полиэтиленовые пакеты, высыпал содержимое в воду, а кейс, широко размахнувшись, закинул в какие-то кусты. И мы поехали дальше.

При повороте на шоссе в свете фар мелькнула табличка-указатель — белым по синему, на греческом и английском.

— «Прайвит» — частные владения, — перевел Док. — Вилла «Креон».

Стрелка указывала в ту сторону, откуда мы приехали.

Вот, значит, где мы побывали — на вилле «Креон». Первая экскурсия в программе нашего тура. Правда, незапланированная.

Почти всю дорогу до Никосии мы молчали. Не слишком приятным оказалось начало нашего путешествия. Понятно, что мы не развлекаться сюда приехали, но семь трупов за первые два часа — это был явный перебор. Даже в Чечне такое не часто случалось. А если так и дальше пойдет? Эдак остров любви быстро превратится в небольшое кладбище. Даже думать о таком не хотелось.

Лишь одно утешало: как бы там ни было, но часть нашего задания мы уже выполнили. Предотвратили контакт этого майора с Назаровым. И ликвидировали угрозу его жизни.

Если она была.

А она была. Конечно, была.

Но если так, откуда во мне это пакостное ощущение плохо исполненного дела — какой-то неряшливости, небрежности, грязи? Почти прокола. Что мы сделали не так? Нет, не мы. Я. Ребята тут ни при чем, они нормально сработали. А вот я прокололся. В чем дело?

А вот в чем: майор Вологдин. Я, конечно, большой умник. Очень тонкий психолог. Вскрыл его не раз. Как банку с сардинами. Но больно уж легко эта банка вскрылась. А может, не я его вскрыл, а он меня? И в банке были не сардины, а что-то совсем другое? Бесплатный сыр, например. Который, как известно, бывает только в мышеловке.

Что я, если разобраться, узнал от него? Да ничего. Он только подтверждал то, что я ему о нем говорил. Или делал вид, что подтверждает. Зато от меня он узнал все, что ему было нужно. И главное: на кого мы работаем. Съел сардинку. Правда, и для него она оказалась тем же бесплатным сыром. Но он сам сдал карты в этой игре. И не успел выложить козырного туза. Трех секунд не хватило. Но такова спортивная жизнь.

Черт! Много бы я дал, чтобы узнать, кто он такой и о чем он на самом деле говорил с другом и компаньоном Назарова Борисом Розовским!..

Когда впереди засветилось зарево огней над Никосией, Муха спросил:

— Мы в самом деле будем звонить в полицию?

- Нет, конечно, — ответил я. — Просто так сказал. Чтобы они не рыпались.
- А зачем они нам в Нови Дворе?
- Понятия не имею. Ни за чем. Но где-то же они должны сидеть? Вот пусть там и сидят.
- И мы будем переводить их через границу? — не унимался Муха.
- Иди ты на хрен! — разозлился я. — Что ты ко мне привязался? Я знаю столько же, сколько и ты. Будем — значит будем. Не будем — значит не будем. До Нови Двора еще нужно дожить!
- Сережа! — укоризненно проговорил Док.
- Извини, Олежка, — сказал я Мухе. Он кивнул:
- Все в порядке, Пастух. Я понимаю. Трубоч вспоминал:
- Кстати — о сером, который нас пас...
- Я назвал его про себя — Юрист.
- Похож, — согласился Трубоч. — Так вот: загранпаспорт у него синий, служебный. И разных виз полно.
- Откуда ты знаешь? — спросил я.
- Пристроился за ним на пограничном контроле, заглянул краем глаза.
- Фамилию не разглядел?
- Нет. А насчет виз грек восхищенно языком цокал: «Нью-Йорк, Женева, Париж!..» И еще, — продолжал Трубоч. — В аэропорту его ждала машина с шофером. Красная «хонда». Она шла за нашим «доджем» от Никосии не меньше часа. Потом мы от нее отвязались.
- Как?
- Ну, как. Как и эти на мерсовском микроавтобусе. Только мы сначала пропустили «хонду» вперед, а потом уж съехали с дороги и выключили габариты.
- Понятно, — сказал я. Хотя уместней было бы сказать: непонятно. Ясно было одно: мы всунулись в плотную паутину и на наше трепыхание в ней набегут не безобидные домовые мухоловы, а тарантулы и каракурты.

Перед аэровокзалом Боцман высадил нас в тени какой-то аллейки, въехал на площадь и поставил «додж» на место. После чего одобрительно похлопал машину по крылу и неторопливо направился к вокзалу, на ходу обивая брюки, как обычно делают водители, просидевшие за рулем не один час.

Аэровокзал был ярко освещен и почти безлюден. На стоянке не было ни одного такси. Вообще машин не было, лишь у выхода из зала прилета стоял длинный белый лимузин — то ли «крайслер», то ли «кадиллак». Водитель спал, откинув спинку сиденья.

Мы рассудили, что лучше всего будет вызвать такси по телефону, и вошли в зал. И тут в одном из кресел возле таксофонов обнаружили симпатичную блондинку в мини-юбке, сидевшую с

понурым видом. Рядом с ней, на соседнем кресле, лежал картонный плакатик на тонкой деревянной ручке. На плакатике было написано: «Турагентство „Эр-вояж“. Пансионат „Три оливы“». Надпись была на русском.

Артист изумился:

— Девушка, а вы не нас ждете? Она подняла голову:

— А у вас путевки «Эр-вояжа»?

— Точно! Как вы угадали?

— Ну конечно же! Шесть человек. Спортсмены. Вы же спортсмены?

— Еще какие! — подтвердил Артист. — Почти олимпийцы.

Она просияла:

— Господи, а я уж думала: все, погонит меня хозяин с работы. Понимаете, какие-то подонки прокололи все четыре колеса у нашего «кадиллака» — того, что перед входом стоит, видели? Пока возили колеса в монтажку, пока чинили, опоздали на полтора часа. Просто ужас! Я вроде и ни при чем, но хозяин у нас: должны были встретить — и точка. Он из Винницы, хохол упёртый. И шофера вышиб бы, и меня. Заодно. Я просто боялась в пансионат возвращаться, ждала здесь не знаю чего. Где же вы были все это время?

— В город ездили, — объяснил Артист. — Хотели в «Хилтоне» переночевать, а потом передумали: а вдруг эта милая девушка сидит здесь и ждет нас, как сестрица Аленушка братца Иванушку с одноименной картины художника Васнецова? Нет, решили, нужно вернуться. И вот — вернулись.

— Да ну вас! Врете вы все!

— Не все, — возразил Артист. — Только чуть-чуть. Самую малость. Трошки не по карману нам «Хилтон». Погуляли по городу и приехали.

— И слава Богу! Господи, я так рада! — Она встала, одернула юбочку и произнесла заученным тоном гида: — Господа! Добро пожаловать на остров любви!..

III

«— Добрый день. Вы ждете господина Назарова?»

— Совершенно верно.

— Я готов вас выслушать.

— Вы не Назаров.

— Правильно. Моя фамилия Розовский.

— Но вчера я договаривался о встрече с самим господином Назаровым.

— Вы разговаривали со мной. Господин Назаров не подходит к телефону, никого не принимает

и ни с кем не встречается. Он нездоров. Полагаю, вы знаете почему. Я подробно проинформирую Аркадия Назаровича обо всем, что вы хотели бы ему сообщить.

— Вы уверены, что я не смогу поговорить лично с господином Назаровым?

— Скажем так: это будет зависеть от результатов вашего разговора со мной.

— Не присесть ли нам? Что для вас заказать? Виски?

— Слишком жарко для виски. Пепси со льдом.

— Мальчик, два пепси со льдом!.. Итак, господин Розовский...

— Вы не представились.

— Моя фамилия Вологдин. Показать документы?

— Охотно взгляну.

— Пожалуйста. Вот мой паспорт.

— Это все?

— Вам недостаточно?

— Может быть, у вас есть какое-нибудь удостоверение?

— Нет, только паспорт.

— В таком случае кто вы? Вчера по телефону вы сказали, что представляете группу влиятельных политических деятелей России. Что это за деятели?

— Вам важно знать их фамилии? Или политическую ориентацию?

— Мне нужно знать фамилии, чтобы определить политическую ориентацию.

— Я назову их. Лично господину Назарову. А пока скажу, что они находятся в идейной оппозиции к существующему в России режиму.

— Существует и безыдейная оппозиция?

— Разумеется. Основанная на личных мотивах. К такой оппозиции относится ваш патрон господин Назаров.

— Как вы узнали номер нашего телефона?

— По адресу,

— Как вы узнали адрес?

— Боюсь, господин Розовский, вы недооцениваете своего патрона и интерес, который вызывает его личность. В определенных кругах. Возможно, это вас огорчит, но все передвижения господина Назарова, начиная с бельгийского госпиталя и Парижа, не являются тайной.

— Для кого?

— Когда-то это учреждение называли „контрой“.

— Вы работаете на „контру“? Или „контора“ работает на вас?

— Не то и не то. В этом учреждении есть люди, разделяющие наши взгляды. Они иногда делятся с нами интересующей нас информацией. Теперь мы можем перейти к делу?

— Да.

— У господина Назарова есть то, что нужно нам. А у нас — то, что нужно ему. Мы предлагаем обмен.

— Начнем с начала. Что, по-вашему, есть у господина Назарова?

— В течение многих лет он поддерживал тесные деловые контакты с самым широким кругом влиятельных лиц. Бывших влиятельных и влиятельных ныне. Через его банковские и коммерческие структуры осуществлялись многие масштабные финансовые операции. В их числе: распродажа оружия и имущества Западной группы войск, продажа крупных партий золота и алмазов. Не думаю, что он был замешан в чем-то серьезном. Но то, что он знал обо всех крупных аферах, в этом у нас сомнений нет. И не просто знал. Он располагает документальными свидетельствами.

— И вы хотите, чтобы он передал вам эти материалы?

— Нет. Мы хотим, чтобы он их обнародовал. Сам. Лично.

— Допустим, кое-какая информация у него есть. Но вы уверены, что она обладает такой взрывной силой, чтобы серьезно повлиять на расстановку политических сил в стране, к чему, как я понимаю, стремятся люди, интересы которых вы представляете?

— Мы обогатим его информацию документами огромной разрушительной силы. Мы ими располагаем.

— Почему бы вам самим их не обнародовать? Если они у вас действительно есть. И если они подлинные.

— Есть. И, несомненно, подлинные. Но будет гораздо эффективней, если их обнародует не оппозиция, а господин Назаров. Его положение в какой-то мере уникально. У него огромный авторитет на Западе и в широких кругах в самой России. Всем известна его многолетняя поддержка Ельцина. И если такой человек заявит о своем неприятии режима, это может произвести сильное впечатление.

— На вашем месте я бы обратился с таким предложением к господину Назарову до президентских выборов.

— Он бы его не принял.

— Почему вы думаете, что он примет его сейчас?

— Я не мог бы ответить односложно. И вы, господин Розовский, знаете этот ответ.

— Вы имеете в виду взрыв яхты „Анна“?

— Да. Но я хочу вернуться к предыстории. Мы с вами прекрасно знаем, с чего начался разрыв

отношений господина Назарова с президентом Ельциным.

— У меня есть свои соображения на этот счет.

Любопытно будет сверить с вашими.

— После путча девяносто первого года Назаров был вправе рассчитывать на видный пост в правительстве Гайдара. Как минимум министра экономики или даже вице-преьера. Он его не получил. Обойден он был и при формировании правительства Черномырдина. Вы должны согласиться со мной, что у Ельцина поразительная способность предавать своих единомышленников и делать из друзей врагов. Свежий пример — увольнение генерала Лебеда с поста секретаря Совета Безопасности.

— Не вернуться ли нам к Назарову?

— Согласен. Вы помните, конечно, случай, когда автомобиль господина Назарова, на котором он возвращался из Вены после международного симпозиума, был обстрелян неизвестными в пригороде Женевы?

— Это было бессмысленное и бездарно организованное покушение.

— Оно не было бездарно организованным. Те, кто его планировал, прекрасно знали, что „мерседес“ Назарова имеет пуленепробиваемые стекла и бронированную обшивку. Это было не покушение, а предупреждение. Господину Назарову недвусмысленно дали понять, чтобы он воздерживался критиковать политику Ельцина, особенно с трибуны крупных международных форумов. Сам президент, я не сомневаюсь, об этом ничего не знал, но в его окружении немало людей, чутко реагирующих на его настроение. Господин Назаров этому предупреждению не внял. Я отдаю должное его мужеству. Но последствия этого случая были для него очень серьезными.

— Что вы имеете в виду?

— Его жену Анну. У нас была возможность получить копию истории ее болезни. По нашей просьбе ее прокомментировал один из ведущих специалистов в этой области.

— В России нет таких специалистов.

— Верно. Это редкое нервное заболевание, в новейшей медицинской литературе оно описано как „болезнь Ниермана“. Всего два человека в мире считаются экспертами в этой области. Один — сам господин Ниерман, главный невропатолог цюрихского центра, где лечится госпожа Назарова. Второй — профессор Ави-Шаул из Иерусалима. Он и дал нам разъяснения.

— Вы основательно подошли к делу.

— Это наше правило.

— Что же вы узнали от Ави-Шаула?

— Люди, генетически предрасположенные к этой болезни, могут прожить всю жизнь, так и не узнав о своем недуге. Активизирует болезнь, как правило, сильное душевное потрясение. Первые признаки заболевания у госпожи Назаровой отмечены в восемьдесят пятом году. В это время сын Назарова, Александр, проходил службу в Афганистане. Зная, насколько Анна Назарова была привязана к пасынку, можно предположить, что именно тревога за его жизнь и

была причиной нервного срыва. Почему, кстати, Назаров допустил, чтобы его сына отправили в Афган?

— Вы не поймете ответа.

— Вторым толчком к развитию болезни, на этот раз очень сильным, было как раз то самое покушение, о котором мы говорили. У госпожи Назаровой был парализован опорно-двигательный аппарат. Взрыв яхты „Анна“ и смерть Александра сделали болезнь необратимой. Паралич распространился на головной мозг. В сущности, она сейчас не человек, а растение.

— Для чего вы об этом говорите?

— Я отвечаю на ваш вопрос. Вы спросили, почему я уверен, что господин Назаров примет наше предложение. Именно поэтому. У него отняли жену и единственного сына. Причем с сыном он связывал далеко идущие планы. Он готовил из него серьезного политического деятеля — из тех, кто придет к руководству страной в будущем. И у Александра были для этого все данные. Воля, честолюбие, блестящее образование, политическое влияние и связи отца, огромное состояние. Не знаю, стал бы он президентом России, о чем господин Назаров однажды обмолвился, но политическая карьера его наверняка была бы незаурядной. На всем этом поставлен крест. По-вашему, господин Назаров не воспользуется возможностью предъявить счет людям, ответственными за обрушившиеся на него несчастья? Господин Розовский, я задал вам вполне конкретный вопрос.

— Я думаю. Кто организовал взрыв яхты „Анна“?

— Вы это знаете.

— „Контора“?

— Да.

— У вас есть доказательства?

— Почти все мероприятия по подготовке взрыва документированы. Копии этих документов у нас есть. Радиоперехваты, доклады о ходе внедрения в экипаж яхты агента, оперативная разработка плана взрыва. Подготовка покушения на Назарова началась примерно за год до президентских выборов. И вот в какой-то момент было решено, что пора ее реализовать.

— Почему? На протяжении всей предвыборной кампании Назаров демонстративно воздерживался от любых комментариев.

— Это могло быть воспринято как выжидание самого удобного момента. И такой момент возник непосредственно перед выборами. Положение Ельцина было чрезвычайно зыбким. Даже дутые рейтинги вызывали тревогу. А в штабе НДР знали истинное положение дел. Если бы в этот момент Назаров выступил со своими разоблачениями, это могло стать последней каплей. Вероятно, поэтому и был дан приказ о покушении.

— Знал ли об этом Ельцин?

— Таких данных у нас нет. Но это не имеет значения. Для общественного мнения сомнений тут не будет. Не мог не знать. И должен был знать. Таким образом нужный эффект будет достигнут.

— Как я понимаю, эта акция — лишь небольшая часть общего плана. Конечная его цель очевидна. Вопросы — о частностях. Какова идеология государственного переворота? Каковы его формы?

— Речь идет не о государственном перевороте. Все будет осуществлено строго конституционным путем. У меня нет сомнений, что вы, господин Розовский, и ваш патрон внимательно следите за ситуацией в России. Положение может спасти только приход к власти правительства национального согласия. Господин Назаров займет в нем достойное место. Его опыт и организаторские способности будут неоценимы.

— Какую же программу это будущее правительство намерено проводить?

— Иными словами: вы вновь заговорили о персоналиях. Я отвечу на этот вопрос. Но лично господину Назарову. Этот наш разговор вы записываете на магнитофон, не так ли?

— Да. Вы имеете что-нибудь против?

— Наоборот. Прокрутите эту пленку Аркадию Назаровичу. Не сомневаюсь, что он захочет встретиться со мной.

— Мы это обсудим.

— Вам придется поторопиться.

— Почему?

— Завтра в восемнадцать тридцать из Шереметьева-2 на Кипр вылетают шестеро молодых людей. Тщательно залегендированы. Спортсмены, вторая сборная Московской области по стрельбе. Награждены путевками за третье место на первенстве области. Путевки выданы Национальным фондом спорта.

— Какое отношение они имеют к Назарову?

— Во-первых, они будут жить в пансионате „Три оливы“ — как раз через дорогу от вашей виллы. А главное: человек, снабжающий нас сведениями, получил приказ постоянно информировать их обо всем, что происходит на вилле. Об охране, обитателях, обо всех передвижениях и контактах Назарова, обо всех его телефонных разговорах.

— Вилла прослушивается?

— Внутри — нет. Телефоны прослушиваются. Специальной аппаратурой. Ни обнаружить ее, ни заблокировать невозможно. Надеюсь, вы оцените мою откровенность.

— Чьи это люди? Цель их приезда?

— Чьи — пока не знаю. Завтра выясню. И сообщу вам и господину Назарову при личной встрече. А цель... Разве она не очевидна?

— И все-таки?

— Стоит ли говорить об этом? Учитывая, что эту пленку будет слушать господин Назаров...

— У него крепкие нервы.

— Их цель — нейтрализовать господина Назарова.

— Убить?

— Выкрасть. И переместить в Россию. Я вижу, вас это встревожило?

— Во всяком случае, заставило задуматься.

— Выбросите из головы. Они не причинят вреда вашему патрону. Об этом я позабочусь. Ко это не значит, что господин Назаров может не спешить с ответом на мое предложение.

— Почему?

— Приедут другие.

— Позвоните мне завтра во второй половине дня.

— Завтра я буду занят. Этими самыми молодыми людьми.

— Тогда послезавтра.

— Договорились Я позвоню послезавтра после полудня. Всего доброго, господин Розовский.

— Всего доброго, господин Вологдин...»

Стоп.

Розовский выключил магнитофон и вопросительно взглянул на Губермана.

— Ну? Что скажешь?

Губерман помедлил с ответом.

Они сидели в белых плетеных креслах на нижней террасе виллы в тени от глубокого козырька солярия. Во дворе, посреди как бы припыленного солнцем газона, ярко голубела неправильной формы, фасолькой, просторная чаша бассейна, огибавшая мощный многовековой дуб, в тени которого когда-то устраивали привалы османские конники, отряды крестоносцев и даже, может быть, римские легионеры. Дальше, в просветах между кипарисами, виднелась набережная с высокими финиковыми пальмами и полоска пляжа с яркими пятнами зонтов и тентов и кишением обнаженных тел.

По сравнению с загорелым, коротконогим и грузным, словно бочонок, Розовским, Губерман выглядел бледным, как поганка, и тщедушным, будто подросток. Он был в плавках, с махровым полотенцем на шее, мокрые после купанья волосы сосульками спускались на плечи. Без очков лицо его казалось беззащитно-растерянным.

Розовский терпеливо ждал. За десять лет, минувших с первого появления этого социального психолога в офисе Назарова, Ефим Губерман мало изменился внешне, лишь слегка заматерел, но стремительное внутреннее взросление его не могло не вызывать уважения. Стать к тридцати годам третьим человеком в немалом, состоявшем из опытейших профессионалов аппарате Назарова — не каждому такое дано.

Губерман ездил в дорогом спортивном «Феррари», одевался у лучших портных, при этом очень

недешевые костюмы сидели на нем свободно и не вызываяще — как джинса. Он был вхож во все артистические и политические салоны Москвы, поддерживал дружеские отношения с телевизионщиками и журналистской братией, охотно платил за выпивку и одалживал по три-четыре сотни тысяч вечно безденежным газетчикам, при этом словно бы забывая о долге. Но когда нужно было инспирировать публикацию, выгодную Назарову или подрывающую доверие к предприятиям его конкурентов, Губерман устраивал это без всякого труда и практически бесплатно. В окружении Назарова он был одним из немногих, чьи представительские расходы не были ограничены никакой верхней планкой и не подлежали отчету в бухгалтерии.

Но особенно ценным было его умение интуитивно оценить ситуацию — не просчитать ее, а прочувствовать. И прогнозы его, как правило, оказывались совершенно правильными.

Наконец Губерман нашарил очки, лежавшие на таком же плетеном, как и кресла, столе рядом с высоkokлассным японским диктофоном, надел их и проговорил:

— Становится жарко. Я бы даже сказал — припекает.

— Я тебя не о погоде спрашивал, — заметил Розовский.

— Я не о погоде и говорю. — Губерман кивнул на диктофон. — Шефу дали прослушать?

— Пока нет.

— Почему?

— Ждал тебя. Нужно все как следует обмозговать.

— Как он себя чувствует?

— Физически — более-менее.

— А вообще?

— Бессонница.

Губерман пощурился на сверкание солнца в бассейне, предположил:

— Если он узнает, что адрес расшифрован, немедленно улетит в Цюрих.

— Этого я и боюсь, — подтвердил Розовский. — Мы не сможем организовать там надежную охрану. Тем более что все время он будет в госпитале, с Анной. Он станет легкой мишенью.

— Для кого?

— Для кого! — повторил Розовский. — Знать бы! Я тебя и вызвал, чтобы вместе об этом подумать.

— Пьет?

— Мало.

— Плохо. Ему бы надраться, поматериться, побохульствовать. Это разгрузило бы его подкорку.

— Не тот человек.

— В данном случае — к сожалению... Кстати, о птичках. Я бы чего-нибудь выпил. И перекусил. Как у вас тут это делается?

— Начало первого. Не рано для выпивки? — усомнился Розовский.

— Побойтесь Бога, Борис Семенович! — искренне возмутился Губерман. — По вашей милости я вчера целый день, высунув язык, мотался по Москве. Потом пять часов в самолете. Только в шесть утра лег спать, а в одиннадцать вы меня уже вытащили из постели. Неужели я не заслужил рюмку водки и бутерброд?

— Заслужил, заслужил... — Розовский три раза громко хлопнул в ладони, приказал молодому турку, мгновенно возникшему у стола: — Ленч. Уан — один. «Уайтхолл» Айс — лед. Понял? Туда! — кивнул он в сторону бассейна. Объяснил Губерману: — Там прохладней, бриз протягивает... Ты звонил из аэропорта около двенадцати ночи. Лег, как ты говоришь, в шесть утра. Так что ты делал до шести?

— Любовался природой Кипра.

— Ночью?

Губерман пожал плечами:

— А что? Ночь на острове любви. Не все же заниматься делами!

Розовский недоверчиво взглянул на него, но промолчал. Треп, скорее всего. А может, и нет. Кто их, этих молодых, разберет! Однажды в компании приятелей своего сына Розовский заметил, что раньше взаимности женщины добивались годами. Так эти сопляки хохотали минут пятнадцать...

По мраморным ступеням они спустились к бассейну, у бортика которого, в тени дуба, уже был сервирован для завтрака стол. В тот момент, когда Губерман разливал по низким пузатым бокалам виски, наверху, в кроне дерева, что-то щелкнуло, и прямо в серебряное ведро со льдом спланировал широкий дубовый лист. Губерман с досадой смахнул его со стола.

Если бы все внимание его не было поглощено бутылкой и он дал себе труд внимательно рассмотреть листок, то не без удивления заметил бы, что листок вовсе не отсох, что черенок его словно бы перерублен. А если бы он пошел дальше и залез на дуб, то без труда обнаружил бы вонзившуюся в одну из нижних ветвей стрелу, пущенную из современного арбалета. А на конце ее, за хвостовым оперением, — отливающую светлым металлическим блеском горошинку, вроде заколки для галстука.

Это был мощный чип. А попросту говоря — «жучок».

IV

— Они идут к бассейну, — раздался в динамике голос Мухи. — Там стол, под дубом. Турок ставит жратву. Попробую в дуб?

Рискованно было. Черт! Очень рискованно. Кто его знает, что она за хреновина, этот арбалет. Выглядит, конечно, солидно. Оптический прицел. Удобный приклад. Мягкий спуск. Прицельная дальность — сто пятьдесят метров. И цена, внушающая уважение: восемьсот баксов. «Девастар». Продавец божился: лучшая фирма в мире, поставщик олимпийских команд. Стрелы тоже выглядели неплохо. Но какая у них девиация? Если стрела уйдет за

пределы участка — это бы ладно, хотя шестьсот баксов за чип — тоже не баран накашлял. А если зацепится хвостовиком за ветку и упадет к ним прямо на стол в какой-нибудь салат или яичницу «гэм энд эг»? То-то будет закуска! Но и тянуть с этим было нельзя. Юрист недаром появился на вилле. Видно, вот-вот начнутся важные переговоры. Наверняка уже начались. И продолжают за ленчем. Упустить такую информацию? Нет, мы не могли себе этого позволить.

— Пастух, ППР! — напомнил Муха.

ППР — это из лексикона летунов. Полоса принятия решения. Летунам хорошо: у них ППР минуты или десятки секунд. У нас ППР куда короче. И я решил:

— Давай!

Несколько секунд в динамике многоканального переговорного устройства было тихо, доносилось лишь легкое шуршание фона. Я представлял, как Муха, распластавшись на десятиметровой высоте раскидистой местной сосны, стоявшей на соседнем участке позади виллы Назарова, прикинул к оптическому прицелу и придержал дыхание, прежде чем нажать курок. И я тоже невольно перестал дышать. Как наверняка и Артист, и Боцман, и Трубач, слушавшие наши переговоры. Артист страховал Муху у подножия сосны, Боцман — у входа на участок, а Трубач — на дальнем обводе. Док, сидевший против меня в кресле в моем номере пансионата, курил «Мальборо» и всматривался в мое лицо, словно я был для него чем-то вроде телевизионного ретранслятора.

Вжжжик!

И все.

— Попал? — не выдержал я.

— Не знаю, — помедлив, ответил Муха.

Я до отказа прибавил громкость в приемнике, настроенном на частоту «жучка». Приемник с вмонтированным в него магнитофоном придавался к «жучку». За очень дополнительные деньги. Полторы тысячи баксов, а? Что хотят, то и делают. Но комплект, видно, стоил того, потому что у меня в номере раздался оглушительный звон рюмки о рюмку и голоса:

— Будьте здоровы, Борис Семенович!

— Будь здоров, Фима!..

Я поспешно убавил громкость и хотел было включить запись, но пленка уже крутилась: магнитофон автоматически включался от сигнала «жучка».

Я сообщил Мухе:

— Все в порядке, попал.

— Мне слезать?

— Секунду!.. Артист?

— Тихо.

— Боцман?

— Никого.

— Трубач?

— Тоже. На пляже народ.

— Муха! Видишь их хорошо?

— Очень. Даже бутылку на столе. Квадратная. Закусь. Телефонная трубка. Какая-то черная коробочка. Плеер. Или диктофон.

— Что они делают?

— Розовский курит. Сигару. Молодой, которого ты назвал Юристом, ест.

— Слушай меня. Сними оптику, игрушку спусти Артисту. А сам оставайся на месте. Сообщай мне все, что увидишь. Все подробности, ясно?

— Понял.

— Артист! Игрушку разбери. Заверни в то, в чем вы ее принесли, и иди на пляж. Возьмешь напрокат лодку, отплывешь подальше и бросишь ее в море. Незаметно.

— Ты что, Пастух?! — запротестовал Муха. — Такая классная штука!

— Отставить разговоры! Артист, все ясно?

— Все.

— Действуй. Боцман и Трубач, подтянитесь поближе. Со связи не уходить. Как поняли?

— Хорошо понял, — ответил Боцман.

— Я тоже.

— Положил рацию рядом с приемником, не выключая. Сказка, а не рация. Размер — в полторы сигаретных пачки, а радиус действия — до десяти километров уверенного приема. Двенадцать каналов. В Чечне бы нам такие. Вообще вся техника здесь была экстракласса. Когда мы с Трубачом и Боцманом оказались в демонстрационном зале фирмы «Секьюрити», занимавшей целый этаж на одной из центральных улиц Никосии, у всех нас прямо глаза разбежались. Чего там только не было! Про оружие и не говорю. Трубач как присох к витрине с пистолетами, так и не отходил от нее все время, пока мы с Боцманом отбирали то, что нам нужно. И понятно почему: в самом центре витрины в футляре с красной бархатной подкладкой красовался «кольт-коммандер» 44-го калибра — такой же, какой отобрали у Трубача, когда нас вышибли из армии, только в подарочном варианте — с серебряной насечкой на рукояти и с червлением на стволе. И стоил он не так уж дорого — около двух тысяч кипрских фунтов, чуть меньше штуки баксов. И никакого разрешения на покупку не требовалось: плати и бери. Только лотом нужно было зарегистрировать его в полиции. И это превращало кольт в несбыточную мечту.

Затарились мы в этой фирме по полной программе. Большой джентльменский набор. Тысяч на десять баксов. Толстый хозяин-грек, с которым мы объяснялись на смеси русского и английского, прямо пчелкой вокруг нас вился, пытаясь впарить все, на чем задерживался наш

взгляд. И арбалет все-таки впарил, хотя мы и не собирались его покупать. Но купили. И, как выяснилось, очень даже не зря. А когда мы расплатились наличными, он так растрогался, что выставил к традиционному кофе бутылку коллекционного коньяка и искренне огорчился, когда мы отказались от посиделок, сославшись на время.

Времени у нас действительно было в обрез. Все это можно было купить и в Ларнаке. Но Ларнака городок небольшой, не стоило там светиться. Поэтому с утра, дождавшись восьми часов, когда на Кипре открывают магазины и учреждения, мы взяли у хозяина «Трех олив» английскую малолитражку «сандей» и дернули в Никосию, заехав перед этим в «Парадиз-банк» за деньгами. Но не тут-то было: никаких бабок на мое имя не поступило. Что тут скажешь? Российская бухгалтерия — всем бухгалтериям бухгалтерия, соперничать с ней может только российская почта. Пришлось вернуться в пансионат и взять баксы из тех пятидесяти штук, что мы забрали у майора на вилле «Креон». А если не было их? Мыкался бы я возле «Парадиз-банка», как отпускник на юге возле окошечка «до востребования» на Главпочтамте в ожидании перевода?

Суки.

Еще минут двадцать потеряли уже в Никосии, после того как вышли из «Секьюрити». Рядом с фирмой Трубач углядел магазин музыкальных принадлежностей и умолил нас подождать минутку — очень ему хотелось купить хороший сакс-баритон. Но вернулся он с пустыми руками: не было саксофонов, только пианино и ноты. Пианино, правда, очень хорошие.

Несмотря на задержки, в одиннадцатом часу утра мы были уже в «Трех оливах» и первым делом проверили детектором «Сони» все наши номера на предмет прослушки. И не зря. Один «жучок» нашли в просторной гостиной моего апартамента «Зет» (апартаментами называли здесь двухкомнатные номера), другой — в номере, который был расписан Доку. Этот мы оставили на месте, а мой перенесли в комнату Артиста. Ясно, что к нашему приезду готовились. А кто — это еще предстояло выяснить.

В нашем джентльменском наборе был еще один прибор, о котором я со всеми этими арбалетными делами совсем забыл.

— Док, — попросил я. — Возьми в сумке телефон с автоматическим определителем номера и подключи его вместо этого. Красный такой, в целлофане.

— Кто тебе может звонить? — удивился он.

— Резидент. Трубку возьмешь сам. Он спросит Сержа. Скажешь, что Сержа нет, пусть позвонит через двадцать минут.

— Зачем?

— Потом объясню, — ответил я, прислушиваясь к рации и приемнику.

— Юрист закуривает. Сигарету, — сообщил Муха.

И тут же включился магнитофон-«голосовик» и в динамике прозвучало:

— Ну что, Фима, теперь ты в состоянии говорить о делах?

— Теперь — да.

— Кто, по-твоему, за всем этим стоит? КПРФ?

— Вряд ли.

— ЛДПР?

— Не думаю. Жириновский клоун, но не дурак.

— «Яблоко»?

— Исключено. Они в такие игры не играют.

— Лебедь?

— Крайне сомнительно. У него еще нет никакой политической структуры.

— Военные?

— Это ближе всего. Но... Если они, то это чистый авантюризм.

— «Союз офицеров» не отличается здравомыслием. Как и анпиловская «Трудовая Россия».

Пауза.

Юрист:

— ГКЧП-3?.. Нет. Абсурд.

Розовский:

— Тогда что?

— Не знаю. Ничего в голову не приходит.

Розовский:

— Зайдем с другого конца. Вологдин. Удалось что-нибудь выяснить о нем?

— Кое-что. Закончил Академию КГБ. Восемнадцать лет служил в «конторе». Полковник. Год назад подал рапорт об увольнении в запас.

— Где сейчас?

— Неизвестно.

Я поразился: полковник?!

Розовского это тоже, судя по голосу, озадачило.

Он переспросил:

— Полковник? Ему вряд ли больше сорока.

— Ровно сорок, — подтвердил Юрист. — Хорошая, видно, была карьера. Служил в «Пятерке». Диссиденты.

— Информация точная?

— Обижаете, Борис Семенович. За туфту мы денег не платим.

Я почувствовал, что краснею. Твою мать! Не отличить полковника от майора! Психолог из меня — как из дерьма пуля.

— Бывает, — успокоил меня Док, угадав, о чем я думаю. — Я и сам не дал бы ему больше майора.

— Почему?

— Вел себя слишком глупо.

— А может, наоборот — слишком умно?

Док лишь пожал плечами.

— Как говорят в американских боевиках: если он был таким умным, почему же стал таким мертвым?

— Об этом стоит подумать, — вполне серьезно ответил я.

Розовский повторил:

— Полковник... И сам ушел?

— Да, — подтвердил Юрист. — Год назад.

— Что было год назад?

— Я уже думал об этом. Выборы в Госдуму. И заканчивался разгон КГБ под видом всяческих реорганизаций

— По-твоему, стал работать на какую-нибудь партию или политическое движение?

— Резонней предположить, что его переманили на должность начальника службы безопасности в крупный банк или фирму. Там платят по пять тысяч баксов в месяц. Но банк не пошлет своего человека к Назарову с таким предложением.

— Кто же его послал?

— Борис Семенович, мы начали по второму кругу.

— Согласен. Оставим пока. Про эту шестерку спортсменов что-нибудь узнал?

Док даже придвинулся по дивану ближе к приемнику, а я наклонился пониже, чтобы не пропустить ни одного слова, хоть разговор и записывался.

— Полный ноль, — услышался в динамике ответ Юриста. — Никакой информации. Ни в ФСБ. Ни в МВД. Нигде.

— В Минобороны?

— Тоже ничего нет.

— Странно... Ты их видел?

— Трех хорошо рассмотрел. Сидели впереди меня, в первом салоне.

— Как ты их узнал?

— Не пили. Стюардесса даже удивилась: «Ребята, это же халява!»

Мы с Доком обменялись взглядами. Прокол. Непростительно. Вроде небольшой, но как раз из небольших и возникают большие.

— Не уголовная братия? — спросил Розовский.

— И близко нет.

— «Альфа»?

— Тоже нет. На «Альфу» я насмотрелся.

Где это он мог насмотреться на «Альфу»?

— Тогда кто?

Безумно интересно было, что Юрист на это ответит. Он к ответил, не сразу:

— Если бы не информация этого полковника Вологодина, я решил бы, что и в самом деле спортсмены. Не из первачей. Вторая сборная. Третье место. Очень похоже. Еще довод: шесть человек. Для чего посылать такую толпу? Войну устраивать? Штурмом брать нашу виллу?

Очень не дурак был этот Юрист. Очень. У меня и самого время от времени слабо пошевеливался этот вопрос.

Юрист продолжал:

— Не пудрит ли нам мозги Вологдин?

— Цель?

— Вынудить к решению. Психологический прессинг.

— Но для этого он должен был узнать, что они прилетят. Как?

— Где он живет?

— Понятия не имею.

— А если в «Трех оливах»? Там мог и узнать. Чисто случайно. И задействовать эту случайность, как рычаг давления.

— Ну, Фима!.. Обыкновенный пансионат. Ему что, не дали денег на хороший отель?

— Осмелюсь напомнить: этот пансионат — через дорогу от нашей виллы.

Довольно приличная пауза.

— Розовский встает, — сообщил Муха. — Идет к дому... Вошел... Как слышишь, Пастух?

— Хорошо слышу. Продолжай наблюдение...

— Ток-шоу! — заметил Док. — Все равно, что смотреть футбол по телевизору, когда знаешь счет.

— Какой же счет?

— Пока, по-моему, в нашу пользу. Снова ожила рация:

— Розовский возвращается... какую-то здоровенную книгу тащит... телефонный справочник, я видел такие в будках... Дает молодому...

Голос Розовского:

— Ищи. Ты английский лучше знаешь. Голос Юриста:

— «Империал»... «Шератон»... это нам не годится... Кемпинги... Пансионаты... «Аргос»... «Одеон»... «Афродита»... Названия у них — как поэмы Гомера!.. А вот и «Три оливы»! Дайте-ка трубку!

— Говори по-английски.

— Само собой...

Муха:

— Набрал номер. Разговаривает по телефону...

— Спрашивает у портъе про Вологодина, — перевел Док. — Очень хороший английский. Муха:

— Положил трубку на стол. Юрист:

— Есть такой. Апартамент «А». Приехал неделю назад. Вчера уехал в Никосию и еще не вернулся.

— Ваш комментарий, господин Розовский?

— Черт! Задача. Без поллитры не разберешься!

— Разрешите налить?.. Будем, Борис Семенович!

— Будем, господин Губерман!..

«Значит, этот Юрист — Фима Губерман. Ефим. Но кто он?..»

— Еще один появился из дома, — доложил Муха. — Высокий. Лет пятьдесят. По-моему, это сам Назаров... Идет к столу...

— Пастух, пора валить, — вышел на связь Трубач. — Становится людно, народ тянется с пляжа.

— Все сворачивайтесь и сюда, — приказал я и выключил рацию.

Из приемника донеслось:

— Здравствуйте, Аркадий Назарович. Очень рад вас видеть.

— Привет, Ефим. Я тоже. Каким тебя ветром?

— Я вызвал.

— Зачем?

— Важное дело, Аркадий. И очень неприятное. Садись. Я хочу, чтобы ты прослушал одну запись. Фима, включи.

Пауза.

«— Добрый день. Вы ждете господина Назарова?

— Совершенно верно.

— Я готов вас выслушать.

— Вы не Назаров.

— Правильно. Моя фамилия Розовский...»

V

«— Договорились. Я позвоню послезавтра после полудня. Всего доброго, господин Розовский.

— Всего доброго, господин Вологдин...»

Щелчок.

Губерман выключил диктофон. Розовский достал зажигалку и принялся раскуривать погасшую сигару. Назаров неподвижно сидел за столом, опираясь на сцепленные замком руки. Пока крутилась пленка, пальцы его время от времени сжимались так, что белели костяшки. Но лицо оставалось холодно-безучастным.

— Мерзавцы, — наконец негромко проговорил он. — «Растение»... Когда был этот разговор? Да отсунься ты от меня со своей вонючей сигарой!

— Извини. Позавчера днем. В баре «Бейрут».

— Почему сразу не рассказал?

— Я тебе говорил, что должны прилететь эти шестеро.

— Я спрашиваю: почему сразу не прокрутил пленку?

— Остынь, Аркадий. Ты сам знаешь почему. Не хотел раньше времени тебя беспокоить. Нужно было сначала разобраться, что к чему.

— Для этого и Фиму вызвал?

— Да, для этого. Ты успел позавтракать?

— Успел.

— Выпьешь?

— Не здесь. Слишком много солнца. Пошли, Ефим!..

Назаров поднялся из-за стола и в сопровождении Губермана направился к вилле.

Розовский вызвал турка-слугу и показал на бутылку и ведро со льдом:

— В библиотеку!

И поспешил вслед за шефом.

* * *

В просторной гостиной апартамента «Зет» пансионата «Три оливы» Док с сожалением констатировал:

— Конец первой серии. Продолжение следует. Но мы его не узнаем.

— Увы! — подтвердил капитан второй сборной команды Московской области по стрельбе Сергей Пастухов.

И тут раздался телефонный звонок. Сергей машинально взял трубку:

— Слушаю!

И тотчас лицо его перекошилось от досады: совсем из головы вылетело, что подойти к телефону должен был Док и отсрочить разговор на двадцать минут. Но бросать трубку было поздно.

— Я говорю с Сержем? — прозвучал в мембране невыразительный мужской голос.

— Да, — подтвердил Пастухов.

— У меня для вас информация. На известной вам вилле появилось новое лицо. Довольно молодой человек. Позавчера около шестнадцати часов ему звонили с виллы в Москву и приказали срочно прилететь. Его имя— Фима. Вероятно — Ефим.

— Кто он?

— Этой информацией я не располагаю.

— Как его фамилия?

— Этой информацией я не располагаю.

— Он появился на вилле рано утром. Почему вы сообщаете об этом только сейчас?

— Извините, Серж, но вы не вправе делать мне выговоры.

— Вы давно работаете на Кипре?

— Я не могу ответить на этот вопрос.

— Но вам нравится здесь? На этот вопрос вы можете ответить?

— Да, нравится, — помедлив, сказал резидент.

— В Москву не хотите вернуться? — продолжал Пастухов. — Тоска по Родине не одолела?

— Я не понимаю вашего тона.

— Сейчас поймете. Этот молодой человек — Ефим Губерман. Ближайший сотрудник нашего объекта. Даю вам сутки, чтобы получить о нем исчерпывающую информацию. В противном случае вы очень быстро окажетесь на Родине и будете получать по целому миллиону в месяц. Рублей.

На этот раз в бесцветном голосе резидента прозвучала растерянность.

— Я... Не уверен, что смогу выполнить вашу просьбу.

— Это не просьба, милейший. Это приказ! — отрезал Пастухов и бросил трубку. — Сука толстожопая!

Он переписал на бумажку шестизначный номер, высветившийся на дисплее АОНа.

— Ну, ты артист, Сережа! — усмехнулся Док. — Два артиста на одну команду — не много?.. Для чего было нужно, чтобы он позвонил через двадцать минут?

— Через двадцать, потом через тридцать, а потом через полтора часа. Нам нужно узнать, где он живет, — объяснил Сергей. — В конце концов ему надоест таскаться по автоматам и он позвонит из дома. Или из отеля, где он остановился.

— А сейчас он не с домашнего телефона звонил?

— Нет. Фон был — «хэви-металл». Из какого-то кафе или бара.

— Зачем нам его адрес?

— Не понимаешь? Нам нужно такое информационное обеспечение?

— Понимаю, — подумав, кивнул Док.

Он подсел к магнитофону, потыкал кнопки, отыскивая запись разговора Розовского и Вологодина в баре «Бейрут». Один из кусочков прокрутил дважды:

«— Их цель — нейтрализовать господина Назарова.

— Убить?

— Выкрасть. И переместить в Россию. Я вижу, вас это встревожило?

— Во всяком случае, заставило задуматься.

— Выбросите из головы. Они не причинят вреда вашему патрону. Об этом я позабочусь...»

Док выключил магнитофон. Помолчав, спросил:

— Что все это значит?

— Я и сам думаю, — отозвался Пастухов.

— Эти пятьдесят тысяч баксов, про которые ты сказал, что это цена жизни Назарова... Такие деньги не носят с собой все время. Их берут, когда знают, что придется платить. Нет, Сережа, это была не цена жизни Назарова. Это была цена наших жизней.

— Согласен, — кивнул Сергей.

— Два вопроса, — продолжал Док. — Первый: как он узнал про наше задание?

— Резидент?

— Вряд ли. Не думаю, что резидента в это посвящали. Смысл?

— Догадался?

— Нет, знал. Твердо знал.

— Откуда?

— Ответ может быть связан со вторым вопросом. Почему он приказал стрелять, как только услышал, что мы работаем на Управление?

— Знал, что это такое, — предположил Пастухов. — Понял, что сунулся в самое пекло.

— Есть и другое объяснение.

— Какое?

— Скажу, — пообещал Док. — Но при одном условии. Ты ничего не ответишь мне сразу. Ни да ни нет. Вообще ничего. Будешь молчать и думать. Согласен?

— Выкладывай.

— Он сам работал на Управление...

VI

После щедрого полуденного солнца в библиотеке было почти темно. Три высоких мавританских окна выходили на северную сторону, в сад. На стеллажах поблескивали золотым тиснением корешки старинных фолиантов. Мебель тоже была старинной, тяжелой, из темного дуба. Высокие спинки кресел были обнесены, словно кружевным подзором, затейливой восточной резьбой. Эта резьба, арабская вязь вперемежку с кириллицей на корешках книг, островерхие дверные и оконные проемы, кривой турецкий ятаган над большим английским камином — все здесь словно старалось напомнить о том, что это уже не Европа, но еще и не Азия. Граница между ними. Ближний Восток.

И такой же двойственной — незатейливо-примитивной, даже хамски-прямолинейной и одновременно изощренно-витиеватой, будто восточная мелодия или узор на коже гюрзы — казалась Губерману интрига, в центре которой были обитатели этой виллы, и главный из них —

сам Назаров.

Всем своим нутром чувствовал это Губерман. Всеми фибрами души. Жилками такими. Про которые ничего нет в Большой Советской Энциклопедии, но которыми пронизан весь человек. Правда, мало кто из людей умеет слышать в себе их стон. И еще меньше люди умеют верить тому, что слышат. Вот змеи — те умеют. Поэтому и выползают из нор перед землетрясением.

Губерман тоже умел. И теперь, слушая Розовского, пересказывавшего Назарову то, что они перед его появлением обсуждали, все больше утверждался в том, что предчувствия и на этот раз не обманывают его. Но высказывать свои соображения не спешил. Ему было интересно узнать, как оценит все это сам Назаров. У шефа был свой взгляд на любую проблему. Не всегда понятный Губерману. Не всегда, по его мнению, тонкий. Но в конечном итоге выводы их чаще всего сходились. Они словно бы пользовались разной оптикой: Губерман смотрел в лупу, а Назаров в морской бинокль.

— Так кто же этот полковник? — спросил Назаров, когда Розовский закончил.

— Просто порученец.

— Чей?

Розовский неопределенно пожал плечами:

— Трудно сказать. Правительство национального согласия — это сейчас в программе любой партии. Мы уже всех перебрали — от Зюганова до Анпилова.

Назаров с сомнением покачал головой:

— После выборов прошло всего ничего. Ельцин, конечно, ни черта не делает. Впал в спячку. Как всегда после крупной драки. Все валится, но критической массы ситуация не набрала. Любое выступление против Ельцина сейчас обречено на провал. Это очевидно для любого политика.

— А если они хотят заручиться твоей поддержкой на будущее? — предположил Розовский. — Когда ситуация созреет?

— Допустимо, конечно. Но... Нет, тут что-то не то. Какое впечатление произвел на тебя этот Вологдин?

— Серьезное.

— Сорок лет. Год назад уволился — уже полковником... На диссидентах такой карьеры не сделаешь. Да и нет их уже давно. Кабинетный шаркун?

— Только не это, — возразил Розовский. — Да шаркуну и не поручат важное дело.

— Значит — кто? — спросил Назаров. И сам ответил: — Оперативник. Или как это у них называется? И, видно, высокого класса.

— И что, по-твоему, из этого следует? — спросил Розовский.

— То, что он не просто порученец. То, что за ним стоят очень серьезные люди... Твое мнение, Ефим?

— У меня тоже все время крутится мысль, что здесь что-то не так, — ответил Губерман. — Вот какой вопрос я себе сейчас задаю: а мы не слишком заиклились на политике?

— Что ты имеешь в виду?

— Извините, шеф, что я к этому возвращаюсь... Покушение в Женеве — ну, согласимся, что это было предупреждением. А с какой целью была взорвана яхта «Анна»?

Назаров помрачнел.

— Чего тут неясного? — спросил Розовский, желая как можно быстрее уйти от этой тягостной для Назарова темы.

— Если оставаться на той точке зрения, которую мы как-то сразу и безоговорочно приняли, ясно все, — согласился Губерман. — Но если взглянуть с другой стороны и дать себе труд как следует об этом подумать...

— По-твоему, мы об этом не думали? — довольно резко перебил Назаров. — Или думали мало?

— Не давите на меня, шеф, — попросил Губерман. — Я и сам в растерянности, эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Я говорю не ради трепы. Уже десять лет я иду в вашем кильватере. И все мины, которые всплывают у вас на курсе, бьют и по мне. Это может сказать и Борис Семенович. И еще многие люди. Возможно, я скажу глупость. Но и глупость иногда помогает докопаться до истины. И не так уж редко.

— Продолжай, — кивнул Назаров.

— Где лучше всего спрятать березовый листок? В березовой роще. А труп? На поле боя, среди других трупов. Это я не сам придумал, где-то вычитал, — оговорился Губерман. — Но вот что придумал сам. Где можно спрятать истину? Среди других истин. Одна из них: положение Ельцина перед выборами было действительно очень шатким. В вас увидели объект угрозы. И приняли решение нанести упреждающий удар. Логично выглядит?

— А по-твоему, это не так? — не без иронии поинтересовался Розовский.

— Давайте рассуждать вместе. Что произошло бы, если бы этот упреждающий удар достиг цели? Я не знаю, шеф, где вы храните компромат. Но не в памяти и не в рундуке яхты. В каком-то банке есть сейф. В Лондоне, в Женеве или Нью-Йорке. И есть человек, которому даны точные указания, как распорядиться содержимым этого сейфа, если с вами что-то случится. И не один, возможно, а двое или трое. И сейф наверняка не один. В одном — подлинники, а в других — дискеты. Я прав?

Розовский и Назаров переглянулись.

— Продолжай, — повторил Назаров.

— Те, кто планировал взрыв, об этом, по-вашему, не знали? Не догадывались? Или до этого так трудно додуматься?

Розовский сунул в рот окурок сигары, потянулся за зажигалкой, но, взглянув на Назарова, ткнул сигару в пепельницу.

— Ты считаешь, что взрыв устроили не сторонники Ельцина, а его противники?

— Не о том речь, Борис Семенович. Вы по-прежнему оцениваете ситуацию в координатах предвыборной борьбы. А если вообще забыть о том, что были выборы? Если вычеркнуть из ситуации всю политику?

— И что останется? — спросил Назаров.

— Главная и единственная цель покушения. — Губерман помолчал и закончил: — Ваша смерть.

Розовский и тем более сам Назаров были не из тех людей, кого легко запугать. Но и на них угнетающе подействовала обнаженность этих слов. Слова были равны смыслу. И что-то сатанинское в них было. Адское.

— По счастливейшей случайности цель эта не была достигнута, — продолжал Губерман. — И вот не прошло и трех месяцев, как появляется полковник Вологдин. Как вы сами сказали, шеф: оперативник высокого класса. И вешает нам на уши развесистую, хорошо продуманную лапшу. Если ее убрать, что мы увидим?

— Ничего, — ответил Розовский. — Пустоту. Нуль.

— Нет, Борис Семенович, — возразил Губерман. — Ту же цель.

В библиотеке воцарилась напряженная тишина. Назаров неподвижно сидел в кресле, сцепив на затылке руки и вытянув длинные ноги. Лицо его было жестким, безжалостным. Страшным. Розовский не без опаски поглядывал на него. Он знал, что такое лицо бывает у Назарова перед взрывами бешенства. Но на этот раз ничего не произошло. Назаров потянулся к столу, налил себе виски, повертел фужер в руках. Взглянул на Губермана:

— Почему ты думаешь, что взрыв яхты и появление полковника связаны между собой?

— Я очень хотел бы ошибиться. Так и не выпив, Назаров поставил фужер на поднос. Повернулся к Розовскому:

— Я встречу с этим полковником. Договорись на завтра.

— Думаешь, он что-нибудь скажет?

— Важно не то, что скажет. А то, чего не скажет... Подготовь мне все данные по нефти. «Лукойл», «Росинвестнефть», «Тюменская топливная компания», «Мегионнефтегаз», «Сургутнефтегаз». Все остальные. Уровень добычи, цены, котировки.

— Мы и так отслеживаем ситуацию по Самотлору, — напомнил Розовский. — Свежие сводки у тебя каждый день на столе.

— Меня интересует не только Самотлор. «Тат-нефть», «Юганскнефтегаз», Северный шельф, Азербайджан, Приморье. Все российские компании. Все компании СНГ. Кроме того — страны ОПЕК. Динамика цен. Квоты. Запроси Москву, нашу центральную базу данных. Мне нужна общая картина.

— Когда? Как всегда — вчера?

— Можно и завтра. И еще. Ави-Шаул. Свяжись с Цюрихом. Пусть профессор Ниерман пригласит Ави-Шаула на консилиум. Срочно.

— У них натянутые отношения, — заметил Розовский.

— Мне плевать на их отношения. Напомни Ниерману, что я оплачиваю половину расходов его центра.

— Сегодня же позвоню. Все?

— Все.

Назаров поднялся. Розовский не смог сдержать облегченного вздоха. Это не укрылось от внимания Назарова.

— В чем дело? — спросил он.

— Мы с Фимой боялись, что ты решишь немедленно лететь в Цюрих, — объяснил Розовский.

— Какой Цюрих! Тащить туда все это змеиное гнездо? С этим надо покончить здесь. Раз и навсегда!.. «Растение»... Я им, скотам, покажу растение!.. Я буду у себя, — добавил Назаров и вышел из библиотеки.

— Раз и навсегда, — повторил Розовский. — Легко сказать. Мы даже не знаем, откуда ветер дует!.. Без четверти два. Что-то этот полковник не звонит.

Губерман отмахнулся:

— Еще позвонит!..

* * *

Но Вологдин так и не позвонил.

На следующее утро Губерман вошел в одну из комнат в цокольном этаже виллы, переоборудованную под рабочий кабинет Розовского, и бросил на черный офисный стол стопку свежих газет.

— Похоже, я здорово лажанулся, — сообщил он, плюхаясь в кресло и вытирая платком лицо и шею. — Ну и пекло на улице! А в рекламе пишут: райское Средиземноморье! Ничему нельзя верить!

— В чем же ты лажанулся? — поинтересовался Розовский, не отрывая взгляда от монитора новейшего компьютера «Сан ультра спарк».

— Насчет этой шестерки спортсменов.

— Вот как? — насторожился Розовский и отъехал от компьютера на колесиках кабинетного кресла.

— Помните, я звонил вам ночью из аэропорта?

— Ну? И сказал, что прилетели только четверо.

— Я видел, как четверых встретили. Какой-то рыжий, с плакатиком «Эр-вояжа». И позвонил вам. Потом уже из машины заметил еще двоих. Они сели в «додж» и двинулись за синим микроавтобусом, на котором уехали эти четверо вместе с гидом. Я, естественно, велел шоферу ехать за ними.

— Откуда у них «додж»? — удивился Розовский. — Ждал их? Или взяли напрокат?

— Думаю, угнали. И сделали это очень быстро. Так вот, примерно через час микроавтобус куда-то свернул. Я не заметил куда. А еще минут через пять исчез «додж».

— Как исчез?

— Очень просто. Притормозил, мы были вынуждены его обогнать. Тут он, видно, и развернулся. Мы тоже развернулись, проскочили в сторону Никосии километров пятнадцать. Ни «доджа», ни микроавтобуса. Снова повернули...

— К чему эти подробности?

— Сейчас поймете. В общем, покрутились и погнали в Ларнаку. За полквартала от «Трех олив» остановились и стали ждать. Ждали часа четыре.

Розовский усмехнулся:

— Это и была твоя ночь любви на острове любви?

— С удовольствием посмеялся бы вместе с вами. Но поводов для этого мало. Они приехали в шестом часу утра. На белом лимузине. Этому «кадиллаку» лет двадцать, но еще ездит. Хозяин «Трех олив» держит его для престижа. Приехали все шестеро и с ними девушка-гид.

— А куда делся рыжий гид?

— Никакого рыжего гида в «Трех оливах» нет и никогда не было. Как и синего микроавтобуса. А теперь будьте внимательны. Микроавтобус и «додж» свернули с трассы километрах в двадцати пяти от Ларнаки. Я посмотрел по карте. Там только одна боковая дорога. И километрах в пяти на ней стоит вилла «Креон».

— Ты хочешь сказать, что эти спортсмены были ночью на вилле?

— Получается так.

— Почему это тебя встревожило?

— Они не спортсмены.

— А кто?

— Смотрите!..

Губерман извлек из пачки греческих и турецких газет пухлую «Фклэптерос» на английском языке и развернул на первой полосе. Крупная «шапка» гласила:

КРОВАВАЯ МЯСОРУБКА НА ВИЛЛЕ «КРЕОН». СЕМЬ ТРУПОВ. РУССКАЯ МАФИЯ УСТРАИВАЕТ РАЗБОРКИ НА КИПРЕ.

В тексте, который бегло перевел Губерман, было следующее.

Полицию вызвала пожилая гречанка, которая приезжала на мопеде из соседней деревни два

раза в неделю и наводила на вилле порядок. Ей показалось странным, что на ее звонки и стук в ворота никто не ответил, и она сообщила об этом деревенскому полицейскому. Сержант Маркидис с напарником проникли на виллу и обнаружили в одной из комнат раскрытый потайной сейф. Это заставило их предпринять тщательный осмотр дома. В подземном гараже их взглядам открылась леденящая кровь картина: на полу гаража в разных позах валялись трупы семи мужчин, убитых из огнестрельного оружия. Один из них был в инвалидной коляске. Рядом с трупами лежали автоматы «узи» и пистолеты ТТ и ПМ.

Экстренно прибывшая из Никосии оперативно-следственная группа установила, что вилла «Креон» была арендована больше года назад российским гражданином Панковым, страдавшим болезнью суставов ног. Как показала приходящая служанка, вместе с ним на вилле постоянно проживало восемь мужчин в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, тоже русские. Время от времени на вилле появлялись другие мужчины, жили по несколько дней и уезжали. В пятерых убитых служанка уверенно опознала людей из постоянного окружения Панкова, шестого она видела на вилле впервые.

При обыске в боксах на заднем дворе усадьбы были обнаружены три автомобиля марки «мерседес-600» и два автомобиля марки «вольво-940» с транзитными германскими номерами. В бумагах, разбросанных возле сейфа, находились документы на эти машины. Указанные в них номера двигателей и шасси не совпадали с выбитыми на машинах. Это говорило за то, что все автомобили краденые.

В одной из комнат виллы, за полками книжного стеллажа, был обнаружен еще один — потайной — сейф новейшей конструкции. В нем находилось шестьсот тысяч американских долларов.

При более тщательном обыске усадьбы в бывшей конюшне были найдены шестьдесят автоматов Калашникова в заводской упаковке, десять автоматов «узи» и большое количество боеприпасов к ним. Криминалисты, входившие в состав оперативно-следственной группы, обратили внимание на рассыпанный на бетонном полу гаража белый порошок в количестве примерно трех граммов. Анализ показал, что этот порошок был героином турецкого производства. Более значительного количества героина на вилле найдено не было.

Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что вилла «Креон» являлась базой для бандитов из русской мафии, распространившей за последние годы свое влияние на всю территорию Кипра. Как заявил журналистам полицейский комиссар Костеас, трагедия, разыгравшаяся на вилле «Креон», является, по его убеждению, результатом конфликта внутри банды. Отпечатки пальцев на автомате «узи», из которого был убит главарь банды Панков, принадлежат одному из мужчин, застреленному из пистолета ТТ. Отпечатки на других автоматах и на пистолете ТТ не совпадают с пальцевыми следами остальных убитых. Это позволяет предположить, что три члена банды расправились со своими сообщниками, ограбили их и скрылись. Возможно, захватив с собой героин, который мог находиться на вилле.

Особый интерес, по мнению комиссара Костеаса, представляет собой личность седьмого убитого — мужчины в возрасте примерно сорока лет, которого не смогла опознать служанка. Никаких документов при нем не обнаружено. Рядом с его трупом валялся пустой бумажник, пистолет Макарова со сточенным серийным номером, а также широкий пояс из крепкой ткани, в каких русские «челноки» возят крупные суммы денег. Тот факт, что он был вооружен пистолетом Макарова явно криминального происхождения, говорит о его принадлежности к преступному миру. Возможно, он был посредником между бандой Панкова и покупателями оружия, наркотиков или автомобилей или же являлся самим покупателем. Установление личности этого мужчины, к чему предприняты все возможные меры, поможет следствию

выявить его роль во всем, что произошло на вилле «Креон».

Комиссар Костеас заверил журналистов, что это беспрецедентное по своей жестокости и масштабу преступление будет расследовано самым тщательным образом. «Мы не можем допустить, чтобы Кипр стал вотчиной русской или любой другой мафии, — заявил он. — Остров любви не должен превратиться в Сицилию или Чикаго 20-х годов...»

— И так далее, — сказал Губерман и отложил газету.

Разложив на столе греческие «Алиту», «Махи», «Неа», «Харавги» и турецкую «Халкын сеси», Розовский внимательно рассматривал опубликованные в них снимки. Печать была не очень качественная, на общих планах вообще трудно было что-нибудь разглядеть, а крупные снимки жертв этой бойни вызывали желание поскорей перелистнуть страницу, отгородиться рекламой или самодовольными лицами политических деятелей, чем угодно, лишь бы не видеть этого.

Розовский раскурил сигару, пощурился от дыма и кивнул на газеты:

— И все это, по-твоему, дело рук наших спортсменов?

— Вам не хочется в это верить? Мне тоже.

— Но... — Розовский ткнул сигарой в первую полосу «Филэлефтероса». — Сам же прочитал: отпечатки на автоматах и ТТ, трое скрылись... Нет. Шесть человек не могли не оставить следов.

— Могли, — возразил Губерман. — Если они профи.

Розовский с сомнением покачал головой, скользнул рассеянным взглядом по фотографиям в «Филэлефгеросе» и неожиданно насторожился. Губерману даже показалось, что он побледнел.

— Что с вами, Борис Семенович? Розовский не ответил. Склонившись над столом, он внимательно рассматривал один из снимков.

— Да что с вами? — повторил Губерман. — Что вы там увидели?

Розовский показал на снимок.

— Это он.

— Кто?

— Полковник Вологдин.

Губерман тоже всмотрелся в снимок.

— Вы уверены?

— Да.

Розовский перебрал остальные газеты и подтвердил:

— Он. Ни малейших сомнений!

— Вот, значит, почему он не позвонил, — заключил Губерман, — Как в том анекдоте: «Разве

Рабинович умер?» — «Умер». — «То-то я и смотрю: чего это его хоронят?..»

— Заткнись, Фима, — попросил Розовский. — Я тебя умоляю: заткнись!

«Да что это с ним?» — поразился Губерман.

Розовский подошел к двери, дернул висевшую вдоль косяка узкую ковровую ленту с махровой кистью на конце, приказал возникшему на пороге турку:

— Виски. И никакого льда!

Через минуту серебряный поднос с бутылкой «Уайтхолла» и фужерами стоял на столе. Льда не было. «Смотри-ка, этот турок уже понимает по-русски!» — слегка удивился Губерман.

Розовский налил полфужера, залпом выпил и запыхтел сигарой.

— Ну, успокоились? — подождав, спросил Губерман. — А теперь объясните, что вас так взволновало?

— Ты не понимаешь, что происходит.

— А вы?

— Я тоже. И это самое страшное.

— Я понимаю только одно, — проговорил Губерман. — Кому-то наш шеф очень мешает. И этот кто-то обладает огромной властью.

Розовский никак не отреагировал на его слова. Губерман поинтересовался:

— Скажите, Борис Семенович... я не в курсе ваших заграничных дел... Какие-нибудь крупные проекты у шефа в работе есть?

— У него все проекты крупные.

— А все-таки? Что-нибудь особенное? Розовский помолчал и словно бы нехотя ответил:

— Есть.

— Что?

— Нефть...

* * *

«Отец мой небесный, всемилостивый, всеведущий и всемогущий, неисповедимы пути Твои, непостижима воля твоя. Сияет над миром Твоим путеводная звезда Твоя, но как разглядеть ее сквозь смрадные тучи алчи и злобы людской сырм детям Твоим, заблудшим в дебрях болотных, где каждый гад вострит жало смертельное, а каждый плод исполнен не нектара, но яда. Отчаяние, смертный грех мой тьмою египетской покрывает меня, смятен дух мой предо злом всеместным, обуявшим души людские. Аки вепри свирепые и львы рыкающие сплелись, алчут поживы и крови, и чья рука бросит миротворящую ветвь оливы меж ними? Внемлют ли знаку сему, прозрят ли в нем волю Твою? Изгони, Господи, воспарения смрадных болот бесовских, яви миру луч звезды путеводной, как являешь

плывущим по водам и бедствующим в пучинах морских. Спаси, Господи, люди Твоя!..»

Глава пятая. Малый каботаж

I

В мире не существует тайн. Никаких. Бермудский треугольник. Египетские пирамиды. Теорема Ферма. Золото КПСС. Куда деваются деньги и откуда берутся клопы. Все известно. На каждый вопрос есть ответ. Только все буквы вопроса собраны вместе и выстроены в ряд, как взвод на поверке, а буквы ответа рассыпаны Бог знает где.

В том-то и дело, что все знает только Он. Ибо всеведущ. Поэтому и всемогущ. И потому же всемиловит. Все понять — значит все простить. А вот нам, грешным, не до всепрощения. Нам бы сначала понять. Выковырнуть одну букву ответа. Потом вторую, третью. Над тем и горбатимся.

Как ученый у микроскопа.

Как экономист за компьютером.

Как алкаш в пивной. (Этому не до буковок. Он хочет прозреть все сразу. И прозревает. Только утром не помнит, что он вчера прозрел.)

Или вот как я с Трубочом — лежа в траве под апельсиновыми деревьями со светящимися в темноте плодами и не отрывая глаз от окон на втором этаже небольшого отеля, в котором жил резидент.

Он позвонил, как я ему и велел, на следующий день. На этот раз мы не лопухнулись. Трубку взял Док и попросил перезвонить через двадцать минут. Номер, с которого был звонок, не совпадал с давешним. Первый раз он звонил из бара «Бейрут» — это мы выяснили по телефонной книге, позаимствованной Мухой в одной из телефонных будок на набережной. Второй звонок был из кафенеса в районе порта. Это такие старинные киприотские как бы трактиры, где мужское население деревень проводит свободное время за чашкой кофе, чаем «спаджия» или рюмкой местной самогонки «зивания». При этом женщинам разрешается заходить в кафенес, только когда там выступают бродячие кукольные театры — карангиозис, а в остальные дни женщины, особенно молодые, обязаны обходить кафенес по соседним улочкам. Об этом нам рассказала гид «Эр-вожья» Аня во время коллективной прогулки по набережной.

Следующие два звонка, каждый с интервалом в двадцать минут, были сделаны из автоматов на набережной. В этом смысле Кипр был вполне западным государством. В отличие от безымянных российских таксофонов, каждый автомат имел свой номер, по нему тебе могли даже позвонить, если, конечно, заранее договориться, возле какого автомата ты будешь, и знать его номер. Звонить друг другу по уличным таксофонам мы не собирались, но номера всех автоматов записали. И когда стало ясно, что резидент движется от припортового кафенеса в сторону «Бейрута», я послал в бар Муху, чтобы он попытался засечь там человека, который будет материться в телефонную трубку.

В ожидании звонка мы сидели в моем апартаменте «Зет» и смотрели телевизор. Из Никосии передавали парламентские дебаты в связи с депутатским запросом о кровавой бойне на вилле «Креон». Аня, заглянувшая к нам на огонек, переводила. Она была родом из Мариуполя, мать была гречанкой, учила детей языку своих предков. Аняте это негаданно пошло впрок,

когда самостийную Украину, особенно ее промышленные районы, захлестнула безработица, и народ, кто пошустрей, брызнул оттуда по всему свету от Штатов и Австралии до Израиля и Кипра.

Верней, не переводила, а пересказывала. Но и без пересказа было видно, что страсти в парламенте так накалились, что депутаты вот-вот начнут хватать друг друга за грудки. Совсем как в нашей Госдуме. Оппозиция требовала немедленно ввести визовый режим, чтобы ограничить проникновение на территорию республики криминальных элементов из России и СНГ. Депутаты от правящей партии протестовали: это резко сократит поток туристов, экономика Кипра будет ввергнута в пучину кризиса, как это было двадцать лет назад во время вооруженного конфликта между греческой и турецкой общинами.

Чем дебаты закончились, мы не узнали, потому что раздался телефонный звонок. Я взглянул на дисплей АОНа: звонили из бара «Бейрут». Док взял трубку:

— Алло!.. Сержа? Секунду!.. — Кивнул мне. — Тебя. Приятный женский голос.

По моему знаку Артист, Трубоч и Боцман подхватили Анюту и увлекли ее на вечернее купание. Док передал мне трубку, убрал у телевизора звук и взял в спальне трубку параллельного телефона.

Материться резидент не матерился, но в голосе его звучало нескрываемое раздражение.

— Я пытаюсь связаться с вами уже два часа!

— И что? — спросил я. — Дать вам отчет, чем я был занят? Докладывайте!

— Губерман Ефим Осипович. Шестьдесят четвертого года рождения. Москвич. Отец адвокат, мать врач-стоматолог. Семейное положение — холост. Закончил МГУ. Журналист-международник. Свободно владеет английским, говорит по-немецки и по-французски. С восьмидесят шестого года — пресс-секретарь Назарова. Руководит службой внутренней безопасности компаний и банков, входящих в концерн Назарова. В восьмидесят седьмом году привлекался к уголовной ответственности за незаконные валютные операции по восьмидесят восьмой статье УК РСФСР. Дело было прекращено из-за недостатка улик. Неоднократно выезжал в США, Англию, Швейцарию, Францию. Последняя поездка в июне этого года — в Германию, в Гамбург. Это все.

— Все? — возмутился я. — Вы что, информацию получаете в районном отделении милиции?

— Это все, что вам необходимо знать, — ответил резидент.

Довольно нахально ответил. Не то чтобы с открытым вызовом, но и не без этого. Он наверняка запросил центр о моих полномочиях. И ему, вероятно, ответили, что его дело — оказывать мне информационную поддержку. И не более того. Иными словами: он мне ни в коей мере не подчинен и может свободно посылать меня куда подальше. Что он и сделал в дипломатичной форме. Но это было не очень умно с его стороны. Совсем неумно.

Я поинтересовался:

— Кто определяет, что мне необходимо знать, а что нет? Связи, образ жизни, пристрастия, материальное положение, психофизические доминанты — это, по-вашему, не входит в информационное обеспечение? Тогда я напому вам, что такое служебное несоответствие.

Но мне не удалось вывести его из себя.

— Как только мне будет что сообщить вам, я дам вам об этом знать, — проговорил резидент своим бесцветным голосом и добавил: — Спокойной ночи, Серж.

И повесил трубку.

— Поставил он тебя на место, а? — заметил Док, появляясь из спальни. — Объясни-ка мне... ты всякие спецкурсы слушал. Резидент — что это за фигура?

— Смотря где. В Германии или в Штатах — очень серьезная. Руководитель всей агентурной сети. А здесь... Не думаю. Иначе его не вывели бы на связь с нами, поручили бы кому помельче. Это от латинского «резидео» — остаюсь на месте, пребываю. В средние века так называли послов, постоянно живущих за границей. Сейчас — представитель разведки. Внедренный в страну пребывания. Или завербованный из коренных жителей.

— Чьи это кадры — ГРУ, СВР, ФСБ?

— Раньше было — ГРУ и «контора». А сейчас, после всех реорганизаций, кто их разберет.

— К какой информации он имеет доступ?

— Вон ты о чем! — понял я. — Вопрос. И не один. Что это за чушь собачья с уголовным делом за незаконные валютные операции? Сколько я себя помню, доллары на каждом углу продают.

Док усмехнулся:

— Это тебе кажется. Вы — дети новой России. А в восемьдесят седьмом был еще Советский Союз. И валютчикам давали до десяти лет. За спекуляцию долларами.

— С восемьдесят шестого года Губерман — пресс-секретарь Назарова. Мало ему, по-твоему, платили, чтобы он принялся долларами спекулировать?

— Все проще, Сережа. Доллары могли понадобиться ему, чтобы купить что-нибудь в валютке. Для тебя это слово, конечно, анахронизм. Как и слово «дефицит». Но меня другое интересует. В июне этого года был в Гамбурге. Яхта «Анна» была взорвана в конце мая...

— Двадцать шестого мая, — уточнил я. — Почему помню — у Настены как раз день рождения.

— Что он делал в Гамбурге?

— Скорее всего — помогал перевезти тело сына Назарова в Париж и похоронить на Сен-Жермен-де-Пре, — предположил я.

— Возможно, — согласился Док. — Второй вариант. Начальник службы внутренней безопасности концерна Назарова. То есть — контрразведки. Не исключено, что пытался провести собственное расследование обстоятельств взрыва.

— Это зависит от того, когда он был в Гамбурге. Александр Назаров был похоронен десятого июня. Если Губерман был в Гамбурге после десятого — ты прав.

— Это и нужно выяснить у резидента.

— Не только это, — возразил я. — Какую информацию он передавал Вологдину? По чьему

приказу? Что он знает о нас? От кого? И так далее.

В общем, у нас накопилось вопросов к резиденту. И не с руки было ждать, когда он снова выйдет с нами на связь. Да и не скажет он ничего, если просто спросить. Если мы хотели получить убедительные ответы, нужно было облечь вопросы в убедительную форму. Поиском этой формы мы с Доком и занялись, ожидая, когда появится еще одно дитя новой России — Олег Мухин и сообщит, удалось ли ему засечь резидента в баре «Бейрут».

На безмолвном экране телевизора по-прежнему яростно размахивали руками и отпихивали друг друга от трибуны киприотского рОзлива жириновские, только что в косы вцепиться было некому: здешний парламент, судя по всему, был недоступен для женщин, как и кафенес. Потом возникла заставка новостей. Док прибавил громкость. В кадре появилась молодая гречанка с высокой прической и классическим греческим лицом и начала обзор события минувшего дня со скорострельностью автомата Калашникова. В точности, как если бы какая-нибудь оперная Артемида вдруг начала вести репортаж о футбольном матче. Замелькал видеоряд: Совет Безопасности ООН, Югославия, Клинтон, Палестина, Арафат, авиасалон в Абу-Даби. Что-нибудь разобрать было совершенно невозможно. Док потянулся выключить телевизор, но в этот момент на экране возникла вилла «Креон» и картинки, знакомые нам не только по снимкам в газетах и по предыдущим выпускам новостей. На лице полковника Волошина камера задержалась. Артемида за кадром произнесла по слогам, как по-китайски: Во-лог-дин. Появившийся на экране хозяин «Трех олив» «хохол упэртый» Микола Шнеерзон объяснил на мове, что он сразу же позвонил в полицию, як тики взнав своего постояльца у людыне, изображенной на снимках в газетах.

— Выключи, — кивнул я Доку.

Экран погас. Что было дальше, мы и так знали — толкались вчера среди зевак, когда в пансионат нагрянула полиция и телевизионщики. Допрашивали Анюту, соседей Вологодина, других постояльцев. Все в один голос твердили, что человек был спокойный, вежливый, не напивался и женщин не водил. Ни к кому из нас с расспросами не приставали — мы вселились на следующий день после исчезновения Вологодина.

Во всем этом важно было только одно: имя полковника попало в СМИ и о нем чуть раньше или чуть позже станет известно в Москве. Как на это отреагирует Москва? Тут гадать было нечего, оставалось лишь ждать. И постараться высеять эту реакцию из хаоса жизни. Не оказаться в положении бедолаги, который воззвал ко Всевышнему: «Дай знак мне!» — и тупо вслушивается в крик чаек, гудки теплоходов и шелест дубовых и пальмовых листьев, не подозревая, что это и есть явленный ему знак.

Появились дети новой России — Артист, Боцман и Трубоч, с мокрыми волосами, оживленные после ночного купания и кобеляжа вокруг Анюты. Ближе к полуночи явился и Муха.

— Нормалек, — сообщил он. — Вычислил. Не матерился, трубку не швырял, положил аккуратнo. А потом взял три двойных коньяка, слил в один стопарь и прямо у стойки засадил без закуси. Бармен даже ахнул: «Браво, Леон!» Лет сорок пять, толстый, усатый, похож на армянина, — продолжал Муха. — Свободно говорит по-гречески и по-английски. Живет один в отеле «Малага», это по нашей улочке, четыре квартала вверх. Номер на втором этаже, в два окна. Один вход из отеля, второй снаружи, по лестнице на балкон. Я почему знаю? Он сначала торкнулся в отель, там было заперто, пошел по лестнице, долго возился с ключом. Вот тут матерился.

— Он тебя не заметил? — на всякий случай спросил я.

— Куда ему! Он так набрался, что вышагивал, как памятник самому себе!

Тут же на листке Муха набросал план: отель, сад, парковка машин, подъездная дорога. Утром проверили: все сошлось. Пока резидент отмокал в море, Док зашел к хозяину отеля и, прикинувшись новым русским, утомленным «Плазами» и «Шератонами», изъявил желание снять в этом тихом отеле угловой номер на втором этаже, с выходом в апельсиновый сад. Но выяснилось, что этот номер месяц назад занял бизнесмен из Никосии господин Леон Манукян, оплатил его до сентября и вряд ли он согласится переселиться даже в двухкомнатный апартамент за те же деньги, так как этот номер ему тоже очень понравился и он даже ждал полторы недели, пока он освободится.

Так-так. Месяц назад. Ждал. Чем ему, интересно, так показался этот номер?

Для задуманной нами комбинации нужны были две маски типа «ночь» или хотя бы вязаные шапочки, дырки для глаз сами проделали бы. Но ни в одной лавке на набережной таких шапочек не нашлось, не сезон для шерстяных вещей. Пришлось купить две поросычьи маски из папье-маше. Прикинули. Ничего, не хуже «ночи». Жутковатое зрелище: две розовые неподвижные свинячьи хари на лицах убийц. Только бы этот Леон не набрался сверх меры, а то решит, что у него приступ белой горячки, и переполошит весь отель. Значит, первым делом нужно будет заткнуть ему рот.

Около восьми вечера Муха сообщил по рации, что объект вышел из отеля, спустился в бар «Бейрут» и занял тот же столик, за которым сидел вчера. Играет в нарды с каким-то греком, пьет местное сухое вино «паломино». Хорошо все-таки быть резидентом на Кипре. Но не всегда. Нынче, например.

Пришел Трубач, доложил: все в порядке, в гараже на другом конце Ларнаки взял напрокат фургончик, вроде уазовской «санитарки», подогнал к отелю «Малага».

Время еще было, вряд ли резидент выберется из бара раньше полуночи, поэтому пару раз проиграли ситуацию на пальцах, пытаюсь понять, где могут быть слабые места. Артист даже заворчал:

— Все ясно, жеваное жуем! В Чечне так не просчитывали варианты!

— Отставить! — приказал я. — Просчитывали. Поэтому и уцелели. А здесь не Чечня!

— Про то и говорю.

— Здесь хуже. Там мы хоть знали, кто враг.

Артист промолчал и ушел в свой номер. Мне даже показалось, что он обиделся. Но когда минут через сорок он вновь появился в апартаменте «Зет», его было не узнать. Он был в тех же джинсах, в той же ковбоекке, расстегнутой до пупа, так же, как и раньше, причесан. Но вид у него был такой, что хотелось немедленно, без единого слова, врезать ему по морде, вбить вместе с зубами в пасть эту наглую усмешечку, самодовольную, хамскую. Мы устали на него, как бараны. Он презрительно оглядел нас, цыкнул зубом и лениво спросил:

— Ну что, фраера, будем базлать или на дело бежим?

— Неплохо, — оценил я. — Но на тебе будет маска.

— Демонстрирую. — Артист отвернулся, напялил поросычью рожу, надвинул на глаза

полотняный кепарик и вновь повернулся к нам. — Наводи, бугор, кому кадык вырвать?

И выщелкнул лезвие ножа. Причем нож держал не перед собой, как бандюги в фильмах, а в опущенной руке, словно бы прятал его до времени.

Док обошел вокруг Артиста, как вокруг памятника, внимательно его оглядывая, удовлетворенно заключил:

— Если бы я был Леонидом Давыдовичем из театра «Альтер эго», то сказал бы: верю.

— То-то! — ухмыльнулся Артист. Вышел на связь Муха:

— Объект взял вторую бутылку «паломино». В нарды больше не играет. Просто сидит, кайфует. Я взглянул на часы и поднялся.

— Пора!..

...И вот уже второй час мы с Трубачом лежим в апельсиновом саду, окружающем отель «Малага», и ждем, когда резидент какой-то там российской разведки Леон Манукян покончит, наконец, с «паломино» и отбудет в свой номер на заслуженный отдых. В саду тихо, лишь шелестит бриз в листве да позванивают цикады, словно пробуя голоса перед дружным всеобщим хором. Музыка с набережной почти не слышна, зато сверху, с трассы, соединяющей Ларнаку с шикарным курортным Лимасолом, время от времени доносится шум машин. В свете фонарей белеют стены отеля, в половине номеров то ли никого нет, то ли уже легли спать. Два окна в угловом номере на втором этаже тоже черны. Но я не стал бы клясться, что там никого нет. Как раз наоборот: там затаились Артист и Боцман, потеют в своих поросячьих масках и прислушиваются к фону в динамике рации. Еще час назад их тени скользнули по белой стене отеля, минуты две Боцману понадобилось, чтобы справиться с замком балконной двери, потом в окнах мелькнул отблеск карманного фонаря и тут же исчез. Порядок.

Трубач перекатился ко мне и сказал на ухо, показав подбородком куда-то вверх:

— Апельсины, а? Эдем! Мог ты себе такое представить? А запах, слышишь?

— Лавровый лист, — так же негромко ответил я.

— Точно. Вот бы набрать.

— На суп?

Трубач шумно вздохнул — как автобус, закрывающий двери.

— Приземленный ты человек! На венок!

И откатился на место.

Да, Эдем. И всего пару с лишним месяцев назад, в гари стелых пожарищ и приторном тлене Грозного, даже вообразить было невозможно, что есть на земле такие места и мы можем там оказаться. И все-таки оказались. Только не нежмся голыми в кущах, прикрываясь фиговыми листками, а пластаемся на земле, стирая муравьев, наползающих на шею и щеки. И слева на грудь давит рация, а в правое бедро воткнулась острым углом пластмассовая коробка электрошокового устройства вроде отечественного «Удара», только мощней на сколько-то

тысяч вольт. И то не так, и это не так. А бывает ли вообще, чтобы все так?

Мои размышления о несовершенстве жизненного порядка прервал голос Мухи — такой громкий, что я поспешно выкрутил регулятор радиации почти до нуля.

— Клиент отплыл, — сообщил Муха. — Как поняли?

— Понял тебя, — ответил я. — Всем. Остаться на приеме. На связь выходить только в крайнем случае. Артист?

— Ясно.

— Муха?

— Ясно.

— Док?

— Понял.

Чтобы создать у соседей по пансионату эффект нашего присутствия, Дока мы оставили в моем апартаменте перед орущим телевизором, настроенным на канал «НТВ плюс». «НТВ плюс» транслировался со спутника на Израиль, но и на Кипр сигнал доходил. Поэтому ответ Дока прозвучал, как из комнаты, наполненной собравшимися на вечеринку гостями.

— Конец связи, — сказал я и выключил рацию.

Резидент показался в просвете улочки минут через двадцать. Шел он довольно твердо, хоть и без особой легкости. «Паломино», видно, какое-то действие все-таки оказало. Серый фургончик, припаркованный возле отеля, не вызвал у него интереса. Он обошел машину, пересек небольшой двор и по наружной лесенке поднялся на свой балкон. Дверь открылась, закрылась, вспыхнул свет, на тюлевых шторах мелькнули тени. Минуты через две шторы раздвинулись и просторные фрамуги окон уползли вверх. Это был знак нам. Мы одним духом взлетели на балкон и притаились под окнами, скрытые от постороннего взгляда панельной оградой.

Из номера доносилось какое-то сдавленное мычанье. Потом раздался голос Артиста:

— Замри, лаврушник! Два раза не повторяю!

Я осторожно заглянул в окно. Номер был большой, с двуспальной кроватью и белой мебелью. В одном из кресел сидел рыхлый смуглый мужик со связанными ногами и руками, примотанными к подлокотникам кресла тонким шнуром. Рот вместе с усами был заклеен плотной широкой лентой-липучкой, черные волосы вздыблены, выпученные глаза наполнены ужасом. Перед ним стоял Артист и у самого его носа поигрывал ножом.

Да, в каждой работе есть свои недостатки. Одним зарплату задерживают, другим розовые свинячьи рыла финку в ноздрю пихают. И не скажешь, что лучше. Или наоборот — что хуже.

Боцман подтащил к креслу торшер и все три рожка направил на резидента. Грамотно. Теперь мы с Трубочом могли не опасаться, что резидент нас заметит. Боцман отошел в другой угол комнаты, к письменному столу, на котором я заметил монитор компьютера, и принялся вываливать бумаги из ящиков. Тем временем Артист придвинул к креслу стул, уселся на него и

отодрал липучку с лица резидента, приставив при этом клинок к горлу и предупредив:

— Пикнешь — хана! Понял, да? А теперь колись: кого ты на Пана навел?

— Какой Пан? Не знаю никакого Пана! Я деньги дам, все отдам! Отпусти меня, дорогой! Все деньги дам, никому ничего не скажу!

Голос у него был хриплый, по лицу градом катил пот, густые черные усы стояли, как и волосы, дыбом.

К Артисту подошел Боцман, протянул несколько газетных вырезок. Артист мельком взглянул на них и ткнул в физиономию резидента:

— Не знаешь Пана? А это кто? Смотри, сука! Прямо смотри! Не читал, скажешь? Вырезки делал, а не читал?

— Читал, дорогой! Убери ножик! Читал! Все читали, я тоже читал! Не знаю Пана! Что написано, то знаю, а больше ничего не знаю! Вырезки делал — интересно было. Друзьям показать, знакомым показать. Такие дела, всем интересно!

— А этого тоже не знаешь? — Артист ткнул острием ножа в какой-то из снимков.

— Тоже не знаю! Что написано, знаю. Что по телевизору передавали, тоже знаю. Вологдин его фамилия, больше ничего не знаю!

Резидент, похоже, нащупал оптимальную лилию поведения, разговор грозился пойти по кругу. Но в этот момент к Артисту снова подошел Боцман и сунул ему небольшой листок, что-то вроде карточки библиотечного каталога. При этом свинячья маска на его лице словно бы сияла от удовольствия. Артист некоторое время внимательно рассматривал листок, а потом прочитал вслух:

— «Панков Григорий Семенович. 1940 года рождения. Кличка Пан. Судимости по статьям... До 1995 года проживал в Москве. Вор в законе. Связи — Михась, Хруст, Граф, возможно — Солоник. С марта девяносто пятого года проживает на Кипре в пригороде Ларнаки на вилле „Креон“...»

Я даже ахнул: вот это удача!

— Ну, что теперь скажешь? — спросил Артист. — Кому, падла, дал наводку на Пана? От кого ее получил?

С лица резидента исчезло плаксивое выражение, а из голоса кавказский акцент.

— Я подполковник Главного разведывательного управления, — негромко и даже слегка презрительно проговорил он. — Ваш контакт со мной зафиксирован. Вас достанут из-под земли. Валите отсюда. И забудьте, что были здесь. Ясно?

Не знаю, как на такие тексты отреагировали бы настоящие бандиты, но Артист словно бы только этого и ждал.

— Ментяра! — пропел он. — Расколосся, паскуда! Подполковник он! ГРУ! ГРУ братвой не занимается. Понял, фуфлыжник? И хватит дуру гнать. Кто завалил Пана?

Резидент открыл рот и послал Артиста так далеко и с такими подробными-подробными

объяснениями, как туда добраться, что я сразу поверил, что он и вправду подполковник.

Его выходную арию прервал Боцман. Он оторвал от мотка кусок липучки и заклеил резиденту рот. Бросил Артисту:

— Кончай его!

Это была единственная фраза, которую Боцман произнес, и адресована она была не Артисту, а нам. Мы с Трубочом одновременно перемахнули через подоконник и нажали на кнопки японского собрата отечественного «Удара», направив приборы на Артиста и Боцмана, как пульта, которыми включают и выключают телевизоры. Из патрубков выскочили на пружинах металлические пластинки-электроды, и оба «телевизора» рухнули на ковер, довольно правдоподобно при этом дернувшись. Настолько правдоподобно, что я даже обеспокоился. Аккумуляторы мы из «Ударов», конечно, вынули, но вдруг в конденсаторах осталось что-нибудь от положенных по норме тысяч вольт и ребят шарахнуло по-настоящему? Но когда мы уволокли их в прихожую, Боцман притянул меня к себе, приподнял маску и шепнул на ухо:

— У него в мини-баре «беретта».

Я успокоился: если и шарахнуло, то не сильно.

Мы вернулись в номер и, не обращая внимания на ошалевшего резидента, осмотрели стол, тумбочки и стенные шкафы. В одном из ящиков я обнаружил «Кодак» с набором объективов, а в платяном шкафу — фотоштатив с укрепленной на нем цейсовской стереотрубой, дающей, судя по размерам, не меньше чем стократное увеличение. Я установил штатив у окна и сразу понял, почему резиденту так понравился этот номер в отеле средней руки и даже без бассейна: в окулярах стереотрубы в просвете между кронами дубов и сосен были отчетливо видны угол виллы Назарова, фонари вокруг бассейна, белые столы и шезлонги у кромки воды. В одном из шезлонгов полулежал сам Назаров, перед ним стоял Розовский в «бермудах» и что-то доказывал, размахивая руками. От отеля до виллы было около километра, выражение лиц не просматривалось, но то, что разговор был горячий, не вызывало сомнений. Не без сожаления оторвался я от стереотрубы, поднял с ковра выпавший из руки Артиста нож и освободил резидента от пут, а заодно и от липучки. Бросил шнур Трубочу и кивнул в сторону прихожей:

— Свяжи их.

— Они в отключке, — возразил Трубоч. — На час, не меньше. Фирма гарантирует.

— А если раньше очухаются? В суд на фирму подашь?

— Тогда уж и утащить сразу надо.

— Давай, — согласился я и повернулся к резиденту: — Подстрахуйте нас, Леон. Если что, скажете: ваши гости слегка перебрали...

Не дожидаясь ответа, я всунулся вслед за Трубочом в прихожую и помог ему спеленать Артиста и Боцмана. Связывать пришлось без дураков, на совесть, нельзя было допустить, чтобы резидент почувствовал неладное. Потом Трубоч взвалил на спину Боцмана, а я Артиста, он был полегче. Двор мы пересекли без приключений, погрузили ребят в фургончик и заперли дверцу. Резидент наблюдал за нами с балкона. Он вернулся в номер на пару минут раньше нас, и когда мы вошли, уже стоял посреди номера и целился в нас из «беретты». «Беретта» была дамская, 22-го калибра, но держал он ее обеими руками, как какой-нибудь крупнокалиберный кольт или «магнум».

— Стоять на месте! Руки за голову! — приказал он.

— Ну вот, ни тебе здравствуйте, ни спасибо, — ответил я, подходя к мини-бару и доставая из него банку кока-колы. — А ведь мы вас только что от смерти спасли. И возможно — довольно мучительной. — Я с удовольствием отхлебнул из банки.

— Стоять! — повторил резидент, сбитый с толку.

— Хватит дурака валять. Пистолет-то у вас не заряжен.

Он передернул затвор, патрон вылетел из казенника, и прежде чем его место в стволе занял другой, «беретта» уже была в руках Трубача и он даже успел подхватить у самого пола первый патрон. Это меня в нем всегда поражало. Понятно, Муха с его пятьюдесятью пятью килограммами — он выстреливал ими с быстротой эфы. А в Трубаче с его ростом в метр восемьдесят было не меньше девяноста килограммов. Медведь и медведь. Видно, правильно рассказывают бывалые охотники, что у медведя реакция, как у рыси.

— Смотри-ка, заряжен, — сообщил Трубач и перебросил мне «беретту». Я разрядил ее, бросил патроны под кровать и вернул «беретту» резиденту.

— Садитесь, Леон. И давайте спокойно поговорим.

— Кто вы такой? — хрипло спросил он.

— Я — Серж. А вы — мудака. Кто же держит оружие в баре? Любая горничная может наткнуться.

— Запирается бар. Как вы на меня вышли?

— Те двое вывели. Кореша Пана. Они пасли вас со вчерашнего дня. А мы — их. А вот как они на вас вышли — это мне было бы крайне интересно узнать. Кому вы передали информацию о Панае?

Резидент не ответил.

— Ладно, — сказал я. — Снимаю вопрос. И так знаю: Вологдину. И откуда вы ее получили, тоже знаю: в информационном центре ФСБ или МВД.

Но вот чего я не знаю и хочу узнать: когда вы ее передали?

Резидент продолжал молчать.

— Кому вы передавали информацию о нас? — продолжал я. — Какую? Откуда вы ее получили?.. Так не пойдет, Леон. Мы пришли не в молчанку с вами играть. Вы что, не понимаете, в каком положении оказались? Вы провалились. С треском. То, что мы вас расшифровали, — полбеды. Но о вас знают люди Пана. Вы понимаете, что это для вас означает?

— Вы не могли за ними следить, — проговорил резидент. — Ваше задание: Назаров. Доставить его в Москву.

— Это — часть нашего задания. Вторая часть — обеспечить его безопасность. Что мы и делаем. От кого вы узнали о нашем задании?

— От вашего руководства. Я встал. Кивнул Трубачу:

— Пригляди за ним. А я пойду этих братков приведу. Пусть они с ним разбираются. Не хочет нам помочь — так хоть не будет мешать. И нам головной болью меньше — не нужно думать, куда их трупы девать.

— Вы этого не сделаете! — сказал резидент. Я повернулся к нему:

— А вы? Как бы вы поступили на нашем месте? Он не ответил.

— Сука ты толстожопая! — сказал я ему. — На твое внедрение затратили огромные деньги. Тебе платят валютой за счет старух, которые месяцами пенсию не получают. А ты что делаешь? Жрешь, пьешь, на пляже валяешься, информацией торгуешь направо и налево! Из-за тебя, сука, нас чуть не перестреляли на вилле «Креон»! И после всего ты говоришь, что я этого не сделаю? Я это уже сделал!

— Подождите, Серж! — остановил меня резидент уже у порога. — Я не торгую информацией, клянусь! Я сообщаю только то, что мне приказано и кому приказано!

— Откуда ты узнал о нашем задании? Только не начинай про руководство, ты о нем даже понятия не имеешь!

— Не буду. Успокойтесь, Серж. Я все расскажу. О вашем задании я узнал из разговора Вологодина и Розовского в баре «Бейрут». Я знал, где и когда они встретятся. И поставил «жучок» под столиком, за которым обычно сидел Вологдин. Я говорю правду, у меня есть пленка с записью этого разговора.

— Как ты узнал об их встрече?

— Перехватил звонок.

— Где прослушка?

— В прихожей, в электрощитке. Трубочка вышел и через минуту вернулся с черной плоской коробочкой в руках.

— ТСМ 0321, — сообщил он. — Мы видели такие в Никосии. Шедевр микроэлектроники. Бесконтактное подключение. Транслирует обоих абонентов. Дальность передачи — полтора километра.

— Разбей, — сказал я. — Она ему больше не понадобится.

Резидент побледнел:

— Вы хотите меня убить?

— Наоборот, спасти. А для этого тебе нужно держаться подальше от наших дел. Когда здесь появился Вологдин?

— Дней десять назад. Мне было приказано информировать его об обстановке на вилле. Как и вас.

— Когда ты ему передал наводку на Пана?

— За два дня до вашего приезда.

— Он сам ее запросил?

— Да. Он приказал мне передать в Москву: «Пафос сгорел, срочно дайте другой контакт». В Пафосе была база Хруста, за день до этого его арестовал Интерпол.

— Что ты сообщал Вологдину о нас?

— Клянусь, ничего! Он сам знал о вас все. А я знал только ваше имя, день приезда и телефон для связи.

— А потом нашел по телефону адрес и поставил нам два «жучка». Зачем? Резидент пожал плечами:

— На всякий случай. Информация никогда не бывает лишней.

— Бывает, — возразил я. — Не просто лишней, а опасной для жизни. Как ты связываешься с Москвой?

— По системе «Интернет» с шифром.

— Врет, — вмешался Трубач. — У его «Пентиума» нет выхода в «Интернет».

— Этот компьютер связан с терминалом в моем офисе в Никосии. Через него я и вхожу в «Интернет».

— Войди, — приказал я. — Запроси данные на Губермана.

— Я передал вам всю информацию о нем, — напомнил резидент.

— Я хочу в этом убедиться.

— Пожалуйста...

Он пошелестел клавиатурой, через пару минут на экране появился текст. Он был аналогичен тому, что резидент передал мне по телефону, но с точными датами пребывания объекта за границей. Я отметил: в Гамбурге Губерман был с 12 по 26 июня. После похорон Александра Назарова. Похоже, Док был прав: проводил самостоятельное расследование взрыва яхты.

— Убедились? — спросил резидент.

— Затребуй дополнительные данные. На мониторе появилась надпись на английском: «В допуске отказано».

— Набери шифр.

— Я его не знаю.

— Послушай, Леон! Ты, похоже, решил, что уже выкрутился из этой ситуации. Нет, не выкрутился. И не выкрутишься, если еще хоть раз попытаешься вильнуть передо мной задом!

— Но я не знаю шифра, клянусь! У меня есть дополнительные данные на Губермана. Но я получил их из другого места.

— Откуда?

— Из ФСБ. От моего старого друга, он каждый год приезжает ко мне в отпуск. Они в файлах моего никосийского терминала.

— Вызывай.

На мониторе замелькали таблицы. Наконец, появился файл «ГУБ». И текст:

«Негласный сотрудник КГБ. Завербован в августе 1987 г. В 1988 г. прошел спецподготовку в центре „Альфа“. Присвоено звание младший лейтенант КГБ. В 1990 г. — лейтенант КГБ. В 1994 г. — ст. лейтенант ФСБ».

Вон оно как.

— Запроси центральную базу данных: Пастухов Сергей Сергеевич.

На экране появилось: «Данных нет».

— Перегудов Иван Георгиевич. «Данных нет».

— Ухов Николай Иванович. «Данных нет».

— Назаров Аркадий Назарович. «В допуске отказано». Резидент объяснил:

— Это означает, что объект либо негласный сотрудник, либо находится в оперативной разработке.

— Розовский Борис Семенович. «В допуске отказано».

— Ельцин Борис Николаевич. «В допуске отказано».

— Можешь выключить. Последний вопрос, Леон. Отнесись к нему очень серьезно. Тебе было приказано обеспечивать мне и Вологдину информационную поддержку. А ты лезешь во все дырки. Зачем?

— Я хотел продать эту информацию Назарову.

— Почему же не продал?

— Я не могу встретиться с ним один на один. Все его контакты контролирует Розовский.

— Чем тебе мешает Розовский?

Резидент помедлил с ответом. На его смуглом бабьем лице со вздыбленными черными усами отражалась напряженная работа мысли.

— Вы поймете. Сами. Чуть позже, — проговорил он. — Если позволите, у меня два вопроса. Вы сказали, что вас чуть не перестреляли на вилле «Креон». Вы случайно проговорились? Или?..

— Или, — подтвердил я.

— Значит ли это, что вы хотите, чтобы я сообщил об этом в Москву?

— Значит.

Трубач обеспокоенно взглянул на меня.

— Пусть знают, — сказал я.

— От меня потребуют доказательств. Я вытащил из кармана паспорт Вологодина и передал резиденту.

— Перешли в Москву. Есть у тебя канал?

— В экстренных случаях могу воспользоваться дипломатической почтой. У меня есть выход на посольство.

— Вот и воспользуйся.

Он раскрыл паспорт, некоторое время удивленно рассматривал сквозную дыру в ржаво-красном обводе, потом вдруг побледнел так, что лицо его из смуглого превратилось в серое.

— Доказательство? — спросил я. Он закивал:

— Да... да!.. Боже милостивый! Конечно, да!..

— У тебя был еще вопрос, — напомнил я.

— Был... Извините... Скажите, Серж, я могу рассчитывать, что обо всем этом — обо всем, что здесь произошло, — не станет известно в Москве?

Я пожал плечами:

— Это будет зависеть от того, насколько откровенным ты был с нами. И если выяснится, что не очень...

— Я буду с вами откровенным. Совершенно откровенным. Вы спасли мне жизнь. Поверьте, я умею быть благодарным. Я дам вам информацию, за которую вам заплатят очень большие деньги.

— Кто?

— Назаров. Если вы сумеете встретиться с ним наедине.

Резидент подошел к простенку между окнами, вынул из плетеного кашпо горшок с какими-то незнакомыми мне крупными розовыми цветами, приподнял цветы за стебли и извлек из-под земляного кома завернутую в полиэтилен коробочку с аудиокассетой.

— Возьмите. Прислушайте до самого конца. Запись не очень чистая, но все поймете.

— Вы не очень похожи на человека, который легко отказывается от больших денег, — заметил я, разглядывая кассету и пряча ее в карман.

Резидент взглянул на меня глазами быка, которого тащат на бойню.

— А на человека, который сам сует голову в петлю, я похож? — негромко спросил он.

— Нам пора, — напомнил Трубач. — Очухаются эти, начнут шуметь.

— Сейчас идем. Вот что, Леон. Завтра же уезжайте в Никосию. И носа сюда не показывайте. А еще лучше — ложитесь в больницу. На какую-нибудь операцию. Вам аппендицит вырезали?

— Вырезали.

— Ну, пусть еще раз вырежут. Или что-нибудь другое. Вам нужно начисто выйти из игры. На неделю примерно. Это для вас будет самое лучшее. И кончайте с привычкой хранить оперативные данные на бумажках.

— Я просто не успел ее сжечь.

— Это «просто» могло вам дорого обойтись. Не провожайте нас, мы сами найдем дорогу.

— Ну что, вроде неплохо вышло, — заметил Трубач, когда мы спускались по лестнице. — Даже лучше, чем ожидали.

Я согласился:

— Намного лучше.

Мы пересекли дворик и обомлели: фургончика не было.

II

«...Меня слышит... Всем, кто меня слышит... Пастух, Боцман, Док... всем, кто слышит... Я Муха, выйти на прием не могу... Фургон идет вверх к трассе Ларнака — Лимасол, Артист и Боцман в фургоне... Всем, кто слышит. Я Муха... на связи... Держусь за запаску, сильно трясет, выйти на прием не могу, руки заняты... Подъезжаем к трассе... Всем, кто меня слышит... Угонщик один... Вышли на трассу, свернули налево, к Лимасолу... скорость около сорока... Я Муха. Всем, кто меня слышит...»

Едва прошли первые секунды обалдения после того, как я догадался включить рацию, мы с Трубачом, не сговариваясь, рванули вниз, к набережной, в надежде перехватить какую-нибудь машину. Но не пробежали и ста метров, как в глаза нам резанул свет фар и рядом осел на тормозах белый «кадиллак» хозяина «Трех олив». Док высунулся:

— Быстро!

И дал по газам, не дожидаясь, когда мы захлопнем дверцы. Из его радиации, как и из моей, бубнил голос Мухи:

«Идем под восемьдесят... проехали шестнадцатый километр... Всем, кто меня слышит... Я Муха, угонщик один, идем в сторону Лимасола...»

Расстояние между нами увеличивалось, голос Мухи становился заметно тише. Посадка у «кадиллака» была такая, что на каждой ямке он царапался о дорогу всем днищем. А когда вывернули наконец на трассу и Док утопил педаль газа в пол, лимузин набрал шестьдесят километров в час, и на этой цифре стрелка застыла, как припаянная.

— Да жми же ты! — заорал Трубач.

— Все! Не идет больше! Здесь телефон, нужно звонить в полицию, пусть перехватят!

— Нельзя! — возразил я. — Там Боцман и Артист, связанные, в масках. Засветимся.

«Всем, кто слышит... Я Муха... прошли двадцать второй километр... Тормозит! Сворачивает налево!.. Свора... Е!..»

Я схватил рацию.

— Муха! Я Пастух!.. Слышишь меня? Муха, что случилось? Я Пастух. Прием!.. Муха, ответь. Я Пастух. Прием!

В динамике некоторое время было тихо, потом раздался голос Мухи:

— Слышу тебя, Пастух. Прием.

— Что стряслось?

— Запаска отвалилась, мать ее... И я с ней.

— Где ты сейчас?

— В кювете!.. Черт! Всю жопу ободрал. И ногу зашиб.

— Где фургон?

— Вниз идет, к морю. Там деревня какая-то, огни... Здесь указатель, сейчас подползу, гляну... Зараза, запаской по ноге садануло... Сейчас, Пастух... Есть, вижу. Кити. Деревня или поселок. Кити. Как понял?

— Понял тебя. Кити. На трассу сможешь выползти?

— Смогу.

— Вылезай и жди. Оставайся на связи...

Я переключил рацию на прием и неожиданно услышал в динамике мужской голос — сквозь сор помех и посторонних звуков:

— Я Первый, вызываю «Эр-тридцать пять». Первый вызывает1 «Эр-тридцать пять». Прием!..

Это был не Муха. И не Артист. И не Боцман — у Боцмана вообще радики не было. Что за дьявольщина?

— Я Первый, вызываю «Эр-тридцать пять», — снова прозвучало в динамике. — «Эр-тридцать пять», как слышите? Прием!..

— Угонщик! — догадался Трубач. — По своей радики говорит!

Точно. Из наших радики была только у Артиста. Либо она все время была на связи, либо Артист каким-то образом исхитрился ее включить и теперь она работала как микрофон.

— Я Первый, слышу вас. Отчаливайте и идите в сторону Лимасола. В двенадцати милях от вас рыбацкий поселок Кити. Посмотрите на карте. Как поняли? Прием!..

— Разворачивайся! — приказал я Доку. — Жми в Ларнаку, в порт!

— А Муха?

— Потом заберем. Быстрее!

— Правильно поняли, — вновь прозвучало в радиии. — Подойдете к причалу, двигатель не глушить. Я буду вас ждать. Ходу вам минут сорок. До связи!..

Дорога к Ларнаке шла под горку, и наш белоснежный «кадиллак» летел со скоростью аж шестьдесят пять километров в час. А на большее эта двадцатилетняя колымага была способна, только если сбросить ее с обрыва.

— Неправильно, Пастух! — проговорил Трубач. — Нужно этого брать там, в Кити.

— А если у него пушка? Ребята-то связаны!

— Значит, когда будут перегружать на эту «Эр-тридцать пять», возьмем.

— Нам не перебить их нужно, а узнать, кто они такие... Что такое «Эр-тридцать пять»? Вряд ли яхта. Катер?

— Не думаю, — отозвался Док. — Двенадцать миль — сорок минут. Скорей самоходная баржа или буксир...

Я вышел на связь.

— Муха! Слышишь меня? Прием.

— Слышу.

— Как нога?

— Болит, зараза. Но перелома вроде нет, ушиб.

— Угонщика видел?

— Нет. Я в саду на стреме стоял. Он сел и скатился вниз. Движок не включал, поэтому я не сразу заметил. Внизу завелся и развернулся. Тут я и прицепился к запаске.

— Уверен, что он один?

— Одна голова в кабине мелькнула.

— Тебя не заметил?

— Нет, я за лавровым кустом сидел. Какие дела, Пастух?

— Все в норме, жди, — ответил я и ушел со связи.

К порту мы подъехали минут через пятнадцать. Был уже второй час ночи, у причалов покачивались темные яхты и прогулочные катера, сновали клотиковые огни каких-то мелких посудин. На внешнем рейде созвездиями Стожар светились многопалубные теплоходы. Набережная была ярко освещена, переливалась цветными огнями реклама ночных баров. Море вдоль пляжей было черным, пустым, лишь вдалеке, примерно на уровне наших «Трех олив», медленно двигалось к западу какое-то суденышко. Возможно, это и было то самое «Р-35».

Возле причала, где выдавали напрокат шлюпки и прогулочные катера, мы с Трубачом

высадились из «кадиллака». Я передал Доку полученную от резидента аудиокассету, велел ехать за Мухой, а потом ждать нас в пансионате. К счастью, старый грек-сторож не спал. Он не сразу понял, чего хотят от него эти русские, подкатившие на роскошном белом лимузине, но когда Трубач помахал перед его орлиным носом новенькой сто долларовой купюрой, стал соображать быстрее. И уже через пять минут мы отвалили от причала на белом глиссере, какие днем носились вдоль берега, таская за собой водных лыжников.

Классная была лодочка. На каждое движение руля отзывалась, как истребитель, а приемистость была не хуже, чем у гоночного «харлея». Я включил все фары и дал полный газ, глиссер рванулся вдоль пляжа, вздымая за кормой роскошные волны-усы. Трубач стоял рядом, в одной руке у него была трепещущая от скорости майка, а другой рукой он вертел в разные стороны прожектор-искатель. Что надо была картинка: два пьяных мудака решили развлечься.

Посудину, бортовые огни которой мы видели от причала, наш глиссер достал минут через десять. Это был небольшой буксир с низко сидящей кормой; за кормой на канате тащилась шлюпка. Трубач полоснул по борту лучом прожектора, прокричал приветствие двум мужикам, стоявшим у капитанской рубки. В свете прожектора мелькнуло на носу: «Р-35». И какие-то буквы помельче — видимо, порт приписки. Но это нас не интересовало. Еще минут через пятнадцать впереди прорисовалась цепочка огней над далеко выходящим в море причалом. Это и был поселок Кити.

— Держись! — крикнул я Трубачу и взял мористее, целя в оконечность пирса, на котором уже был различим силуэт фургончика. До свай оставалось метров двадцать. Какой-то мужик, кутивший на кнехте возле фургончика, даже вскочил, ожидая, что мы сейчас врежемся в причал, но тут я заложил крутой вираж, обогнул пирс и погнал глиссер в сторону Лимасола. Когда огни причала удалились и скрылись за небольшим сейнером, пришвартованным к соседнему причалу, я выключил все фары и развернулся. Трубач надел майку и сел рядом.

— Возле фургона — один, — прокричал он мне в ухо. — На буксире самое большое человек пять: штурвальный, моторист и еще двое-трое. Буксир маленький, вряд ли больше.

Я кивнул и сбросил газ. Глиссер почти бесшумно крался вдоль берега, скрытый от глаз угонщика рыболовецким сейнером.

— Объясняю план, — сказал я. — Когда причалят, влезем к ним с кормы. Они потащат ребят, не до нас будет. Перенесут в кубрик, больше некуда. Когда отчалят, возьмешь на себя штурвального. И если кто останется на палубе — тоже. А я займусь остальными.

— Давай наоборот, — предложил Трубач. — Их же там будет трое да плюс угонщик.

— Отставить. Через двадцать минут направишь буксир прямо в берег, посадишь на мель. После этого сразу переключайся на кубрик. Задачу понял?

— Понял. — Он наклонился, как бы поправляя штанину, и плюхнул мне на колени что-то тяжелое. — Пусть хоть это у тебя будет.

Я, даже не взглянув, уже знал, что это такое. Ну, конечно: кольт-командер 44-го калибра. Тот самый, в подарочном варианте, с витрины никосийской фирмы «Секьюрити». Ну, народ! Что говори, что не говори!

— Трубач, твою мать, — сказал я. — Лучше бы ты пианино купил!

— Зачем? Я на нем плохо играю.

— За это не сажают. А за пушку сажают! А если бы тебя с ним прихватили? Все дело бы завалил!

— Не прихватили же, — буркнул Трубач. — Я его в саду прятал.

Очень хотелось мне высказать все, что я по этому поводу думаю, но времени на политико-воспитательную работу уже не было. Я сунул кольт за спину под ремень джинсов, на самых малых оборотах обогнул сейнер и протиснул наш глиссерок между сваями причала. Здесь двигатель пришлось совсем заглушить. Отталкиваясь руками от осклизлых балок, облепленных ракушками, мы перегнали лодку почти к самому концу причала и привязали к свае. Расчет был на то, что буксир подойдет не носом, а сбоку, и никто не заметит, что там белеет под настилом, а если даже заметит, не обратит внимания.

Так и вышло. Буксир плотно притерся к причалу. Пока наверху топотали и матерились, мы с Трубачом прыгнули с поперечной балки в шлюпку, а с нее вползли на корму и притаились за буксировочной лебедкой. Прямо перед нашим носом четверо мужиков протащили, как кули, Артиста и Боцмана и снесли их по лесенке в кубрик. Трое остались в кубрике, а четвертый тут же выскочил, прогрохотал ботинками по железной палубе и скинул с причального кнехта швартов. После чего прыгнул на отваливающий от причала «Р-35», остановился у борта и закурил.

Докуривал он уже в воде: Трубач ужом скользнул по палубе, взял его за щиколотки и перебросил через перильца. И тут же метнулся к капитанской рубке, прижался спиной к стене рядом с трапом, ведущим в рубку. И вовремя: из дверцы высунулся капитан или штурвальный и завертел головой, всматриваясь в слабо разреженную неполной луной темноту и пытаясь понять, в самом деле что-то упало в воду или ему показалось. В следующую секунду он уже сам бултыхался в море.

Удобно все-таки на воде работать. Выбросил человека — и можно уже не опасаться, что он вскочит и снова кинется на тебя, демонстрируя какое-нибудь устрашающее кунг-фу.

Буксир рыскнул, но Трубач уже подхватил штурвал и повел посудину в огиб причала в сторону Лимасола.

Отсчет двадцати минут начался.

Я подобрался к открытому по случаю теплой погоды и почти полного штиля иллюминатору и заглянул в кубрик. Артист и Боцман сидели на койке, спеленутые, как дуси, поросячьи хари на их лицах, слегка сбившиеся на сторону, лучились доброжелательством. Два мужика в майках-тельняшках сноровисто обыскивали их. Им было лет по тридцать. Крепенькие такие, с хорошими бицепсами на обнаженных загорелых руках, без татуировок, с нормальными прическами, один с аккуратно подстриженными усами. Чем-то знакомым от них веяло.

Офицерской казармой.

Тренировочным лагерем.

«Альфой».

Усатый извлек из кармана Артиста радиопередатчик и протянул кому-то третьему — третий сидел или стоял у противоположной стенки кубрика и из иллюминатора был мне не виден, а всовывать голову внутрь я, понятно, не мог.

— Вот, — сказал усатый. — Больше ничего нет.

— У этого тоже, — добавил его безусый напарник, обыскивавший Боцмана.

— Хорошая штучка, — проговорил третий, разглядывая, вероятно, рацию. — Двенадцать каналов. Зона действия не меньше десяти километров... А ну-ка... Я — Море, вызываю Берег. Как слышите меня? Прием!..

У меня появилось искушение ему ответить, но я сдержался.

— Я — Море, вызываю Берег, — повторил третий. — Берег, ответьте Морю. Прием!.. Берег безмолвствует... Что ж, давайте посмотрим на наших гостей. Снимите маски!

Из-под розовых хрюш появились хмурые лица Артиста и Боцмана.

— Какие люди! Вот это сюрприз! — вполне, как мне показалось, искренне изумился третий. — Да это же наши друзья-спортсмены! А вот тут я уже чего-то не понимаю. Каким образом вы оказались в фургоне? И в таком виде! Что вы делали в отеле «Малага»? Кто вас связал? Я не сомневался, что ваши друзья Пастухов и Ухов вытаскивают из отеля нечто совершенно неординарное. Поэтому и позволил себе предпринять некоторые действия, чтобы удовлетворить свое любопытство...

— Угнали чужой фургон, — вставил Артист. — Очень некрасиво.

— Я его верну. Но что этим грузом окажетесь вы! Может, объясните мне, что все это значит?

— Прямо сейчас? — спросил Боцман. — Или сначала включите громкую трансляцию, чтобы наш разговор слышало все побережье?

Ну, Боцман! Вольф Мессинг! Не мог он увидеть меня в иллюминаторе. Никак не мог! И не мог знать, что мы здесь. Протелепал? Или рассчитывал, что с этим третьим они справятся и со связанными руками-ногами? Оно, конечно, нет предела силе человеческой, если эта сила — коллектив. Но когда ты спеленут... А если у него пушка? В общем, как бы то ни было, но ход он сделал блестящий. В шахматных нотациях после такого хода ставят три восклицательных знака.

— Резонно, — помедлив, сказал третий. — Пойдите, ребята, покурите на палубе!

Я быстренько переместился к выходу из кубрика. Когда первый, безусый, поднялся на палубу, я слегка отключил его и отсунул в сторону, чтобы он не сковывал мне свободу маневра при встрече со вторым. И чуть припоздал. Усатый мгновенно сориентировался и принял боевую стойку. Ну чистый Чак Норрис! Вот за что меня полковник Дьяков нещадно гонял, а я потом так же нещадно гонял ребят. Сначала бить надо, а потом уж принимать стойку. Никакого желания устраивать показательный поединок с этим Чаком Норрисом у меня не было, поэтому я сунул ему под нос трубачевский кольт-коммандер и взвел курок. Конечно, ошибкой была покупка этого колта. Но кольт уж ошибка сделана, глупо было бы не извлечь из нее пользу. Когда усатый сообразил, что это за красивая штучковина поблескивает перед его фейсом, я сделал левой рукой приглашающий жест. Он тотчас понял его и красивой «ласточкой» нырнул через борт. В это время безусый зашевелился и поднялся с палубы, как боксер в грогги при счете «девять». Его я просто свалил в море. Вода теплая, очухается, а до берега недалеко. А если плавать не умеет, так нечего и тельняшку носить, вводить людей в заблуждение. Но он вроде умел.

Я вернулся к иллюминатору. Оттуда тянуло сигаретным дымком — этот невидимый третий курил.

— Итак, — сказал он. — Давайте познакомимся.

— Давай, — согласился Боцман. — Только руки развяжи. А то как же знакомиться, если руку не пожать?

Третий засмеялся:

— Ну нет! Я даже ноги вам не развяжу. Не светит мне, чтобы здесь повторилась хоть малость того, что произошло на вилле «Креон».

Я подобрался. Здесь была настоящая опасность. Кто он, черт бы его побрал? Откуда он знает про виллу «Креон»?

Больше всего я боялся, что ребята выдадут себя. Но они с недоумением переглянулись, а Артист спросил:

— Что такое вилла «Креон»? Вроде монастыря Кикко? Или катакомб святой Соломонии? Надо будет попросить, чтобы нас туда свозили.

— Не будем терять времени. Выбор у вас небольшой. Вы понимаете, о чем я говорю?

«Сука, — подумал я. — Это у тебя небольшой. Да откуда же мне знаком его голос?!»

Я взглянул на часы. До кораблекрушения оставалось двенадцать минут. Его уже можно было не ждать. С одним-то я уж как-нибудь справлюсь, будь у него хоть пулемет. Я уже хотел занять исходное положение у двери в кубрик, но тут ожила рация.

— Я Берег, вызываю Море, — послышался в ней голос Дока, слегка приглушенный расстоянием. — Море, как слышите меня? Прием.

— Я Море, слышу вас хорошо. Кто вы? Прием, — ответил невидимый мне собеседник Артиста и Боцмана.

— Я «Три оливы». Себя можете не называть, я вас узнал.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Как?

— По голосу.

Я прямо осатанел. Док узнал. Да почему же я-то не узнаю?!

— Вы находитесь на борту судна малого каботажа «Р-35», — продолжал Док. — У вас двое наших людей. Воздержитесь от любых поспешных действий по отношению к ним.

— А если я не последую вашему совету?

— На вашей вилле произойдет то же, что на вилле «Креон».

— И вы уверены, что это сойдет вам с рук?

— Ваш интерес к дальнейшему развитию событий будет потусторонним.

Ай да Док! Я даже не думал, что он может так разговаривать!

— Допустим, вы меня убедили. Я воздержусь от поспешных действий по отношению к вашим друзьям. Что вы предложите мне взамен?

— Гораздо больше, чем вы можете предположить. Сейчас я прокручу вам магнитофонную запись одного разговора. После этого все ваши вопросы исчезнут. И появятся другие, гораздо более важные.

— Вы меня заинтриговали.

Прием. Щелчок. В динамике радиации зашуршала магнитофонная пленка.

«...— Итак, когда мы встретимся?

— Позвоните мне завтра во второй половине дня,

— Завтра я буду занят. Этими самыми молодыми людьми.

— Тогда послезавтра.

— Договорились. Я позвоню послезавтра после полудня...»

Щелчок. Док:

— Море, вы поняли, кто говорит? Прием.

— Понял. Но вы переоценили свои карты. Запись этого разговора у меня есть. И в более качественном варианте.

— У вас нет конца этого разговора. Будьте внимательны. И не выходите на связь, пока не дослушаете.

Щелчок.

«...— Всего доброго, господин Розовский.

— Всего доброго, господин Вологдин... Пауза.

— Выключили?

— Да.

— Фух, я даже вспотел! Мы с вами, Борис Семеныч, прямо народные артисты! По-моему, убедительно получилось.

— По-моему, тоже. Мы не перебрали насчет государственного переворота?

— Правду кашей не испортишь. По этому поводу нужно промочить горло. Бармен, два двойных виски со льдом!.. Будьте здоровы, Борис Семенович!

— Будьте здоровы, Олег Максимович!

— Когда вы прокрутите патрону эту пленку?

— Завтра вечером или послезавтра днем. Я вызвал из Москвы одного человека. Некто Губерман. Пресс-секретарь Назарова и шеф нашей контрразведки.

— Службы безопасности?

— Нет. Службы безопасности в каждой фирме свои. Губерман занимается внутренней контрразведкой. Двойная игра, утечка информации и все такое. Я хочу, чтобы он сначала послушал пленку, а потом вместе покажем шефу. Назаров очень ему доверяет.

— А вам?

— Тоже. Но я для него человек привычный, а Губерман — взгляд со стороны. Человек с очень развитой интуицией. И если он ничего не заподозрит, значит, все в порядке.

— Вы уверены, что Назаров согласится встретиться со мной?

— Не сомневаюсь. Он из тех, кто привык идти навстречу страху. А не прятать голову в песок.

— Это очень важный момент. Чрезвычайно важный. Без него фотографии этих шестерых — верней, того, что от них останется, — не дадут нужного эффекта.

— Вообще никакого. Этот козырь выпадает из игры. Их должны будете показать Назарову вы и только вы. Нелепо, если покажу их я: вот, мол, один знакомый дал мне снимки трупов людей, которые должны были вас похитить. Назаров очень недоверчивый человек. И в чутье ему не откажешь. Иначе он не стал бы тем, кем стал.

— Поэтому мы и разрабатываем комбинацию с такой скрупулезностью.

— Я это уже оценил. Скажите, Олег Максимович... в вашей работе есть, конечно, своя специфика. Но мне не совсем понятно: в чем смысл сюжета с этой шестеркой спортсменов?

— В общем виде — элементарно. Так называемая операция отвлечения. Если вам нужно кого-то тихо убрать, резонно устроить поблизости пожар или автомобильную катастрофу. В нашем сюжете это одновременно и операция отвлечения и создание рычага давления.

— Я вижу: вам самому что-то в этом не нравится. Я прав?

— Не то чтобы не нравится. Но кое-что непонятно. И не нравится именно этим. То, что их шестеро, а не один или двое — более-менее ясно. Одно дело, когда убирают двоих. И совсем другое — когда целую диверсионную группу. Психологический эффект очевиден. Но тут возникает другой вопрос. Кто они? Люди из спецслужб? Но настоящие профи — это очень дорогой материал. И тратить их на операцию отвлечения...

— Возможно, это диктуется важностью всего дела?

— Возможно. Но все-таки кто они — это я очень хотел бы узнать.

— Может быть, и узнаем. Я поручил Губерману навести справки о них.

— Каким образом он сможет это сделать?

— Сможет. Видите ли, Олег Максимович, он некоторым образом ваш коллега. Старший лейтенант госбезопасности. Негласный сотрудник. Так у вас говорят?

— Почему вы раньше мне не сказали? Его можно было задействовать в нашей схеме.

— Совершенно исключено. Губерман — человек Назарова. И только его. Лет десять назад, когда Назаров решил ввязаться в большую политику, он приказал собирать досье на все заметные фигуры. Такие досье были в КГБ. Туда нужно было проникнуть. Можно было, конечно, просто завязать связи и платить. Но Губерман придумал более изящный ход. Он начал довольно демонстративно продавать доллары. Его, естественно, прихватили, завели уголовное дело. Когда вашим деятелям с Лубянки дали знать, кто патрон Губермана, они, естественно, за это схватились. Заиметь осведомителя в ближайшем окружении Назарова — я думаю, не один и не два человека получили на этом внеочередное звание. Он сыграл роль Троянского коня. Образ особенно уместен, если учесть, что рядом с нами — древняя Эллада. А поскольку денег у Назарова было больше, чем в кассе Лубянки, то и получилось, что не Губерман начал работать на КГБ, а наоборот. Полагаю, если бы Назарову было нужно, чтобы Губерман стал генералом ФСБ, он бы и стал. И был бы, возможно, вашим начальником.

— Вот поэтому я и ушел из этой продажной конторы!

— Ну, положим, не только поэтому... Оставим эту тему. Если этот этап комбинации пройдет благополучно, как будут развиваться события дальше? Вы сказали, что посвятите меня в это в свое время. Полагаю, такое время уже настало.

— Мы убедим Назарова, что ему нужно срочно уехать. В интересах его безопасности. Туда, где его никто не станет искать.

— В Южную Америку? В Индию?

— В Россию.

— Очень остроумно. Действительно, кому в голову придет искать его в России!

— Вы арендуете самолет на чужое имя, мы перелетаем в Варшаву, оттуда добираемся до местечка Нови Двор возле польско-белорусской границы. В условленный час и в условленном месте вы, я и господин Назаров перейдем границу. На той стороне нас будут встречать. Мы передадим вашего патрона этим людям и вернемся в Польшу.

— И что будет потом?

— Потом будет другая жизнь...»

Я взглянул на часы. Черт, полминуты! Буксир уже вовсю пер на темный, быстро надвигающийся берег. Я скатился по трапу к двери в кубрик, выхватил кольт и встал враскоряку, чтобы не упасть при толчке. Под днищем заскрежетало, буксир со всего размаха воткнулся в берег. Дверь кубрика распахнулась, я влетел внутрь и направил кольт на человека, который валялся под иллюминатором рядом с опрокинутым табуретом. В ту же секунду в дверном проеме возник Трубач.

Но его вмешательство не понадобилось. Я поднял с пола человека, усадил его на табурет и обернулся к Трубачу:

— Знакомься. Пресс-секретарь господина Назарова, начальник его контрразведки, старший лейтенант госбезопасности Ефим Губерман. Наш вчерашний контрагент, а ныне союзник. Я правильно вас представил, Ефим?

Губерман поправил очки, немного подумал и кивнул:

— Надеюсь. Я не хотел бы иметь вас врагами.

— Тогда давайте сверим позиции...

III

В эту ночь нам так и не удалось поспать. Пока бегали к причалу Кити за глиссером, пока собирали по берегу команду «Р-35», пока связывались с диспетчером порта и вызывали спасательное судно, чтобы сдернуть буксир с мели, прошло не меньше двух часов. Ларнакский порт жил ночной приглушенной жизнью, а пригород словно бы вымер. Ни единой живой души не было на ярко освещенной набережной, спали кафе и бары, даже листья высоких финиковых пальм вдоль пляжей не издавали привычного жестяного шелеста: морской бриз стих, а материковый еще не возник. Лишь цикады возносили к звездам свой вечный гимн во славу мира на земле и благоволения в человеках. Впрочем, насчет благоволения в человеках у меня были сомнения, и очень большие.

В «Три оливы» мы вернулись лишь в пятом часу утра, и первый же вопрос, который задал Губерман, когда мы расположились в моем апартаменте, поставил всех нас в тупик:

— Кто вы?

Кто мы. Спросил так спросил. С той минуты, как мы ступили на землю этого Эдема, мы только и делали, что уворачивались от ответа на этот вопрос. Мы слышали его и от полковника Вологодина на вилле «Креон», и от резидента Леона Манукяна, угадывали во взглядах толстого грека — хозяина фирмы «Секьюрити» в Никосии, владельца «Эр-воаяжа» и «Трех олив» Миколы Шнеерзона, под расшитой косовороткой которого и запорожскими усами скрывался хищный оскал мелкой акулы капитализма. Даже Анюта иногда морщила свой лобик, пытаясь понять, что это за туристы, которые под любыми предлогами отказываются от оплаченных экскурсий и, что самое странное — не тащат ее в постель.

Кто мы? Знать бы самим!

— Давайте, Ефим, зайдем с другой стороны, — предложил я. — А к этому вопросу вернемся позже. С двенадцатого по двадцать шестое июня этого года вы были в Гамбурге. Чем вы там занимались?

— Если вы знаете, что я там был, должны догадаться и об остальном.

— Пытались узнать, кто взорвал яхту «Анна»?

— Да.

— Узнали?

— Я узнал, кто ее не взрывал. Бомбу на борт принес некий Карл...

— Бармен, — подсказал я.

Губерман внимательно на меня посмотрел.

— Я знаю это, потому что читал протоколы допросов свидетелей в гамбургской криминальной полиции. У меня была официальная бумага от ФСБ. Откуда об этом знаете вы?

— Я тоже читал эти протоколы. В Москве. На этом бармене был фрак от Бриана...

— Да. Он заказал его за день до взрыва. Фрак ему был нужен очень срочно, в тот же день. За срочность он заплатил двойную цену. Поэтому его хорошо запомнили. По показаниям портного и девушки-переводчицы составили фоторобот. В аэропорту Фульсбюттель его опознали. Он прилетел под фамилией Бергер. Из Лондона. В Лондоне он прожил около восьми месяцев в районе Сохо — снимал квартиру неподалеку от лондонского офиса Назарова.

— У него был английский паспорт? — спросил я.

— Нет, немецкий. В иммиграционной службе Германии удалось узнать, что он прибыл на постоянное место жительства в Мюнхен около года назад. Из Москвы. Его родители — из поволжских немцев.

— И все это вы узнали всего за две недели? — удивился Док.

— На меня работали два частных детективных агентства, гамбургское и лондонское. Остальную информацию я получил в Москве.

— Какую? — спросил я.

— Этот Бергер, его настоящая фамилия Петерсон, был агентом «конторы».

— Значит, взрыв яхты — дело рук «конторы»?

— Нет. Он ушел из ФСБ около года назад.

— Куда?

— Неизвестно.

— Минутку! Год назад подал рапорт об увольнении из ФСБ и полковник Вологдин. И тоже ушел неизвестно куда.

— Я не спрашиваю, откуда вы это знаете, — заметил Губерман. — Потому что это прозвучит, как вопрос: кто вы?

— Нет, — возразил я. — Мы знаем это от вас. Вы сами сказали это Розовскому. В дубе, под которым вы разговаривали, стоит наш «жучок». Но сейчас это уже неважно. Что еще было год назад?

— Назаров купил яхту. А еще... Нет, ничего не припоминаю...

Что-то крутилось у меня в голове. Что-то из всех этих дел. Но что — никак не мог ухватить. Причем мысль эта не сейчас у меня мелькнула. Раньше. Сейчас только повторилась. Когда? Где? Вспомнить бы, что я делал, когда она первый раз высветилась — тогда и саму мысль можно было вытащить. «Год назад...» Нет, не вспоминалось.

— Ладно, — сказал я. — Яхта пришла в Гамбург из Лондона. Александр Назаров уже был на

ней?

— Да. Он прилетел в Лондон из Штатов в день отплытия. Он закончил аспирантуру в Гарварде и из Гамбурга должен был улететь в Москву.

— Розовский об этом знал?

— Конечно. Не мог не знать. Александр должен был стать президентом Центра независимых структурных исследований. Розовский как раз и занимался этим: снимал офис, закупал оборудование. А я вел переговоры с людьми, которые будут в этом центре работать. Политологи, экономисты, социологи.

— Таких центров в Москве десятки, — заметил я. — Зачем Назарову был нужен еще один? Дать сыну престижную должность?

— Десятки, — согласился Губерман. — Но все они ангажированы. Правительством или оппозицией. Назаров хотел иметь детальную и объективную информацию о положении в стране. Этим и должен был заниматься центр. Ну и понятно: должность президента такого центра вводила Александра во влиятельную политическую элиту.

— Вернемся к делу. Значит, в Гамбург Розовский прилетел из Москвы? Когда?

— За день до прибытия яхты. Двадцать пятого мая. Я оформлял им визы и заказывал билеты. И бронировал гостиницу в Гамбурге. «Хилтон», разумеется.

— Им?

— Да, ему и его жене.

— Он всегда берет в поездки жену? Губерман даже засмеялся.

— Никогда в жизни не брал. Он же редкостный бабник. А она — откровенная стерва. Я даже удивился, зачем он ее взял в этот раз.

— Почему он не остался на яхте после окончания приема?

— Как раз из-за нее. Она, видите ли, не переносит качки. И не может, естественно, ночевать на яхте, когда у них трехкомнатный «люкс» в «Хилтоне».

— Вы хорошо знаете Розовского?

— До сегодняшней ночи мне казалось — да.

— Гуляка? Игрок? Мот?

— Шикануть любит. Игрок? В меру. И уж точно не мот. Тут он, скорее, немец. Прежде чем расплатиться в ресторане, три раза проверит счет. Я не понимаю, Сергей, направления ваших вопросов.

— Это и хорошо, не будете контролировать ответы. Невольно, конечно. С кем вы разговаривали в Гамбурге?

— Со всеми, кто имел хоть малейшее отношение к Назарову. От капитана яхты до музыкантов оперного театра, фотомоделей и официантов.

— Вы виделись с менеджером ресторана «Четыре времени года»?

— Я был у него с директором детективного агентства. Допрашивали его минут тридцать. Сделали даже ксерокопию счета за обслуживание приема.

— Какой был счет?

— Около двух тысяч марок. Розовский заплатил наличными. Долларами. Была суббота, банки закрыты, он не мог поменять доллары на марки.

— Счет был общий? Или с калькуляцией?

— И с очень подробной: какие напитки, сколько чего, закуски, обслуживание, транспорт.

— Было ли указано в счете, сколько официантов будут обслуживать прием?

— Да, конечно. Четверо.

— Мог ли Розовский не обратить на это внимание?

— Совершенно исключено. Менеджер вспомнил, что они даже специально обсуждали этот вопрос. И решили, что четверых вполне... — Губерман вдруг умолк и молчал не меньше минуты. Наконец произнес: — Господи Боже! Значит, по-вашему, он уже тогда... Он не мог не знать, что бармен — лишний!

— Не по-моему, Ефим, — поправил я. — А так оно и есть.

— Уже тогда! — повторил он. — А мне почему-то казалось, что он вошел в контакт с Вологдиным уже после взрыва яхты... А выходит... Не могу в это поверить! Вот, значит, от кого этот проклятый бармен узнал, когда яхта придет в Гамбург!

Я возразил:

— Не факт. Мог сообщить радист. Или кто-то из команды. Но скорее радист. В досье есть расшифровка прослушки разговоров на яхте. И последнего разговора Назарова с сыном — перед самым взрывом.

— Радист? — переспросил Губерман. — Но команда была сформирована еще год назад, при покупке яхты. И с тех пор не менялась. Значит, подготовка к взрыву началась уже тогда?

— Все сходится, — подтвердил Док. — Год назад ушел из ФСБ Вологдин. И тогда же — бармен.

— А цель? Цель-то какая? Просто так не взрывают яхты! И не готовятся к этому целый год!

— Что значит — какая цель? — вмешался Муха, с интересом, как и все ребята, прислушивавшийся к нашему разговору. — Убрать Назарова и наследника. Ужу ясно.

— Остаются другие наследники: жена, сестра, ее племянники. Их двое — мальчишки.

— Жена недееспособна, — напомнил я. — Может быть, Розовский хотел стать опекуном и сам управлять концерном Назарова?

— Ни в коем случае. Он — хороший исполнительный директор. И не более того. И сам об этом прекрасно знает. У него нет ни хватки, ни связей, ни влияния Назарова. Он развалил бы все

дело за полгода. Назаров не раз предлагал передать ему часть фирм. Розовский отказывался. И очень решительно. Все свои деньги он вкладывал в концерн Назарова. Чтобы они крутились в общем деле. И имел от этого хороший и стабильный доход. Нет, никакой выгоды Розовскому от смерти Назарова быть не могло, — убежденно заключил Губерман.

— А если Назаров кому-то крупно навредил и за это его решили убрать? — предположил Боцман.

Губерман усмехнулся.

— Вы рассуждаете на бытовом уровне. Это алкаш может за подлянку раскроить череп собутыльнику. Или муж убить жену за измену. А в бизнесе с оборотом в миллиарды долларов убивают не за что, а зачем. По принципу технологической достаточности. Для достижения какой-то строго определенной цели. И только. Здесь нет места эмоциям.

— Мы возвращаемся к главному вопросу, — отметил я. — Что это за цель?

— Да, это главное, — кивнул Губерман. — И пока мы на этот вопрос не ответим, ничего не пойдем.

— Вы неправильно подошли к делу, — вступил в разговор Артист. — Когда в театре берут к постановке пьесу, начинают с так называемого застольного периода. Не водку пьют за столом, а читают пьесу и анализируют. И одна из задач — найти то, что называется основным событием. Событие, без которого пьесы не было бы. Ну, например: какое основное событие в «Отелло»?

— Как какое? — удивился Муха. — «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» И ее... это самое. А потом себя.

— Совсем другое, — возразил Артист. — «Она меня за муки полюбила». Вот какое. Если бы Отелло не влюбился в Дездемону, никакой трагедии так бы и не состоялось. Еще пример. Какое основное событие «Гамлета»?

— То, что Шекспир стал педиком, — не удержался Боцман.

Артист укоризненно на него посмотрел.

— Митя! И тебе не стыдно воровать чужую гениальную мысль? Она у человека всего-то одна-единственная!

— Но я же не выдаю ее за свою, — нашелся Боцман. — Я ее взял в кавычки. Неужели ты не заметил?

— Шекспир — педик? Что за чушь собачья? — удивился Губерман.

— Не обращайтесь внимания. Это наши маленькие домашние шутки, — объяснил я ему.

— Убийство короля-отца — вот основное событие «Гамлета», — вернулся Артист к прерванной мысли. — Такое событие нужно найти и в нашем сюжете. Кровавом вполне по-шекспировски. И произошло оно год назад. Или чуть раньше.

И тут у меня в мозгах щелкнуло.

— Патент! Год назад Назаров купил патент на какую-то установку, которая позволяет

разрабатывать истощенные и загубленные нефтяные месторождения! И сказал, что он обошелся ему подороже яхты. — Я обернулся к Губерману: — Может это быть тем самым событием?

Он с недоумением покачал головой:

— Патент? Я ничего не знаю об этом патенте. Я знаю, что у него в работе какой-то крупный проект, связанный с нефтью. Но что именно...

— Он сказал сыну, что это самое крупное дело в его жизни. Они разговаривали в капитанской рубке перед самым взрывом. Назаров сказал, что с помощью этих установок можно получать дополнительно сотни миллионов тонн нефти в год.

— Сотни миллионов?! — недоверчиво переспросил Губерман. — Весь знаменитый Самотлор дает всего сто двадцать миллионов тонн в год. Вы не спутали?

— Нет. Я два раза перечитывал расшифровку этого разговора. Потому что подумал: в этом вся жизнь, люди говорят о грандиозных планах на будущее, а бомба уже отсчитывает последние секунды. Речь шла именно о сотнях миллионов тонн. Могло это стать толчком к нашему сюжету?

Губерман кивнул:

— Да. И не только к нашему... И Розовский об этом знал! Точно!

— Почему вы в этом уверены? — спросил я.

— Он присутствовал при переговорах Назарова с немецкими банкирами. И ни слова не сказал о патенте. Ни полслова! Теперь понятно, почему он был в такой панике!

— Он и сейчас в панике, — проговорил Док. — Когда вы ушли на свидание... ну, с нашим общим знакомым из отеля «Малага»... часа через полтора включился «голосовик» — «жучок» на дубе выдал импульс. Разговаривали Назаров и Розовский...

— Я видел, как они разговаривали, — подтвердил я. — В стереотрубу, из отеля.

— Но не слышал о чем.

— Как я мог слышать?

— Тогда послушай. Вам, Ефим, это тоже будет интересно...

Док перемотал пленку на магнитофоне и включил воспроизведение. Послышались веселые мужские голоса, говорившие по-гречески или по-турецки, громкий плеск воды.

— Это турки, ребята из охраны, купаются, — объяснил Док. — Сейчас, секунду...

Голоса стихли, в динамике раздался легкий металлический щелчок. Пошла запись:

«— Опять бессонница?.. Фима говорит, что тебе нужно надраться до поросычьего визга и как следует поматериться, облегчить душу... Может, сейчас и начнем?

— Сядь и не мельтеши.

— Что ж, придется одному... Будь здоров, Аркадий!

— Ты слишком много пьешь.

— Разве?

— Что с тобой происходит?.. Да кури, черт с тобой, только отсядь подальше!.. Ну? Я спросил: что с тобой творится?

— А с тобой? С тобой ничего не творится?.. А со мной творится. Да! И ты прекрасно знаешь что!

— Что?

— Ты хочешь, чтобы я произнес это вслух? Изволь. Я боюсь. Мы в смертельной опасности. Мы с тобой работаем тридцать лет. И в таком положении не были ни разу!

— Это ты не был. А я был.

— Тебе этого мало?.. Послушай, Аркадий. Мы должны немедленно уехать. Исчезнуть. Я все продумал. У нас есть прекрасные, надежные документы. Мы найдем катер и переплывем в Бейрут. Оттуда улетим в Нью-Йорк. Это огромный город, там полно русских, никто на нас даже внимания не обратит. Там можно скрываться годами. И телекоммуникационная сеть такая, что можно управлять делами, не боясь расшифроваться. И без всякого ущерба для нашего бизнеса! Поверь, это идеальный вариант!

— Нет.

— Не хочешь в Нью-Йорк? Ладно — в Берлин, в Сингапур, в Сидней. Только скажи — куда?

— Я тебе уже говорил. Никуда. Мы не сдвинемся с места, пока все не выясним.

— Когда?! Когда мы все выясним?!

— Вопрос к Губерману. Этим занимаются его люди.

— Да нас же размажут по стенам, как этих семерых на вилле „Креон“! Неужели это до тебя не доходит?!

— Усилить охрану.

— У нас и так уже десять человек! Да хоть полк нагони! Ты что, не понял, с кем мы имеем дело? Это не просто убийцы, это настоящие профи! Ну что ты пожимаешь плечами, будто речь идет не о твоей жизни?!

— Если они такие профи, нам и в Сингапуре от них не скрыться. А если так, нечего и дергаться.

— Тебе плевать на свою жизнь? Так подумай хотя бы об Анне! Если тебя убьют, кто будет заботиться о ней? Кто будет оплачивать счета за ее лечение?

— Ты.

— Ха! Спасибо за доверие. Но боюсь, что в очереди к вратам небесным я буду стоять сразу за

тобой. Или даже впереди тебя.

— Тебя не убьют.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я думал обо всем этом... Ефим прав. Здесь не политика. Здесь — нефть. Я должен был понять это раньше!

— Ну так и продай им этот проклятый патент! Я тебе сразу об этом сказал! Вспомни: я с самого начала был за то, чтобы заключить с ними сделку! Не так, скажешь?

— Так. Поэтому тебя не убьют.

— Ты... Почему ты так говоришь?

— Они знают твою позицию. Мы, собственно, и не скрывали наших разногласий. Это была самая главная наша ошибка. Если меня убьют, ты продашь им патент. В этом и есть их расчет.

— Ты с ума сошел. Ты подозреваешь меня в предательстве?

— Я просто констатирую факт... Ну что ты вскочил? Сядь, ради Бога!.. У меня и в мыслях не было тебя в чем-то подозревать. Что ты, Борька! Мы тридцать лет вместе. Ты — один из очень немногих близких людей, которые у меня остались. Я часто был к тебе несправедлив. Орал на тебя, обзывал трусом...

— Это была не трусость, а осторожность.

— Да, конечно. Поверь, мне очень стыдно. Если бы люди заранее знали об утратах, они жили бы совсем по-другому. И к Анне я был часто несправедлив. И к Сашке...

— Ты их любил. И они это знали.

— Тебя я тоже люблю. И хочу, чтобы ты это знал.

— Спасибо, Аркадий. Я это знаю... И очень ценю...»

«Боже милостивый! — мелькнуло у меня в голове. — Сейчас он его поцелует! Неужели посмеет?!.»

«— Налей и мне... Давай выпьем за нашу дружбу. За тебя, Борька!

— За тебя, Аркаша!..

— Царица ночь!.. В странном мы месте, а? Там — Эллада. Там — Иудея. И пустыня египетская, по которой Моисей сорок лет водил свой народ, чтобы вытравить из него рабство... А для нас этот путь еще впереди.

— Для нас? Кого ты имеешь в виду?

— Да всех нас. Россию...

— Извини, Аркадий, что опускаю тебя на грешную землю. Но нужно что-то решать. И

немедленно. Предлагаю продать патент. Они и тогда предлагали за него хорошие деньги. А сейчас заплатят вдвое и даже втрое. Ситуация для них крайне острая. Акции тюменских компаний упали до минимального уровня. Если ты обнарудишь свой проект, Самоглотор и вся Западная Сибирь уплывет из их рук. Они заплатят столько, сколько ты скажешь. Они не будут торговаться.

— Нет.

— Но это же колоссальные деньги! Конечно, можно получить в десятки раз больше, если самим внедрять установку. Но вспомни, сколько нужно вложить! Сотни миллионов долларов! И потом ждать отдачи не год и не два! А так ты получаешь все сразу и без всякой головной боли!

— Нет.

— Но почему?! Можешь ты объяснить почему?!

— Ты сам знаешь, что они сделают с патентом.

— Да пусть делают что хотят! Нас это уже не будет касаться! И главное: нас оставят в покое! Все равно ты не сможешь сам реализовать проект. Тебе придется вложить в него все до последнего цента! И все равно не хватит! А иностранные инвесторы не дадут ни копейки. Ты слишком опасный партнер. А Россия сейчас не та страна, в которую умные люди вкладывают деньги. Неужели и это тебя не убеждает?

— Нет.

— Послушай, Аркадий... Я понимаю, ты не можешь простить им Сашку... Но вспомни, ты же сам всегда говорил, что в политике и в бизнесе нет места эмоциям!

— Я ошибался.

— Ну, знаешь!.. Все. Сдаюсь. Выхожу из игры. Ты поставил на своей жизни крест, а мне это ни к чему. Я еще хочу спокойно пожить. Хватит с меня. Уеду на какие-нибудь Канары или Бермуды и даже телевизор не буду включать. Извини, Аркадий, но я уезжаю.

— Твое право. Распорядись, чтобы твои деньги перевели на счет в Женеву. Свою долю ты знаешь. Допуск к счету у тебя есть.

— И ты больше ничего мне не скажешь?

— Скажу. Хорошо, что мы успели выпить за нашу дружбу. Спокойной ночи, Борис.

— Спокойной ночи, Аркадий...»

«Стоп».

Некоторое время в гостиной моего апартамента царило молчание.

— Ну, Иуда! — пробормотал Артист.

Губерман вынул из кармана радиопередатчик.

— Я Первый, вызываю «Эр тридцать пять»! Прием!.. Первый вызывает «Эр тридцать пять»!.. Я

Первый, я Первый. «Эр тридцать пять», ответьте Первому! Прием!..

— Спят, наверно, — заметил Боцман. — Шесть утра, самый сон.

— Я им поплю! Вахтенный должен дежурить!.. Первый вызывает «Эр тридцать пять», я Первый, я Первый, прием!..

— Я «Эр тридцать пять», — отозвались, наконец, с буксира. — Слышу вас, Первый. Прием.

— Передать всем. Наблюдение с «Трех олив» снять. Двое — на внешнюю охрану виллы. Двое — в наружку. Объект — Розовский. Как поняли?

— Понял вас, Первый. Объект Розовский.

— Глаз не спускать. Иметь при себе документы, деньги. Следовать за ним, куда бы ни уехал или ни улетел. Держать со мной связь. Обо всех контактах докладывать.

— Ясно, Первый, все ясно.

— Конец связи! Губерман убрал рацию.

— Где вы взяли буксир? — поинтересовался я.

— Специально арендовали. Очень удобно. И внимания не привлекает. И всегда под рукой. — Он кивнул на магнитофон: — Что скажете?

— «Они». «Им». Кто эти «они»?

— Об этом нужно спросить у Назарова. Или у Розовского.

— Я не стал бы спрашивать у Розовского.

— Я и не собираюсь... — Губерман ткнул сигарету в переполненную пепельницу и долго протирал очки. Потом надел их и сокрушенно покачал головой: — Понятия не имею, как я обо всем этом буду рассказывать шефу. Это будет для него сильный удар. Они дружили больше тридцати лет.

— А вы и не рассказывайте, — посоветовал я. — Предоставьте это мне.

— Он задаст вам вопрос «Кто вы?», — предупредил Губерман. — И вам придется на него ответить.

— Я постараюсь.

Когда Губерман ушел, я открыл настежь все балконные двери, чтобы вытянуло дым, — крепко накалили Губерман с Доком. В низких лучах солнца серебрились узкие листья олив, окружавших пансионат. Пахло сосновой хвоей, еще чем-то пряным, будто корицей. Может, эти кустики внизу и в самом деле были корицей, откуда мне знать, корицу я видел только в жестяной баночке на кухне у Ольги.

— Все, расходимся, — сказал я ребятам. — Нужно хоть немного вздремнуть. Неизвестно, каким будет день.

— Минутку, — остановил меня Боцман. — Ты уверен, что мы занимаемся тем, чем надо?

— Что ты имеешь в виду?

— Да все это. Вникаем в проблемы Назарова, в его отношения с компаньоном.

— А как же без этого?

— Да очень просто. У нас есть задание. Мы должны были блокировать контакты Назарова с этим долбаным полковником. Сделали. Устранить угрозу жизни Назарова. Сделали. Осталось доставить Назарова в Россию — и все дела.

— Как?

— Вот об этом и надо думать. А не о том, как сообщить Назарову, что его друг-блондин вовсе ему не друг, а последняя сволочь. Это не наши проблемы.

— Ты рассуждаешь, как настоящий наемник.

— А мы и есть наемники. Тут нечем гордиться. Так получилось. Ну так и давайте заниматься своим делом. А Назаров пусть занимается своим. Я допускаю, что он честный человек. И что свои миллионы или миллиарды заработал честно. Хоть и не представляю, как это можно сделать. Он покупает яхты, патенты, создает центры для сына, проворачивает какие-то крупные дела с нефтью и имеет от этого сложности. Но это его сложности. А у нас и своих хватает.

Последние фразы Боцман произнес с нескрываемым раздражением. Ни хрена себе. Это была классовая ненависть. И ничуть не меньше. Голосом Боцмана говорила нищая, осатаневшая от новых времен Калуга. Да и только ли Калуга? А может быть, вся Россия? Интересно, а как в Штатах относятся к ихним Морганам и Рокфеллерам?

Я оглядел ребят. Судя по выражению лиц, слова Боцмана их озадачили. Лишь Док с явным неодобрением покачивал головой.

— Возможно, я согласился бы с тобой, — обратился я к Боцману. — Если бы не одно «но». Проблемы Назарова напрямую связаны с нашими. Они вытекают одна из другой, как... Как даже не знаю что.

— Как музыкальные темы, — подсказал Трубач. — Это называется двойной концерт. У каждого исполнителя своя тема.

— Наш культурный уровень стремительно повышается, — констатировал я. — Мы уже усвоили, что такое застольный период. А теперь вот узнали, что такое двойной концерт. Но если мы будем рассуждать, как ты, вряд ли эти знания пригодятся нам для воспитания наших детей. А теперь спроси: почему?

— Почему? — спросил Боцман.

— Потому что мы их не увидим. Я понимаю: на буксире ты лежал связанный, не до того было, чтобы вслушиваться в посторонние тексты. И тем более вдумываться. — Я обернулся к Доку: — Где пленка резидента?

Но он уже сам все понял. Вставил кассету в диктофон и нашел нужное место. В динамике зазвучали голоса Розовского и полковника Вологодина:

«...как будут развиваться события дальше?..»

Док чуть дальше перемотал пленку.

«...Вы арендуете самолет на чужое имя, мы перелетаем в Варшаву, оттуда добираемся до местечка Нови Двор возле польско-белорусской границы. В условленный час и в условленном месте вы, я и господин Назаров перейдем границу...»

— Достаточно, — кивнул я.

Док выключил диктофон.

— Откуда он знал про Нови Двор? — встревоженно спросил Боцман. — Это же наше задание!

Ему уже было не до классовой ненависти.

— Ты задал правильный вопрос. Если у тебя есть ответ, мы немедленно займемся детальной разработкой третьего этапа нашей операции.

Боцман покачал головой:

— Я не знаю ответа. А ты знаешь?

— Его подсказал Док. Я было назвал это научной фантастикой...

— Положим, ты его назвал совсем не так, — заметил Док.

— Но в этом смысле. Но чем больше я об этом думаю... Есть еще один способ это проверить. — Я обернулся к Трубачу: — У тебя осталась хоть сотня из своих бабок? После того, как купил пианино?

— Какое пианино? — удивился Артист.

— Такое. Сорок четвертого калибра. Трубач заглянул в бумажник.

— Есть. Три стольника. Тебе все?

— Нет, только один.

Я расправил купюру и положил перед собой на стол. Бумажка была новенькая, с крупным портретом Франклина в овале.

Как во всяком уважаемом заведении (а Шнеерзон из кожи вон лез, чтобы сделать свой пансионат уважаемым), в «Трех оливах» был сейф со стальными ячейками, где постояльцы могли хранить свои бриллианты и жемчуга. Не знаю, много ли драгоценностей лежало в ячейках, но наша была занята: в ней мы держали баксы Вологодина и двадцать тысяч, которые я получил в «Парадиз-банке» в Ларнаке. Ключ от ячейки был у Дока, я попросил его спуститься вниз и принести стольник из вологодинских денег и еще стольник — из ларнакских. Когда он вернулся, я положил купюры в ряд и начал изучать серии и номера. Все баксы были выпуска девятиного шестого года, уже новые.

Картина получалась такая:

стольник из «Парадиз-банка» — Д6 ЕА12836122Д,

вологдинский — Б2 АБ47604462Е,

трубачевский — Б2 АБ47588212Е.

Разница между вологдинской и трубачевской купюрами была 72 тысячи 250 баксов.

— Что это значит? — спросил Муха, когда я поделился результатами своих арифметических действий.

— Я знаю, — сказал Боцман. — Когда из банка привозят новые баксы, номера идут все подряд. — Он ткнул пальцем в вологдинскую и трубачевскую купюры. — Эти баксы — из одного банка.

— И даже наверняка из одного сейфа, — добавил я. — Нетрудно догадаться, где этот сейф стоит. В кабинете начальника Управления по планированию специальных мероприятий. Или в бухгалтерии Управления.

— Погодите! — Боцман даже головой потряс. — Выходит, Вологдин работал на Управление? Как и мы?

— Извини, Док, за научную фантастику, — сказал я.

Он отмахнулся:

— Да я сначала и сам себе не поверил. До Боцмана доходило не слишком быстро, но основательно.

— Да это же... Да... Суки! Они же нас специально подставили! Они и послали нас, чтобы подставить! — Он растерянно огляделся. — Ведь так получается!

— Фигня какая-то, — проговорил Артист. — Они заплатили двести тысяч баксов за Тимоху, триста штук нам плюс двадцать на расходы, не говоря о карманных бабках. Больше чем «пол-лимона» зеленых! И все это для того, чтобы нас сразу угрохали?

— Диковато выглядит, — согласился Док. — Но этому есть еще одно подтверждение. — Он повернулся ко мне: — Когда ты получил в «Парадиз-банке» эти двадцать тысяч?

— Вчера утром.

— А в тот день, когда вы ездили в Никосию, их еще не было. Мы решили, что бухгалтерия не сработала. А если дело вовсе не в бухгалтерии? Сами судите: зачем переводить деньги, если их некому будет получать?

— Но вчера же перевели, — напомнил я.

— Потому что, как выяснилось, получать их есть кому.

Это и была та самая реакция Москвы на сообщение об инциденте на вилле «Креон». Все сходилось.

— Но зачем?! — заорал Боцман. — Зачем?!

— Вот как раз этого мы и не знаем, — сказал я. — Поэтому и ищем ответ. Везде, где только можно. В том числе и в проблемах Назарова. И пока не найдем, и шага не сделаем. Потому что он может стать нашим последним шагом. Теперь тебе все ясно?

— Все, — буркнул Боцман.

— И еще, — продолжал я. — Мы наемники, правильно. Можем говорить: солдаты удачи. Суть от этого не меняется. Да, наемники. Но не знаю, кто как, а я все еще считаю себя офицером армии свободной России. Не той армии, какая сейчас. А той, какая должна быть. И может быть, будет. Вот теперь все.

— Аминь, — подвел итог Трубач.

Когда ребята разошлись по своим номерам, я навел в гостиной порядок, постоял под душем и улегся на кровати, которая была рассчитана человек эдак на шесть. Двоим на ней было бы, наверное, скучновато. А одному и вовсе пустынно.

Сна не было ни в одном глазу. Голова только что не гудела, как трансформаторная будка. И лишь один вопрос метался в ней, как шайба по хоккейной площадке: зачем?

На полях старинных лоций писали: «Там, где неизвестность, предполагай ужасы».

То, что нас подставили, было совершенно ясно. Не случайно. Задуманно. Случайность была лишь в том, что мы выскользнули из ловушки.

Но.

Это сколько же всего нужно было сделать, чтобы создать для нас ловушку на вилле «Креон»? Выкупить у чеченцев Тимоху, собрать всех нас и в жуткой спешке, в один день, переправить на Кипр. А бабки какие? «Пол-лимона» за Тимоху и нам. Двадцать с лишним штук на наши расходы. Да еще пятьдесят тысяч зеленых Пану и его своре. За то, чтобы Вологдин мог пощелкать своим «Никоном», а потом показать эти снимки Назарову? Чтобы тот обомлел от ужаса и согласился на все условия?

Нет. Слишком сложно. Слишком громоздкая схема. Такие комбинации никогда не срабатывают. Любой профессионал это знает. По ходу дела — да, может такого наvertеться, что черт ногу сломит. Но планировать такую хитроумную схему загодя — это может только сумасшедший или полнейший дилетант. А те, кто стоял за всем этим, не были ни сумасшедшими, ни дилетантами. У них был свой точный расчет. Какой?

Господи, вразуми!

Еще раз. С нуля. С центра поля. Цель операции? Назаров, конечно. Не мы же. Кому мы нужны? Были, конечно, люди, которые не упустили бы возможности посчитаться с нами. Недаром за мою голову назначили миллион баксов после того, как мы увели из-под носа Басаева корреспондента Си-Эн-Эн Арнольда Блейка и его телеоператора Гарри Гринблата. Но этим делам в обед сто лет. Чеченам сейчас не до нас. Верхи победу празднуют и выторговывают из обосранной России полтора миллиарда долларов контрибуции, а низы барышничают нашими пленными. Да и не через Управление они бы до нас добирались. К Волкову у них свой счет. И надо думать, немалый.

Значит, цель — Назаров. Цель, судя по всему, очень важная. В таких случаях операция может дублироваться. Одно и то же задание поручается разным группам. Друг о друге они не знают, их действия координируются со стороны. Если вычеркнуть из схемы виллу «Креон», все логично. Вологдин действует по своему плану, мы — по своему. Исходная точка одна и та же — сейф, из которого были вынуты бабки для него и для нас. Конечная — тоже: Нови Двор и пятый километр на польско-белорусской границе. Сходится.

Но ведь «Креон» — факт. Его не вычеркнешь. Могло это быть самодеятельностью полковника Вологодина?

Вот сучара. Прямо как Ленин. Сам умер, но дело его живет.

Могло или не могло? По идее, нет. Сделать такое без приказа — самоубийство. Даже если у него был какой-то свой интерес в этом деле и мы могли ему помешать. Впрочем, это смотря какой интерес. А он мог быть очень серьезным. Более чем серьезным. Розовский прекрасно понимает, что сейчас не те времена, чтобы человек рвал себе пуп за одну зарплату и тем более шел бы на смертельный риск. И он наверняка создал для Вологодина стимул с достаточным количеством нулей. Поэтому Вологдин и сказал: «Потом будет другая жизнь».

Что ж, это было объяснение. Но оно мне не нравилось. Оно было притянато за уши. Я знал ответ и подогнал под него решение. Как последний двоечник. А я не имел права быть двоечником. Это могло слишком дорого обойтись. Не только мне.

Я еще немного погонял в мозгах эту шайбу и понял: нет. Была деталь, которая торпедировала все мои построения: эти двадцать штук, поступившие на мое имя в «Парадиз-банк» только после того, как в Москве узнали, что Вологдин — труп. А до этого там были уверены, что трупами станем мы. Значит, приказ Вологдин все-таки получил. И приказ совершенно однозначный: свести нас на конус. Выгоды от этого для всей операции были несоизмеримы с затратами и со сложностью организационной схемы. Значит: у этого приказа была самоцель? Убрать нас. Именно нас. И тут я едва не завопил, как Бецман: «Зачем?!»

Ладно, попробуем по методу Артиста. Застольный период. С Назаровым все более-менее ясно. Покупка патента, отказ пойти на сделку с какими-то могущественными «ими», а дальше сюжет покатился, как вагон с сортировочной горки: вербовка Розовского, взрыв яхты, попытка Вологодина выйти на контакт с Назаровым, Нови Двор, Москва. Частных вопросов было, конечно, выше крыши, но основная линия просматривалась четко.

Теперь мы. С сюжетом Назарова мы пересеклись на вилле «Креон». Какое же основное событие нашей пьесы? Без чего не было бы ни «Креона», ни Кипра, ни Управления по планированию специальных мероприятий в нашей жизни?

Если бы в Затопине не появился полковник Голубков.

Он бы не появился, если бы ему не позвонил полковник Дьяков и не попросил найти мой адрес и сообщить мне, что Тимоха жив.

С Тимохой не случилось бы ничего, если бы нам не пришлось прорываться через мост над Ак-Су.

Нам не пришлось бы прорываться через мост, если бы этот сучий Жеребцов...

Стоп. Не тот масштаб.

Голубков не появился бы в Затопине, если бы нас не вышибли из армии. Да, это точней.

Нас не вышибли бы из армии, если бы армия не превратилась в помойку, где...

Суки.

Спокойней.

Нас не вышибли бы из армии, если бы мы не повязали боевиков Исы Мадуева, которые, в свою очередь, повязали этих долбанных медиков этого долбаного капитана Труханова.

Джигиты Исы не стали бы валандаться с медиками Труханова, а просто перестреляли бы их к чертовой матери, если бы не следили за ними восемь дней и не вели скрытую фото- и видеосъемку.

А вели они эту съемку потому, что команда капитана Труханова была задействована в реализации программы «Помоги другу».

Ух ты. Куда это меня занесло?

А ведь, похоже, туда.

Да, нас не вышибли бы из армии, если бы мы не принесли снимки и видеозапись командарму, а он не сообщил бы об этом в Москву. Ему не о чем было бы сообщать, если бы не существовало программы «Помоги другу».

Программы, разработанной Управлением по планированию специальных мероприятий.

Все так. И что? Как это сопрягается с виллой «Креон»?

Связь была, я это нутром чувствовал. Какая?

Но больше ничего в голову не приходило. Шайба вышла из игры и укатилась за ворота. Команды ушли на перерыв. Счет на табло был не в нашу пользу.

Еще минут пятнадцать я покатался с боку на бок по необъятной кровати, пободал подушки и окончательно понял, что не засну. А раз так, нечего и валяться. Тем более что до завтрака оставалось меньше часа. Я послонялся по номеру и включил телевизор. По «НТВ плюс» шла программа «С добрым утром, Россия», какой-то доморощенный Бой Джордж старательно пел о том, как он ее не любит. Придурак какой-то. Если не любишь, на кой хрен петь?

На других каналах была одна турецкая и две греческие программы. Я потыкал кнопки на пульте и вернулся на «НТВ». И сразу попал на информацию, в которую сначала не въехал, зато потом...

На кадрах каких-то дымящихся обломков диктор сообщил:

— Мы получили дополнительные сведения о вчерашнем трагическом происшествии с военно-транспортным вертолетом в Чечне. Как сообщили нашему корреспонденту в Федеральной службе безопасности, вертолет был сбит в трех километрах от Грозного радиоуправляемой ракетой класса «земля — воздух». Находившиеся на борту командующий армией генерал-лейтенант Гришин и три члена экипажа погибли. Аджютант командующего, подполковник Лузгин, доставленный в госпиталь имени Бурденко, скончался во время операции. Чеченская сторона категорически отрицает свою причастность к этому террористическому акту...

Вот тут меня и ожгло.

Генерал-лейтенант Гришин. Наш командарм.

Его адъютант, подполковник Лузгин, которому я под горячую руку пообещал вышибить мозги.

И которому командарм с подачи Дока приказал выяснить, сколько человеческих органов было получено в ходе реализации программы «Помоги другу» и сколько использовано в наших госпиталях.

Я не очень-то верю во все эти НЛО, параллельные миры и прочую хреновень, которой пудрят людям мозги несчетно расплодившиеся экстрасенсы. Но в существование вокруг Земли некоего информационного поля, в котором есть все ответы на все вопросы, — в это, пожалуй, верю. Иначе ничем не объяснить, почему, когда на полную мощность включаешь мозги в поисках ответа на какой-нибудь вопрос — обязательно его находишь. Чуть раньше или чуть позже. И чаще всего — совсем не там, где искал. И его величество Случай здесь ни при чем. Если случайности повторяются, это уже не случайности, а самая настоящая закономерность.

Даже если бы диктор программы «С добрым утром, Россия» больше ничего не сказал, с меня и этого бы хватило. Но он продолжал:

— В штабе армии нам сообщили, что генерал-лейтенант Гришин направлялся в Ставрополь, где у него была назначена встреча с Генеральным прокурором России. Пресс-секретарь генпрокурора высказал предположение, что командарм Гришин намерен был передать в Генеральную прокуратуру какие-то документы, важность которых и предопределила, вероятно, обращение Гришина к Генеральному прокурору, а не в военную прокуратуру. Никаких документов на месте катастрофы не обнаружено. Следствие продолжается...

Я выключил телевизор.

Сюжет стал очевиден, как трассирующая очередь в темноте. И он был не такой, каким я его предположил. В нем не было места частностям, вроде нашего прорыва через мост над Ак-Су. Он состоял из смертей.

Десять боевиков во главе с полевым командиром Исой Мадуевым.

Восемь медиков команды капитана Труханова.

Генерал Жеребцов.

Командарм Гришин и его адъютант подполковник Лузган.

Общее в этих смертях было одно: все эти люди знали о программе «Помоги другу».

Только нас не было в этом мартирологе. Наши имена должны были появиться в нем на вилле «Креон».

С добрым утром, Россия!..

Тенькнул звонок внутреннего телефона. Я взял трубку. Звонила Аня. Этот кровосос Шнеерзон заставлял ее, когда не было работы с туристами, выполнять обязанности ночного портье.

— Доброе утро, Сережа, — сказала она. — Я вас не разбудила? К вам гость. Говорит, что он

тренер вашей команды. Вы примете его у себя? Или спуститесь в холл?

— Пусть поднимается, — ответил я и положил трубку.

Минуты через три раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказал я.

Дверь открылась. На пороге стоял полковник Голубков.

IV

Факс из Цюриха Назаров получил на другой день после тяжелого ночного разговора с Розовским. Это было заключение медицинского консилиума, подписанное главным невропатологом центра Ниерманом и иерусалимским профессором Ави-Шаулом. Оно занимало пять страниц убогистого текста, было снабжено данными компьютерной томографии, таблицами, характеризующими динамику активности мозговых центров, кардиограммами, многочисленными анализами. Но все выводы уместились в одной строчке: «Перспективы ремиссии представляются маловероятными».

Это означало, что Анна умрет.

Ни один мускул не дрогнул на крупном бледном лице Назарова. Он это и раньше знал. Еще три года назад, когда Анна слегла, он перечитал всю литературу, которая имела хоть малейшее отношение к этой редкой, стопроцентно неизлечимой болезни, вызывал на консультации виднейших невропатологов, психиатров и нейрохирургов. И понял: это была не болезнь.

Это была судьба.

Но надежда все-таки не оставляла его. Он верил не в возможности медицины, хотя его финансирование превратило клинику Ниермана в лучший в мире центр по исследованию рассеянного склероза и других болезней, связанных с поражением головного мозга. Он верил в другое: Анна будет жить, пока между ними есть незримая душевная связь, пока он сможет подпитывать ее угасающие силы энергией своего сердца, своей воли, своей неукротимой верой в бессмертие жизни.

Но... не было Сашки. С его смертью прервалась связь с Анной. Когда после взрыва яхты на пятый день он пришел в сознание и понял мгновенно, что Сашки нет, — словно бы взорвалась еще одна бомба, еще одно черное солнце, на этот раз в его голове. Его вновь швырнула в небытие чудовищная, темная, страшная сила.

Жизнь потеряла смысл.

Он что-то делал, что-то говорил, куда-то шел, летел, плыл. Он понимал, что голос в телефонной трубке — это голос профессора Ниермана, что профессор говорит о том, что известие о спасении господина Назарова окажет самое благоприятное воздействие на Анну, но она не может лично поговорить с ним, так как поражение распространилось на речевые центры. Он понимал, что рафинадная глыба каррарского мрамора на нежно-зеленом газоне кладбища Сен-Жермен-де-Пре — это могила его сына, там, под этим камнем, лежит он, он сбежал туда прямо из капитанской рубки яхты «Анна», легко поднял из кресла свое молодое сильное тело и опустил его прямо сюда, под этот мрамор. Он понимал, что молодые люди с телекамерами, фотоаппаратами и диктофонами и немолодые прокуренные дамы в мини-юбках, собравшиеся в конференц-зале парижского отеля «Уолдорф-Астория», — это журналисты, что они ждут от

него сенсационного заявления о том, кого он считает организатором направленного против него террористического акта, и он спокойно, даже с легкой иронией, сказал, что вынужден их разочаровать, сенсации не будет, что у него есть свои предположения на этот счет, но доказательств нет никаких, поэтому он воздержится от комментариев.

Он понимал, наконец, что выплывший из утреннего тумана остров с высокими пальмами вдоль белой полосы пляжа и теснящимися в густой зелени корпусами отелей и небольших вилл — это Кипр, где ему придется жить тайно.

Но понимание это было каким-то механическим, недушевленным. Он не жил. Он существовал. Его организм на удивление быстро справился с последствиями тяжелой контузии, зажили ушибы и переломы ребер. Душа, однако, оставалась мертвой, окаменевшей от космического мороза, который обрушился на него сквозь дыру, проделанную взрывом бомбы. Она оттаивала медленно, с мучительной болью, как оттаивает отмороженная рука, и боль эта становилась все сильнее и сильнее. И в какой-то момент, когда она стала совсем невыносимой, раздражающей сердце и мозг раскаленными добела стальными когтями, он вдруг понял: сейчас боль кончится, потому что он умрет... И она кончилась. Кровавый пот на лбу опухло бризом, прохладным и нежным, как руки Анны. В уши ворвался оглушительный хор цикад.

Это означало: ему дарована жизнь.

И он проклял Его, даровавшего ему эту... нужную ему, как... такую... какую... со всеми святителями... до двенадцатого колена... распро... и во веки веков жизнь.

Если бы воинские звания присваивались по словарному запасу, он стал бы Главным маршалом артиллерии.

И небо не обрушилось на него, не смыла в море вздыбившаяся волна, не испепелила молния.

Он был обречен жить.

И уже знал для чего.

«Перспективы ремиссии представляются маловероятными».

«Растение... Я вам, скотам, покажу растение!...»

Назаров аккуратно подровнял листки факса и убрал их в ящик письменного стола. Около часа изучал развернутую сводку по нефти, подготовленную по его приказу Розовским. Потом откинулся на спинку офисного кресла и застыл в нем, неподвижно глядя в высокое стрельчатое окно, за которым в свете закатного солнца покачивались литые пики кипарисов.

Он думал.

Все просто, когда все знаешь. Но всего не дано знать никогда. Поэтому экономика — только наполовину наука. А на вторую половину — искусство. Понять — чтобы предугадать. Предугадать — чтобы опередить. А опередить, стать первым — это и значило победить.

По своей сути Назаров был «хаос-пилотом» — менеджером, принимающим решения, вытекающие не из точных расчетов, а подсказанные интуицией. Даже самый гениальный шахматист, способный просчитывать ситуацию на десятки, а то и сотни ходов вперед, не может стать крупным предпринимателем или политиком. Он исходит из неизменности значения ферзей и слонов. А в жизни переменчиво все. Не только в будущем и настоящем, но даже и в

прошлом.

Модель мироздания, существовавшая в сознании Назарова, базировалась на информации, которой обладали очень немногие, помогала ему очень точно предугадывать ход событий. Но лишь в короткий романтический период новоявленной российской демократии он делал попытки поделиться своими выводами с другими. К нему прислушивались. Гайдар, исполнявший обязанности председателя правительства, — дольше. Сам Ельцин — гораздо меньше. Первая размолвка между ними произошла еще накануне президентских выборов 1991 года. Назаров был резко против того, чтобы Ельцин шел на выборы в связке с кандидатом в вице-президенты Руцким. Вместо того чтобы заигрывать с коммунистическим электоратом, не делавшим тогда никакой погоды, нужно было устроить показательный процесс над КПСС по типу Нюрнбергского и навсегда выбить почву из-под ног коммунистов. Ельцин не прислушался к мнению своих приверженцев, среди которых был и Назаров, и поплатился за это событиями октября 1993 года, когда пришлось подгонять к Белому дому танки и выковыривать оттуда бравого генерала. Вторая размолвка Назарова с Ельциным была и последней. Вместо того чтобы оставить во главе правительства Гайдара и дать ему возможность форсировать начатые реформы, Ельцин остановил свой выбор на Черномырдине, обладавшем, как и все крупные руководители его генерации, умением ничего не менять, создавая при этом иллюзию серьезной деятельности.

Из политика, вознесенного на вершину власти мощной демократической волной, Ельцин превратился в политика. И стал неинтересен Назарову.

Больше со своими советами он не лез, да никто их у него и не спрашивал. Назаров иногда лишь головой качал, поражаясь тому, как всего за каких-то четыре года Ельцин умудрился так разбазарить свой огромный политический капитал, что даже безродный, как дворняга, никому до этого не известный демагог Зюганов стал для него серьезнейшим соперником.

Назаров перестал интересоваться большой политикой еще и потому, что понял: Россия вступила в тот период своего развития, когда ею управляют не президент, не правительство и тем более не Госдума. Все решения диктовались не государственными деятелями, а глубинными процессами, происходившими в экономике страны. А происходил там глобальный передел собственности. В борьбу вступили акулы молодого российского бизнеса. И понятно, что наибольшей остроты эта борьба достигла в отраслях, дающих быстрый экономический эффект. Лес, цветные металлы, нефть.

Назаров занимался нефтью от случая к случаю, используя ее чаще всего для расплаты по бартерным сделкам. На изобретение долго жившего в России тexasского инженера он наткнулся случайно и сразу понял, что обладание патентом может принести немалую прибыль. Но особого значения этому делу он поначалу не придал и патент приобретал так — на всякий случай. По-иному взглянуть на него Назарова заставили, как ни странно, его конкуренты — люди, стремившиеся взять под контроль нефтяную промышленность.

Они не афишировали себя. Некоторых из них Назаров знал, о других догадывался. Они занимали незаметные, не на виду, должности руководителей холдинговых компаний, вице-президентов или даже просто консультантов банков. Но это была очень сильная группа. У них были свои люди в правительстве, в президентском окружении, влиятельное лобби в Госдуме. Друг другу они были готовы горло перегрызть, но вставали плечом к плечу, когда кто-то со стороны делал попытку влезть в нефтяной бизнес.

У Назарова не было никакого желания вступать с ними в конфронтацию. Средоточие его основных интересов находилось в области электронной промышленности и в ВПК — там, где

были наработки высокой технологии и требовалось лишь финансировать их завершение, сориентировать в координатах мирового рынка и найти устойчивые рынки сбыта. И если бы за патент ему предложили разумную цену, он, скорее всего, согласился бы. Но объявленная цена была в десятки раз больше разумной. И это мгновенно насторожило Назарова. Прощупывая контрагентов, он предложил им создать на паях компанию для производства установок и дальнейшей разработки Самотлора. Они отказались, даже не проконсультировавшись с партнерами и не поинтересовавшись условиями сделки. Из чего Назаров заключил, что патент конкурентам нужен не для того, чтобы его использовать, а совсем наоборот — чтобы его не использовать. И чтобы его не мог использовать никто другой.

Это понимание дало ему даже беглое ознакомление с ситуацией на нефтяном рынке. Передел там еще не был закончен. Более девяноста процентов акций Тюменской нефтяной компании, которой принадлежал Самотлор, находилось в руках государства. Все шло к тому, что эти акции рано или поздно поступят на открытый рынок. И появление Назарова с патентом и планами намного увеличить добычу нефти на изгаженном Самотлоре могло мгновенно поднять котировку акций на сотни пунктов. А раз взлетят акции, значит, и цена контрольного пакета увеличится не на один десяток миллионов долларов.

И Назаров отказался продать патент. Тогда «они» повысили цену. Он вновь ответил отказом.

Большой бизнес — занятие не для чистоплюев. Назарову не раз приходилось с помощью своих экспертов отыскивать лазейки в дырявом российском законодательстве, чтобы уйти от людоедских налогов, взятками продавливать свои проекты сквозь чиновничьи препоны, с помощью связей и тех же взяток выбивать льготы для своих предприятий. Все так делали. Но в этот раз он твердо сказал: «нет». Свои деньги на патенте он и так заработает, а помогать кому-то скупать за бесценок остатки национального богатства России — перебьетесь, господа.

Но он недооценил решимости своих контрагентов. Потому что не понял масштабности их планов. Понял лишь теперь, когда изучил подробнейший аналитический отчет о состоянии не только российского, но и всего мирового рынка нефти.

Речь шла не только и даже не столько о Самотлоре. В руках государства до сих пор оставались контрольные пакеты акций практически всех нефтяных компаний. Вся Западная Сибирь. Ямал. «Коми-нефть». Вся Восточная Сибирь. Приморье. Татарстан. Башкирия. Удмуртия. Оренбург. Поволжье, Краснодар. Северный Кавказ. И не было в России ни одного месторождения, которое не заводнили бы, не изуродовали, не изнасиловали безудержным браконьерством во имя единственной цели — дать круглую цифру, отчитаться, прищелкнуть каблуками: «Задание партии и правительства выполнено и перевыполнено!» А для тех, кому адресовались эти лакейские рапорты, это означало: приток нефтедолларов обеспечен, можно еще некоторое время спокойно жрать, пить и наспиговывать танками и ракетами дружественные режимы.

Да и только ли в России так было? А в Азербайджане — не так? В Туркмении? В Казахстане? На Украине?

Здесь пахло не десятками и сотнями миллионов долларов — миллиардами и даже десятками миллиардов.

И ключ от этих миллиардов был в руках у Назарова. Этим ключом был патент.

Слишком поздно он это понял. И заплатил за ошибку страшную цену.

У него уже не было ни малейших сомнений в том, кто направлял руку убийц. Сами убийцы его не интересовали. Они были инструментом. И только. Он был намерен предъявить счет не

исполнителям, а организаторам. Не составляло особого труда узнать их фамилии, адреса, получать полную информацию об их привычках, распорядке дня, ежедневных маршрутах. Не составляло труда найти исполнителей, на это был Губерман и его служба из бывших сотрудников «Альфы». Назаров брал в руки оружие только во время службы в армии да иногда на охоте, которую приходилось устраивать, чтобы в располагающей к душевной разнеженности обстановке установить контакт с нужными для дела людьми. Но сейчас он словно бы вновь представил, как злобно бьется в его руках «Калашников», как пули кроют жирные, изнеженные тела его врагов и размалывают их головы.

Это было сладкое, греющее сердце видение.

Но он отогнал его от себя. Он никогда не прибегал к таким методам конкурентной борьбы. Он был человеком жестким, иногда беспощадным, но такие методы были глубоко противны его натуре. Отнять у человека жизнь может только Тот, кто ему эту жизнь дал. Назаров не хотел оставить сыну страну, где конфликты между деловыми партнерами решаются пулей или ножом. И хотя от него самого мало что зависело, он к этому руку приложит.

Нет, счет его будет другим. Они лишили его жизнь смысла. Он лишит смысла их жизнь: отнимет деньги и власть, которую деньги давали. А иного смысла и не было в их злобной звериной жизни. Он превратит их в живые трупы.

Так он и делает.

Назаров еще раз пробежал взглядом аналитическую сводку и вышел из комнаты. Пока он шел по коридору и спускался по лестнице, молодые турки-охранники, дежурившие во всех углах виллы, при его приближении вытягивались в струнку. В руках у них были девятимиллиметровые английские пистолеты-пулеметы «бушмен», из верхних карманов курток торчали антенны переговорных устройств.

Дверь в компьютерную оказалась незапертой. За экраном монитора сидел Розовский с неизменной погасшей сигарой во рту. Увидев в дверях Назарова, он ткнул в какую-то кнопку, убирая с экрана картинку, и встал.

— Ты хочешь поработать? Садись, я потом закончу, мне не к спеху.

— А я думал, ты уже улетел, — заметил Назаров.

— Ты этого хочешь? — спросил Розовский.

Назаров безразлично пожал плечами:

— Мне казалось, этого хочешь ты.

— Если не возражаешь, я повременю с отъездом.

— Рассчитываешь, что я передумаю?

— Да. Ты разумный человек и в конце концов поймешь...

— И не рассчитывай на это. Я никогда не был разумным человеком в твоем понимании. А сейчас тем более не собираюсь.

Розовский хотел что-то сказать, но лишь вяло махнул рукой и молча вышел. Пришибленный он

был какой-то. Назарову даже стало жалко его. Мелькнула мысль: вернуть его, ободрить, рассказать о том, что он задумал, — чтобы Борис зажегся, как это всегда бывало, азартно включился в обсуждение всех деталей.

Но дверь за Розовским уже закрылась. Да и вряд ли зажег бы его план Назарова. Наоборот: вверх бы в панический ужас. Трусом был его старый друг. Назаров и раньше это знал. И не раз, случалось, раздраженно ему кричал: «Если бы я прислушивался к твоим предостережениям, мы до сих пор бревна бы на Енисее ловили!» Но сейчас это была не просто трусость, а прямо какая-то патология. Что с ним? Что его могло так сломать?

Не хотелось об этом думать. Какое-то равнодушие чувствовал Назаров к Розовскому. Кончилась их тридцатилетняя дружба? Ну, кончилась — значит, кончилась. Все в его жизни кончилось. Осталось только одно — дело.

Назаров сел в кресло и вернул на экран программу, с которой работал Розовский. И одного взгляда на знакомые названия фондов, холдингов, ассоциаций и банковских структур ему было достаточно, чтобы понять, чем занимался Розовский: высчитывал, сколько его денег вложено в дело. Это неприятно царапнуло. Спешит. Но, в конце концов, это его деньги.

Назаров сбросил информацию на дискету и вызвал центральную базу данных. Пока компьютер загружался, сидел, откинувшись на высокую спинку кресла, и машинально барабанил пальцами по подлокотникам.

Что-то не нравилось ему в его плане. Он был прост и на первый взгляд достаточно эффективен: самому скупить контрольные пакеты акций сибирских нефтяных компаний — всех, на сколько хватит свободных денег, потом построить завод по производству установок, смонтировать установки на скважинах и эксплуатировать восстановленные месторождения.

План сам по себе был хорош, но не достигал главной цели, А цель его была не прибыль, а полное разорение этих убудков. Для этого нужно было взять под свой контроль не половину, не три четверти, а все до одной сибирские компании. А в идеале — и не только сибирские.

Даже не вызвав еще на монитор необходимые данные, Назаров уже понимал: денег не хватит. Но он терпеливо просидел часа три за компьютером, скрупулезно просчитывая, какие программы можно свернуть, какие, инвестиции приостановить, какие компании вообще продать. Набралось немало, почти на полмиллиарда долларов. Но это покрывало не больше трети необходимых расходов. Назаров, не задумываясь, ликвидировал бы все структуры своего концерна, но многие дела находились в начале раскрутки, продать их можно было лишь за сущий бесценнок. Это было не только в высшей степени неразумно, но не решало и главной проблемы: для широкомасштабной операции, какой ее задумал Назаров, средств всё равно не хватило бы.

Привлечь западных компаньонов? Немцы, с которыми он подписал в Гамбурге договор о намерениях, отпали. Они были насмерть перепуганы взрывом яхты. Да и не такие средства, которые они собирались вложить в проект, были ему сейчас нужны. У него было достаточно знакомых среди очень крупных финансистов и в Европе, и в Штатах, Назаров не сомневался, что сумеет заинтересовать их прибылями, которые обещало дело. Но это требовало времени. А времени, как он понимал, уже не было.

Недаром именно сейчас появился на Кипре этот полковник, непонятно как и почему убитый на вилле «Креон», и эта шестерка спортсменов, ввергшая Розовского в животный ужас. Это был знак, что ситуация на нефтяном рынке России вот-вот разрешится.

Второе соображение было более общего плана. Перед президентскими выборами оголили все статьи бюджета и выплатили зарплаты и пенсии. Сейчас платить было нечем. Недовольство в стране нарастало, его умело использовала оппозиция, и у правительства был небольшой выбор: либо на полную мощность включать печатный станок, либо срочно продавать остатки госимущества. Второе было во всех отношениях гораздо разумнее; надо полагать, такое решение уже было принято.

Да, времени не было.

Темнота за окнами давно сгустилась, между черными кронами кипарисов мерцала какая-то звезда. А Назаров все вышагивал по комнате, от двери к окну, от окна к двери...

Как только передел нефтяного рынка произойдет, патент утратит свою разящую силу. Его контрагенты даже охотно пойдут на то, чтобы создать совместно с Назаровым компанию по производству установок. Зачем отказываться от десятков и сотен миллионов тонн дополнительной нефти? Даже широко разрекламируют проект, это поднимет котировку акций компаний — их компаний — и позволит очень неплохо сыграть на скачке биржевого курса. Элементарно: скупаются акции собственных компаний — устраивается шумная презентация проекта с показом по ТВ; как результат — котировки повышаются; котировки повышаются — акции продаются уже по новой, высокой цене. А если сделка фьючерная — с уплатой за акции не сразу, а через какое-то время, — то ни цента в эту операцию и вкладывать не надо. Просто разница курса покупки и курса продажи спокойно кладется в карман. Если влезает.

Назаров резко остановился.

Он нашел решение. Это было то, что надо. Не нужно никаких компаньонов. Не нужно никаких дополнительных средств. Эти убудки сами оплатят свое разорение.

Нужно только одно — сделать это очень быстро.

Назаров вернулся за компьютер. Через полтора часа подробные инструкции были готовы и отправлены по «Интернету» в Москву.

Операция началась.

Назаров выключил компьютер и потянулся. От долгого сидения в кресле затекла спина, ныли переломанные ребра. Он прошел на кухню, постоял у раскрытого холодильника. Но есть не хотелось. Налил полфужера виски и поднялся в библиотеку мимо недремлющих охранников. По «НТВ плюс» шел какой-то американский боевик. Минут сорок Назаров сидел перед телевизором, пока не поймал себя на том, что не понимает, кто кого ловит и кто от кого убегает. Мысли его были заняты совсем другим. Он выключил телевизор и подошел к книжному стеллажу. Но книги здесь были только на греческом и арабском — даже на английском не было ни одной. Он допил виски, еще немного походил по толстому ковру и вышел во дворик.

Была глубокая глухая ночь. Молчала набережная. Гремели цикады. Садовые фонари отражались в неподвижной воде бассейна. Царица ночь. Бездонная. Прекрасная. Страшная в нечеловеческой своей красоте.

Назаров спустился по мраморным ступеням и направился к своему излюбленному месту под дубом. И уже подойдя, с удивлением остановился. В шезлонгах сидели два каких-то человека. При приближении Назарова они встали. Один из них был Губерман, второго Назаров видел впервые: чуть выше среднего роста, худощавый, в аккуратном спортивном костюме, с молодым

спокойным лицом и светлыми, не слишком коротко подстриженными волосами. Обычный, ничем не примечательный парень. Если бы не грация молодого сильного зверя, с какой он поднял из глубокого шезлонга свое гибкое тело. И если бы не взгляд его серых глаз. Такой взгляд Назаров видел у лейтенанта, командира Сашкиного взвода, под Кандагаром, куда прилетал он проведать только начинавшего службу сына. Такой взгляд был и у Сашки, когда он вернулся домой после двух лет в Афгане.

Это был взгляд человека, который слишком часто смотрел в лицо смерти.

— Мы вас ждали, шеф, — проговорил Губерман. — Познакомьтесь. Это Сергей Пастухов, капитан второй сборной команды Московской области по стрельбе. Человек, которому поручено выкрасть вас и доставить в Россию. Он был столь любезен, что согласился рассказать вам то, о чем мне говорить было бы очень тяжело и больно.

Назаров кивнул:

— Садитесь.

Но не успели они расположиться в шезлонгах, как включился радиопередатчик в куртке Губермана:

— Я Второй, вызываю Первого. Второй вызывает Первого. Прием.

— Извините, — сказал Губерман и вытащил рацию. — Я Первый. Докладывайте. Прием.

— Объект приехал на такси в аэропорт Ларнаки. Купил билет первого класса на самолет до Женевы. Вылет рейса в пять тридцать. С собой у него только кейс. Сидит в баре. Возвращаться на виллу, судя по всему, не собирается. Как поняли?

— Понял вас. Купите билеты в туристический класс. И забронируйте место для меня. Позвоните в Женеву, в «Рента кар», закажите машину напрокат. Она должна нас ждать возле зала прилета. Встретимся в самолете. Как поняли?

— Понял вас, Первый. Все?

— Да, все. Конец связи, — сказал Губерман и убрал рацию.

— Объект — кто? — спросил Назаров. Губерман немного помолчал и ответил:

— Розовский.

Назаров повернулся к Сергею:

— Слушаю вас.

Пастухов выложил на стол диктофон и нажал клавишу «плей».

«...— Всего доброго, господин Розовский.

— Всего доброго, господин Вологдин. Пауза.

— Выключили?

— Да.

— Фух, я даже вспотел! Мы с вами, Борис Семёныч, прямо народные артисты! По-моему, убедительно получилось.

— По-моему, тоже...»

V

Лишь когда «Каравелла» израильской компании Эль-Аль, совершавшая рейс по маршруту Тель-Авив — Ларнака — Афины — Женева набрала полетную высоту и погасли транспаранты, предписывающие пристегнуть ремни и воздержаться от курения, Розовский позволил себе немного расслабиться. Он снял пиджак и положил его на соседнее свободное кресло, распустил стискивавший шею галстук, от которого основательно отвык за два с лишним месяца, проведенных на Кипре, не без усилия — из-за живота — нагнулся и расшнуровал светлые саламандровские туфли, чтобы ноги не затекли за три с лишним часа, которые ему предстояло провести в воздухе.

По внутренней трансляции прозвучало объявление на иврите и английском. Иврит Розовский совсем не знал, английским владел в пределах разговорного минимума, но этого хватило, чтобы понять, что полет проходит на высоте восемь тысяч метров со скоростью семьсот пятьдесят километров в час. Цифры успокаивали. Они означали, что с каждой минутой он на двенадцать с половиной километров удаляется от смертельной опасности, которую обнаружил лишь по чистой случайности и которой только чудом сумел избежать...

Минувшим вечером он с трудом дождался, когда Назаров освободит компьютер. Спеху особого не было, свои расчеты он мог вполне закончить и завтра, но Розовского заинтересовало, над чем так долго трудится шеф. Все серьезные разработки он обычно поручал либо ему, Розовскому, либо программистам в лондонском офисе или в Москве, сам же пользовался компьютером в основном для контроля за ходом реализации своих многочисленных проектов. А после взрыва яхты за компьютер вообще почти не садился — начинались головные боли и быстро уставали глаза. И нынешний случай был совершенно необычным.

Когда Назаров вышел, наконец, из кабинета, в котором был установлен «Сан ультра спарк», и прошел сначала на кухню, а потом в библиотеку (с верхней веранды было видно, как осветились мавританские окна библиотеки), Розовский поспешил занять его место у компьютера, плотно прикрыв за собой дверь.

Никаких следов расчетов, которые почти пять часов вел Назаров, в оперативной памяти «Спарка» не было. Не было их и на дискете, лежавшей на столе рядом с монитором. Розовский сунул дискету в приемное устройство: на ней были его собственные вычисления — доля в предприятиях Назарова. Общая сумма была значительная — почти двести миллионов долларов. Но сложность заключалась в том, что все эти деньги были в обороте, практически неликвидны. А свободных денег Розовский на своем счету не держал, всю свою долю прибыли он немедленно вкладывал в другое дело. Деньги должны работать, а не лежать без дела. Но сейчас Розовского интересовала не собственная бухгалтерия.

Он внимательно просмотрел содержимое всех ящиков офисного стола в поисках дискеты, на которую Назаров обязательно должен был сбросить расчеты — не в «Звездные войны» же он все это время играл! Пусто. Розовский задумался. Если дискета существует — а в этом сомнений почти не было, — то она может находиться только в кабинете Назарова.

Розовский понимал, что окажется в постыдном и даже опасном положении, если Назаров застанет его шарящим в письменном столе. Но выхода не было, дело — как все больше убеждался Розовский — того стоило. Он вышел на террасу второго этажа и осторожно заглянул в окно библиотеки.

Назаров, с фужером в руках, сидел в глубоком кожаном кресле перед включенным телевизором. Розовский решился. Он вошел в кабинет шефа, оглядев почти пустую столешницу, выдвинул верхний ящик стола. И сразу нашел то, что искал: дискета была подколота к гармошке какого-то объемистого факса на английском языке. Розовский даже не стал и пытаться перевести текст. Он взял дискету и быстро вернулся в компьютерную.

Сначала он ничего не понял. Это была обычная проверка финансового состояния принадлежащих Назарову компаний и фирм. Правда, очень детальная. И в отдельную строку выносились суммы, которые — как нетрудно было догадаться — без ущерба для дела можно было использовать в других целях.

Сокращение инвестиций.

Замораживание проектов, находившихся в самой начальной стадии.

Отказ в предоставлении кредитов третьим лицам, даже под большие проценты.

Становилось все очевиднее: Назаров аккумулировал свободные средства. И Розовский уже начал догадываться зачем.

Но неожиданно информативный материал на экране оборвался, возник текст, от смысла которого Розовский похолодел.

Это был приказ руководителям всех подразделений концерна немедленно начать скупку акций нефтяных компаний. Не Самотлора. Не Тюмени. Не Западной или Восточной Сибири. Всех. Всех российских компаний.

Всех! Он сошел с ума. Ни малейших сомнений. Сошел с ума. Спятил. Свихнулся!

Не меняло сути дела и то, что сделка фьючерная: расчет — через три недели после покупки.

Три недели! Акции все время ползут вниз, Розовский только вчера передал Назарову сводку с диаграммами, в которых способен разобраться самый тупой школьник. Если за эти три недели котировка снизится даже на три-четыре пункта (а она снизится на десять, а то и больше), Назаров — полный банкрот, весь его концерн пойдет с молотка и не покроет даже десятой части долга!

А от следующей мысли Розовский даже с кресла вскочил. Да ведь не только Назаров банкрот! Банкрот и он, Розовский, его деньги тоже в общем деле! Да как он посмел — не спросив, не посоветовавшись...

От отчаяния Розовский готов был завывать. Он проклинал этих бездарных ублюдков, которые даже бомбу на яхте не смогли как следует заложить. Кажется, сейчас он мог бы задушить Назарова собственными руками!

Это была самая настоящая катастрофа. Катастрофа, которая стократ усугублялась тем, что на рынок будут выброшены не только реально существующие акции, Назарова захлестнет шквал акций мифических, которых никто никогда в руках не держал и держать не будет. И их

выбросят на биржу в первую очередь те, кто контролирует нефтяной рынок. Они будут продавать, продавать и продавать, чтобы сбить котировку. А через три недели не будет уже иметь никакого значения, реальна ли акция, отпечатана ли она на гербовой бумаге с водяными знаками или существует только во фьючерсном договоре. Реальна будет лишь разница в цене покупки и цене продажи. А при таком масштабе, на который замахнулся Назаров, — это десятки миллиардов долларов.

Боже милостивый! Он в самом деле сошел с ума? Или?..

Это «или» было страшнее любого банкротства.

Вся эта ошеломляюще грандиозная комбинация имела смысл только в одном случае: если в течение трех отведенных на все недели, ближе к их концу, когда ажиотаж достигнет высшей своей точки и пойдет на спад, Назаров, как опытный игрок в покер, выложит к своим четырем тузам главную карту — джокера. Такой джокер у него был — пресловутый патент. Патент, который способен удвоить и утроить запасы даже самых бросовых нефтяных месторождений. Который в момент своего обнародования поднимет котировку всех без исключения нефтяных компаний на десятки и даже сотни пунктов. А это будет означать, что Назаров, не затратив ни единой копейки, всего лишь выбросив на рынок купленные акции уже по новой, удешевленной цене, получит разницу биржевых курсов.

Десятки миллиардов долларов.

Долларов!!!

А те, кто акции продавал, останутся в трусах и галстуках от Кардена.

Вся кровь бросилась Розовскому в голову.

Именно эти десятки миллиардов и есть безумие. Самоубийство! Отдав приказ начать скупку акций, Назаров подписал себе смертный приговор. Мало того, на этом приговоре стоит гриф: «Исполнить немедленно».

Теперь уж они не промахнутся. И бомбу заложат как надо. И не одну, чтоб наверняка...

Розовский понимал, что план, в который он был вовлечен полковником Вологдиным, преследует — после неудачного взрыва яхты — вполне определенную цель: нейтрализовать Назарова, вывести его из игры на то время, пока идет передел нефтяного рынка. Физическое уничтожение Назарова было чревато политическими осложнениями, а с точки зрения интересов дела — совершенно излишне. Достаточно просто изолировать Аркадия на некоторое время — в том же Лефортове, под предлогом возобновления старого уголовного дела о приписках в шесть тысяч рублей. А потом дело закрыть. И он уже никому не будет опасен.

Теперь менялось все. Если удастся выманить его на польско-белорусскую границу, там встретят его убийцы с пулеметами, а не следователь генпрокуратуры с ордером на арест. Не удастся — уничтожат на месте. Здесь, на Кипре, на этой же вилле. В любом другом месте, где он надумает скрыться. Даже не в самом этом месте — еще на пути к нему.

Но самое ужасное, что Аркадий даже не будет и пытаться скрыться. Он отрезал себе все пути к отступлению. Ситуацию на бирже можно будет переломить только в том случае, если обнародование патента — другими словами, презентация проекта восстановления нефтеносности всех российских месторождений — произойдет взрывоподобно, гласно, с привлечением ТВ и экономических обозревателей ведущих газет, наших и западных. И

состояться эта презентация должна только в Москве. Но в таком случае Назаров — безусловный труп. А вместе с ним трупами станут все, кто случайно или не случайно оказался с ним рядом. И в их числе — сам Розовский.

Растерянность и отчаяние сменились решимостью. Нужно было действовать. Не теряя ни единой минуты. У него был только один-единственный шанс уцелеть — максимально быстро оказаться как можно дальше от этой виллы, от Кипра, и главное — от самого Назарова.

Розовский не стал даже возвращать дискету на место — на это уже не было времени. Он лишь вызвал на дисплей резервный счет Женевского банка. На счету фирмы в Женеве оказалось больше трехсот миллионов долларов. Вот из них он и возьмет свою долю.

Розовский стер из памяти «Спарка» полученную им информацию, погасил свет и вышел из компьютерной. Поднялся на верхнюю террасу: свет в библиотеке еще горел. Неспешно, попыхивая сигарой, чтобы не возбудить никаких подозрений охраны, прошел в свою комнату и быстро переоделся. Через десять минут он уже ехал на такси в ларнакский аэропорт.

...Чем дальше «Каравелла» удалялась от Кипра, тем больше успокаивался Розовский. Пассажиров в салоне первого класса было немного, целые ряды пустовали; кресла были просторные, колени не упирались в спинку передних кресел, как в туристском классе, можно было расположиться, как душа того пожелает, и не беспокоиться о том, что кто-то из соседей поморщится от дыма его «Коронас».

Миновали Афины. «Каравелла» шла над Италией. Привычного «Уайтхолла» в баре самолета не оказалось, пришлось довольствоваться «Джонни Уокером». Тоже неплохое виски, очень недурственное. Хоть и не из дешевых. Но не пить же плебейский «скотч» только потому, что он халявный. Он мог себе позволить не думать о деньгах. Он был богат. Он был свободен. И главное — он был жив. Может быть, это и есть счастье?

Розовский уже знал, что будет делать в ближайшие часы. Из аэропорта — в банк. Оттуда — в Париж, на обычном поезде, чтобы его фамилия не осталась в компьютерах трансгентства. В аэропорту Орли он купит билет на ближайший рейс до Москвы на свое имя и по своему паспорту. После этого российский гражданин Борис Семенович Розовский перестанет существовать. А из аэропорта Шарля де Голля в Нью-Йорк вылетит гражданин США, выходец из Израиля, господин Борух Блюменталь и навсегда бесследно растворится в вавилонском столпотворении гигантского тысячеязыкового мегаполиса.

«Каравелла» компании Эль-Аль прибыла в Женевский аэропорт Куэнтрен точно по расписанию, в девять двадцать утра по местному времени. Моросил мелкий дождь, над летным полем тянулись низкие облака, над толпой на перроне зала прилета лоснились от влаги десятки черных и цветных зонтов, люди были в темных костюмах и плащах. Белые полотняные брюки и блейзер Розовского, вполне уместные на Кипре, здесь обращали на себя внимание. Досадуя на непредвиденную задержку, Розовский взял такси и приказал отвезти себя в бутик неподалеку от ратуши, где он пару раз заказывал костюмы и клубные пиджаки. Часа через полтора два костюма — светло-серый и темная строгая тройка — были подогнаны по росту, подобрана обувь, рубашки и галстуки. Полный резон был остаться в тройке и ехать в ней в банк, но это был не ГУМ, где какой-нибудь приезжий северянин облачается в новье, а старый костюм запикивает в урну. Пришлось распорядиться, чтобы покупки упаковали и отнесли в такси. При расчете возникла небольшая заминка. Хозяин бутика, породистый высокий швейцарец, уважительно принял из рук Розовского кредитную карточку «Америкэн-Экспресс», но через несколько минут вышел из своей стеклянной клетушки с крайне озадаченным видом и на ломаном английском сообщил, что банк не подтвердил платежеспособность уважаемого

клиента. Это была чушь совершеннейшая, карточка была выдана московским банком, в котором Розовский был вице-президентом, и всего несколько часов назад в аэропорту Ларнаки он рассчитался ею за билет без всяких проблем. Но разбираться в этой накладке Розовскому было недосуг, он расплатился наличными и велел таксисту ехать в отель «Кларте», в котором он с Назаровым всегда останавливался, когда случалось приезжать по делам в Женеву.

Здесь Розовского помнили. Менеджер радушно приветствовал его и сообщил, что по счастливой случайности его обычный номер — двухкомнатный апартамент на восемнадцатом, верхнем этаже, с пентхаузом и прекрасным видом на Женевское озеро и устье Роны — свободен и готов к приему уважаемого гостя. Следует ли ему, как обычно, отнести плату за счет фирмы господина Назарова? Розовский расписался в счете и поднялся в номер. Его покупки, упакованные в фирменные пакеты бутика, уже ждали его в просторной гостиной. Он надел черную деловую тройку и несколько минут рассматривал себя в просторном, во всю стену, зеркале гардеробной. Ему понравился собственный вид. Респектабельный господин, в самом соку, с прекрасным средиземноморским загаром, с бриллиантовой заколкой в галстук, с дорогой кубинской сигарой. Он ощутил даже некоторую торжественность момента. Не каждый день человек меняет свою жизнь так, как намерен был сделать он. Не каждый день отряхивают с ног прах прежней суетливой, хлопотливой, полной проблем и опасностей жизни, подчиненной крутой воле шефа и капризам дуры-жены, омрачаемой пьянками и карточными долгами великовозрастного сына-балбеса, постоянным вымогательствам любовниц.

Все, кончилась эта жизнь. Начинается совсем другая.

В таком приподнято-торжественном настроении он поднялся по широкой лестнице Центрального банка Женевы, миновал колоннаду фасада и вошел в огромный операционный зал. Пол его был уложен полированными мраморными плитами, своды покоились на высоких аспидно-черных колоннах. Клерков, сидящих за дубовыми барьерами, отделяли от клиентов не стекла, как в новомодных банках, а позолоченные решетки, чем-то напоминающие мелкие трубки органа. Здесь все было неколебимо, незыблемо. С этим банком никогда ничего не случалось. И никогда ничего не случится.

Розовский прошел в глубь зала, где, как он знал, было бюро старшего банковского служащего, занимавшегося крупными операциями.

— Шпрехен зи дойч? — спросил он, не сомневаясь в ответе. Здесь все говорили и по-немецки, и по-английски, и по-французски. До русского, правда, еще не дошло. Но если дело пойдет и дальше такими же темпами, очень скоро дойдет.

— Натюрлих, — подтвердил служащий. — Что вам угодно?

— Мне угодно перевести некоторую сумму из вашего банка в Нью-Йорк, в «Чейз Манхэттен бэнк», — ответил Розовский.

— О какой сумме идет речь?

— Двести миллионов американских долларов.

Очень поманивало сказать «триста», но он сдержался. Нет, двести. Он честный человек, ему чужих денег не надо. Двести. И точка.

Глаза служащего уважительно округлились.

— Я должен поставить в известность вице-президента банка, — сказал он и, извинившись,

скрылся. Минут через пять появился и почтительно проводил Розовского в солидный кабинет на втором этаже. Вице-президент встретил его на пороге приемной.

— Не в наших правилах задавать клиентам излишние вопросы, но в данном случае я считаю своим долгом спросить: вызван ли ваш трансфер недостаточно хорошим обслуживанием нашего банка?

— Ни в коем случае, — возразил Розовский. — Ваш банк — лучший из всех, что я знаю. Это просто необходимая деловая операция. И только. Вот моя карточка и банковская книжка. Я хотел бы, чтобы указанная сумма была переведена в «Чейз Манхэттен бэнк» на номерной счет на предъявителя.

Вице-президент передал документы Розовского служащему, тот бесшумно исчез. Минут через пять, в течение которых вице-президент вел со своим весьма солидным клиентом светский разговор о погоде, на селекторном пульте замигала красная лампочка. Вице-президент взял телефонную трубку, молча выслушал сообщение и, извинившись, оставил Розовского в одиночестве. Еще минут через пять он вместе со служащим вернулся в свой кабинет. Лица у обоих были озабоченные. Розовский насторожился.

— Могу я взглянуть на ваш паспорт? — спросил вице-президент.

— Разумеется.

Розовский протянул банкиру свой российский паспорт, недоумевая, зачем он ему понадобился. Вице-президент сравнивал данные паспорта с какими-то бумагами, которые показывал ему служащий.

— В чем дело? — не выдержал, наконец, Розовский. — У вас проблемы?

— Нет. Проблемы, как я понимаю, у вас. Дело в том, господин Розовский, что ваш допуск к счету аннулирован.

— Как — аннулирован? — ошеломленно переспросил он, одновременно понимая, что произошло что-то страшное, непоправимое.

— Аннулирован, — повторил вице-президент. — Распоряжение об этом поступило по электронной почте от господина Назарова сегодня в шесть часов тридцать минут утра.

Шесть тридцать. Самолет как раз заходил на посадку в Афинах, машинально отметил Розовский и тут же болезненно сморщился: при чем тут самолет, при чем тут Афины?

— Этим же распоряжением в нашем банке на ваше имя открыт другой счет, — продолжал вице-президент и протянул Розовскому листок компьютерной распечатки. — Вот его номер и сумма. Этот счет находится в вашем полном и единоличном распоряжении.

Сначала Розовский ничего не понял. Он увидел свою фамилию, напечатанную латинскими буквами. Ниже стояла трехзначная цифра и литера банковского кода. А потом еще одна цифра, шестизначная, начинающаяся с «восьмерки». «Восемьсот тысяч? — поразился Розовский. — Почему восемьсот? Моих же денег двести миллионов!..» И только потом, в конце распечатки, заметил иероглиф доллара и цифру «30». И лишь тут дошло. Шестизначная цифра была номером счета. А «30» — это была сумма, зачисленная на счет.

Не тридцать тысяч. Не тридцать миллионов.

Просто тридцать.

Тридцать долларов...

Розовский не помнил, как он вышел из банка, как поймал такси, как доехал до отеля. Он обнаружил себя сидящим в своем номере и тупо разглядывающим листок с компьютерной распечаткой. И лишь одна мысль болезненно билась в голове: «Почему — тридцать? Не двадцать. Не пятьдесят. Не сорок. Не сто. Не пять и не двадцать пять. А именно тридцать...»

Он подошел к бару и извлек из него бутылку какого-то бренди. Взял первый попавшийся под руку высокий стакан для коктейлей, налил его наполовину и залпом выпил, не ощутив никакого вкуса. Вновь вернулся к столу и уставился на распечатку.

И наконец понял, что означают эти тридцать долларов.

Это были тридцать сребреников.

И еще это означало, что Назаров все знает.

Розовский почти не удивился, когда шевельнулась ручка двери и в номер вошли три человека. Один из них был Губерман. Двоих других Розовский не знал. Они были чем-то похожи друг на друга, одинаково крепкие, одинаково загорелые, в одинаковых коротких светлых плащах и почему-то в тонких кожаных перчатках. На лице одного из них темнели аккуратно подстриженные усы.

Тот, что с усами, остался стоять у двери, второй неторопливо обошел номер, заглянул в спальню, в ванну, вышел в пентхауз, огороженный каменной балюстрадой с фигурными балясинами и вазами для цветов. Вернувшись в гостиную, он оставил стеклянную дверь в пентхауз открытой.

Губерман сел в кресло напротив Розовского, внимательно и как бы с сочувствием взглянул на него и негромко спросил:

— Зачем вы это сделали, Борис Семенович?

— Меня заставили... Подсунули девчонку... она написала заявление об изнасиловании, ей оказалось пятнадцать лет...

— Почему вы об этом не рассказали?

— Мне было стыдно... А потом... потом уже было поздно.

— Кто вас завербовал?

— Вологдин.

— С кем вы работали, кроме него?

— Ни с кем. Только с ним... Можно, я выпью?

— Конечно, почему нет?.. — Губерман посмотрел, как Розовский словно бы ватными руками наливает стакан и пьет, проливая бренди на рубашку и галстук. Так же негромко заметил: — А ведь он вас любил. Вы разбили ему сердце.

Розовский покивал:

— Я знаю...

— И Анна вас любила. Она часто рассказывала, как вы закупили целый самолет, чтобы привезти ее из Магадана в Москву. Она говорила, что чувствовала себя Золушкой на королевском балу... Розовский повторил:

— Я знаю.

— И Сашка вас любил. Всегда радовался, когда вы приезжали к ним в гости... Это он сам мне рассказывал, — добавил, помолчав, Губерман и поднялся с кресла. — Пойдемте, Борис Семенович. Пора.

Розовский послушно встал и направился к двери.

— Туда, — сказал Губерман и показал в сторону пентхауза.

С высоты восемнадцатого этажа открывался простор Женевского озера, по мостам через Рону скользили разноцветные автомобили, несколько яхт с поникшими парусами белели на хмурой от низких облаков воде.

Розовский понимал, что с ним произойдет, но не чувствовал ни воли, ни желания сопротивляться. Лишь спросил:

— Он все знает?

— Да, — подтвердил Губерман.

— Он приказал?

— Нет. Он ничего об этом не знает. И никогда не узнает.

— Но...

— Это решение принял я. Потому что я вас тоже любил. И мне вы тоже разбили сердце. Прощайте, Борис Семенович.

Губерман повернулся и вошел в номер. Розовский машинально потянулся за ним, но тут четыре крепких руки подняли его грузное тело и перевалили через балюстраду...

...Усатый открыл дверь номера и выглянул в коридор. Там было пусто. Он подождал, когда выйдут Губерман и напарник, и вышел следом, плотно прикрыв дверь и повесив на ручку табличку: «Не беспокоить».

* * *

«Отец мой небесный, всемилостивый и всемогущий, Ты судишь народы, суди и меня, Господи, по правде моей и по непорочности моей во мне. Да прекратится злоба нечестивых, а праведника укрепи, ибо Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже. Щит мой в Тебе, спасающем правых сердцем. Господи Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!..»

I

Третий этап операции по несанкционированному перемещению в Россию объекта особой социальной значимости, разработанной Управлением по планированию специальных мероприятий, начался на другой день после исчезновения с виллы друга и компаньона Назарова Бориса Розовского. Начало этого этапа вообще не оставило бы никакого следа, если бы утром того же дня молодые российские туристы, занимавшие в пансионате «Три оливы» апартамент «Зет» и пять одноместных номеров, не сообщили хозяину о том, что им подвернулся очень удачный бизнес к они вынуждены прервать отдых.

Хозяин «Эр-воаяжа» и «Трех олив» Микола Шнеерзон сначала огорчился, но когда понял, что возбужденные перспективами неожиданно подвернувшегося выгодного дела москали и не думают потребовать с него гроши за неиспользованные семь дней, искренне разделил их радостное возбуждение, расспросил о деле и горячо одобрил. Это хорошо, когда молодые хлопцы думают о бизнесе, а не жрут горилку. Очень хорошо. И дело им подвернулось хорошее: всего за двадцать две тысячи кипрских фунтов купили по случаю почти новый мощный грузовик «ситроен» — с просторной кабиной, с двумя спальными местами для водителей-сменщиков, с огромным кузовом, обтянутым серебристой армированной тканью, с хромированными трубами глушителей, с десятком мощных фар на бампере и верхней консоли. Грузоподъемность двадцать тонн. Грузи что хочешь и вези куда хочешь.

И план они придумали дельный: не гнать фургон порожняком в Россию, а переправить на грузовом пароме в Стамбул, там загрузить дешевым и ходовым в Москве товаром и оттуда уже через Болгарию, Румынию и Польшу ехать домой. Головастые хлопцы. Но и Шнеерзон был не из дураков. Он только представил, как этот серебристый мощный красавец несется через всю Европу, Белоруссию и Московию, сверкая неприлично голыми бортами, на которых даже названия фирмы не значится, и тут же предложил: двухнедельный пансион, всем шестерым, бесплатно, в любое удобное для них время, а за это они разрешат разместить на бортах «Ситроена» рекламу «Эр-воаяжа» и «Трех олив». Он даже согласен был грошки приплатить, но обошлось и без этого. Самый серьезный из москалей, тот, что жил в двухкомнатном апартаменте, махнул: «Валяйте!» И пока молодые турки в светло-серой униформе выносили из соседней виллы и грузили в фургон кстати подвернувшийся попутный груз — очень тяжелые, скатанные в рулоны ковры, два срочно вызванные Шнеерзоном маляра изобразили с помощью трафаретов три зеленые оливы на бортах и надписи на русском и английском: «Откройте для себя Кипр. „Эр-воаяж“ предлагает отдых в пансионате „Три оливы“. Условия божественные, цены божеские».

Когда погрузка и художественное оформление машины были закончены, один из туристов — высокий, смугловатый, которого хлопцы называли Боцманом, — сел за руль, а трое остальных — Пастух, Трубач и Док — расположились рядом на просторном сиденье.

Боцман весело помахал рукой Шнеерзону и вышедшей проводить их Анюте:

— До побаченья, земляки!

— А где же Сеня и Олежка? — поднявшись на высокую подножку, спросила Анюта.

— Они уже далеко, в Стамбуле, — ответил Пастухов. — Еще ночью улетели, закупают товар.

— И даже не попрощались, — укорила Анюта. — Передайте им, Сережа, привет.

— Сене? — уточнил Пастухов. — Или Олежке?

Она подумала и со вздохом ответила:

— Обоим!..

«Ситроен» рыкнул мощным двигателем и по верхней дороге ушел к порту, где уже началась погрузка на автомобильный паром Ларнака — Стамбул. В просторное боковое зеркало Боцман заметил, как за ними, не обгоняя и не отставая, тащится какое-то такси, но причин задерживать на нем внимание не было.

Когда «ситроен», пройдя таможенный досмотр, вкатился в чрево парома, такси вернулось на набережную. Не доезжая до «Трех олив», пассажир отпустил машину и медленно, будто прогуливаясь, прошел по улочке, разделявшей «Три оливы» и виллу Назарова. Он увидел, как ворота виллы раскрылись, выпустив вместительный микроавтобус с сильно тонированными стеклами. Сколько людей внутри, рассмотреть было нельзя, но по тому, как автобус тяжело осел на рессорах, нетрудно было догадаться, что загрузка полная.

Проводив автобус рассеянным взглядом, пассажир такси (а это был полковник Голубков, нещадно потевший в светлых шерстяных брюках и рубашке с галстуком) прошел еще немного вверх, а потом спустился на набережную. Отыскав свободный столик в открытом уличном кафе, заказал банку пива, закурил ядреную сигарету «Космос» и глубоко задумался.

И ему было над чем подумать.

С самого начала не лежала у него душа к этому делу. Он не любил затей, конечные цели которых были ему неясны. И в Чечне, а еще раньше — в Афгане, ставя подчиненным задачу, он всегда старался — не раскрывая, понятно, общих секретов — сориентировать офицеров в общем масштабе дела, чтобы человек не был слепым исполнителем «от» и «до», а понимал, чему послужит то, что ему поручено. Это не просто повышало ответственность без всякого обещания орденов или, наоборот, трибуналов. Понимание общей задачи возбуждало инициативу, и не раз случалось, что этот как бы побочный эффект оказывался важнее основного задания.

Совсем по-иному дело было поставлено в Управлении. На фасадах спецслужб всего мира незримо присутствовала надпись, вырезанная на каменном портале Дельфийского храма: «Ничего сверх меры». Это было правильно. Никто не должен знать больше того, что ему необходимо. Но и меньше он тоже не должен знать. Впервые за долгие годы службы Голубков ощутил себя в положении безгласной пешки в непонятной ему игре. И ему, привыкшему самостоятельно решать масштабные задачи, это сразу же не понравилось. Но в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Это и была, видно, его плата — за Москву, за служебную «Волгу», приезжавшую за ним в подмосковный Калининград (который с некоторых пор стал именоваться Королевым), а после работы отвозившую его домой, плата за отдельный кабинет и приличное жалованье, которое никогда не задерживали ни на день.

Второй укол самолюбия Голубков ощутил после того, как команда Пастухова была отправлена на Кипр, а его приказом Волкова, переданным через Нифонтова, переключили на разработку операции, связанной с обострением ситуации на таджикско-афганской границе. Тут он уже прямо спросил у Нифонтова:

— А кто будет доводить до конца дело Назарова?

— Кому положено, тот и будет. Мы свою работу выполнили, — объяснил Нифонтов. И добавил,

увидев, что его объяснение не убедило Голубкова: — Ты же не идешь следом за разведчиками. Твое дело — дать задание.

— Но я всегда жду доклада о выполнении задания, — возразил Голубков.

— У нас не так. Дело сделано — и забудь. Ты больше никогда о нем не услышишь.

Голубков только пожал плечами. Не услышу — значит, не услышу. Только очень он в этом сомневался. Как ни прячь зерно тайны, а оно обязательно прорастет. Рано или поздно. И он оказался прав. Об этом деле он вновь услышал гораздо раньше, чем ожидал — буквально через несколько дней после отлета ребят Пастухова на Кипр. И услышал от самого Нифонтова. Он вошел в кабинет Голубкова, кивнул на материалы по Таджикистану:

— Все отложить. Ближайшим самолетом летишь на Кипр.

— Чей приказ?

— Самого.

— Объяснил?

— Нет. Что-то происходит. И очень серьезное. За пять лет я таким его еще ни разу не видел. Иди оформляй документы.

— Это будет неправильно, — возразил Голубков. — Я должен лететь не на Кипр, а в Грозный.

Нифонтов понял, что он имеет в виду: ночью по спецсвязи пришло сообщение о взрыве вертолета и гибели командующего армией и его адъютанта. Это было делом огромной политической важности, оно грозило разрушить зыбкий мир, достигнутый при активном вмешательстве генерала Лебеда в короткую пору руководства им Советом Безопасности. Ни Россия, ни Чечня не были заинтересованы в возобновлении военных действий. Кто-то пытался торпедировать мир. Быстро найти организаторов взрыва — вот сейчас единственный способ выйти из острейшего кризиса.

Голубков не сомневался, что сможет справиться с этим делом. В Чечне еще сохранилась обширная, созданная его стараниями агентурная сеть, были негласные осведомители, были, наконец, личные связи со многими полевыми командирами. Для общественного мнения чеченская война была покрыта сетью тайн, но для профессионалов контрразведки, одним из которых был полковник Голубков, тайн не существовало. Многие из того, что для них было явным, окутывали покровом тайны политики, исходя из каких-то высших, далеко не всегда понятных Голубкову, государственных интересов.

— Я должен лететь в Грозный, — повторил Голубков.

— Но полечу я, — ответил Нифонтов. — Таков приказ.

— Я не согласен с этим приказом.

— Можешь зайти к Волкову. Но ничего у тебя не выйдет.

Так и получилось. Волков перебил Голубкова, даже не дослушав:

— Вы получили приказ?

— Так точно.

— Исполняйте. И забудьте, Константин Дмитриевич, про армейский бардак. У нас приказы не обсуждают. Можете быть свободны, полковник.

— Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант!..

Взглянув на вернувшегося в кабинет Голубкова, Нифонтов даже спрашивать ничего не стал. Лишь констатировал:

— А что я тебе говорил?

— Не раскопаешь ты там ничего, Александр Николаевич, — проговорил Голубков. — Ты там — чужой. Ты никого не знаешь, тебя никто не знает. Я дам тебе кое-какие связи.

— Не нужно, — отказался Нифонтов.

— Но почему?

— А ты еще не понял? Если бы задача была: быстро найти организаторов взрыва вертолета — послали бы, конечно, тебя. Но посылают меня. Заведомо зная, что я там, как ты верно заметил, чужой. И следовательно — раскопать ничего не сумею. Почему? — спросил Нифонтов. И сам же ответил: — Потому что задача совсем другая. Не найти организаторов взрыва, а, наоборот — не найти. В комиссии буду, конечно, не я один, но возможности моих коллег будут точно такие же, как у меня.

— Значит, вертолет взорвали не чеченцы, а наши, — заключил Голубков. — И причина: документы, которые командующий вез Генеральному прокурору. Хотел бы я хоть краешком глаза посмотреть на эти документы.

Нифонтов покачал головой:

— По-моему, Волков сделал крупную ошибку, когда пригласил тебя в нашу фирму. Извечная дилемма руководителей. С бездумными исполнителями никакого дела не сделаешь. А исполнители думающие имеют неистребимую привычку думать. Вот тут и крутись!.. — Нифонтов ободряюще похлопал Голубкова по плечу. — Не бери в голову. Такова специфика нашей работы. Лети себе на Кипр, погрейся на солнышке, покупайся в Средиземном море. Задание у тебя проще пареной репы: встретиться с Пастуховым и его ребятами, узнать, как у них дела и когда они намерены приступить к операции перемещения.

— Поторопить? — уточнил Голубков.

— Нет, просто узнать день. И напомнить: через границу они должны перейти только в указанном месте. И ни в каком другом. На этом он особенно настаивал. После встречи с ними позвонишь по известному тебе телефону, доложишь.

— Почему нельзя сделать это через резидента?

— Связь с ним потеряна. Попал в больницу. Операция предстательной железы.

— Это и все мое задание?

— Не совсем. Будешь контролировать конечный этап операции. Со стороны. Ни в какие контакты с Пастухом и его ребятами не вступай. Когда они появятся в Нови Дворе, снова

доложишь. После этого, если не будет других указаний, вернешься в Москву.

— Ты же сказал, что это не в правилах Управления, — напомнил Голубков. — Одни разрабатывают операцию, другие выполняют. Разделение труда.

— Все так, — согласился Нифонтов. — Но я и другое тебе сказал: происходит что-то совершенно необычное. И оно связано с операцией. Не знаю что. Могу судить только по поведению шефа. На него, похоже, очень сильно давят. И вот что еще, Константин Дмитриевич. Есть у меня ощущение, что к операции подключены еще какие-то наши люди. Поскольку в известность о них мы не поставлены, то и реагировать на них ты никак не должен. Кто бы они ни были. И что бы ни делали. Тебя это не касается.

— Как ты о них узнал? Нифонтов усмехнулся:

— Как становятся известными самые страшные государственные тайны? Совершенно случайно. В буфете двое разговаривали о том, какая может быть погода на Кипре.

— Кто они?

— Я, конечно, любознательный человек. Но не настолько. Я даже не оглянулся на них. Все, Константин Дмитриевич, — подвел итог Нифонтов. — Счастливо отдохнуть!..

С таким напутствием Голубков и улетел в Ларнаку ближайшим ночным рейсом. Но в тот момент, когда он получал в бухгалтерии билет и подотчетные доллары на расходы, произошел небольшой эпизод, на который сам Голубков специально внимания как бы не обратил, но въедливая его память зафиксировала с фотографической точностью. Расписавшись за командировочные, он сунул их в карман, не пересчитывая, но на билет взглянул, чтобы уточнить час вылета. И с удивлением обнаружил, что держит не один билет, а целых два, что рейс на верхнем билете обозначен не ночной, а дневной. Перевел взгляд на число и еще больше удивился: билет был на завтра. Он перелистнул корешки, взглянул на нижний, увидел фамилию и понял: это тоже был не его билет. Хоть и до Ларнаки.

— Ой, я все перепутала, — спохватилась бухгалтерша. — Вот ваш билет, а это не ваши.

Стало быть, «не ваших» билетов два. На завтра. На дневной рейс. На фамилии Курков и Веригин. Так эти фамилии и отпечатались в памяти. Кто эти люди — Голубков понятия не имел, никогда с ними не сталкивался. И даже не узнал бы об их существовании, если бы не бухгалтерия. Великое это учреждение — российская бухгалтерия. Совершенно уникальное по своим информационным возможностям. Вот куда надо агентов внедрять, а не в высшее руководство. Да еще, пожалуй, в буфет.

То, что командировка этих двоих в Ларнаку была связана с делом Назарова, не вызвало у Голубкова и тени сомнений. Таких случайностей в природе просто не существует. И это подтверждало наблюдение Нифонтова: «Происходит что-то совершенно необычное».

Ощущение необычности и серьезности происходящих событий многократно усилилось у Голубкова после первых же слов, которыми он обменялся с Сергеем Пастуховым, приехав прямо с самолета в его номер в «Трех оливах».

Пастухов был насторожен, почти враждебен. На вопрос Голубкова «Как дела?» ответил кратко, не вдаваясь ни в какие подробности:

— Нормально.

- Когда планируешь начать операцию? — спросил Голубков.
- Точную дату скажу завтра утром.
- Почему завтра утром?
- Потому что сегодня вечером я встречаюсь с Назаровым.
- Вот как? — удивился Голубков. — Зачем?
- Я не обязан посвящать вас в подробности. Вы сами сказали, что мы должны сделать дело, а как — это наши проблемы.
- Ты мне не доверяешь?
- А я могу вам доверять? Голубков пожал плечами:
- Это тебе решать.
- Я и пытаюсь решить... Скажите, Константин Дмитриевич, когда вы первый раз прилетели ко мне в Затопило, Волков об этом знал?
- Нет.
- Почему вы ему не сказали?
- А что я мог сказать? Я и сам не знал, получится что-нибудь или нет. Да и вдруг ты уже не в Затопине, а куда-то еще перебрался?
- Когда вы вернулись и сказали, что мы подпишемся на его дело, если выкупят Тимоху, как он отреагировал?
- Сказал, что об этом и речи быть не может.
- А когда он узнал, что Тимохе известно о программе «Помоги другу» и он может о ней рассказать, что он ответил? Только точно.
- Сейчас вспомню. С минуту молчал. Потом спросил, что я знаю об этой программе. Я ответил: ничего. Он еще помолчал, потом попросил меня зайти через полчаса. А сам спустился в информационный отдел, я видел. Минут через сорок он меня вызвал. Сказал, что ты и твоя команда — идеальные кандидатуры для этого дела. А лейтенант Варпаховский блестящий офицер и заслуживает, чтобы его выкупили из плена. При условии, что факт выкупа останется в полнейшей тайне.
- Кто занимался выкупом?
- Не знаю. Его кадры. Мне только сообщили, когда его привезут. А потом я привез Варпаховского к тебе.
- Говорил ли Волков, сколько моих людей должно быть задействовано в операции?
- Он сказал: все шестеро. Я спросил: не много ли? Он повторил: все шестеро. И приказал отправить вас на Кипр как можно быстрее. Вот, собственно, и все.

— Могла операция дублироваться?

— Теоретически — да. Но я об этом ничего не знаю. И Нифонтов тоже... Прояснило это для тебя ситуацию?

Пастухов кивнул.

— Кое в чем. — И попрощался: — До завтра. Я буду ждать вас в восемь утра в порту, у первого прогулочного причала.

Наутро они встретились возле припортового кафенеса, Пастухов подтвердил, что к операции все готово и она начнется через два дня.

.— В Нови Дворе мы будем с грузом примерно через пять или шесть суток, — добавил он. — Можете сообщить об этом в центр.

Голубков кивнул: сообщу. От предложения выпить по чашке кофе Пастухов отказался, сославшись на срочные дела. Голубков не настаивал: дела есть дела.

Из уличного автомата он набрал номер Москвы и передал диспетчеру информацию, полученную от Пастухова. А часа через полтора, оказавшись — ну совершенно случайно — на набережной в районе «Трех олив», сразу понял, какие такие срочные дела заставили Пастухова отказаться от удовольствия посидеть и поболтать за чашечкой настоящего, сваренного по старинному рецепту кипрского кофе: возле пансионата, заняв собой всю узкую улочку, красовался огромный серебристый «ситроен», какие-то люди суетились вокруг него, в фургон грузили ковры из виллы Назарова, а два маляра на стремянках разрисовывали просторные борта супергрузовика.

Через час Пастух и трое его ребят влезли в высокую кабину, и «ситроен» двинулся к верхней дороге.

В Ларнаке, как и в современной Москве, проблем с такси не существовало, Голубкову не составило никакого труда проследить путь «ситроена» до парома Ларнака — Стамбул.

И теперь, вернувшись на набережную, он прихлебывал пиво из запотевшей банки, курил туго набитый, как патрон охотничьего ружья, московский «Космос» и пытался понять, что все это могло бы значить.

Несомненно: Пастухов начал операцию на два дня раньше им самим же названного срока. И сделал это намеренно. Значит, не доверяет. Голубкову? Или Управлению? Впрочем, Голубков и был для него Управлением. Да, не доверяет. Почему?

Второй вопрос. Ковры. Голубков вел наблюдение за «ситроеном» издали, метров с трехсот, но ему сразу стало ясно, что вынос из виллы ковров, в которые были завернуты или могли быть завернуты люди, это туфтыра чистой воды. Кого угодно это могло обмануть, но только не Голубкова. Нелепо было даже предполагать, что в одном из ковров находится сам Назаров. На глазах у всей его охраны? Даже с помощью охраны? Бред собачий. Если не... Если охрана не была в курсе. И если это не похищение, а инсценировка похищения. Но для чего она могла понадобиться?

Если в коврах не Назаров и его люди — кто? Или вообще никого? Очень все это было похоже на представление, рассчитанное на какого-то стороннего наблюдателя. Но кто мог за ними следить? Кроме самого Голубкова? Может, на него и рассчитано.

Выбор маршрута. Паром до Стамбула, а оттуда — другого пути нет — через Болгарию, Румынию и Польшу до Нови Двора. Тоже загадка. Отвлекающий маневр? Отвлекающий кого и от чего? Или им нужно было для чего-то выиграть время? Для чего?

В кабине «строена» не было Олега Мухина и Злотникова — Артиста. Где они? Какая роль для них предназначена?

Где, наконец, сам Назаров? В фургоне «строена»? На вилле? Или вообще в каком-то совершенно другом месте?

Многовато было вопросов. Многовато. Голубков понимал, что прямо сейчас, с ходу, ответить на них не сможет. Но на один вопрос он все же рассчитывал получить ответ: кто такие эти таинственные его коллеги по Управлению Курков и Веригин и что они намерены предпринять. Это могло прояснить и некоторые другие неясности.

Голубков взглянул на часы. Самолет Куркова и Веригина приземлился в Ларнаке сорок минут назад. Он взял еще банку пива и принялся терпеливо ждать. Он знал, что они появятся здесь.

Они подъехали на такси через полчаса, отпустили машину у бара «Бейрут» и медленно пошли по набережной с видом никуда не спешащих туристов.

Лет по тридцать обоим.

Явные профи.

В Москве они, может, и сошли бы за туристов. Но только не здесь. Сработал синдром заграницы, на котором и сам Голубков прокололся, надев приличный серый костюм, который для курортного побережья оказался и слишком жарким, и слишком приличным. Примерно в такие же костюмы были одеты и эти двое. Они прошли вверх по улочке мимо «Трех олив» и виллы Назарова, на набережную вернулись по другой улочке, обогнув виллу поверху, и удалились в сторону порта.

Голубков допил пиво и не спеша двинулся следом. Эти двое шли мимо причалов, с интересом рассматривая пришвартованные катера и яхты. На верхних палубах многих из них загорали в шезлонгах длинноногие девушки, большую, а иногда и единственную часть одежды которых составляли солнцезащитные очки, гремела музыка, на каждой яхте своя, создавая ощущение вечного, никогда не прекращающегося праздника.

Возле одного из пирсов, уже в районе грузового порта, «туристы» посоветовались и прошли почти в самый конец причальной стенки, где стоял какой-то среднетоннажный лесовоз под российским флагом. Чтобы не оказаться замеченным, Голубков остался на набережной. Он увидел, как эти двое о чем-то переговаривали с вахтенным матросом и поднялись на борт судна. Минут через десять вышли и покинули территорию порта той же неспешно-прогуливающейся походкой, только в руках у них было по ярко раскрашенному пластиковому пакету, в каких туристы всего мира (да и не только туристы) таскают всё что ни попадя — от пляжных полотенец и купальников до фруктов, прочей снеди и других подвернувшихся покупок.

Пакеты в руках «туристов» заметно оттягивались от груза. Но в них были не фрукты. Что угодно, но только не фрукты. В этом у Голубкова не было и тени сомнения.

Дождавшись, когда эти двое исчезнут в толпе, кишевшей возле припортовых фри-шопов, он прошелся по пирсу, мимолетно отметив, что лесовоз называется «Витязь» и приписан к Новороссийску, постоял у дальнего конца на свежем морском ветерке, на обратном пути

задержался у лесовоза, выкурил с вахтенным по сигарете и поболтал с земляком-россиянином, выяснив между прочим, что «Витязь» идет в Александрию; Ларнаки вообще в их маршруте не было, а капитан получил приказ изменить маршрут от двух каких-то штатских валуев, нагнавших судно на военном вертолете и передавших капитану пакет с приказом и какую-то посылку. А то не могли, паскуды, эту посылку в самом Новороссийске передать, теперь из-за них сутки, считай, вылетели, премия за выполнение графика — мимо морды, а зарплата такая, что хоть на берег списывайся. А на берегу что делать? Пол-Новороссийска без работы сидит, довели, подлюки, страну!..

Голубков сочувственно покивал, поподдакивал и распрощался с вахтенным. Теперь он знал, что ему нужно делать. Он прошел в торговую часть Ларнаки и в магазине «Фото-оптика» купил двадцатикратный цейсовский бинокль с приставкой для ночного видения, а в соседней лавчонке — пальчиковый фонарик «Дюрасел». После этого вернулся в свой номер в недорогом отеле, переоделся в потрепанный адидасовский костюм и кроссовки, покупки вместе с пляжным полотенцем и плавками сунул в пластиковый пакет и отправился на набережную в районе «Трех олив» и виллы Назарова. Но перед тем как занять на пляже шезлонг и предаться активному морскому отдыху, обошел виллу маршрутом тех двоих и приметил удобное место для наблюдательного пункта — с соседнего незастроенного участка, примыкавшего к тыльной стороне ограды виллы. Это было самое слабое место в охране виллы, подробный план которой был в досье Назарова. Ограда делала здесь небольшой изгиб, он не просматривался с углов, а видеокамеры, скользящие своими узконаправленными объективами по верху ограды, перекрывали периметр забора не постоянно, а через каждые пятнадцать секунд. Опытному человеку вполне достаточно, чтобы преодолеть препятствие, а в том, что его таинственные коллеги Курков и Веригин люди опытные, Голубков нисколько не сомневался.

Когда сумерки достаточно сгустились и на пляже остались только любители вечернего купанья, Голубков покинул уютный шезлонг и большим кругом, по соседним улочкам вышел на облюбованное место. Участок был запущенный, заросший каким-то колючим плотным кустарником вроде терна, но укрытием служил идеальным. Голубков сунул фонарик в карман, настроил бинокль, а пакет отсунул подальше, чтобы ненароком не зашуршать им, — в тишине даже такой слабый звук мог привлечь внимание.

Вилла была ярко освещена, в саду горели фонари, слышался громкий плеск воды в бассейне, играла какая-то современная музыка. Было такое впечатление, что на вилле проходит довольно многолюдный прием, хотя Голубков был совершенно уверен, что там не может быть много народа. Охрана уехала, Назаров и другие обитатели — наверняка тоже. На вилле вообще никого не должно быть. Однако же есть.

Эти двое появились часов в десять вечера, когда у Голубкова уже начали болеть бока от впивавшихся в тело корней этого терновника или как его там. Они подошли не со стороны набережной, а сверху, с разных сторон и встретились как раз у изгиба ограды. В руках у обоих были те же самые пакеты, только свои приличные костюмы они сменили на неброские спортивные халабуды. Лица в зеленоватом фоне бинокля были смазанными, но контуры фигур различались четко. Они присели за кусты у ограды, Голубков видел только их головы.

Судя по всему, оживление, царившее на вилле, их озадачило. Они даже заглянули за ограду: один подставил спину, второй ловко вспрыгнул на него, несколько секунд осматривался. Потом второй соскочил с первого, и они посоветовались. Ясно, что сейчас проникать на территорию виллы был не резон, можно напороться если не на охранников, то на какую-нибудь влюбленную парочку, от которой шума будет не меньше, чем от охраны. Значит, будут ждать. И не там, где они сейчас сидели, — опасно, рядом тропинка, могут заметить. Голубков уже решил, что ему надо сваливать со своего НП, потому что именно в эти кусты Курков и Веригин

скорее всего переместятся. Но они, к удивлению Голубкова, решили по-другому: вышли из своего укрытия на тропинку, обогнули виллу и направились вниз, к набережной. Голубков перебежал к краю участка и без всякого бинокля отчетливо увидел их в освещенном проране улицы.

Пакетов при них не было.

Они расположились за столиком летнего кафе, за которым днем сидел сам Голубков, взяли кока-колу и закурили, поглядывая на виллу.

Голубков вернулся на свой НП и задумался. Решать нужно было очень быстро. Он почти наверняка знал, что лежит в пакетах, оставленных этими двоими возле ограды. Но слово «почти» человеку его профессии было так же ненавистно, как профессионалу-филологу слово «одеть», которое никто не хочет употреблять правильно. И он решился. Огляделся: никого. И юркнул в кусты.

Оба пакета стояли рядом. Килограмма по два каждый. Понятно, почему они не решились взять их с собой на ярко освещенную набережную — слишком приметно. В пакетах лежали бруски размером в два тома «Войны и мира», завернутые в махровые полотенца. Голубков развернул одно из полотенец и сразу все понял. Маркировка была на английском, для отвода глаз. Изделие же было нашим, российским, новейшая разработка полусдохшего ВПК. «ФЗУД-2-ВР»: фугасный заряд усиленного действия с двухкилограммовым тротильным эквивалентом и радиоуправляемым взрывателем. Таким фугасом, только полукилограммовым, был взорван «уазик» генерала Жеребцова. А здесь два по два килограмма — от виллы не останется камня на камне.

Тогда же, разбираясь в причинах гибели Жеребцова, Голубков и изучил эту новинку. Под крышкой с маркировкой должна быть пластина, нажатие на которую активизирует взрыватель. На радио-пульте загорается красный светодиод. Если в течение часа не посылается взрывной импульс или не подается сигнал отмены, схема взрывателя саморазрушается. Пиротехник спецсклада, объяснявший начальнику контрразведки полковнику Голубкову устройство сверхсекретной новинки, рассказал еще об одной хитрой примочке, предусмотренной на тот случай, если бомба попадет в чужие руки. На плате рядом с пластиной была смонтирована фишка, которая устанавливается в двух положениях. При хранении — красным концом вверх, при этом нажатие на пластину вызывает немедленный взрыв всего заряда. Перед использованием фишка переворачивается.

Светя узким лучом фонарика, Голубков вскрыл крышку с маркировкой. Все верно: нажимная пластина, фишка с красным концом. Только этот красный конец был направлен почему-то вверх. Режим хранения? Но у Голубкова уже не было времени разбираться в тонкостях. Нужно было что-то немедленно предпринимать.

По всем писаным и неписаным правилам всех разведок мира Голубков должен был сейчас предпринять только одно: ничего не предпринимать. Немедленно исчезнуть с этого места и вычеркнуть из памяти все, что он знал, и все, о чем догадывался. Это было не его дело. Это его не касалось ни с какой стороны. Все, что он делал, было грубейшим, преступным нарушением законов спецслужб. Он даже не имел права сообщить о находке своему руководству, так как это означало бы, что он вмешался и поставил на грань срыва сложнейшую операцию. Не по пустяковому же делу срочно прислали в Ларнаку этих Куркова и Веригина и задействовали сложную и дорогостоящую схему с использованием военного вертолета и изменением курса гражданского лесовоза, чтобы передать им взрывчатку. И погибнут на этой вилле люди виновные или ни в чем не повинные — его, Голубкова, это не должно интересовать. Ни сном ни

духом. В этом, вероятно, и заключалась специфика работы Управления, про которую говорил Волков при их первой встрече в Москве.

Все так. Голубков был профессиональным контрразведчиком. Но он был русским контрразведчиком. И он был боевым офицером, прошедшим Афган и Чечню. И слишком много он видел бессмысленных и преступных смертей и понимал, что любая насильственная смерть всегда бессмысленна и преступна.

И потому срать он хотел на все писанные и неписанные законы разведок всего мира, в том числе и своей собственной.

Он быстро защелкнул крышку фугаса, уложил в пакет все как было, обогнул виллу и вышел на набережную по соседней улочке. Эти двое все еще сидели за тем же столиком, курили и поглядывали то на виллу, то на часы. Голубков отыскал неподалеку свободный стол и сел так, чтобы можно было видеть и виллу, и этих двоих.

Огней в окнах виллы стало меньше, умолкла музыка. Из калитки вышли двое молодых, хорошо одетых мужчин, весело помахали тому или тем, кто их провожал, и неторопливо пошли к набережной. Курков и Веригин переглянулись, поднялись и двинулись вверх по улочке. Голубков вытащил из пачки «Космоса» сигарету, поразминал ее и, когда двое, что вышли из виллы, поравнялись с его столиком, поднялся и, извинившись, попросил прикурить. Наклонившись над огоньком зажигалки, негромко сказал:

— Не оглядывайтесь. Немедленно выведите всех людей из виллы. Под любым предлогом.

Тот, кто дал ему огоньку, прикурил сам и так же негромко, лишь мельком взглянув на Голубкова, ответил:

— Там никого нет.

И пошел, догоняя приятеля, к порту.

Курков и Веригин уже скрылись за углом виллы.

Счет пошел на минуты.

Минут пять надо Куркову и Веригину, чтобы осмотреться. Две — перемахнуть ограду. Еще пять — осмотреться внутри. Минут двадцать — найти места и активизировать заряды. Покинуть виллу — еще десять минут. Отойти на приличное расстояние и выждать — полчаса.

Итого — час двенадцать. Голубков взглянул на часы. Ровно двадцать три. Значит, взрыв произойдет не раньше чем в ноль двенадцать. Немного времени еще было, и Голубков решил употребить его с пользой. Очень уж его заинтересовало, кто эти двое, что вышли с виллы Назарова с видом гостей, довольных удачно прошедшей вечеринкой. Приемом. Или как там еще говорят? Парта.

Он встал и не спеша, помахивая своим пакетом и покуривая, двинулся в сторону порта. Те двое уже поравнялись с первым, прогулочным причалом, свернули на второй. Голубков спустился на пустой пляж, встал в густую тень солярия и вынул из пакета бинокль. Приставка для ночного видения только мешала. Он снял ее и навел бинокль на причал, освещенный яркими натриевыми лампами. Двое прошли в самый конец причала и перешли по трапу на палубу небольшого буксира. Буксир стоял без огней, лишь светились два иллюминатора кубрика. Потом дверь кубрика открылась, в освещенном проеме появилась фигура еще одного

человека — как показалось Голубкову: высокого, крупного. Он обменялся с подошедшими несколькими словами, после чего один из них втащил на борт трапик, снял с кнехта причальный конец и вернулся на буксир, а второй поднялся в капитанскую рубку. Корма буксира окуталась сизым дымом, зажглись ходовые огни, буксир отвалил от пирса и повернул на восток, в другую сторону от набережной и «Трех олив». Высокий остался стоять на палубе, держась за металлические перильца. На повороте луч портового прожектора мазнул по борту буксира, Голубков успел прочесть на носу: Р-35. И ниже: Фамагуста. Порт приписки. Голубков помнил карту Кипра: это был небольшой портовый город километрах в шестидесяти к востоку от Ларнаки, соединенный хорошей дорогой и с Ларнакой, и с Никосией. Но все это Голубков отметил мимолетно, не вникая. До боли вжимая окуляры бинокля в надбровья, он всматривался в фигуру человека, стоявшего у перилец. И хотя расстояние было довольно приличное и в ярком пятне портового прожектора буксир находился не более полуминуты, Голубков мог поклясться, что этот, у перилец, не кто иной, как Назаров.

Голубков бросил в пакет бесполезный уже бинокль. Задача, едри ее в корень. Значит, в одном из ковров действительно был Назаров? Но как он оказался на буксире? Да очень просто, сообразил Голубков. Когда «строен» вкатился на паром, его освободили, выпустили из фургона, и вместе с провожающими он сошел на берег. А уж незамеченным добраться до буксира в портовой неразберихе — нет ничего проще.

Так-так. Очень интересно. Значит, Пастухов и Назаров знали о готовящемся взрыве? Или догадывались. И предполагали, что угроза исходит от Управления. Поэтому Пастухов и запустил откровенную дезинформацию о дне начала операции.

Что же, черт возьми, происходит?

Голубков вернулся за свой столик в кафе и снова взглянул на часы.

Двадцать три двадцать. Курков и Веригин уже внутри виллы. Ищут место, куда заложить заряды...

Голубков невольно передернул плечами, словно бы от озноба, хотя с моря потягивал теплый бриз и люди на набережной разгуливали в шортах и распахнутых рубашках с короткими рукавами, а у многих девушек полы рубах и маечек были узлами завязаны на пупе. Он подозвал человека и велел принести большую рюмку «зивании». В туристском проспекте он вычитал, что это традиционная кипрская водка, очень крепкая.

Двадцать три сорок. Место найдено, заряды уложены, еще минута — и фугасы будут активизированы.

Голубков понюхал «зиванию». Похоже на грузинскую виноградную самогонку — чачу. Немало этой чачи было выпито в военном санатории под Гудаутой, когда удавалось достать туда путевку.

Голубков одним махом выплеснул «зиванию» в рот и на мгновение даже ослеп от ярчайшей вспышки. Но не от семидесятиградусной кипрской самогонки, а от взрыва, бешеным огненным снопом рванувшегося вверх из темной зелени, окружавшей виллу Назарова. Как ракета, взорвавшаяся в момент старта. И тотчас же чудовищный грохот ударил по барабанным перепонкам, лишил слуха, и уже в полном безмолвии гнулись почти до земли и ломались десятиметровые финиковые пальмы, летели в море стулья, столы, брезентовые тенты, гофрированный пластик крыш и сами торговые палатки в окружении вывалившихся из них курток, костюмов и ярких платьев с раскинутыми в стороны, как крылья птиц, рукавами. Потом

слух вернулся, но погас свет, и уже в крошечной темноте, которая казалась еще гуще от пламени пожара, что-то летело, валилось сверху, дребезжало, звенело, скрежетало и лопалось, заглушая крики людей, вопли детей, панические призывы о помощи.

Курортная Ларнака превратилась в Грозный.

Голубков вскочил и по слуху, на крик, кинулся к какой-то женщине, придавленной металлическим каркасом будки мороженщика, при свете пожара освободил пострадавшую, кинулся на другой крик. Уже летели десятки пожарных, полицейских и санитарных машин, светом фар, сиренами и мигалками расчищая себе дорогу среди мечущихся в беспамятстве людей.

Вспыхнул свет аварийной подстанции, мощные водяные струи из полусотни брандспойтов обрушились на пылающую виллу, окутав ее клубами пара, как извергающийся вулкан.

Вместе с врачами, санитарями и полицейскими Голубков разбирает завалы обрушившихся палаток, приводит в чувство перепуганных женщин, успокаивал детей, таскал носилки с ранеными, расцарапанными и пришибленными камнепадом, отдавал приказы и матерился, когда его понимали не сразу. Уверенность его в том, что нужно делать в первую очередь, невольно подчинила ему растерянных врачей и полицейских, они кидались по одному его знаку туда, куда он показывал, не понимая значения произносимых им слов, но понимая, что этот человек знает, что нужно делать. И он действительно знал. Это была работа, которую он исполнял не раз и не два в гораздо более страшных условиях. И он работал, усилием воли подавляя бушевавшие в душе чувства. Это были не чувства. А чувство. Только одно. И оно называлось: ярость.

Лишь часа через полтора, когда удалось справиться с паникой и восстановить хоть какое-то подобие спокойствия и порядка, Голубков заметил, что и у него самого куртка разодрана и кровоточит задетое каким-то каменным осколком плечо.

Один из врачей, с которым он на пару таскал носилки, усадил его на высокий круглый табурет бара, с которого взрывной волной снесло крышу, продезинфицировал и перевязал рану. Пока врач занимался своим нехитрым делом, Голубкова окружило с десятков греков — санитаров и полицейских, они уважительно пожимали ему руку, дружески похлопывали по спине. Откуда-то возник фоторепортер и засверкал вспышкой. Голубков попробовал закрыться от объектива, но греки дружно и возмущенно запротестовали, образовали вокруг него плотную группу и придали выражение мужественности своим потным и грязным эллинским лицам. Пришлось подчиниться. Репортер сделал несколько групповых снимков и исчез, чтобы в редакции успели дать их в утренний номер. Хоть фамилию в спешке не спросил — Голубкова это немного успокоило. Тем временем бармен выудил из стеклянного боя несколько уцелевших бутылок и стаканов, налил всем доверху и один из стаканов почтительно поднес Голубкову. Объяснил, прижимая руку к волосатой груди:

— Платить нет! Русски дружба! «Зивания» — вери гуд!

И был крайне удивлен, когда этот сухощавый русский турист с седыми, коротко подстриженными волосами сначала поднес стакан к губам, а потом вдруг отставил его на стойку бара и сказал:

— Нет. Лучше просто водки. А то как бы еще чего не рвануло!..

Голубков разрешил отвезти себя на полицейской машине в отель, смыл под душем с лица и рук остатки своей и чужой крови и переоделся в свой серый, слишком приличный для кипрско-

русского курорта костюм. С полчаса посидел перед телевизором, глядя на экран и одновременно обдумывая сложившуюся ситуацию. По греческой программе шел оперативный репортаж с места события: пожарники пытались залить неукротимый огонь водой и пеной, санитарные машины увозили пострадавших, возбужденно рассказывали о своих впечатлениях очевидцы, несколько раз в комментарии репортера мелькнули фамилии Петров и Грибанов — под ними жили на Кипре Розовский и Назаров.

Разрушенные кафе и бары на набережной.

Две финиковые пальмы, сломанные взрывной волной.

Снова бушующее пламя пожара, огромным факелом пылающий дуб, кипящая вода в овальном бассейне...

Голубков выключил телевизор. Ярость, охватившая его на набережной, трансформировалась в холодную сосредоточенность. Он чувствовал себя так, словно бы вступил на минное поле, и нельзя было сделать ни одного неверного шага.

День выдался не из легких, Голубков с большим удовольствием улегся бы сейчас в постель, но нужно было идти и звонить в Москву. Из уличного автомата. Правило есть правило. Он должен доложить о взрыве виллы Назарова. Касалось его это дело или не касалось, но он был свидетелем взрыва, и было бы странно, если бы в Москве не получили его рапорт. Это было бы не просто странно, а в высшей степени подозрительно, и Голубков не видел причин, по которым ему стоило навлекать на себя это подозрение. А вот что будет в его рапорте — это он уже хорошо представлял.

Он машинально защелкнул на запястье браслет своих испытанных «командирских», взглянул на циферблат и чертыхнулся: стекло было разбито, часы стояли. Стрелки показывали двадцать три сорок.

Стоп.

Значит, взрыв произошел в двадцать три сорок минус те несколько секунд, за которые долетел до набережной осколок камня, разбивший его часы. А по расчетам Голубкова к этой минуте эти неведомые Курков и Веригин могли успеть только заложить заряды и поставить взрыватели на боевой взвод. Успели раньше? И намного? Исключено. В своей прикидке Голубков и так исходил из минимума. Перед форсированием стены пять минут осмотреться надо? Надо. Две минуты, чтобы перелезть, надо? Надо. Еще пять минут, если не больше, освоиться в саду виллы надо? Надо. И всего двадцать минут на поиск места и укладку зарядов. Двадцать три сорок. Все правильно.

Выводы? Их было два. И от обоих хотелось заскрежетать зубами.

Первый. Все, что говорил об этой операции Волков, ложь. «Ликвидировать угрозу безопасности объекта любыми средствами... Реакция Запада на новое покушение, кем бы оно ни было совершено... Чтобы все убедились, что президент и господин Назаров общаются, как уважающие друг друга политические деятели...»

Пастух еще в Москве сказал: «Ни одному его слову не верю!» И был прав. По барабану им и реакция Запада, и как общаются президент и Назаров. «Им»: Волкову и тем, кто за ним стоит. И кто, если прав Нифонтов, очень сильно на него давит. Им только одно важно: завершить то, что не удалось при взрыве яхты «Анна».

Что они и попытались сделать руками героев невидимого фронта по фамилиям Курков и Веригин. Для того и его, Голубкова, прислали: не форсировать операцию Пастухова, а узнать, не начата ли она, не увезен ли Назаров с виллы. Просто узнать. Поинтересоваться. Для этого и посылают полковника контрразведки с тридцатилетним стажем. Как вестового за сигаретами. Заодно пусть проветрится, позагорает, покупается в Средиземном море. Прямо Совет ветеранов!

Но это был не Совет ветеранов. Им нужно было не просто узнать. Им нужно было узнать совершенно точно. Поэтому его и послали. И получили бы оперативную и полную информацию, если бы перед этим не объяснили в популярной форме, что Управление — это не армия и здесь приказы не обсуждают. «Виноват, товарищ генерал-лейтенант!» «Так точно, товарищ генерал-лейтенант!» «Будет исполнено, товарищ генерал-лейтенант!» Он получил приказ: узнать у Пастухова, когда он планирует начать операцию, и доложить об этом в Москву. И он исполнил этот приказ. А что еще он узнал, это уж, извините, генерал, мое личное дело. Даже проститутки не любят, когда с ними обращаются, как с проститутками. Вот и выбить бы эти слова, товарищ генерал-лейтенант, на фасаде вашей фирмы рядом с дельфийским «Ничего сверх меры».

Ладно, все это эмоции. А если по делу: что в таком случае означала эта многоходовая комбинация по несанкционированному перемещению объекта внимания на польско-белорусскую границу, на которую было истрачено столько энергии и валюты? Значит, и здесь его держали за безгласную пешку? И не только его!

Было от чего заскрежетать зубами.

Вывод второй. Курков и Веригин. Совершенно ясно, что бомбы взорвались в их руках в тот момент, когда они пытались активизировать заряды. Нажали на пластины, когда фишки находились в режиме хранения, красным концом вверх. Не обратили внимания? Забыли об этом? Но даже обычный армейский сапер может забыть, как зовут его жену и сколько у него детей, но не такое. А эти двое были не обычными саперами. Изделия были новейшей конструкции. И боевые заряды не дали бы им даже просто подержать в руках, пока они не разобрались бы в конструкции самым доскональным образом и не провели с десятков-другой репетиций на макетах. И все-таки фишки не переставили. И причина этому могла быть единственная: они не знали об этом. Не знали, потому что им не сказали. Не забыли сказать, а не сказали специально с единственной, совершенно определенной целью. После взрыва виллы Назарова не должно было остаться ни одного свидетеля.

Их и не осталось.

Кроме него, Голубкова.

В этом, видно, и заключался глубинный смысл специфики деятельности Управления: «Лучший свидетель — мертвый свидетель». Голубков подумал, что он не останется без работы, когда его выпрут на пенсию. Займется научной деятельностью, будет писать диссертацию на тему: «Роль этики в деятельности спецслужб на примере Управления по планированию специальных мероприятий». Хорошая будет диссертация. Емкая. Понятная последнему идиоту. И короткая, как все талантливые произведения. В ней будет всего три слова: «Этика — это х-ня». Можно добавить еще одно слово: «полная». Но оно, пожалуй, будет лишним.

До диссертации, однако, еще нужно дожить. И было у Голубкова смутное ощущение, что в сложившейся ситуации проблема эта не решается одним естественным течением времени.

Кроме того, из всех этих дел напрашивался еще один вывод. Но он требовал дополнительной проверки...

Голубков накинул на плечи пиджак и вышел на улицу. Был уже второй час ночи. Как всегда, почти все кафе и бары были еще открыты, играла музыка, людей было довольно много, но они не сидели за столиками и не танцевали на тротуарах, а стояли, сбившись в кучки, и переговаривались, тревожно поглядывая в сторону пригорода, небо над которым багровело от бликов не усмиренного еще пожара.

Голубков отыскал уличный телефон-автомат в пустынном переулке, зарядил его десятком монет и набрал код Москвы.

Ответил диспетчер:

— Вас слушают.

— Это Константин Дмитриевич из Ларнаки. Тут у нас произошли кое-какие события...

Диспетчер не дал ему договорить.

— Не прерывайте связь, — приказал он. — Переключаю. Говорите.

— Слушаю вас, Константин Дмитриевич, — раздался в трубке голос Волкова. — Откуда вы звоните?

— Из автомата.

— Из кафе? Из бара?

— С улицы.

— Докладывайте.

— В двадцать три сорок по местному времени раздался очень сильный взрыв на вилле Назарова. Насколько я могу судить, килограмма три или даже четыре взрывчатки. Возник пожар, он до сих пор не потушен. В соседних домах взрывной волной выбило стекла. Все, кто находились на вилле, погибли. Люди, которые в это время были поблизости от виллы и на набережной, получили множественные ранения осколками камней и стекол. Двое убиты, трое или четверо увезены в госпиталь в тяжелом состоянии. Полиция оцепила район взрыва. Работают около сорока пожарных машин.

— Откуда вы знаете точное время взрыва?

— Камнем мне разбило часы. Они остановились ровно в двадцать три сорок.

— Как вы оказались в районе взрыва?

— Сидел в открытом кафе на набережной.

— Что вы там делали?

— Пил баночное пиво «Хайнекен».

— Именно в этом месте?

— Если вы взглянете на план Ларнаки, то увидите, что набережная — самая фешенебельная часть города. Здесь лучший пляж, самые красивые отели и виллы. Сюда приходят и купаться, и просто гулять. Это примерно то же, что набережная в Ялте от пассажирского порта до гостиницы «Ореанда».

— Почему вы не позвонили сразу после взрыва?

— Не имел возможности. Помогал санитарам, врачам. Была паника. Потом меня самого перевязали и отвезли в отель.

— Вы ранены?

— Небольшая царапина.

— Вы не выбросили свои разбитые часы?

— Нет.

— Сохраните. Сколько, по-вашему, людей было на вилле во время взрыва?

— Не имею представления. Могу лишь предположить, что на вилле происходило что-то вроде приема. Почти все окна были освещены, горели фонари в саду, играла музыка.

— И все это вы видели из кафе?

— Нет. Я заметил это, когда проходил по набережной.

— На каком расстоянии от виллы находилось ваше кафе?

— Метрах в трехстах.

— Каким образом вас могло ранить?

— Разброс осколков после взрыва покрывал площадь примерно в полкилометра. Из чего я и заключаю, что заряд был чрезвычайно мощный. По всей набережной были снесены в море киоски и мебель. Две финиковые пальмы на пляже сломало взрывной волной.

Несколько секунд Волков молчал. Вероятно, объяснения Голубкова показались ему убедительными. А они и были убедительными. Голубков не сомневался, что разговор записывается, чисто эти же вопросы, хоть и в несколько измененной форме, будут ему заданы в Москве еще не один и не два раза. А в таких ситуациях лучшая и единственная верная тактика — говорить правду. Не всю, конечно. Но в остальном — правду и только правду. В этом случае никогда не попадешься на нестыковках мелких деталей.

Голубков прекрасно понимал, что Волкова сейчас интересует один-единственный вопрос: был ли Назаров во время взрыва на вилле. Но задать его прямо он не решился, а у Голубкова не было намерения помогать ему в этом.

— Где были во время взрыва Пастухов и его люди? — продолжал Волков, избрав, очевидно, обходной путь.

— Этого я не знаю, — ответил Голубков. Это тоже была верная тактика. Когда человек повторяет «не знаю», на мелочах его не поймаешь.

— «Три оливы» находятся через дорогу от виллы. Они могли принимать участие в помощи пострадавшим.

— Возможно, — согласился Голубков. — Но никого из них я не видел. После взрыва минут на двадцать пять во всем пригороде погас свет. Была паника. В суматохе я мог их просто не заметить.

— Вы не зашли к ним в пансионат после того, как паника улеглась?

— У меня был приказ не вступать с ними в прямой контакт. Я не видел причин, почему я должен был этот приказ нарушить. Я встретился с Пастуховым сегодня рано утром, полученную от него информацию передал диспетчеру и после этого в «Три оливы» не заходил. Означает ли ваш вопрос, что я должен зайти к ним и выяснить, что они делали до и после взрыва?

— В этом нет необходимости, — чуть помедлив, ответил Волков. — Они не могут быть причастны к взрыву.

— Я тоже в этом уверен, — согласился Голубков.

— Почему? — живо заинтересовался Волков.

— У них не было на это приказа. А такого приказа вы им, как я понимаю, не отдавали...

Волков с нескрываемым раздражением отреагировал на легкую нотку вопроса, прозвучавшую в словах Голубкова.

— Разумеется, не отдавал! Что за нелепое предположение!

— У меня и в мыслях не было это предположить. Я просто хотел сказать, что ребята Пастухова вне подозрения. Даже при желании они не смогли бы достать здесь столько взрывчатки. Это не Москва, где можно купить хоть тонну. Скажите, Анатолий Федорович, если выяснится, что Назаров погиб при взрыве виллы, это вызовет серьезные последствия?

— Вы даже не представляете себе, насколько серьезные!

— Для нас? Я имею в виду Управление. Или вообще?

— И для нас. И вообще. Это будет воспринято, как огромный минус в нашей работе. Полный провал. Мы не смогли выполнить задания огромной государственной важности. Не могу даже вообразить шквала неприятностей, которые на нас обрушатся!

Голубков понял, что пришло время переходить в наступление.

— Мне не хотелось бы этого говорить, но к этим неприятностям я стал бы готовиться прямо сейчас.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Волков.

— У меня нет ни малейших сомнений, что Назаров находился во время взрыва на вилле.

— Доказательства?

— Люди Пастухова вели круглосуточное наблюдение за виллой. Днем в бинокль, а в темноте —

с помощью приборов ночного видения. Я видел у них эти приборы. Пастухов утверждает, что за все эти дни Назаров ни разу не вышел из виллы. Не вижу причин ему не верить. Розовский выходил и неоднократно, Назаров — ни разу.

— Он мог покинуть виллу сегодня, — предположил Волков,

— Совершенно исключено. В течение всего минувшего дня я наблюдал за воротами виллы. Это единственный выход. Назаров не выходил.

— У вас был приказ наблюдать за виллой?

— Я привык выполнять не букву, а суть приказа. Я счел себя обязанным лично ознакомиться с обстановкой. Если вы считаете, что я превысил свои полномочия, готов нести за это ответственность.

— Продолжайте, — приказал Волков.

— Мои наблюдения подтвердил офицер полиции, который вез меня в отель. Он прилично говорит по-русски. Они опросили два десятка свидетелей, все подтвердили, что Назаров из виллы не выходил.

— Позвольте, — перебил Волков. — Вас вез в отель офицер полиции? Как это понимать? Вы были арестованы?

— Напротив. В некотором роде мне была оказана честь. Так получилось, что после взрыва мне пришлось невольно взять на себя руководство спасательными работами. У местной полиции такого опыта маловато. Мои скромные заслуги были оценены незаслуженно высоко. Не исключено, что в завтрашнем номере газеты «Филэлефтерос» появится моя фотография под рубрикой: «Так поступают советские люди». Правда, фамилию репортер спросить забыл. Но ее могут узнать в отеле.

— Вы обязаны были этого не допустить!

— Я пытался. Но слишком упорствовать было нельзя — это вызвало бы подозрения. Зато мне удалось получить информацию, которую я не смог бы получить при других обстоятельствах. В припадке дружеского расположения офицер рассказал мне — под большим секретом, конечно, — что погибший на вилле господин Грибанов на самом деле не Грибанов, а знаменитый русский бизнесмен и политик Аркадий Назаров.

— Час от часу не легче! Как они могли это узнать?

— Извините, Анатолий Федорович, но я не рискнул расспрашивать его об их методах оперативной работы. Об этом, возможно, будет во всех завтрашних газетах. Здешняя полиция не упускает случая продемонстрировать свою информированность. Чтобы доказать, что они не даром тратят деньги налогоплательщиков. Вы сможете это сами легко проверить. «Филэлефтерос» выходит в электронном варианте, ее сервер есть в «Интернете». Дайте указание нашим специалистам запросить этот номер.

— Немедленно прикажу... Значит, по-вашему, Назаров погиб?

— Судя по имеющейся у меня информации — да, — подтвердил Голубков. — И на этот раз окончательно. Полиция тоже в этом уверена.

Волков довольно долго молчал, потом спросил:

— У вас все?

— Нет, — сказал Голубков. — В свете создавшейся ситуации у меня два вопроса. Первый. Как я понимаю, в интересах Управления необходимо срочно организовать поиски виновников взрыва. По горячим следам. К сожалению, я засвечен и не могу взять на себя эту работу.

— Об этом не может быть и речи. Этим займутся другие люди.

«Ага, займутся, — хмыкнул про себя Голубков. — Прямо кинутся!..»

— Второй вопрос, — продолжал он. — Что делать с командой Пастухова? Поскольку Назаров погиб, действие их контракта автоматически прекращается. Остаться в «Трех оливах» им нельзя, они могут попасть в круг расследования. Как свидетели. Это чревато непредсказуемыми последствиями. Должен ли я приказать им от вашего имени, чтобы они немедленно возвращались в Москву?

— Да, — тотчас ответил Волков. — Тем маршрутом, который был определен в разработке,

Голубков понимал, что следующий вопрос, который он был намерен задать, вызовет у Волкова разлитие желчи. Но не задать он его не мог, так как ответ мог быть чрезвычайно важным.

И Голубков спросил — невинно, на голубом глазу:

— Какой смысл? Пусть просто сядут на самолет. И через четыре часа будут дома.

Он на мгновение представил, какой груз спадет с его плеч, если Волков скажет: «Конечно, вы правы. Это проще всего. Пусть так и сделают».

Но Волков произнес совсем другое — ледяным, начальственно-раздраженным тоном:

— Ваша привычка обсуждать приказы просто возмутительна! Немедленно сообщите Пастухову о моем решении. Ваша задача остается прежней: проконтролировать их прибытие в Нови Двор и доложить. Выполняйте, полковник!

И прервал связь.

Голубков повесил трубку и выгреб сдачу, которую в специальный металлический кармашек высыпал автомат. Умные здесь таксофоны. И честные. Сдачу дают с точностью до копейки. Вместо московских продавцов поставить бы такие автоматы!

«Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант».

«Так точно, товарищ генерал-лейтенант».

«Вас понял, товарищ генерал-лейтенант».

Да, понял. И гораздо больше, чем Волков мог даже вообразить.

С Назаровым или без Назарова, но ребят ждут на польско-белорусской границе. Почему — неизвестно. Зато известно — зачем.

А это было гораздо важней.

Голубков спустился в порт, нашел диспетчерскую и долго выяснял, может ли он отправить радиogramму одному из пассажиров на борту парома, идущего в Стамбул. В Ларнаке почти все торговцы, кто лучше, кто хуже, но говорили по-русски, даже на турецких харчевнях красовались надписи: «Русски борч». Но до диспетчерской порта русская волна еще не дошла. Когда наконец с грехом пополам выяснилось, что радиogramму послать можно, возникла новая трудность: на каком языке? На русском латинскими буквами? Но радист и смотреть на листок не стал: не понимаю и не хочу понимать. В обсуждении, как выйти из положения, приняли участие человек десять служащих, не загруженных работой в этот поздний ночной час. Причем обсуждали они это с азартом футбольных болельщиков, едва ли не вцепляясь друг другу в усы. И в конце концов кого-то озарило: «Факс!» Проблема была решена.

Голубков присел в углу диспетчерской и долго, снимая испорченные листки, сочинял текст. Имя адресата — Сергей Пастухов — он вывел крупными латинскими буквами. Поймут. А дальше написал:

«Дорогой Сережа! Пишет тебе твой дядя Костя Голубков. У нас печальные новости. Сгорел дом наших соседей, говорят, из-за взрыва газа в подвале или еще чего. Все, кто были в доме, погибли. В том числе и дядя Аркадий, о нем я уже отбил телеграмму в Москву. Так что встретит вас не сосед, а другой человек. Ты его должен помнить, он будет ждать тебя на дороге возле нового двора, а звать его скорее всего Иса Мадуев.

Твой дядя Костя».

И уже в отеле, добравшись наконец до постели и удобно пристроив на подушке ноющее от ушиба плечо, Голубков вдруг подумал: все, что он сделал, имеет вышедшее из повседневного употребления, но точное название — государственная измена.

Но что входит в это понятие — государство? И что считать изменой, а что — служением ему?

Не отдавая себе в том отчета, даже не помышляя об этом ни сном ни духом, русский контрразведчик с тридцатилетним стажем полковник Голубков, как и все сто сорок миллионов его соотечественников, граждан свободной России, невольно и неосознанно задался вопросом: на каких же принципах строить ему свои отношения со своей обновленной Родиной: что на пользу ей, а что ей во вред, что есть воровство, а что законное обогащение, что честность, а что бесстыдство, и что, наконец, доблесть и достоинство, а что предательство и измена.

Он словно бы стоял обнаженный по пояс, под беспощадным солнцем Синая, в руках у него была кувалда и стальное зубило, жгучий пот заливал глаза, брызгали в стороны крошки гранита, а на каменной стеле появлялись неглубокие еще, лишь намеченные контуры первой строки: «Не убий». И вторая уже туманилась в голове: «И Аз воздам».

Странные видения посещают иногда русского путешественника!..

II

Так что же мы имеем? Назаров снова погиб. В третий раз, считай. Везет человеку! Один раз его попытались отправить на тот свет из салона «мерседеса» в пригороде Женевы, второй раз — с борта миллионерской яхты в Гамбурге, а теперь вот — из шикарной виллы в Ларнаке. Нет бы грохнули половинкой кирпича где-нибудь на задворках Киевского вокзала. Или пьяный водитель бы задавил. Или собутыльник зарезал кухонным ножом. Как нормальные люди гибнут. Так нет же, яхту подавай или виллу. У богатых и тут свои причуды. Что ж, красиво жить не запретишь. А красиво умереть — тем более.

Ладно, погиб. Очень удачно получилось. И главное — вовремя. Промедли мы с началом операции хотя бы на один день...

О взрыве виллы мы узнали еще на пароме Ларнака — Стамбул из уклончивого, с намеками, факса полковника Голубкова, а подробности — уже в Стамбуле из местной англоязычной «Таймс». В утреннем номере была только краткая информация: время взрыва, разрушения на набережной и в окружающих домах, двое убитых, трое тяжелораненых, один из которых, немецкий турист, скончался в больнице, убежденность полиции в том, что погибли все обитатели виллы, в том числе ее арендатор, русский бизнесмен по фамилии Петров, а равно проживавший вместе с ним русский господин по фамилии Грибанов.

В следующем номере «Таймс», который Док купил в киоске на турецко-болгарской границе, пока наш «строен» медленно тащился в очереди к таможене на погранпереходе Малко Тырново, взрыву в Ларнаке была отдана уже целая полоса. В репортаже приводились дополнительные подробности, рассказы свидетелей происшествия, было опубликовано несколько снимков, на одном из которых красовался — мы даже глазам своим не поверили — полковник Голубков собственной персоной, в разодранной спортивной курточке, с перевязанным плечом, в окружении нескольких черноусых греков с торжественными и даже суровыми лицами. Подпись под снимком гласила: «Русский турист показал местным полицейским, как нужно работать в чрезвычайных ситуациях». Намек был тонкий, но вполне прозрачный, полиция в Ларнаке набиралась из греков, турки не упускали случая уязвить киприотов греческого происхождения.

Но главная сенсация была в отчете о чрезвычайной сессии парламента, созванной на другой же день после взрыва по требованию оппозиции. Отвечая на обвинения в бездействии полиции, допускающей разгул русской мафии на территории республики и беспрецедентные по масштабу преступления вроде бойни на вилле «Креон» и взрыва виллы в Ларнаке, главный полицейский комиссар Кипра заявил, что полиция располагает неопровержимыми доказательствами того, что погибший при взрыве виллы российский гражданин Грибанов на самом деле являлся видным политическим деятелем России Аркадием Назаровым. На его жизнь было совершено уже два покушения, нет сомнений, что взрыв виллы в Ларнаке преследовал все ту же цель: уничтожить политического противника. Таким образом, являются совершенно беспочвенными нападки оппозиции на республиканскую полицию, а спрос следует предъявить министерству национальной безопасности, допустившему в республике беспардонное хозяйничанье иностранных спецслужб. А поскольку уважаемый господин министр национальной безопасности представляет в коалиционном правительстве именно оппозицию, то ей и следует адресовать все претензии прежде всего к себе.

Тут и пошло!

Все два дня, пока мы катили по Болгарии вдоль черноморского побережья по трассе Е-87, по очереди сменяя друг друга за рулем, Док едва ли не каждый час вылавливал по вмонтированному в водительскую панель «строена» приемнику сообщения Эй-Би-Си или Си-Эн-Эн, посвященные гибели Назарова.

Посольство России на Кипре немедленно заявило протест против обвинения российских спецслужб в организации покушения на Назарова. МИД Кипра ответил в том смысле, что клал он на этот голословный протест с прибором.

Бюро национальной безопасности Германии объявило о том, что располагает неопровержимыми доказательствами участия во взрыве яхты Назарова в Гамбурге бывшего российского гражданина, сотрудника органов госбезопасности Бергера-Петерсона. Пресс-

центр ФСБ в тот же день информировал мировую общественность о том, что такого сотрудника в органах безопасности России нет и никогда не было.

Влиятельный конгрессмен США, бывший помощник госсекретаря по национальной безопасности, заявил в интервью газете «Вашингтон пост», что неоднократно встречался с господином Назаровым, высоко ценил его суждения и советы, гибель этого крупного талантливого предпринимателя и дальновидного политического деятеля может быть объяснена только тем, что господин Назаров обладал какими-то огромной важности тайнами и представлял собой весьма серьезную угрозу нынешнему российскому руководству.

После чего российской стороне ничего не оставалось, как дать ответный залп из главного калибра: пресс-секретарь президента озвучил высказывание Бориса Николаевича о том, что он самым решительным образом осуждает практику политического террора, от кого бы она ни исходила и какие бы цели ни преследовала, что он глубоко удручен гибелью своего давнего товарища и сподвижника и выражает сердечное соболезнование его родным и близким.

Да, гибель Назарова была обставлена по высшему классу. Слушая переводы этих радиосообщений, которые вслух делал Док, ребята только ухмылялись, а Трубач время от времени даже гоготал во всю пасть, представляя, что будет, когда Назаров воскреснет.

А воскреснуть он должен был третьего августа. Ровно через пятнадцать дней после нашего ночного разговора возле бассейна. Точнее — после приказа Назарова начать то, что они с Губерманом называли биржевой интервенцией. Просто этот приказ и наш разговор совпали по времени.

Начало разговора было трудным. И не то чтобы я по натуре очень недоверчивый человек, но я ведь не только за себя отвечал. Ребята доверили мне свои жизни — и ничуть не меньше, тут хочешь или не хочешь, но станешь недоверчивым. Назаров, видимо, это понял. Поэтому, когда с прослушиванием пленок и моих кратких комментариев к ним было покончено, он предложил:

— Давайте, Сергей, сделаем так. Сначала я расскажу вам все, что знаю, а потом вы расскажете мне то, что сочтете нужным.

Его рассказ не занял больше десяти минут. И многое в нем было откровением не только для меня, но и для Губермана. Сюжет пьесы обрел полную завершенность. У меня появился единственный вопрос:

— Кто за всем этим стоит?

— Вам это знать не нужно. И тебе, Фима, тоже. Достаточно, что знаю я. Ваша очередь, Сергей. Если, разумеется, я сумел доказать, что заслуживаю вашего доверия.

— Доказали, — ответил я. — Просто не соображу, с чего начать. Нужно бы с главного, но...

— Если есть сомнения, начните с начала. И не пропускайте мелких подробностей. Со стороны они могут показаться совсем не мелкими.

Так я и сделал. Мой рассказ был чуть длиннее его, но Назаров не прервал меня ни разу. Он сидел, откинувшись на спинку шезлонга, даже прикрыв глаза, словно бы дремал, а не слушал. Он не пошевелился, даже когда я закончил. Лишь бросил Губерману:

— «Медикор».

Губерман кивнул:

— Понял.

Назаров еще помолчал и произнес:

— «Контур».

Губерман снова понимающе кивнул.

И только после этого Назаров обратился ко мне:

— Не хочу вас пугать, но вам грозит смертельная опасность.

— Вы не перепутали? — спросил я. — Она грозит вам.

— Мне тоже. Но вам — стократ. Вы оказались причастными к одной из самых страшных государственных тайн.

— И самых грязных, — заметил Губерман.

— «Грязных» — это из области морали. А в таких вещах нет морали. Тебе, Ефим, пора бы уже это запомнить. Мои дела затрагивают имущественные интересы группы очень влиятельных людей. Ваша информация, Сергей, может оказаться взрывоопасной для самой власти.

— Каким образом?

— Ваш друг, которого вы называете Доком, был прав, высказав предположение, что человеческие ткани, добытые в Чечне, были предметом спекуляции. Он недооценил возможные масштабы этой спекуляции. Не исключено, что речь идет о сотнях миллионов долларов. Наличными. При таких масштабах акция не может быть осуществлена без санкции с самых верхов.

— Вы сказали — наличными. По-вашему, это особенный момент?

— Решающий, — коротко ответил Назаров. Заметив мое недоумение, Губерман объяснил:

— Пятьсот тысяч баксов в коробке из-под ксерокса, которую вытаскивали из Белого дома. О них стало известно случайно. А о скольких таких же коробках так и не стало известно? Откуда взялся этот «нал»? Может, не из Чечни. А может — и из Чечни. Почти все крупные дела делаются через «нал». А выборы президента, согласитесь, это крупное дело.

— И Ельцин об этом знал?

— Мог и не знать, — ответил Назаров. — И скорее всего не знал. Мне хочется в это верить. Но сути это не меняет.

— Что такое «Медикор»? — спросил я.

— Немецкая фирма, контролирующая торговлю человеческими тканями, — объяснил Губерман. — Они могут вывести нас на продавцов и покупателей органов, полученных от операции «Помоги другу». Придумали же название, а?

— Что такое «Контур»? — продолжал я. Губерман усмехнулся:

— Странно, что вы не знаете, как называется фирма, на которую работаете. «Информационно-аналитическое агентство „Контур“». Это и есть Управление по планированию специальных мероприятий. А как оно зашифровано в официальных документах, один только Волков, наверно, и знает. Какой-нибудь отдел «Б-11» или сектор «Г-6».

— Кстати, Фима, — прервал Назаров. — Отметь: сам Волков. Счета. Связи в коммерческих структурах. Жена, дети, родственники.

— Вы думаете?..

Назаров неопределенно пожал плечами.

— Я знаком с Волковым. Он сыграл важную роль в подавлении и первого, и второго путча. Человек долга. Я бы даже добавил: человек чести. Но что он вкладывает в эти понятия? Не помешает проверить.

— Сделаем, — кивнул Губерман.

— Кому подчиняется Волков? — спросил я.

— Фактически — тем же людям, о которых мы говорили, — ответил Назаров. — Ни их фамилии, ни должности вам ничего не скажут. Их знаю я, и этого достаточно, — повторил он. — А теперь, Сергей, припомните — слово в слово — то, что вам сказал сегодня ваш куратор полковник Голубков.

Я повторил.

Назаров надолго задумался, а затем кивнул:

— Это и есть на данный момент самая важная информация. Когда вы с ним встречаетесь?

— Завтра в восемь утра.

— Скажете, что операцию перемещения начнете через два дня. А исчезнуть мы должны завтра утром.

— Я прикажу охране сегодня всю ночь быть на ногах, — предложил Губерман. — И стрелять без предупреждения.

— Не помешает, — согласился Назаров. Еще минут через сорок, когда основной план был намечен, Назаров поднялся.

— Голова побаливает, — признался он. — Уточните с Фимой схему связи. А я пойду прилягу... Я не сомневаюсь, Сергей, что вы и ваши друзья люди смелые и знаете свое дело. Но вот что я вам скажу. В юности я служил матросом на подводной лодке. И было замечено, что большая часть аварий происходит не во время похода, каким бы долгим и сложным он ни был, а в тот момент, когда лодка возвращается домой. Иногда прямо у входа в гавань. Не знаю, как сейчас, но в мое время командиры лодок объявляли при подходе к базе повышенную боевую готовность. Помните об этом.

— Мудрое правило, — согласился я.

Да, правило мудрое. И Назаров был, конечно, мужик не из тех, кто...

А это еще что за хренота?!

Из поперечного проселка, скрытого какими-то строениями вроде птицефермы, словно бы выпрыгнул грузовик с десятиметровым прицепом и стал как вкопанный, перегородив трассу. При нашей скорости в сто с лишним км/ч... Я только и успел заметить, как замелькали на руле мощные волосатые руки Трубача. «Ситроен» перелетел через кювет, прошел с десяток загонов и какой-то курятник, обогнул грузовик справа, снес бампером километровый бетонный столб, подпрыгнул на бордюрном камне, словно наскочив на противотанковую мину, и ухнул всеми своими баллонами на асфальт трассы, как неточно зашедший на посадку тяжелый транспортник.

— Я его, суку, сейчас! — рявкнул Трубач, выравнивая машину и перебрасывая ногу с газа на тормоз.

— Жми! — заорал я. — Жми, Колюня! Жми!

Не знаю, что сильнее на него подействовало — мой вопль или необычное обращение «Колюня», — но он вмял педаль газа в пол, «строен» рванул так, будто набирал скорость для взлета.

— А что такое? Что такое? — завертел Трубач головой, но тут и сам услышал легкие такие пощелкивания о борта и обшивку кабины — будто камешки кто-то кидал. Но это не камешки кидали, а поливали нас из «калашей» или «узи» — сзади, вдогон. Когда и до Трубача это дошло, он прямо рот от изумления раскрыл. — Что за фигня, Пастух?! Мы этого не заказывали! Мы где?

— В Болгарии, — ответил я. — Не отвлекайся, жми!

— Надо же! — изумился он. — А я уж думал — в Чечне!

И было чему изумиться. Братская Болгария, бывшая народная, социалистическая, мирное предвечерье, пустое приморское шоссе, рыбацкие фелюги, впаянные в зеленоватое, в белых барашках море, подступающее справа к шоссе, тихие овечьи отары на выжженной летним солнцем степи. Каким же недоразвитым художественным вкусом нужно обладать, чтобы устраивать здесь засады в духе американских боевиков!

В боковое зеркало я увидел, как из-за курятника, над которым еще стоял столб пыли после того, как его насквозь прошиб наш «ситроен», выскочил какой-то черный джип с хромированными защитными дугами и устремился вслед за нами, плюясь вспышками автоматных очередей и одиночными pistolетными выстрелами. Верхний люк джипа открылся, в нем появилась голова, а затем некое сооружение с двуногой сошкой, такое до боли знакомое сооружение, которое не могло быть не чем иным, кроме как легким пулеметом. Но я не успел угадать конструкцию — боковое стекло разлетелось от прямого попадания пули.

— Ничего себе! — заметил Трубач и включил форсаж.

Ходовые характеристики нашего «строена» были такие, что хоть выпускай его на международное ралли Париж — Дакар. Но и горючку он жрал так, что каждые три-четыре сотни километров нам придется причаливать к комплексам «Интертанков», симпатичным таким сооружениям, где, кроме заправки, всегда есть кафе, мехмастерские, души и даже небольшие отели. И заливать в ненасытную утробу приходится не соляру, а высокооктановый девяносто восьмой и желателен «бляйфрай», а литр его стоит почти полтора бакса. Из-за этого при покупке прижимистый Боцман целый скандал устроил, но времени искать дизельный

грузовик у нас не было. Так что на всякий случай, про запас, мы купили и загрузили в кузов двухсотлитровую шелловскую бочку бензина, и сейчас воспоминание о ней заставило меня подскочить так, словно бы в задницу ужалила оса.

Я высунулся в окно: расстояние между нами и джипом сокращалось.

— Не давай ему нас обойти! — крикнул я Трубачу и рванулся в спальный отсек кабины. Докрых себе в подвесном гамаке, а Боцман, разбуженный тряской, сидел на матрасике и спросонья никак не мог понять, что происходит. Отсек соединялся с фургоном небольшой дюралевой дверью, я пинком раскрыл ее и вывалился в кузов, лихорадочно размышляя, чем бы прикрыть эту проклятую бочку. Попадет в нее шальная пуля — все, сгорим, как рождественская шутиха. Но в фургоне, как на грех, не было даже какого-нибудь деревянного щита, не говоря уж о куске железа. Вообще ничего не было, кроме двух ковров, в одном из которых давеча вытащили с виллы Назарова. И бочка была стоймя привязана проволокой в углу возле кабины — точно чтобы от нас всех не осталось и мокрого места!

— Откручивай! — приказал я Боцману, вывалившемуся в кузов следом за мной, а сам кинулся в конец фургона, с трудом удерживая равновесие на крутых виражах. Ясно было, что джип пытается нас обогнать, а Трубач бросает «строен» из стороны в сторону, загораживая ему дорогу.

Я расшнуровал плотно стянутые половинки тента и выглянул наружу. Джип висел у нас на хвосте, метрах в двадцати, его мотало по всей ширине дороги, водитель выискивал малейшую возможность протиснуться между кюветом и «ситроеном» и вырваться вперед. Малый, торчавший в верхнем люке, припал к пулемету и короткими очередями лупил по нашим колесам.

— Готово! — крикнул мне Боцман и покати́л бочку к заднему борту, наваливаясь на нее всем телом, чтобы инерцией не вышибло ее из рук. У меня-то мысль была самая банальная: положить бочку набок. Но план Боцмана, в который я мгновенно врубился, был куда лучше. Даже странно, как это у человека спросонья могут рождаться такие идеи.

Мы притиснули бочку к середине заднего борта, отщелкнули замки и припали к щели, выжидая удобный момент. Он наступил довольно быстро. «Строен» занял правую полосу на шоссе, джип повторил его маневр. Это означало, что впереди появилась какая-то встречная машина. Джип начал подтягиваться, я видел, как водитель джипа даже чуть подался вперед, чтобы не пропустить момент, когда левая полоса освободится и можно будет швырнуть свою машину в просвет. Встречная была уже на самом подходе.

Я крикнул:

— Давай!

Мы навалились на бочку, борт откинулся, бочка грохнулась на асфальт и в нее, как по писаному, врезалась хищная морда джипа. Остальное покрылось мраком, пардон, синим пламенем неизвестности. Я лишь успел краем глаза заметить, как справа мелькнула и снарядом ушла вперед какая-то встречная легковушка, а на том месте, где состоялась встреча джипа с двухсотлитровой бочкой прекрасного шелловского бензина «бляйфрай», возник багрово-дымный шар и из него в стороны и вверх полетели куски металла. И, может быть, не только металла.

Мы с Боцманом сидели на полу фургона и провожали взглядом быстро удаляющуюся картину.

— По-моему, это был «паджеро», — проговорил он.

— Нет, «рэнглер», — без особой уверенности возразил я.

— «Паджеро», точно тебе говорю! — почему-то загорячился Боцман. — «Мицубиси-паджеро», движок три литра, пятидверный, семь мест. И не спорь, вечно ты споришь!

Я возмутился:

— Я спорю?! А кто рубаху на груди рвал, доказывая, что этот «ситроен» нам даром не нужен? Я? «Солярка дешевле»! Хороши мы были бы сейчас с твоей соляркой! Не так, скажешь?

Боцман посопел и согласился:

— Ну, так. Только это был все равно «паджеро»!

Мы подняли борт, защелкнули крепеж, зашнуровали заднюю часть тента, пулевые дырки в котором делали темный фургон слегка похожим на планетарий, и через спальный отсек пролезли в кабину. Док уже выбрался из гамака и сидел у окна с неизменной своей «Мальборо». Он потеснился, давая нам место на сиденье, и спросил:

— Ну, так что же это было?

— «Мицубиси-паджеро», — ответил Боцман.

— Мотор три литра, пять дверей, семь мест, — подтвердил я.

— А если менее конкретно? — спросил Док.

Дорога по-прежнему была почти пуста, редко-редко проходили встречные машины, из автомобильного приемника лилась какая-то полувосточная-полуевропейская мелодия.

— Что это за музыка? — спросил я Трубача.

— Сиртаки.

— Сиртаки? — удивился я. — Это и есть сиртаки? Надо же. А могли бы так и не услышать. Симпатичная музыка... Ну, что ты на меня уставился? — проговорил я, обращаясь к Доку. — А то сам не знаешь, что это было. Засада это была. А если спросишь чья — сам и будешь отвечать на свой вопрос!

Нас со свистом обогнала темно-вишневая «альфа-ромео» с греческими номерами.

— Второй раз она нас уже обгоняет, — отметил Трубач.

Я даже внимания не обратил на его слова. Обычное дело. Заехали пообедать, тут мы их и обошли. Любая остановка в дороге — как минимум трехкратная потеря времени. Особенно на наших, российских, дорогах. Обгоняешь, обгоняешь бесконечно ползущие «зилки» и «МАЗы», остановился заправиться или перекусить — и все они снова впереди, снова их обгоняй, вылетая на встречную полосу.

— Засада, — помолчав, повторил Док. — Не буду спрашивать, чья. Меня другое интересует. Семиместный «паджеро». Сколько мест в нем было занято?

— Не обратил внимания, — ответил я.

— Нам, знаешь ли, как-то не до этого было, — подтвердил Боцман.

— Мне тоже, — сказал Трубач.

Еще километров десять мы проехали молча.

Засада, мать ее. В Болгарии. Не могло это быть Управление. Никак не могло. В пору, когда КГБ было всесильно, куда ни шло. Да и то не так бы сделали. Задействовали бы дорожную полицию, они бы нас культурно тормознули, мы бы культурно остановились — и бери нас голыми руками без всякой пальбы. А сейчас — нет, не те времена. Независимая демократическая Болгария. Да они от одного упоминания КГБ вздрагивают. Рискнули втихаря, без санкции властей? Больно уж сомнительно. Достать грузовик и джип — не проблема, допустим. А людей сколько задействовали? Один — водитель грузовика, второй — водитель джипа, третий — с пулеметом в верхнем люке, да еще двое, а то и трое, что палили из окон из автоматов и пистолета. Кстати — по колесам палили. И пулеметчик тоже. Значит, задача была не перестрелять нас, а остановить. Для начала. Потом, может, и перестреляли бы, но сначала им нужно было нас остановить. Зачем? О чем-то спросить?

Явно не Управление. Уж им-то нас не о чем спрашивать. Управлению мы нужны только в виде неодушевленных предметов. И желательно — непригодных к опознанию. И я на их месте решил бы эту проблему элементарно. Достаточно всего двух человек и одного джипа. И одного ручного гранатомета типа «Муха». Джип обгоняет «ситроен», задняя дверь открывается, и мина всаживается с десяти-пятнадцати метров прямо в нашу кабину. И с концами. «Товарищ генерал-лейтенант, ваше приказание выполнено».

Вот так бы я сделал. А в Управлении сидят люди не глупее меня. И не исключено, что намного умнее. А уж то, что опытнее, — об этом и говорить нечего.

Значит, не Управление.

Кто?

— Разворачивайся! — приказал я Трубачу.

— Зачем? — не понял он.

— Попробуем выяснить, сколько в этом проклятом джипе было занятых мест, а сколько свободных.

— Да мы уже полсотни кэмэ отмотали! — возмутился Трубач.

— А мы разве куда-нибудь спешим? В Нови Дворе нам нужно быть через четверо суток. Раньше нас там не ждут.

— На этой тачке нельзя возвращаться, — поддержал Трубача Док. — Кто-нибудь мог увидеть и запомнить. Три оливы. Слишком приметная. Как жираф: один раз увидишь и уже ни с чем не спутаешь.

Это было серьезное соображение. Не стоило рисковать. Поэтому мы свернули с шоссе E-87 на «второкласен път», как он был отмечен на нашей болгарской карте, и километров через пять нашли отмеченный на той же карте мотель, стоявший на окраине небольшого поселка Череша

на берегу моря. Хозяин довольно сносно говорил по-русски, игнорируя, правда, как все болгары, мягкие знаки в конце слов. Сотня баксов тоже способствовала нашему взаимопониманию. Мы загнали «ситроен» на яму под навес, служивший ремонтным боксом, сняли на ночь две крошечных комнаты в сложенном из песчаника доме, который хозяин именовал виллой. Не из тщеславия, однако, просто здесь все дома назывались виллами. После чего за дополнительную тридцатку он охотно согласился проехать с нами по трассе Е-87. Объяснение мы нашли самое простое: выехали из Турции вместе с приятелями — мы на грузовике, а они на джипе. Они почему-то отстали, и мы хотим посмотреть, не сломалась ли их машина где-нибудь на дороге. Тем более что джип они купили с рук, очень не новый, что угодно с ним могло случиться. Объяснение его вполне удовлетворило, он выкатил из гаража ярко-желтый, как цыпленок, «фольксваген-жук» и гостеприимно раскрыл дверцу. О том, чтобы разместиться в этой жестянке четвером, нечего было и думать, особенно учитывая габариты Трубача. Поэтому Трубача с Боцманом мы оставили в мотеле, а я с Доком влез в «жука».

«Фольксвагену» было лет тридцать, но ехал он на удивление бодро. Правда, хозяин, сорокалетний Петро Петров, оказался не просто словоохотливым, но и задвинутым на политике. Уже через полчаса он так нас достал своими сожалениями о развале Советского Союза, что я не выдержал и пообещал:

— Вернемся домой и сразу же восстановим. И пришлем вам на постой пару танковых дивизий и с десятков баллистических ракет с ядерными боеголовками.

— Танки — нет! Ракеты — нет! — запротестовал он. — Зачем танки? Не нужно танков!

— А как вы хотели? — спросил я. — Чтобы СССР был, а танков и ракет у вас не было? Так не бывает.

— Почему не бывает? — удивился он.

— А вы сами подумайте, — предложил я.

Он всерьез отнесся к моему предложению и оставшуюся часть дороги сосредоточенно молчал.

Солнце уже заметно склонилось к закату, когда мы увидели впереди несколько полицейских машин с включенными мигалками. Участок шоссе с черным, будто залитым нефтью, асфальтом был обнесен широкой желтой лентой, в центре гаревого пятна валялись бесформенные куски железа, в них копались двое каких-то гражданских — следователи или эксперты. Петров притормозил, но один из полицейских тотчас приказал ему жезлом: проезжайте, не загораживайте дорогу. Мы отъехали метров на тридцать, вышли из «жука» и приблизились к оцеплению. Наш хозяин о чем-то поговорил с полицейским и вернулся к нам с встревоженным видом:

— На какой машине ехали ваши приятели?

— На джипе «рэнглер», цвета металлик, — ответил я.

— Нет, это был не «рэнглер». И не металлик, а синий или черный. А сколько было приятелей?

— Трое.

Тут он уже вздохнул с явным облегчением:

— Не они. Слава Иисусу. Там было пять человек. Их отвезли в Медувково, в покойницкую.

— Нужно съездить, — решительно сказал Док. — А вдруг все же они? Еще двоих могли посадить по дороге.

Петров начал было уверять нас, что там нечего смотреть, что эти люди были убиты миной или бомбой и все сгорели, но дополнительная двадцатка сделала его сговорчивее. Еще десять баксов, врученные служителю больницы, открыли для нас двери морга. Петров был прав: смотреть там было не на что. Пять обгорелых трупов. И все. На что я уж вроде насмотрелся такого в Чечне, но тут же отступил к двери. У Дока нервы были покрепче. Он натянул на руки прозекторские перчатки и большим пинцетом начал раздвигать остатки обгоревшей одежды. Понятия не имею, что он хотел увидеть. Однако увидел. Кивком подозвал меня к себе и указал пинцетом на шею одного из трупов. Из-под гари блеснул какой-то желтый металл. Док подцепил его пинцетом и чуть вытянул. Это была толстая золотая цепь, излюбленное украшение крутых российских бандюг.

Это было уже кое-что. Немного, но и немало.

Мы вышли из морга. Петров ждал нас возле крыльца больницы, разговаривая с каким-то плотным, довольно молодым человеком в белом докторском халате. Он курил сигарету сильными затяжками, и вид у него был откровенно хмурый.

— Началник, — представил нам его Петров. — Труден ден был у него, очен труден ден. Началник обучивался в Москве, наш самый важный хирург!

— Что вы кончали? — поинтересовался Док.

— Первый медицинский, отделение хирургии, — ответил врач.

— А я Военно-медицинскую академию, тоже хирургию.

— Коллега! — обрадовался врач. — Как очень кстати! Просто большая повезуха!

Он объяснил: два часа назад привезли молодого человека с тремя огнестрельными ранениями, с трассы, примерно оттуда же, откуда и тех пятерых. Русский, был без сознания, большая потеря крови. С двумя пулями — в предплечье и в груди — ему все ясно, а вот третья застряла в районе селезенки, у него сомнения по тактике операции, не согласится ли коллега провести небольшой консилиум?

Док, понятное дело, охотно согласился. Русский, огнестрельные ранения, с того же места. И примерно в то же время. Я и сам принял бы участие в консилиуме, но с моей стороны это было бы просто нахальством. Неуважением к медицине. А я ее уважал. Особенно хирургию.

Больница была маленькая, уютная и почти пустая. Всего четверо или пятеро ходячих больных сидели в креслах в холле и смотрели телевизор. Минут через тридцать Док и местный хирург вышли из палаты с кипой рентгеновских снимков в руках, заканчивая обсуждать тактику предстоящей операции. Прямо военная терминология. Потом Док снял с себя белый халат, накинул мне на плечи и кивнул на дверь палаты:

— Зайди поговори.

— О чем? — удивился я.

— Поймешь. Я сказал коллеге, что ты хочешь расспросить соотечественника, откуда он. Может, нужно что родным передать. Коллега дал любезное разрешение поговорить с ним.

— Только недолговременно, — предупредил врач. — Болной в сознании, но очень слабый.

— Три минуты, — пообещал я и вошел в палату.

На высокой белой кровати лежал под капельницей рыжий водила — тот самый, что встречал нас в аэропорту в Никосии.

Твою мать. Только этого поворота сюжета нам и не доставало в нашей и без того донельзя запутанной пьесе!

Я придвинул к кровати стул, сел, как Некрасов у постели больного Белинского, и спросил:

— Узнаешь?

Рыжий кивнул.

— Это ты грузовиком перекрыл нам дорогу? Он снова кивнул.

— Кто в тебя стрелял?

— Не знаю. Из машины. С ходу.

— Из джипа?

— Нет. Из спортивной, красной.

— Из темно-вишневой «альфа-ромео»?

— Да. Она выскочила, когда джип взорвался.

— Кто был в джипе?

— Люди Хруста. Он был в деле с Паном.

— Хруста арестовал Интерпол.

— Дело осталось.

— Какое дело?

Он не ответил. Лишь на его бледном лице с проступившими сквозь бледность веснушками появилась как бы обиженная усмешка.

— Какое дело? — повторил я.

— Ладно дуру гнать... А то ты не знаешь.

Я не стал настаивать на ответе. Было неясно, на сколько ему хватит сил говорить, а у меня были вопросы поважней, чем дела этих бандюг.

— Почему ты не сидел в Нови Дворе, как было приказано?

— Мы сидели. Они нас нашли. По мерсовскому микроавтобусу. По билетам. Еще в Варшаве засекли. И вели до Нови Двора.

— Они не могли успеть перехватить вас в Варшаве.

— Мы... это... в Афинах погуляли немного.

— Сколько?

— Ну... два дня.

— Понятно. Акрополь посмотрели. Погуляли-то хоть хорошо?

Он промолчал, но его ответ меня интересовал, как вчерашняя погода на Кубе.

— Зачем они вас искали?

— Выйти на вас... Они сначала думали — мы. Потом поверили.

— Они вас пытали? — догадался я.

Он молча кивнул. Честное слово, мне его даже стало жалко. И куда их черт несет, этих придурков? Сидел бы себе в своих Люберцах или Химках, крутил бы баранку какого-нибудь «зилка» или такси, подался бы, наконец, в «челноки»! Так нет же, в крутые потянуло. Вот и стал крутым.

— Отец у тебя есть?

— Ну!

— А мать?

— Есть.

— Братья? Сестры?

— Сеструха... младшая. А что?

— Ничего. Хороший у нее брат. Защита и опора. Ладно, продолжим. Что было дальше?

— Они отвезли меня... в Ларнаку. Чтобы я показал вас.

— И ты показал?

— Да... вы как раз уезжали на «ситроене».

— Откуда они нас пасли?

— От турецкой границы. Хозяин «Эр-воаяжа» рассказал, что вы в Стамбул за товаром, а потом домой через Болгарию и Румынию.

— Где они взяли оружие?

— Не знаю. Когда джип пришел в Малко Тырново, там уже все было. Сначала мы шли за вами. Потом обогнали... А потом...

— Что было потом, я и сам знаю... В палату заглянул Док:

— Сережа, закругляйся.

— Все, еще только пара вопросов... Где остальные двое твоих корешей? — спросил я, когда дверь за Доком закрылась.

— Там, в Нови Дворе.

— В мотеле?

— Нет. Их держат в старой сыроварне, с километр от мотеля.

— Под охраной?

— Да.

— Сколько человек в охране?

— Трое или четверо, точно не знаю.

— Чего они там ждут?

— Ну, чего... вас, конечно.

— Зачем?

— Кончай, а? — попросил рыжий. — Чего ты из меня жилы тянешь? «Зачем!» Вы же всю дурь забрали! «Зачем!..» Я тебе все сказал. Как есть. Что мне теперь делать?

— Это ты у меня спрашиваешь? — удивился я. Он снова помолчал, потом как-то безнадежно вздохнул и ответил:

— Мне больше не у кого спросить.

Н-да. Такие признания обязывают. Я даже разозлился. Да что я ему, Макаренко? Папа с мамой? Справочная «09»? Но...

— Ладно, — сказал я. — Первое: выздоравливать. Второе: когда будут допрашивать болгарские полицейские, отвечать четко. Был на Кипре, деньги пропил, возвращаешься домой автостопом. Проголосовал перед джипом, оттуда выстрелили. Никакого «строена» не видел, взрыва не видел. Ничего не видел — потерял сознание. Очнулся уже в больнице. Понял?

Он кивнул.

— Паспорт есть? — продолжал я.

— Да. Отдали — чтобы билеты мог брать.

— Тем лучше. Из больницы смоешься, не дожидаясь выписки. Как только оклемаешься. Доберешься до Варны, там сядешь на теплоход до Одессы.

— А Интерпол?

— Забудь. Никто про тебя в Интерпол не сообщал.

— Но... Бабок у меня нет, все забрали.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Вася.

— Сука ты, Вася! Понял? На паперти стоять — вот к чему у тебя есть талант. Запоминай. В пятидесяти километрах отсюда — поворот к морю. Поселок Череша. Хозяин мотеля Петро Петров. У него будет конверт для тебя. Все от Сережи. В нем будет триста баксов. И ни в чем себе не отказывай, понял?

— Спасибо, — сказал он.

— Хотел бы я знать, когда ты последний раз произносил это слово!

Он подумал и признался:

— Не помню.

— Верю. Похоже, ты умеешь быть честным. Это позволяет с оптимизмом смотреть в твое будущее. Как говорят дипломаты — с осторожным оптимизмом.

Вошел местный хирург и решительно заявил:

— Довольно, довольно! Волной должен отдыхать, завтра у него труден операция.

— Доктор, я умру? — спросил рыжий.

— А как же? — ответил я вместо хирурга. — Ты что, рассчитываешь жить вечно? Обязательно умрешь. Весь вопрос: когда, где и при каких обстоятельствах. Будь здоров, Вася!

— У вашего приятел странная привычка шутить, — заметил местный хирург, провожая нас с Доком к машине, возле которой уже истомился Петро Петров.

— У него много странных привычек, — отозвался Док.

— Каких? — заинтересовался хирург.

— Ну, например, у него есть привычка оказываться в самом неподходящем месте в самое неподходящее время и при самых неподходящих обстоятельствах.

— Это не привычка, — подумав, возразил хирург. — Это характер. А характер — это судьба.

В этом он, пожалуй, был прав.

Я втиснулся на заднее сиденье «жука» рядом с Доком, рассчитывая обсудить с ним по дороге полученную от рыжего информацию. Но разговаривать в машине не рискнул — Петров даже музыку не включил. Он сидел за рулем с сосредоточенным и, как мне показалось, хмурым видом. Может, был недоволен непредвиденной задержкой в больнице?

Но один вопрос я задать Доку все же рискнул:

— Что может означать фраза: «Вы же всю дурь забрали»?

— В каком контексте?

— Ну, в каком? В нашем. Начиная с виллы «Креон» и кончая золотой цепью в морге.

— От кого ты ее услышал?

— От рыжего.

Док подумал и уверенно сказал:

— Героин.

В точку. Вот теперь все стало понятно. «Дурь». Килограммов пять героина. Те самые, что неподалеку от виллы «Креон» бестрепетной рукой датского принца Гамлета, не обремененного вопросом «быть или не быть», вытряхнул в ручей Артист. Вот, значит, в каком деле были Хруст и Пан. И хотя первый сидит в комфортабельном СИЗО Интерпола, а второй хотелось мне верить, в котле с кипящей серой, дело осталось. И верные соратники Хруста исполнены решимости довести его до конца.

С их точки зрения, происшествие на вилле «Креон» было ясней ясного: какие-то отморозки (мы то есть), получив от кого-то наводку, что товар у Пана, решились на откровенный беспредел. Пана и его братву замочили, товар забрали, а этих троих отправили в Польшу, чтобы перевести стрелки.

Деталь: среагировали люди Хруста очень быстро, практически мгновенно — как только узнали о происшествии по телевизору или из газет. В газетах было лишь упоминание о том, что на бетонном полу гаража обнаружены следы героина. Ясно, они знали, что это значит. А знать могли лишь в том случае, если сами передали Пану товар. Не для розничной продажи, понятно. Значит — для передачи покупателю или следующему посреднику. Отсюда: засада, попытка перехватить нас по дороге. Они не сомневались, что товар заварен в какой-нибудь кузовной короб «строена». Отсюда: темно-вишневая «альфа-ромео», таинственные пассажиры которой контролировали ситуацию. Отсюда же — засада в Нови Дворе. На случай, если перехватить нас по пути не удастся.

— Сколько стоит килограмм героина? — спросил я у Дока.

Он усмехнулся:

— Его не продают килограммами. Грамм... зависит от качества. В среднем, думаю, порядка пятисот баксов. Могу и ошибиться в ту или другую сторону. Как понимаешь, я его никогда не покупал. Продавать тоже не приходилось.

— Пятьсот баксов за один грамм? — переспросил я.

— Поэтому его и не продают на килограммы... Грамм — пятьсот баксов. Килограмм — пятьсот тысяч. Пять кг — два с половиной «лимона» зеленых. Да никогда в жизни люди Хруста не поверят, что такие бабки можно высыпать в воду. Они скорее в мировую революцию поверят. Или в то, что Земля плоская. Тут хоть логика есть: если бы Земля была круглая, то тачка без ручника не могла бы стоять на месте, а куда-нибудь обязательно покатила бы. Так ведь не катится же, стоит, блин!

И теперь, когда я все это понял, меня начали заботить проблемы чисто практические. Рискует ли еще раз попытаться перехватить нас по дороге? Хватит ли у них сил и сумеют ли они перебросить свои резервы в нужное время и в нужное место?

Там, где неизвестность, предполагай худшее. Допустим, резервы есть и средства доставки тоже не проблема. А вот проблема для них — нужное место. Они ее решат, если мы будем продолжать двигаться вдоль побережья по трассе E-87, которая на территории Румынии переходила в E-60, а дальше разветвлялась на целый куст магистралей. А кто, собственно, заставляет нас по ней переться? Мы и выбрали-то этот маршрут без всякой задней мысли: движение наверняка не такое интенсивное, как по центральным шоссе, море рядом, в любой момент можно остановиться и искупаться. Отдохнуть, в общем.

И чуть было не отдохнули.

Значит, нужно срочно сваливать с E-87 и идти в Польшу через Шумен, Русе и Бухарест. Вот тут уж точно споем: «Проезжая теперь Бухарест, снова слышу я речь неродную...»

Второй вопрос. Что делать с нашим красавцем, приметным, как жираф? Свою отвлекающую роль он выполнил. И отвлек, и даже привлек. Но так или иначе Назаров получил возможность незаметно убраться с виллы. А это было главное. Если все прошло без накладок, он с двумя телохранителями, бывшими «альфовцами» из команды Губермана, давно уже переплыл из Фамагусты в Бейрут, оттуда через Эр-Риед и Дели долетел или еще долетает до Токио, оттуда переедет в Осаку — или где там японцы сбывают нашим соотечественникам свои старые автомобили по цене железного лома. Там купит себе симпатичную «хондочку» баксов за двести—триста и вместе с ней, счастливый от удачной покупки, переплывет на пароме во Владик. А потом сядет в обычный плацкартный вагон поезда Владивосток — Москва и через семь суток вывалится вместе с разношерстной толпой на Казанском вокзале.

Схема была громоздкая, но практически гарантировала от того, что Назарова задержат на каком-нибудь из западных погранпунктов или в Шереметьево-2. Даже если в Управлении предусмотрели этот вариант, то уж заблокировать Дальний Восток, да еще паром или железнодорожный вокзал им и в голову не пришло. А теперь, после взрыва виллы, и вовсе бдительность потеряют. Но осторожность никогда не бывает чрезмерной. Фактор времени Назарова и вовсе не поджимал. Из купленного по дороге номера английского экономического журнала «Индепендент» Док вычитал, что на фондовых биржах России отмечается необычно оживленная торговля акциями нефтяных компаний, что — по мнению экспертов — связано с принятым правительством РФ решением о распродаже контрольных пакетов акций, находившихся в собственности государства.

И здесь Назаров не просчитался. Крупного калибра мужик. Таких я никогда еще не встречал. Рядом с ним я чувствовал себя щенком. Кем, вероятно, и был.

Ладно, с ним пока более-менее ясно. Сейчас нам нужно было подумать о себе.

Избавиться от «строена» или продолжать путь на нем? Идеальный вариант, если бы дорожная полиция Болгарии или Румынии обнаружила на дне какого-нибудь горного ущелья останки нашего красавца, а в нем — шесть трупов с нашими документами. Горных ущелий по пути хватало, а вот где взять шесть трупов? Играть самих себя в этой интермедии нам как-то не улыбалось. Просто бросить «ситроен», а самим инфильтроваться в Россию через Варну, Чоп или Брест — тоже не проходило. Даже если Управление не разослало ориентировки на нас на все погранпереходы, чего исключать было никак нельзя, наше исчезновение поставит всех на уши, будут заблокированы наши дома и все возможные связи. Даже если нас не переловят поодиночке и не сведут к нулю по милицейской графе «ДТП» или «бытовое ограбление и убийство», мы будем лишены всякой возможности действовать. А бездействие никак не входило в наш план, разработанный совместно с Назаровым.

Значит, хотим мы того или нет, но сначала нам придется объявиться в Нови Дворе, а уж потом, на месте решать, что делать. Уравнение со многими неизвестными. А тут еще эти ублюдки Хруста. Они не оставят нас в покое. Два с половиной миллиона баксов — слишком сильный стимул. Значит, и с ними нам придется разбираться. Опять же: хотим того или нет. В этом смысле появление в Нови Дворе нашего экзотически разукрашенного «ситроена» было нам, пожалуй, на руку. Он станет для них, Хрустовых братков, приманкой. А это может облегчить нашу задачу.

Теперь меня тревожило только одно. Болгарские следователи. Они наверняка обнаружили среди обгорелых обломков джипа автоматы и пулемет. И поняли, что здесь не просто странное дорожно-транспортное происшествие, а кое-что посерьезнее. Они и отнесутся к расследованию серьезно. А если наш «ситроен» попадет в зону их внимания и к тому же расколется рыжий Вася...

Ни к чему нам входить в контакт с болгарской полицией. Ни с какой стороны ни к чему. Значит, нужно немедленно, сегодня же ночью, сниматься с места и гнать без остановки до румынской границы.

Что мы и сделали.

Петра Петрова наше решение необычайно расстроило. Не утешило его и то, что все баксы за ночлег останутся у него. Очень уж хотелось ему посидеть с русскими «братушками» за рюмкой доброй сливянки и поговорить о политике. Но он в этом смысле был человек западный и понимал: дела есть дела. Он взял у меня конверт с тремя стольниками для рыжего Васи, пообещал немедленно, как только тот появится, передать, но напоследок, уже перед самым нашим отъездом, все же не удержался и спросил:

— Значит, если танков нет, ракет нет, то и Советский Союз нет?

— Нет, — подтвердил я.

Он немного подумал и сказал:

— Тогда и не надо его восстанавливать.

— Тогда и не буду, — пообещал я.

И был намерен это обещание «выполнить».

III

Через трое с половиной суток, просвистев с юга на север почти всю Восточную Европу и потеряв напоследок часа четыре в старых кварталах и новостройках Белостока, потому что по дуруости проскочили поворот на объездную дорогу, мы выбрались наконец на трассу E-12, ведущую к Гродно, а еще через час свернули с нее на «дрогу другорцедне», второстепенную дорогу, углубляющуюся в пущи и болота Мазурского поозерья. До Нови Двора оставалось около сорока километров. Но не успели мы проехать по этой «дрогге» и четверти часа, как увидели возле автобусной остановки, торчавшей на обочине посреди бескрайних картофельных полей, серый «жигу ленок» первой модели, выпуска какого-то девятьсот лохматого года, с польским транзитным номером на заднем бампере. Возле «жигулёнка» торчал, полу присев на багажник, какой-то человек в светлом плаще и курил сигарету. При виде нашего «ситроена» он выбросил окурок и коротко поднял руку — так, словно у него не было ни малейших сомнений в том, что эта многотонная серебристая махина остановится как вкопанная от его небрежного

жеста.

Док, сидевший за рулем, лупить по тормозам не стал, но приказ остановиться выполнил. Да и как было не выполнить, если его отдает твой начальник. А полковник Голубков, тормознувший нас, был — пока или еще, или все еще — нашим начальником.

Мы выпрыгнули из кабины и окружили его.

— Привет, дядя Костя! — весело сказал Трубач. — На какой помойке вы нашли этот шедевр советской автомобильной промышленности?

— Не нашел, а купил, — строго поправил Голубков. — На авторынке в Нови Дворе. Там довольно приличный выбор.

— Зачем?! — изумился Боцман.

— Отгоню в Гродно и продам. А потом вернусь в Нови Двор и куплю другой.

— Такой же? — предположил Боцман.

— Какой попадется. И тоже продам в Гродно.

— А потом? — заинтригованно спросил Трубач.

— Потом?.. Потом куплю самолет и улечу от всех этих дел — сказать куда?

— Не стоит, — ответил Док. Но Голубков все же сказал.

— Что случилось, Константин Дмитриевич? — спросил я.

— Случилось? Ничего не случилось. Вполне житейское дело. Просто я получил приказ перейти границу вместе с вами.

— Вон оно что! — пробормотал я. — А вас-то за что?

Он с усмешкой взглянул на меня и ответил вопросом на вопрос:

— А вас?

Потом помолчал и перешел на деловой тон:

— Докладываю ситуацию. Я почему жду вас сегодня здесь с самого ранья? Потому что ваших двоих, Мухина и Артиста... вы их отправили изучить обстановку на зеленой?

— Да, — кивнул я.

— Я так и понял.

— Что такое «зеленая»? — спросил Док.

— Место перехода границы. «Зеленая тропа», — объяснил Трубач. — Так что с ними?

— Вчера вечером их взяли.

— Кто? — вырвалось у меня. — Управление? «Контора»? Местная полиция?

— Нет. Четыре каких-то бугая. Насколько я разбираюсь в людях, три «быка», а четвертый — «kozyрный фраер». Это вроде доверенного лица при воре в законе или авторитете, — объяснил Голубков, не дожидаясь, пока Док проявит по-человечески понятную, но совершенно несвоевременную любознательность. — Как офицер по особым поручениям при генерале.

— Здешние? — спросил я.

— Нет. Русские. Но не местные. И не московские. По-моему, этот след тянется с Кипра.

— Почему вы так решили?

— Загар.

— Константин Дмитриевич, так мы проторчим здесь до вечера. Давайте по правилам, — предложил я. — Сначала — то, что вы видели своими глазами, а потом уж догадки и предположения.

— Согласен, — кивнул Голубков. — Но прежде нужно убрать ваш «строен» с глаз долой. Если, конечно, у вас нет намерения засвечиваться раньше времени.

Такого намерения у нас не было. Поэтому мы проследовали за серым «жигулёнком» Голубкова километров пять по направлению к Нови Двору, свернули на проселок и пристроили нашего красавца на машинном дворе местной сельхозартели, а сами разместились в задней комнате деревенской харчевни, где по вечерам, вероятно, собирались здешние завсегдатаи перекинуться в картишки. Пока хозяин распорядился на кухне насчет обеда для заезжих панов, Голубков ввел нас в курс дела.

Артиста и Муху он увидел совершенно случайно два дня назад на авторынке, где околачивался от нечего делать, разглядывая свезенные сюда со всей Европы тачки — от новых, наверняка ворованных «мерсов» до «фольксвагенов-жуков» и американских «виллисов» времен второй мировой войны. Артист и Муха, похоже, таким же образом убивали время. Вступать с ними в контакт он не стал, но на всякий случай проследил их до отеля, в котором они остановились. Это был не придорожный мотель на въезде, а другой, со стороны границы, довольно симпатичный деревянный теремок в три этажа, полупустой из-за совершенно бешеных цен. Сам Голубков за простенький номер в гостинице возле почты платил сорок баксов в сутки, а тут самый дешевый стоил целую охапку золотых, эквивалентную почти ста долларам.

Часов в семь вечера Артист и Муха вывели из двора отеля два велосипеда и уехали на них в сторону границы. Вернулись около восьми утра. Из чего Голубков сделал естественный и совершенно правильный вывод о том, чем они занимались ночью в районе границы и что за приборы были в их небольших студенческих рюкзаках.

На другой день — это было вчера, после обеда — Голубков вновь увидел их на авторынке: то ли всерьёз, то ли от нечего делать они приценивались к микроавтобусу типа «вишенка». Но тут он заметил кое-что поважнее: их пасли. Трое. Два «быка» и третий — молодой, явно «шестерка», весь в фингалах и с заплывшим от синяка глазом. Голубков и раньше обратил внимание на эту тройцу, шатавшуюся по рынку и разглядывавшую не выставленные на продажу машины, а покупателей и продавцов. Они явно кого-то искали. И по их реакции при виде Артиста и Мухи Голубков понял: нашли. После этого один из «быков» увел куда-то «шестерку», а второй «бык» остался на рынке, держась в стороне, но не упуская Артиста и Муху из виду. Минут через сорок тот «бык» снова появился возле первого. Он вел под руку другого парня, тоже молодого и тоже с прилично обработанной кулаками физиономией. «Быки» издали показали этому третьему Муху и Артиста. Тот кивнул, будто подтверждая: они.

— Я рассказываю с деталями, потому что не знаю сути, — объяснил Голубков. — Тебе эти подробности что-нибудь говорят?

Я подтвердил:

— Да. Продолжайте.

После этого второй «бык» куда-то увел молодого, а через час вернулся еще с двумя «быками». Они дождались, когда Артист и Муха, так и не сторговав «вишенку», вышли с территории рынка. Один из «быков», главный из них — «kozyрный фраер», подошел к ребятам и показал им на белый фиатовский фургончик с металлическим кузовом. Жест истолковывался однозначно: вы интересовались «вишенкой», может, эта тачка вам подойдет?

Артист и Муха обошли микроавтобус, придирчиво его осматривая. «Козырный фраер» открыл дверь, приглашая испробовать тачку на ходу. Артист и Муха влезли внутрь, «фраер» за ними. Дверь закрылась, и фургон уехал.

— Вот и все, — закончил Голубков.

— Но почему вы решили, что их взяли? — спросил Док.

— Метров через двадцать этот «фиат» начал вдруг выписывать по дороге довольно затейливые кренделя, пару раз даже чуть не врезался в бетонный забор. Так он двигался метров сто. Потом поехал нормально. Это одно. Второе: Муха и Артист в отель не вернулись.

— Вам не удалось проследить, куда их увезли? — спросил я — так, на всякий случай, ни на что не надеясь.

— Как? Такси там нет, а этого автомобиля у меня еще не было. К сожалению, — добавил Голубков. — Тебе что-нибудь ясно?

Я кивнул:

— Практически все.

— А теперь объясни и мне.

И я объяснил.

Почти все.

А сам подумал: какое все-таки счастье, что мы отказались от мысли бросить наш «ситроен» где-нибудь на полпути.

Теперь только на него была вся надежда.

И на святого Георгия-победоносца, покровителя воинов.

И на молитвы отца Андрея...

Глава седьмая. Объект угрозы

I

Когда-то, при царе Горохе — в брежневские и горбачевские времена, — Нови Двор был типичным захолустным польским местечком с населением тысяч в пять—семь жителей, работавших на картофельных и ржаных полях и на мелких производствах вроде лесопилок и молокозавода. Некоторое оживление в местечковые будни вносил присоседившийся сбоку военный городок, где — по Варшавскому договору — базировалась советская танковая дивизия. Здешние панночки постреливали глазами на молодых офицеров, мечтая выйти замуж хоть и за русского и уехать с ним нехай хоть у тую Сибирь, лишь бы подальше от опостылевшего ридного Нови Двора.

Народ пожилой с большим интересом поглядывал на прапоров и старшин, отпущенных в краткосрочное увольнение или самоходом сваливших из расположения воинской части в надежде раздобыть местной сливовицы или можжевеловой самогонки. Что им неизменно и удавалось, потому что самогонку в Нови Дворе не варил только самый ледащий, а рынок сбыта был постоянным и на редкость устойчивым, не подверженным никаким валютным кризисам. В уплату шли и рубли, и злотые, а когда их запасы в военном городке истощались, деньги с успехом заменяли бензин, солярка, комбинезоны, шапки, сапоги, домкраты и прочий полезный в хозяйстве инструмент, не говоря уж про олифу и краску. Хорошая половина домов и заборов в Нови Дворе и окрестных хуторах была прекрасного цвета хаки, что для любого начинающего шпиона из блока НАТО могло быть достоверным свидетельством того, какая именно секретная боевая техника сосредоточена за высоким, с колючкой и вышками по углам, забором таинственного военного объекта.

Но шпионов в Нови Дворе сроду не видывали, а патрули, утюжившие по вечерам местечковые улочки, занимались исключительно тем, что собирали выпавший в осадок сержантский состав и господ офицеров и отправляли на «губу» в специально приспособленном для этой цели «газоне».

В тот день, когда ворота военного городка вдруг распахнулись и из него в направлении ближайшего железнодорожного узла вышли танковые колонны и грузовики с мат частью, жители Нови Двора с энтузиазмом приветствовали освобождение от клятых оккупантов и распевали не поощряемый прежними властями национальный гимн: «Аще Польшка не згинела». Однако довольно скоро ощутили явное отоцание своих портмоне. Сливовица и можжевеловка пылились в четвертях, не имея сбыта, бензин и солярка, оказывается, немалых грошей стоили на частных заправках, пся крев. Немного отвлеклись, растаскивая из брошенного без охраны военного городка все, что могло сгодиться в хозяйстве. Когда же на полигоне, в боксах и в двухэтажных казармах не осталось ни одной двери, ни одной оконной рамы, ни одного радиатора и даже метра трубы, вновь заскребли в затылках и бородах: с чего жить, Панове?

Удача к Нови Двору пришла с совершенно неожиданной стороны. Помаявшись со стихийно возникающими автомобильными барахолками, загораживавшими и без того узкие трассы, поразгоняв их всеми силами дорожной и муниципальной полиции и поняв, наконец, всю тщетность своих попыток приостановить или хотя бы пустить в русло поток автомобильного хлама, хлынувший на восток со всех концов Европы, власти Белостокского воеводства вспомнили про разоренный военный городок возле Нови Двора и махнули рукой: вот там хай и торгуют, с глаз подальше. И в считанные дни после этого судьбоносного для Нови Двора решения поселок захлестнули тысячи машин и людей. Здесь встретились безлошадный Восток и осатаневший от автомобильного изобилия Запад. Даже в будние дни с трудом можно было втиснуться в плотные ряды машин, занявших десять с лишним гектаров бывшего военного городка, а по выходным базар занимал все окрестности, превратив в пыльные укатанные площади прилегающие поля.

Но в Нови Дворе не жаловались. Экономика местечка получила мощный импульс. По пять—десять баксов с носа в сутки брали за простой с белорусов, украинцев и москалей, приехавших за машинами, пооткрывали харчевен с почти ресторанными ценами, понаставили на рынке и вокруг него палаток, завозя туда из Варшавы местный и западный ширпотреб, засновали между поселком и вокзалом в Сокулке на своих легковушках и даже автобусах, перевозя на новоявленный автомобильный Клондайк пассажиров, сошедших с поезда Гродно — Белосток. Новидворские панночки частью встали за прилавки палаток, а другие втиснулись в мини-юбки и зачастили к ночным барам и казино, где оттягивались после нервного торгового дня и покупатели, и продавцы, и белостокская братва, наложившая лапу на новидворский рынок.

Правда, сивушную можжевелевку и сливовицу сбывать было по-прежнему некому. Так то не беда, не пропадет добро. Прошем, Панове! Не згинела Польшка? Не згинела, Панове, не згинела. Прозит!

Поляк — это не национальность.

Поляк — это профессия.

А русский? Национальность? Тоже навряд ли.

Русский — это образ жизни.

* * *

В один из будних дней, утром двадцать четвертого июля, к въезду в бывший военный городок в Нови Дворе в веренице «БМВ», «фиатов», «фольксвагенов», старых «мерседесов» и почти новых «хонд» и «тойот» подкатил большегрузный «ситроен» с серебристым тентом, разукрашенным призывами на английском и русском языках открыть для себя Кипр в пансионате «Три оливы» с божественными условиями по божеским ценам. Кабина и высокие борта машины были покрыты слоем пыли и грязи, что говорило о том, что «строен» прошел не одну сотню километров по Центральной Европе, обильно политой дождями, принесенными из Атлантики обширным циклоном.

За рулем сидел плотный молодой мужик добродушного вида, с крепкими, обтянутыми коричневой кожаной курточкой плечами, с ранними залысинами на крупном лице, с сильными руками, спокойно лежащими на руле. Рядом с ним на просторном сиденье небрежно развалился, нога на ногу, второй — постарше, лет тридцати пяти, в приличном темном костюме и рубашке с галстуком, со спокойным интеллигентным лицом. В руках у него был свернутый в трубку английский журнал с неброской глянцевой обложкой, он время от времени раскрывал его и тут же закрывал, словно досадуя, что дорожные обстоятельства мешают ему углубиться в чтение.

Лысоватый водитель терпеливо дождался очереди на въезд через ворота, стальные щиты которых давно уже были сняты и увезены каким-то предприимчивым жителем Нови Двора, без спора заплатил десять баксов местному бригадиру и аккуратно провел махину грузовика в конец полигона, где стояли выставленные на продажу самосвалы, автобусы и даже два трактора «Беларусь». После чего спрыгнул с высокой подножки и начал протирать хромированные части «строена», а его товарищ остался в кабине и занялся, наконец, журналом.

Завсегдатаев новидворской автомобильной барахолки трудно было чем-нибудь удивить, но мощный, крепенький, подбористых форм супергрузовик привлек внимание даже тех, у кого

денег хватило бы разве что на десятилетний «форд-гранادا». Водитель охотно отвечал на расспросы, но его напарнику оживление возле машины почему-то не понравилось. Он вырвал из своего английского журнала более-менее чистую страницу, жирным черным фломастером вывел на ней: «СИТРОЕН, год выпуска — 1994, пробег 112 000 км. Цена 30000 долларов. Торг неуместен». И прикрепил этот листок щеткой на лобовом стекле. После этого число праздно любопытствующих сразу же сократилось. Народ подходил, уважительно рассматривал машину, при виде цены еще более уважительно покачивал головами и шел дальше по насущным делам.

Лишь трое средних лет, до черноты загорелых казахстанских немцев долго ходили вокруг «строена», оглядывая его взглядами опытных водителей, потом один из них поинтересовался, не подвинется ли хозяин в цене, рассудив, что который в костюме — тот хозяин и есть, а водитель — он всего лишь водитель.

Трубач, старательно исполнявший роль водилы при боссе Доке, поинтересовался:

— А зачем вам такая тачка?

— Мы из Кустаная, — объяснил старший из немцев. — В Москву гонять, туда-сюда ездить. Дороги у нас длинные. И...

Он дал точное определение качества дорог и добавил:

— Такая ходовая для них самое то.

— Ходовая — да, — согласился Трубач. — Но не ваша это тачка, мужики. Она же девяносто восьмой жрет. И лучше — «бляйфрай». Она с вас на одной горючке штаны спустит.

— А если прокладку поставить и перевести на семьдесят шестой? — предположил один из них, помоложе.

Охотно вошедший в образ разухабистого водилы Трубач тотчас дал ему бесплатный совет, в какое именно место ему нужно поставить прокладку, и заключил:

— Это ж фирма, голуби! Тут даже масло другое зальешь — и сразу вкладыши застучат! Въехали?

Немцы, посоветовавшись, въехали и отошли, а их место у «строена» заняли двое других. Один был рослый, хорошо накачанный брюнет с короткой стрижкой и слегка восточным разрезом глаз, лет тридцати с небольшим. Второй сухопарый, тоже высокий, верткий, с узким лицом и быстрым, чуть исподлобья, взглядом. Ему было под сорок, но из-за верткости и легкого сложения он казался лет на десять моложе. Оба из-за хмурой погоды, грозящей дождем, были в черных кожаных куртках. На смуглом лице брюнета загар был почти незаметен, зато второй, блондинистый, прямо источал своей лисьей физиономией щедрость средиземноморского солнца.

Это и были те, кого Док и Трубач ждали.

Первый — «бык». Второй — «kozyрный фраер».

Якут и Лис — так их обозначил для себя Трубач.

У Якута широкая полоса лейкопластыря закрывала сломанный нос. У Лиса была забинтована кисть левой руки, из-под рукава куртки торчал кусок медицинской шины, какие накладывают

при переломах и вывихах.

Непросто, видно, удался им захват Артиста и Мухи.

Но все же удался.

Лис не стал тратить время на разговоры с «шестеркой»-водилой. Он открыл дверцу кабины и обратился к Доку:

— Не крутовато, хозяин? «Торг неуместен». На базар и приезжают, чтобы поторговаться. Док лишь пожал плечами:

— Кто как. Мы приехали продать аппарат, а не торговаться.

— Неужели не прогнешься хоть на несколько штук?

— Будет настоящий покупатель — подумаю.

— А мы, по-твоему, не настоящие? Док оторвался от журнала и внимательно взглянул на Лиса, а потом на Якута.

— Настоящие покупатели приходят на базар с бабками, а не с пушками, — заметил он и вновь углубился в журнал.

— Да ты что, мужик? Какие пушки? — запротестовал Лис. — Нет у нас никаких пушек! Хоть обыщи! — Он сделал вид, что хочет распахнуть куртку, но распахивать ее почему-то не стал. — В натуре, ты нас не за тех принял. Нам нужна тачка. Как раз такая.

Док кивнул Трубачу:

— Покажи им машину.

— Интересный журнал? — любопытствовал Лис, которому явно хотелось втянуть в разговор Дока, а не осматривать «строен».

— «Экономист», — вежливо ответил Док. — Любопытные материалы о резком обострении ситуации на российском нефтяном рынке. Нефтью не интересуетесь?

— Нефтью?.. Да как-то нет.

— Я так и подумал, — ответил Док и даже чуть отвернулся, давая понять, что разговор закончен.

Якут как стоял на месте, так и остался стоять, время от времени осторожно трогая пальцами нос. А Лису пришлось выслушать обстоятельную лекцию Трубача об особенностях конструкции «ситроена» и его эксплуатационных качествах. Про машины Лис знал вряд ли больше того, как выжимать сцепление и включать скорость, но Трубача слушал внимательно, осмотрел кузов, заглянул в спальный отсек и даже попросил завести двигатель, чтобы проверить, не сечет ли глушак, для чего залез под машину и пробыл там минуты четыре.

— Нормально, — закончив осмотр, сообщил он.

— Ты же весь перемазался! — расстроился Трубач, тщательно отряхнул Лиса и даже стер сажу с его куртки чистой ветошкой. — Ну, как аппарат? Берете? Бери, мужик, век благодарить

будешь!

— Нужно подумать. Дороговато. Посоветуюсь с партнером.

— Ну, посоветуйся, — отозвался Трубач, словно бы потеряв всякий интерес к туфлярщику, который только время у него попусту отнял.

Лис и Якут неторопливо двинулись к выходу вдоль рядов машин и толпы покупателей и продавцов. Трубач проводил их равнодушно-пренебрежительным взглядом, потом поднялся в кабину, из-под матрасика в спальном отсеке достал радиопередатчик и негромко сказал в микрофон:

— Идут к вам. Все получилось.

— Не расслабляйся, — предупредил его Док. — Могут появиться другие...

Выйдя с территории военного городка, Лис и Якут подошли к припаркованному в стороне белому фиатовскому микроавтобусу, Якут сел за руль и направил машину в объезд Нови Двора к раздолбанному тысячами машин шоссе, ведущему от барахолки к автостраде Белосток—Гродно. Следом за ними влился в вереницу машин, за рулем которых сидели счастливые нововладельцы, и неприметный серый «жигу ленок». Вел его полковник Голубков, а на заднем сиденье разместился Боцман, бережно держащий на коленях магнитофон-«головастик». «Головастик» был настроен на волну «жучка», булавку с которым воткнул под воротник куртки Лиса Трубач, когда старательно стирал с него сажу.

«Фиат» ехал по «другорцедне дроге», не пытаясь обгонять ползущие впереди него легковушки, лишь у Сокулки, когда все машины свернули налево, к Белоруссии, «фиат» повернул к Белостоку и километров через десять съехал с автострады к воротам роскошного, построенного по европейским стандартам мотеля, рассчитанного не на новидворскую шушеру, а на солидных западных путешественников с бумажниками, набитыми кредитными карточками и твердой валютой.

«Жигуленок» полковника Голубкова проскочил вперед метров на семьдесят и затормозил у обочины.

По сторонам от центрального офиса мотеля, сложенного из красно-фиолетового фасонного кирпича, с просторными тонированными стеклами в простенках, стояло десятка три одноэтажных коттеджиков, из такого же кирпича и с такими же стеклами, каждый с отдельным входом, отдельным подъездом и с навесом для машин. Мотель назывался «Авто-Хилтон», и цены тут, похоже, были вполне хилтоновские. Но, несмотря на это, больше половины коттеджей было заселено, о чем свидетельствовали выглядывавшие из-под навесов багажники и радиаторы «мерседесов» и «пontiakov». Сзади территория мотеля была обнесена высоким бетонным забором, а с фасада — стрельчатой, художественной ковки решеткой. На въезде дежурили два охранника.

То ли на лобовом стекле «фиата» был специальный пропуск, то ли эту машину уже знали, но «фиат» беспрепятственно миновал ворота, развернулся на центральной площадке и подъехал к одному из коттеджей, крайнему в ряду. Голубков достал из бардачка бинокль, снял приставку для ночного видения, с минуту рассматривал коттедж, а затем молча передал бинокль Боцману. В окулярах была отчетливо видна темно-вишневая «альфа-ромео», стоявшая под навесом.

Якут и Лис вышли из «фиата», Лис нажал кнопку на входной двери. Из динамика магнитофона

раздался слегка искаженный какими-то помехами мужской голос:

— Кто?

Одновременно включилась запись.

— Свои, Ленчик, — ответил Лис. — Это я, Владас. Со мной Корень. Дверь открылась.

— Постойте, спрошу... Граф! Тут Влад и Корень. Пустить?

— Пусть входят...

— У них что, даже дверного глазка нет? — не отрываясь от бинокля, спросил Боцман.

— Зачем? Интерком или домофон.

— Видеокамера?

— Вряд ли. Это же просто мотель.

Дверь закрылась.

Из магнитофона донеслось:

— Ну?

— Они появились. На «ситроене». Двое...

П

«...— Ну?

— Они появились. На „ситроене“. Двое.

— Ленчик! И ты, Корень. Посидите на кухне. Садись, Влад. Рассказывай.

— Подъехали часов в десять. На том самом „ситроене“, про который вы звонили из Варны, когда их потеряли. „Три оливы“. „Откройте для себя Кипр“. Один — „шестерка“, водила. Второй — главный. При галстукке, английский журнал читает. Разговаривал через губу. Правда, сразу просек, что у нас пушки.

— Как?

— Не знаю. Но просек на раз. „Покупатели приходят на базар с бабками, а не с пушками“. В этом смысле выразился. Хотя на виду мы их, сами понимаете, не держали.

— Значит, глаз наметанный?

— Выходит, так.

— Кто они? Хоть примерно, какой масти?

— Непонятно, Граф. Как и те двое, которых мы взяли. Может, все-таки „контора“?

— Не их дела. Точно не из братвы?

— Разве что из новых. Их сейчас, сами знаете, расплодилось как собак нерезаных. Накачаются наркотой — и вперед. Полный беспредел творят. Правильному вору скоро и ступить некуда будет.

— Рано страдаешь, Влад. Для правильного вора ты еще зону мало топтал.

— Извините, Граф. Но сейчас не по ходкам вора в закон вводят, а по делам.

— Делами тебе тоже рано хвастать. Хруста не прикрыл — вот твои дела. А может, ты его сам сдал, чтобы его место занять? А, Владик?.. Ладно, шучу. Разобрались, сам виноват — расслабился от курортной жизни. Те двое, что у нас, — на игле?

— Нет. Специально посмотрел — вены чистые. Может, травка или колеса. Но не ширяются — точно.

— Что говорят?

— Все то же: отдыхали на Кипре, прилетели пораньше — тачку купить. Бабок у них было как раз на тачку — три штуки баксов.

— Били?

— Кого?

— Кого! Их! То, что вас били, я и сам вижу. Прямо цирк! Четыре бугая с пушками не смогли чисто взять двух фраеров, у которых даже финаря не было! Расскажи кому — не поверят!

— А кто знал? В натуре, Граф, все путем было: посадили в тачку, пушки в бок. Обычное дело. Да тут и началось.

— Что?

— А я знаю? Меня сразу вырубили, Корню нос свортили, Юраня за рулем был, так ему маленький ногой в ухо гвозданул. Хорошо, кроссовкой, а если бы ботинок — хана, проломил бы череп. Высокий Горбу два ребра сломал, до сих пор кашлянуть не может. А мне сустав вывернули, когда пушку маленький забирал. Если бы Корень не выключил кастетом высокого, не знаю, чем и кончилось бы. Моя пушка уже у маленького была, да успели на него навалиться. Еле связали.

— Каратисты?

— Какой там! У Горба черный пояс, а толку? Тут не карате. И не боевое самбо. Не разбери пойми. Такому только в уличных свалках можно научиться. Когда десять на одного. И не один раз. Только мало кто выдерживает.

— А эти двое, значит, выдержали?.. Потом-то вы душу на них отвели — на связанных?

— Ну, было немного... Вы же не велели слишком-то.

— Разговаривали как с ними?

— Ну, как. Нормально... Ну, я высокого слегка... сигаретой в грудь... чтобы поразговорчивей был...

- Разговорился?
- Нет.
- Да ну?
- Говорю же... Носом потянул и сказал: „Шашлычком пахнет“.
- Вот как? „Шашлычком пахнет“? И это все, что он сказал?
- Все.
- А маленький что сказал после твоей сигареты?
- Он в отключке был. Я его... Граф, он же мне руку чуть не сломал!
- Ладно, оставим. Двое в „ситроене“, двое у нас, где еще двое?
- Неизвестно. К тачке не подходили, Горб пас. Может, страховали своих из толпы. Не засветились.
- А поводить по барахолке тех Пановых „шестерок“ не догадался? Могли и узнать.
- Они уже никого не узнают.
- Хочешь сказать, что вы их?..
- А что было делать? Где мне людей взять, чтобы всех охранять? Нас всего четверо.
- Я тебе своего телохранителя отдал.
- Ну, пятеро с вашим Гришей. Все равно мало. Да и те свое дело сделали.
- Трупы где?
- Сбросили в какой-то колодец на сыроварне. Там вонь такая, что сто лет не найдут.
- А этих где держите? Там же, на сыроварне?
- Нет, стремное место, подходы открытые. В казарме, на бывшей „губе“. Какие-то местные перестроили ее под склад запчастей, мы у них перекупили на две недели. Ну, тоже вроде как под временный склад. Надежное место. Решетки, стальные двери, замки. Что надо. Там они и сидят. Юраня, Горб и ваш Гриша в охране. В десять вечера мы с Корнем их сменим. Нужно срочно людей вызывать, Граф. Ваших, из Афин. Из Пафоса долго, да там серьезных ребят и не осталось.
- Там серьезных и не было. Или ты считаешь крутыми тех пятерых мудаков, которые дали подорвать себя обыкновенной бочкой? Тогда у нас с тобой разное понимание, что такое серьезный парень. Потом о людях поговорим. Где, по-твоему, товар? По-прежнему в „ситроене“?
- Нет. Вынули, точно. Я специально залез под тачку — вроде глушитель проверить. На переднем коробе — следы сварки. Замазаны, но следы свежие. И полоса по размеру — с кейс. Как раз под товар.

— Так, может, он там и есть?

— Вы не в курсе, Граф, как это делается. Когда товар закладывают, сварку не просто зачищают, а все дно грунтуют и красят. Почище, чем на фирме. Они сколько границ прошли? С такой сваркой их на первой бы прихватили. Нет, товар они вынули, а дырку заварили на каком-нибудь местном сервисе или в мехмастерской.

— Убедил. Где же он?

— Или спрятан. Или у тех двоих. Скорее, спрятан — в поселке или даже в лесу.

— Может, его уже передали?

— Нет. Они за „ситроен“ тридцать штук гринов объявили. А цена ему от силы пятнадцать. Они его не продавать выставили, а как маяк. Ждут покупателя или посредника. И мы вполне можем контакт не просечь. Поэтому я и говорю: нужно срочно вызывать ваших людей из Афин.

— Давай-ка, Владас, сначала произведем небольшие подсчеты. Почем Хруст отдавал Пану товар?

— По четыреста баксов за грамм.

— Сколько Хруст получил предоплаты?

— „Лимон“.

— И шестьсот штук сгорели в тайнике у Пана. Пошли в доход республике Кипр. Значит, бабок в товаре осталось всего четыреста штук. Правильно? Ты предложил мне за помощь половину.

— Такая цена.

— Это цена за выбивание долга. А тут речь идет совсем о других делах. Продолжим. Сто тысяч я уже вложил: „паджеро“ и оружие. Значит, сколько моих остается? Стольник? И ты думаешь, что за эти бабки я буду вызывать своих людей и вообще лезть в это дело? Да я их заработаю, не уходя с пляжа.

— Сколько вы хотите?

— Все.

— Все четыреста?!

— Плюс те, что отдаст посредник. Ему же Пан товар не по четыреста отдавал. За эти бабки я согласен слегка поработать.

— А я за что буду горбатиться?

— Хруст получил свой „лимон“.

— Он на его номерном счету.

— Твои проблемы.

— Я так не согласен.

— А я твоего согласия и не спрашиваю. Ты не за бабки будешь горбатиться, а за свою шкуру. Потому что, если товар уплывет, покупатель потребует свою предоплату. С тебя, Владик, а не с Пана и не с Хруста. Понял? А теперь слушай внимательно. Этих двоих сегодня же убрать. И в тот же колодец на сыроварне. И впятером пасти „ситроен“ днем и ночью. Ленчика тоже подошло. А завтра и сам подъеду глянуть на этих кадров. Если и вшестером просрете контакт — на себя пеняй. Засечете покупателя — тогда и будем думать, вызывать из Афин людей или сами справимся. Все. Разговор кончен. Ленчик, выпусти их!..»

III

Без пяти десять вечера на подходе к гауптвахте мы взяли этих двоих — Влада и Корня. Никому из нас не нужно было объяснять, где в военных городках располагается гауптвахта, но на всякий случай мы провели их от их белого «фиата» до места. Влада загрузили в «фиат», а Корню ткнули в затылок его же «Макарова» и заставили постучать в дверь и назваться. Дверь открыли, а остальное уже было делом техники.

Артиста и Муху мы нашли на голом бетонном полу «губы» — просторной, недавно отремонтированной каменной коробки без обязательных в таких местах двухъярусных железных нар. Рты их были плотно забиты тряпками со следами краски — ими работяги, проводившие ремонт, вытирали, вероятно, свои шпателя и кисти. Веревки на каждом было столько, что их хватило бы на такелаж для небольшого парусника. Муха сидел у стены, Артист валялся рядом лицом вниз. На затылке у него чернела запекающаяся на глубокой ране кровь. Но когда мы перевернули его и вытащили кляп, он открыл глаза, отплевался от ошметков цемента и краски и сердито спросил:

— Вы где, вашу мать, болтались? Жрать охота!

— Будет жить, — поставил диагноз Док.

Снятыми с ребят веревками мы умотали троих стражей — Горба, Браню и Гришу. Сюда же, на губу, перетащили из «фиата» Влада и Корня. Корня тоже связали, а рот затрамбовали теми же тряпками, как и другим. Связывать Влада и затыкать ему рот никакой необходимости не было. Его брал Трубач и несколько погорячился.

Тут же, на «губе», Док осмотрел Артиста и Муху. Вломили обоим прилично, но серьезных членоповреждений, к счастью, не оказалось. Более основательную медицинскую помощь Док оказывал им уже в их номере деревянного теремка-отеля, куда мы приехали на белом бандитском «фиате» и, к радости пани владелицы, сняли рядом еще два двухместных номера. Пока Док обстригал волосы вокруг раны на затылке Артиста и обрабатывал рану какими-то жидкостями, Артист так энергично, хоть и сквозь зубы, разъяснял свое отношение к современной медицине вообще и к способностям Дока в частности, что я вынужден был его прервать:

— Сам виноват. Тебе в детстве мама никогда не говорила, что не нужно садиться в машину к чужим дядям?

В половине одиннадцатого пришел полковник Голубков, сообщил:

— Позвонил. Сказал, что на «зеленую» выйдем в два ночи. Пароль «Варшава», отзыв «Минск». Пора, ребята.

Мы оставили Дока заниматься Артистом и Мухой, а сами собрали в сумки и рюкзаки всю оптику и на сером «жигулёнке» проехали к пятому километру польско-белорусской границы.

Трубач удивился тому, как ровно и почти бесшумно работает движок этой развалюхи.

— Объясняю для невежд, — отозвался Голубков, напряженно всматриваясь в серую ленту приграничной лесной дороги, еле освещенную подфарниками машины. — Год выпуска этого автомобиля — семьдесят третий. А в то время «Жигули» комплектовались двигателями итальянской сборки. И ходили эти движки не по сто тысяч, как нынешние, а по полмиллиона кэмэ. А иногда, говорят, и больше.

— Ну, дядя Костя! — восхитился Трубач. — Вы, оказывается, разбираетесь в тачках!

— Я не в тачках разбираюсь, племяш, а в жизни...

Голубков загнал «жигулёнка» в густой кустарник и заглушил двигатель.

Над пограничной полосой стелился болотный туман, в разрывах низких дождевых облаков скользила идущая на убыль луна. За подлеском и просекой темнели плотные еловые кущи, за ними поднимались корабельные сосны. Никакого движения нигде не замечалось, не слышно было никаких звуков, только издали, от Нови Двора, еле-еле пошумливали: звук моторов, музыка из баров — неразлично, все вместе.

По заметкам, которые делали Артист и Муха, дожидаясь нашего приезда, мы изучили каждую ложбинку и пригорок в районе «зеленой». На польской стороне патрули проходили раз в сорок минут, на белорусской — раз в пятьдесят четыре минуты. Собак не было: солдат-то нечем было кормить, а у овчарок рацион посерьезней. Колючка давно уже провисла и обвалилась вместе со столбами, контрольно-следовую полосу перепахивали хорошо если раз в неделю, она была истоптана коровами и козами, забредавшими в запретную зону с обеих сторон некогда неприступного межгосударственного рубежа. Так что пересечь его не составляло никакого труда, что мы с Трубачом и сделали.

Боцман и полковник Голубков остались на польской стороне, рассредоточились в подлеске, чтобы максимально расширить зону обзора. У Голубкова был его бинокль с приставкой для ночного наблюдения, у Боцмана — оптика от арбалета, а у нас с Трубачом приборы посерьезнее — стереотрубы с ночным видением. У нас и задача была посерьезней — проследить, что будет происходить на белорусской стороне границы, как только контрольный звонок в Москву приведет в действие некий механизм, подготовленный для нашей встречи.

Этот механизм и интересовал нас сейчас больше всего.

Трубача я оставил в ельнике метрах в ста от «тропы», а сам пересек сосновый бор и устроил свой НП в кустах боярышника, откуда хорошо просматривалась приграничная дорога. Северное ее направление вело к погранзаставе примерно на широте Нови Двора, а южная часть выходила на магистраль Е-12 Белосток — Гродно. Оттуда, по моим прикидкам, и должна была появиться группа, которой приказано было нас встретить. И я не ошибся.

В ноль двадцать я услышал слабый гул двигателя, минут через восемь—десять в густой темноте отчетливо высветились две узкие синие щели: машина была снабжена светомаскировочными щитками на фарах. Я припал к стереотрубе. То, что это джип, — разобрал, но какой модели — разобраться не смог, а цвет и вовсе был неразличим в зеленоватом глазке ночной оптики. Джип прошел мимо моего НП, поскрипывая рессорами на ямах грунтовой дороги, и остановился метрах в пятидесяти от «тропы». Из машины вышли четверо в чем-то вроде камуфляжа. У троих в руках были какие-то длинные палки то ли в чехлах, то ли в тряпках, вроде спиннингов. У четвертого в руках не было ничего. Он махнул в сторону «тропы», словно показывая направление, и вернулся за руль джипа. Трое натянули на головы маски «ночь»,

расчехлили свои спиннинги и скрылись в приграничном подлеске.

Только это были не спиннинги. Я уже догадывался, что это такое. Но мне не догадываться надо было, а знать совершенно точно. Поэтому я поудобней устроился в этом клятом боярышнике, стряхнувшим мне за шиворот всю росу и капли дождя, и настроился на долгое ожидание.

К двум часам ночи тьма сгустилась так, что я не видел собственной руки.

В два десять четвертый вылез из джипа и что-то поднес ко рту. Радиопередатчик. Потом убрал его, закурил и вернулся в машину.

В два сорок он вновь прыгнул на землю, снова связался по рации с теми тремя и нетерпеливо заходил взад-вперед вдоль джипа.

В три пятнадцать начало слегка светать.

Трубачу, Боцману и Голубкову давно уже нечего было делать на их НП, но дать им отбой я не мог — своих радиопередатчиков мы не взяли. А вдруг кто-нибудь случайно наскочит на нашу волну? Не стоило рисковать, завтра они нам точно понадобятся, а сегодня мы могли и без них обойтись. Ну, посидят ребята лишний час, слегка подержаются от неизвестности. Издержки производства, ничего не поделаешь.

В четыре двадцать я снял с трубы прибор ночного видения, он уже стал не нужен. Малый возле джипа щелчком швырнул в сторону сигарету и отдал какой-то приказ по своей рации. Минут через двадцать из подлеска появились эти трое. Они стянули с голов черные маски «ночь» и принялись зачехлять свои спиннинги. Вот тут-то я их как следует и рассмотрел.

Это были немецкие снайперские винтовки «Зауэр» с оптическими прицелами, с приспособой для стрельбы ночью, с глушителями и пламягасителями.

Вот что это было.

Джип оказался знакомым мне серебристым «патролом», но за рулем был не Валера, а майор Васильев.

Вадим Алексеевич.

Или — как он разрешил мне себя называть — просто Вадим.

Все четверо уселись в джип, он развернулся и быстро ушел в сторону магистрали Белосток — Гродно.

Было уже совсем светло, так что нам с Трубачом пришлось возвращаться на польскую сторону в основном ползком и короткими перебежками. Голубков и Боцман уже ждали нас в «жигулёнке».

— Все в порядке, — кивнул я в ответ на их вопросительно-тревожные взгляды.

Мы заехали на почтамт Нови Двора, укротили десятью баксами сладко дрыхнувшего пана сторожа и получили доступ к междугородному автомату. Я набрал номер и сообщил диспетчеру:

— Посылку не передали. Возникли проблемы. Постараемся завтра. Предварительно позвоню.

— Не уходите со связи, — ответил диспетчер. Он с кем-то, видно, посоветовался и вновь соединился со мной. — Вам объявлен выговор за нечеткость в работе.

— Кем объявлен? — удивился я.

— Тем, кто имеет на это право.

— Пошлите его в жопу! — сказал я и бросил трубку.

Ну, суки!

Док дремал в кресле, ожидая нашего возвращения. Муха и Артист спали. Голова у Артиста была перевязана, а физиономия Мухи усеяна пятнами зеленки.

— Я им дал снотворное, — объяснил Док. — Выспятся. Заодно и стресс снимется... Ну?

— Ну... гну!

Мы перешли в соседний номер и свели воедино наши нынешние наблюдения. По сложности задачка была примерно на уровне второго класса школы для умственно отсталых детей. Три снайпера на «тропе». Мы идем гуськом. Один спереди берет первых двоих, два других — остальных. По секунде на выстрел. Потом, вероятно, еще по одному — контрольному. Но это уже без спешки, некуда торопиться. Потом возвращаются в «патрол» и уезжают. А наутро в рапорте начальника погранзаставы будет сообщение о том, что при переходе государственной границы Республики Беларусь в ночной перестрелке были убиты шестеро неизвестных, вероятно — членов неустановленной преступной группировки.

— Семеро, — поправил полковник Голубков.

— А кто седьмой? — удивился Боцман.

— Я.

— И думать забудьте. Никуда вы с нами, Константин Дмитриевич, не пойдете, — сказал я. — Только вас тут не хватало!

— У меня есть приказ перейти границу вместе с вами, — напомнил он.

— Сказать вам, что сделать с этим приказом? Да вы и сами знаете. Не смогли выполнить. Мы от вас скрылись. Максимум, что вам грозит, — служебное расследование и увольнение на пенсию. Хоть будет кому приходиться на наши могилки. Голубков только головой покачал:

— Ну и шутки у тебя, Пастух!

— Если бы это были шутки!..

— У нас есть два «узи» и четыре ПМ, — напомнил Трубач об арсенале, изъятом при захвате хрустовских улюдков. — И два ножа-автомата.

— И кольт-коммандер 44-го калибра в подарочном варианте, — добавил я.

— Какой кольт? Откуда кольт? — запротестовал Трубач. — Ты мне велел его закопать в саду. Не так, что ли?

— Кончай трепаться, — приказал я. — Где ты его прятал?

— Ну, в «ситроене». В воздухофилтре. Как ты узнал?

— Больно ты суетился вокруг тачки, когда сварщик работал. Где он сейчас?

— Ну, в мусор спрятал. Возле «строена». Так что теперь?

— Ничего. Не имеет значения. Мы без всяких «узи» и кольтов можем перебить этих троих вместе с майором Васильевым. Потому что мы знаем про них, а они про нас нет. И что?

— А если не перебить, а захватить? — спросил Док.

— И что? — повторил я. — Привезти в Москву и сдать генерал-лейтенанту Волкову? По-твоему, он нам спасибо скажет? Как, Константин Дмитриевич, скажет?

— Нет, не скажет.

— Вот и я так думаю.

— Так что же делать? — спросил Док.

— Иван Георгиевич! — обратился я к нему с самым проникновенным чувством, на какое был только способен. — Ну, хоть раз бы ты задал мне какой-нибудь простенький, обыкновенный вопрос! Ну, например, где находится Янтарная комната. Или кто убил президента Кеннеди. Или, наконец, когда будет конец света.

— Когда же он будет? — спросил Док.

— Для нас — скоро, если ничего не придумаем... А тут еще этот Граф и хрустовские отморозки!..

«Стоп, — сказал я себе. — Стоп».

Немного подумал и еще раз сказал себе: «Стоп».

Граф. Пять кило героина. Мертвый Влад. Мертвый Пан. Хруст в Интерполе.

Даже самую умную и выдрессированную собаку можно увести куда угодно, если дать ей понюхать подстилку, на которой лежала сучка во время течки.

У баксов запах не хуже.

Можно попробовать. Шансов — близко к нулю. Но мы не можем пренебрегать даже единственным.

— Встали, — приказал я. — Боцман, подгонишь «фиат» вплотную к дверям «губы». Док и Трубач — притащите из «строена» ковры. Потом перегрузим всех пятерых из «губы» в «фиат» и накроем коврами.

— Четверых? — переспросил Боцман.

— И пятого тоже. Константин Дмитриевич, подбросите нас к «губе» и подстрахуете со стороны. Трубач, завтра в восемь утра мы с тобой кое-куда съездим. Вернее, уже сегодня, —

поправился я. — И никаких кольтов!

— А нам что делать? — спросил Боцман.

— На всех работы хватит...

Через час погрузочно-разгрузочные операции были успешно завершены. Было уже начало восьмого, бессмысленно было даже пытаться вздремнуть. Док упросил пани хозяйку сварить нам побольше крепкого кофе. Им мы и пробавлялись, заодно подчищая жалкие остатки еды, оставшейся после трапезы оголодавших за двое суток Артиста и Мухи.

— Много бы я дал, чтобы узнать, о чем ты сейчас думаешь, — проговорил полковник Голубков, закуривая свой «Космос».

— Я могу и бесплатно сказать, — ответил я. — Вспоминаю разговор с Назаровым. Он сказал, что существует всего три способа защиты от ядовитой змеи. Первый: держаться подальше от тех мест, где они водятся. Второй: носить надежную одежду. И третий: вырвать у змеи ядовитый зуб. Он сторонник третьего способа. — Я подумал и добавил: — Я тоже.

— По-моему, все сошли с ума.

— Кто — все?

— Все, — повторил Голубков. — Вся Россия. У меня иногда такое чувство, будто мы — первые люди на Земле. Что построим — в том и будем жить. Какие законы примем для себя — те и будут. И не очень-то верится, что это будут хорошие дома и Божьи законы.

— Это и есть свобода, — вмешался в наш разговор Док.

Голубков с сомнением покачал головой:

— Если ты прав, то свобода — это страшная вещь.

— Я бы сказал по-другому: обоюдоострая, — уточнил Док и посмотрел на меня. — Куда ты собрался ехать?

— К Графу...

IV

К центральным воротам мотеля «Авто-Хилтон» мы подъехали минут без двадцати девять. За рулем белого фиатовского фургона был Трубач в обычной своей ковбойке и в кожаной куртке с подвернутыми рукавами. Мне для солидности пришлось надеть светло-серый костюм, купленный на Кипре, а рубашку и галстук я позаимствовал у полковника Голубкова. Страж у ворот проворчал что-то по-польски насчет того, что нас в такую рань принесло, но Трубач лишь развел руками:

— Бизнес, пан, бизнес!

Мы развернулись на аллею, которую нарисовали на плане мотеля Голубков и Боцман, и подъехали к крайнему коттеджу, под навесом которого виднелся приплюснутый капот темно-вишневой «альфа-ромео» с афинским — синей вязью по белому фону — номером. Трубач встал сбоку от двери, а я нажал кнопку интеркома, держа наготове поставленный на «паузу» диктофон.

— Кого там еще черт пригнал? — раздался в микрофоне не слишком мелодичный мужской голос.

Я снял диктофон с «паузы», из него прозвучало:

— Свои, Ленчик. Это я, Владас. Со мной Корень.

Я выключил диктофон и спрятал в карман. Больше он был не нужен.

— Сейчас... секунду!.. — слышалось из интеркома.

Дверь приоткрылась, Трубач сунул в щель свою лапищу и извлек наружу довольно плотного малого в майке. За пояс его джинсов был засунут пистолет Макарова. В ту же секунду ПМ оказался в руке Трубача, а в горло оторопевшего Ленчика уперлось острие ножа — одного из тех, с автоматически выщелкивающимся лезвием, что мы забрали у хрустовских кадров.

— Спокойно, Ленчик, — негромко и даже дружелюбно проговорил Трубач. — Главное — спокойно! Ты понял?

Он втолкнул охранника в прихожую, я вошел следом и закрыл за собой дверь. Замок автоматически защелкнулся.

Откуда-то из глубины коттеджа слышался плеск воды и другой мужской голос:

— Кто там?

— Свои, Ленчик, свои, — подсказал Трубач. — Влад и Корень. По делу заехали.

— Свои, — послушно повторил охранник. — Влад и Корень.

— Пусть ждут! Плеск воды стих.

— Ванну Граф принимают? — любопытствовал Трубач.

— Не, душ. Позвать, что ли?

— Зачем? Пусть человек моется, мы не спешим. Где еще пушки?

— Нету больше, ни одной, — замотал головой Ленчик.

Я вошел в просторную гостиную, служившую одновременно, как во всех европейских мотелях, кабинетом, баром и спальней, сунул руку под подушку на незастеленной кровати. Там оказался австрийский «глок» с глушителем. В верхнем ящичке письменного стола обнаружился еще один инструмент — браунинг 32-го калибра.

— А врать-то, Ленчик, нехорошо, — укоризненно проговорил Трубач. — Очень это некрасиво.

Он перебросил мне ПМ, спрятал в карман нож и ахнул обеими ладонями по ушам охранника. Это у Трубача называлось «сыграть в ладушки». Прием довольно щадящий, но на полчаса объект отключался. После чего Трубач перенес Ленчика на диван и аккуратно уложил лицом к спинке.

Я сел в кресло и выложил перед собой на журнальном столике пистолеты. Целый арсенал.

— И еще может быть, — заметил Трубач. — В кармане халата.

— Не исключено, — согласился я.

Трубач занял выжидающую позицию рядом с дверью в ванную.

Минут через пять плеск воды прекратился, а еще через некоторое время дверь открылась и появился низенький человек лет пятидесяти в красном стеганом халате до пят с атласным поясом и атласными отворотами. Шея его была закутана шелковым, бордовым с искрой, платком. Полноватое, лоснящееся от бритвы и крема лицо выражало легкую снисходительную надменность. Эдакий Наполеончик. Лишь маленькие злые глаза-буравчики портили его экстерьер.

Сначала он увидел Ленчика на диване и рявкнул, мгновенно покраснев:

— Ты что разлегся, мать...

Но тут он увидел меня. Потом Трубача.

— Извините, Граф, — сказал Трубач и извлек из кармана роскошного халата небольшой бельгийский «байард» калибра 6,35. — Больше ничего нет. Как ни странно, — сообщил он мне и присовокупил «байард» к выложенной на столе коллекции.

— Проходите, Граф. Садитесь, — предложил я. — Любите оружие? Я тоже. Вот этот экземпляр в вашей коллекции мне особенно нравится. — Я повертел в руках «глок». — Специальная разработка для австрийских оперативников. Всем хорош. И легкий, и мощный. Не уступите? Я бы дал за него настоящую цену.

Он молчал, пытаясь сообразить, как вести себя в этой неожиданной ситуации.

— Я говорю вполне серьезно, — заверил я и для убедительности вытащил из внутреннего кармана пиджака пачку новеньких баксов в банковской бандероли. — Сколько?

— Странное предложение, — заговорил, наконец, он. — Вы его и так забрали.

— Исключительно из предосторожности. Чтобы избежать случайных эксцессов, — объяснил я. — Неужели я похож на человека, способного отнять у другого орудие производства? Это все равно что у столяра отобрать долото. Я верну вам ваш арсенал. После того как закончим разговор. Может, все-таки продадите?

— Я не торгую своим оружием.

— Понимаю вас. Я бы тоже не продал. — Я спрятал баксы и кивнул Трубачу: — Взгляни на кухне, нет ли там какого-нибудь пакета?

Трубач принес полиэтиленовую сумку, я ссыпал туда оружие и поставил сумку на пол. Объяснил:

— Не люблю вести переговоры с оружием. Невольно отвлекает от дела.

— Особенно когда оно в чужих руках, так? — спросил Граф.

Начал осваиваться. И был явно доволен своим вопросом. Я решил, что стоит его поощрить.

— Остроумно, Граф. Нечасто приходится иметь дело с таким смелым и находчивым человеком. Ничего, что я называю вас по кличке? Просто я не знаю вашего имени.

— Ничего, — кивнул он. — Это не совсем кличка.

С ним, пожалуй, было все ясно. Не совсем кличка. Да кто ж тебе, ублюдку, поверит, что в тебе есть хоть капля дворянской крови! Разве что молодой барин когда-то завалил твою крепостную прабабку на сеновале. Да и то не барин, а барский кучер.

Проблемы российской и нероссийской геральдики меня никогда в жизни не интересовали, начисто лишен я был и снобизма, заставляющего нынешних новых русских выискивать в своих родословных благородные крови и даже объединяться в дворянские клубы. Все мои предки, насколько я знаю, были крестьянами, я не видел в этом никакого повода ни для гордости, ни для стыда. И намек на графство, прозвучавший в словах этого злобного недомерка, привлек мое внимание лишь потому, что мне нужно было понять, с кем я имею дело. Ради успеха самого дела.

Лагерный опыт у него, конечно, был. Но, пожалуй, мотал он срок не за бандитизм. И не за торговлю. Торгаши так и остаются торгошами. Скорее всего — из цеховиков. Эти гораздо чаще становятся главарями банд. Воля, ум, опыт, жестокость, алчность. «Вор в законе» — это понятно было из его разговора с Владасом, записанного с «жучка». Но уже новой формации. Старым «правильным ворами» их закон запрещал даже жениться и иметь детей. И предписывал жить в скромности. Да за один этот халат и «альфа-ромео» ему дали бы «по ушам» — лишили бы звания вора. А в Афинах наверняка и вилла не из последних. И дети учатся где-нибудь в Кембридже.

В лексиконе нет фени. Тоже показатель. В отношениях с партнерами по бандитским делам он, конечно же, козыряет воровским чином, но в обычной жизни отмежевывается от него. Косит под интеллигента.

Странные все-таки дела. Уж на что наша российская интеллигенция бедная, убогая, замордованная — если верить тому, что она сама о себе говорит и пишет. А есть все-таки какая-то в ней привлекательность. Недаром вся разжиревшая шваль любит тусоваться с артистами и писателями.

Сам Сталин не лишен был этой слабости.

И даже Берия.

Так что же такое мой контрагент? Умен. Свиреп. Жаден. Самовлюблен. И вот что еще — агрессивен. Не помочь же он взялся Владасу, а захватить оставшийся без хозяина бизнес.

Отсюда, пожалуй, нужно и танцевать.

— Извините, Граф, — сказал я. — Невольно задумался. О странностях жизни, которая сводит таких разных людей, как мы с вами. Одинаковых лишь в одном.

— В чем?

— В стремлении достичь своей цели.

— Вы не представились, — напомнил он. Интеллигент! А подумал небось: «Да кто же ты, сука, такой?»

— Сергей, — назвался я. — Для друзей — Серж. Или Сережа.

— А для врагов?

— У меня нет врагов.

— Ну, ладно! Так не бывает.

— Бывает. Я расскажу вам о своем методе. Чуть позже. Прежде чем перейти к делу — у вас, вижу, есть вопросы ко мне?

— Как вы на меня вышли?

— Владас.

— Как вы вышли на него?

— Он сам вышел на нас. «Строен».

— Проклятый кретин!

— Не нужно, Граф. Ибо сказано: о мертвых или хорошее, или ничего.

— А он?..

Я пожал плечами.

— Увы. Ему отвернули голову.

— То есть как?

— Никогда не видели, как отворачивают головы?

— Кто отвернул? Вы?

— Ну почему обязательно я?

— А кто?

— Наш разговор напомнил мне американский детский анекдот. Учитель спрашивает: «Джон, почему ты вчера не был в школе?» — «Водил корову к быку». — «А отец не мог этого сделать?» — «Он бы мог, но бык лучше...» Правда, смешно?.. Нет, это сделал мой помощник Коля. Рекомендую, — показал я на Трубача, который полулежал в кресле и ловил кайф от нашего разговора. — Он очень не любит, когда его друзьям тыкают в грудь горящую сигарету. Он от этого становится очень нервным. Так что Владас, можно сказать, сам виноват... Колюня, покажи Графу, что там лежит в кузове «фиата». А то у нас слишком много времени уйдет на предварительные вопросы.

— Пойдемте, — охотно предложил Трубач. В это время Ленчик зашевелился и сделал попытку встать. Трубач еще раз «сыграл в ладушки» и гостеприимным жестом раскрыл перед Графом дверь.

Не было их минут шесть-семь. Когда Граф вернулся и опустился в свое кресло, он уже был не похож на маленького Наполеона. Ну, разве что на Наполеона после битвы при Ватерлоо. И

вопрос у него остался только один:

— Кто вы такие?

Ну, прямо проклятый вопрос. Из разряда вечных: «Кто виноват?» и «Что делать?» Я даже и попытки не сделал ответить на него.

— Давайте, Граф, перейдем к делу. Вы знаете, что произошло на вилле «Креон»? Ваше знание состоит из того, что рассказали вам трое «шестерок» Пана, и ваших догадок. Я расскажу вам то, что было на самом деле. Для определенных целей нам понадобилась небольшая партия товара и через надежных людей мы вышли на Пана...

— Для каких целей? — перебил Граф.

— Как говорил один мой знакомый: «Меньше знаешь — лучше спишь».

— Значит, вы были знакомы с Паном?

— Не слишком долго, — объяснил я, и это была чистая правда. — Так вот. Мы отнеслись к Пану со всем уважением и приняли все его условия. Мы проплатили миллион долларов, а потом еще шестьсот тысяч. Пан заверил нас, что у него есть надежный канал доставки товара в Москву. Мы условились, что окончательный расчет произведем при получении товара. Нормальная схема, не так ли?

Граф молча кивнул.

— Но Пан повел себя некорректно, — продолжал я. — Он трижды срывал сроки, а потом сообщил, что его канал связи сгорел и он передаст нам товар на своей вилле. Нам это показалось подозрительным, и мы послали к нему нашего человека для проверки. В задачу мою и моих людей входило страховать этого человека. Эта предосторожность оказалась нелишней. Пан застрелил нашего связника и попытался застрелить нас. Это ему, к счастью, не удалось.

— После чего вы забрали товар, а трех «шестерок» отправили в Варшаву, чтобы сбить всех со следа, — закончил Граф. — Это было остроумное решение.

— Не слишком, раз вы о нем догадались, — возразил я. — Хорошо хоть не догадалась полиция.

— Вы же не приравниваете, надеюсь, меня к полиции? — На его лице вновь появилась самодовольная усмешка. — Так в чем же ваша проблема?

— В том, что в это дело оказались втянуты вы. Ваши люди сработали, конечно, грубовато, когда попытались перехватить нас в Болгарии...

— Это были люди Хруста. Мои так не работают.

— И в этом тоже часть проблемы. — Я понял, что пора дать ему в руки козырь, чтобы он чувствовал себя поуверенней. — Сейчас у нас только один способ решить проблему. Убрать всех ваших людей... вместе с вами, Граф, извините за откровенность. И уйти с товаром. «Окно» на границе готово, и мы им воспользуемся сегодня ночью.

Судя по выражению его лица, этот способ ему не очень понравился.

— Но этот вариант нас не устраивает, — продолжал я. — По двум причинам. Владас любезно

рассказал нам, что вы вызвали из Афин десять своих боевиков и они появятся здесь в ближайшее время.

— Что он еще рассказал?

— Все.

— Ему нужно было язык выдрать, а не голову откручивать! — заявил Граф, довольно правдоподобно изобразив гнев.

— Не горячитесь, — посоветовал я. — Возможно, это и к лучшему. Нам не очень улыбается перспектива начинать здесь войну с вашими людьми. Хотя сомнений в исходе ее у меня нет.

— Вы плохо знаете моих людей.

— Зато я хорошо знаю своих. Но дело даже не в этом. Нам нужен регулярный и надежный канал получения товара. Эта партия — первая, пробная. Нам понадобится по десять килограммов примерно раз в полтора-два месяца. Хруст и Пан выбыли из этого бизнеса. Почему бы вам не заняться этим?

— Почем?

— С вашей доставкой в Москву — по пятьсот баксов. За грамм, само собой. С нашей — по четыреста шестьдесят. Это те же условия, которые предложил нам Пан. А он не любил оставаться внакладе. Мы навели о вас справки в Москве и получили хорошие отзывы. Правда, и о Пана отзывы тоже были неплохие. Но я уверен, что вы человек другого калибра, чем этот, как говорят на зоне, гнилой бажбан.

— Вы не топтали зону, — заметил Граф.

— Нет. И не собираюсь.

— Кто в Москве может мне вас порекомендовать?

— Надеюсь, что никто.

— Так не бывает. Мир тесен. Вам же кто-то рекомендовал Пана и меня.

— Когда это нужно, мы сами находим таких людей.

— Я должен знать, с кем имею дело.

— Партнера узнают не по рекомендациям. Лучшая гарантия в бизнесе — предоплата. Мы на нее согласны. Таким образом, ситуацией будете владеть вы. А мы будем ее всего лишь контролировать. Не напоминаю, чем может быть чревато нарушение обязательств.

— Но все-таки напомнили, — заметил Граф.

— Чтобы между нами не осталось недоговоренностей.

— Вы не похожи на людей, которые занимаются наркотой.

— Мы ею и не занимаемся. У нас совсем другой бизнес.

— Зачем же вам товар?

— Это последний вопрос, на который я отвечу. Есть регионы, где наркота котируется выше доллара.

— Чечня, — предположил он.

— Логично, — согласился я. — Если бы нам понадобилось похищать людей или время от времени взрывать нефтепровод. Но это нас не интересует.

Он прищелкнул пальцами.

— Я понял! Колыма — золото. И Мирный с Якутией — алмазы. Я прав?

— Все, Граф. Я больше не отвечу ни на один ваш вопрос. Ни на прямой, ни на косвенный. Вы слишком опасный собеседник. Похоже, я слишком молод для переговоров с вами.

Он прямо-таки расплылся от моих слов.

— Я обдумываю ваше предложение, — пообещал он. — Как я сообщу вам о своем решении?

— Сколько времени вам нужно на обдумывание?

— Недели две-три.

— Ровно через три недели наши люди позвонят вам на виллу в Афины. Тут он слегка побледнел.

— Вы знаете, где моя вилла?

— И где ваш офис — тоже знаем.

— Откуда? Этого вам не мог сказать Владас!

— Граф, я вас предупредил: больше ни одного вопроса.

Похоже, мой блеф проскочил.

— А как быть с этой партией товара? — задал он, наконец, вопрос, которого я больше всего ждал. Я пожал плечами.

— Никак. Проехали.

— Серж! Я понял вашу игру! Вы вешаете мне лапшу на уши только с одной целью: чтобы я не помешал вам сегодня ночью уйти с товаром! Вы не дурак, но со мной вам тягаться рано! Все, что вы мне в уши надули, — блеф!

Пора было его слегка остудить.

— А четверо теплых в «фиате» и один холодный — тоже блеф? — Я поднял сумку и встряхнул звякнувшими пушками. — И это блеф? Может, и мой друг Коля блеф? Очень жаль, Граф, что мы не достигли с вами взаимопонимания. Я обещал вам рассказать, как мне удастся не иметь врагов. Вот как: я превращаю врагов в друзей. Или уничтожаю. Нам с вами до дружбы далеко, но я надеялся сделать из вас партнера. А хороший партнер — это почти друг. Не вышло. — Я

кивнул Трубачу. — Приступай. Ни к чему нам ждать, когда появятся его афиняне.

Граф даже втянул голову в плечи. Тут, к собственному его несчастью, снова ожил и приподнялся с дивана Ленчик. Трубач мимоходом грохнул его своим кулачищем по темечку. Это уже не «ладушки». Это — пара недель в больнице. После чего Трубач взялся сзади за подбородок Графа и повернул его голову примерно на девяносто градусов по часовой стрелке. Следующие градусы десять переправляли бы этого несостоявшегося наполеончика напрямик на его остров Святой Елены.

Он захрипел:

— Нет!

И посмотрел на меня, как курица: сбоку и круглым глазом.

Я кивнул Трубачу:

— Секунду!

Голова Графа встала на место.

— Вы хотите сказать последнее слово? — спросил я.

Он откашлялся, помассировал шею и ответил:

— Серж! Так не делаются дела!

— Именно так они и делаются, — возразил я.

— Я согласен на ваши условия. Я верю, что вы не блефовали. Поверьте, я полностью вам доверяю.

— Доверие предполагает откровенность. Полную. Докажите се. Это ваш последний шанс.

— Как?

— Ваши проблемы. У вас всего три попытки, Граф.

От напряженного раздумывания он даже вспотел. Наконец, сказал:

— Это я сдал Хруста. Я с самого начала хотел забрать его бизнес.

— Это я и сам знал, — ответил я, и наполовину это было правдой.

— Я...

— Только не признавайтесь, что предпочитаете мальчиков, — предупредил я. — Ваша сексуальная ориентация меня не волнует.

— Я и не собирался этого говорить. Тем более что это не так.

— Тогда скажите то, что собирались.

— Я... В общем, это я приказал убрать ваших двух — тех, что сидели на «губе».

— Это я тоже знал. Последняя попытка.

Возможно, я даже пожалел бы его, если бы не знал, сколько крови на этих холеных, с маникюром, руках.

— Я не вызывал людей из Афин! — наконец выпалил он. — Все, больше нечего мне сказать. Это соврал Влад... Ну? Доказал?

— Теперь — да. Только это соврал не Влад, а я.

— Зачем?!

— Как раз для этого. Чтобы проверить, могу ли я вам доверять. Расслабьтесь, Граф. Вы выдержали испытание. Может, хотите выпить?

Он закивал:

— Да, очень хочу.

Трубач подошел к бару, разглядывал бутылки и налил в высокий стакан сразу из нескольких.

— Коктейль «Авто-Хилтон», — сообщил он, передавая стакан Графу. — Я его только что изобрел.

Граф сделал глоток и отставил стакан в сторону.

— Неужели не понравилось? — огорчился Трубач.

— Откручивать головы у вас получается лучше. Я засмеялся.

— Прекрасно, Граф. Я уже говорил, что вы остроумный и находчивый человек. И смелый. Теперь я понимаю, как вам удалось создать свой бизнес и встать во главе.

— А я начинаю понимать, почему при вашей молодости главный в вашем бизнесе вы. У вас все задатки большого босса.

— Я? Что вы! По сравнению с моим боссом я просто щенок. Поверьте, я говорю искренне.

— Да?.. Хотел бы я знать, кто он.

— А вы его знаете. Его все знают. Только очень мало кто знает, что он — это он. Оставим эту тему. Вы вправе спросить меня, зачем я разыгрывал всю эту комедию.

— Зачем? — спросил он.

— Именно затем, что нам нужен надежный партнер для того самого дела, о котором мы говорили. Очень надежный. По-моему, вы подходите на эту роль. Я докажу вам серьезность своих намерений. Разумеется, эту партию товара мы могли бы вывезти без всяких проблем и без вашего участия. Два «но». Мы не хотим, чтобы поползли слухи о якобы нашем беспределе по отношению к Пану...

— Вы же сказали, что вас никто не знает.

— Правильно. Но у слухов есть пакостная особенность проникать во все щели, как керосин. А

мы дорожим своей репутацией. Второе «но»: нам все равно пришлось бы искать партнера. Это — время. И никаких гарантий, что снова не нарвешься на такого же Пана. Поэтому мы готовы видеть вас в роли правопреемника Хруста и Пана и готовы выполнить все наши обязательства.

— То есть заплатить за товар?

— Вам это кажется странным?

— Немного.

— Это говорит лишь о том, как мы еще далеки от цивилизованного бизнеса. Вспомните, Граф: русские купцы заключали миллионные сделки под простое слово. Даже без всяких расписок. «Честность — лучшая политика». «Слово дороже золота»... — Я взглянул на часы. — Черт! Время звонить!.. В мотеле должен быть международный автомат. Он в офисе, наверное?

— Куда вам нужно звонить? — спросил Граф.

— В Москву.

— Можете воспользоваться моим сотовым телефоном.

Он подал мне трубку. Я заметил, что рычажок поставлен на громкую связь, но переключать не стал.

Прикрыв пульт от Графа, я набрал номер Москвы.

— Диспетчер, — прозвучало достаточно громко.

— Говорит Серж. Посылка готова. Сегодня от часу до двух ночи.

— Вас понял. Пароль «Москва», отзыв «Киев». Удачи!..

Я набрал еще один номер — тот, что дал мне для связи Губерман. Он ответил после первого же гудка:

— Слушаю.

— Ефим, это Серж. Нужен самолет в Гродно. Небольшой. Вылет из Гродно в три или четыре утра. С посадкой в Жуковском или Чкаловском без таможни. Подробности при встрече.

— Сделаем. Назовешь ночному диспетчеру свою фамилию. Встречу сам.

— До встречи, — сказал я и вернул Графу трубку. — Спасибо, теперь все в порядке. На чем мы остановились? Да, деньги. За товар мы проплатили «лимон» шестьсот. Осталось семьсот тысяч.

— Девятьсот, — поправил Граф.

— С какой стати? — удивился я. — Девятьсот — это если по пятьсот баксов за грамм. А мы берем по четыреста шестьдесят. Доставка-то наша.

— Хорошо, семьсот.

Я позволил себе усмехнуться.

- Еще бы не хорошо. Не вложили ни цента, а получаете семьсот штук.
- Я вложил сто в джип и оружие, — напомнил Граф.
- Бросьте! Ваш «паджеро» со всеми стволами тянет от силы на полтинник. И потом, Граф, вы что, хотите слупить с нас бабки за стволы, которыми нас же хотели прикончить?
- Мне придется разбираться с корешами Хруста.
- Ваши трудности. Еще вопрос: как передать вам эти бабки? Банковский трансферт исключен.
- Почему?
- Нам не нужны следы. Да и вам тоже. У вас есть человек, которому вы полностью доверяете?
- Ну, Ленчик, — не очень уверенно проговорил Граф.
- Ленчик отпадает, — вмешался Бецман. — Примерно на месяц. Сотрясение мозга средней паршивости.
- А ваш телохранитель Гриша? — спросил я.
- Вы его отпустите?
- Ясно, отпустим. Сейчас же. На черта он нам нужен?
- Он парень туповатый, но вполне надежный.
- Значит, так и решим, — заключил я. — Он идет с нами через границу, на той стороне получает бабки и возвращается. «Окно» будет открыто не меньше двух часов.
- А разве бабки не с вами? — насторожился Граф.
- Да что же мы, спятили? Мы ехали контролировать ситуацию, а не брать товар. Бабки подвезут те, кто нас встретит.
- Граф надолго задумался, а потом покачал головой:
- Нет, Гриша не подходит.
- Значит, свою жизнь вы ему доверяете, а семьсот штук зеленых — нет?
- Вот именно нет, — подтвердил Граф.
- Тогда я вижу только один выход. Колюня, сколько у нас бабок осталось? Штук пятьдесят?
- Около того, — отозвался Трубач. — Ну, и за «ситроен» чирик—полтора можно взять.
- С «ситроеном» нам уже возиться некогда. Значит, полтинник. Сейчас, Граф, мы отдаем вам пятьдесят тысяч баксов, а остальные — когда привезем предоплату за следующую партию товара... Опять несогласно? Тогда я не знаю. Предлагайте сами. В конце концов, это вам нужно, а не мне, — добавил я, а сам подумал: «Черт! Неужели не клюнул?»

Граф немного помолчал и спросил:

— Когда я могу получить эти пятьдесят штук?

— Как только приедем в Нови Двор.

— Я смогу увидеть товар?

— Не доверяете?

— Вы осторожный человек, Серж. Я тоже.

— Сможете, — сказал я. Ключнуть, может, и не ключнул, но интерес к наживке проявил. Теперь главное — не спугнуть. — Могу я еще раз воспользоваться вашим телефоном? Какой здесь код?

— Четыреста восемьдесят пять, — ответил Граф, передавая мне трубку.

Я набрал номер нашей комнаты в отеле-теремке. Ответил Док.

— Это Серж, — сказал я. — Звоню от Графа. Товар подготовлен?

— Да.

— Возьми с собой Митю и через час будьте в «ситроене». С товаром. Соберите все бабки, что у нас остались, и тоже принесите. Сидите в кабине и ждите меня. Остальные пусть страхуют со стороны. И если что — никаких нежностей. Все ясно?

— Все, Серж, — ответил Док и положил трубку.

— Почему в «ситроене», а не в вашем отеле? — спросил Граф.

— Вас интересует, где мы живем?

— Не очень.

— Я так и подумал. Ну что, переодевайтесь, Граф, и поехали. Да, чуть не забыл! — Я вытряхнул из сумки пистолеты на полированную поверхность журнального столика. — Забирайте ваш арсенал.

— Успели разрядить, — предположил Граф, не притрагиваясь к стволам и сверля меня своими пронзительными глазами-буравчиками.

Я взял «глок», направил в пол длинный от глушителя ствол и два раза подряд нажал курок. Раздались два хлопка, в ковре появились две дырки с оплавленным по краям ворсом.

Я положил пистолет на стол.

— Убедились? Хотите сами попробовать?

Граф взял «глок» и повертел его в своих маленьких пухлых руках. Я заметил, как Трубоч подсобрался. Но на этот раз ему не представилось возможности продемонстрировать свою рысью хватку.

— Вы сказали, что вам нравится эта машинка, — проговорил Граф.

— Да, очень, — вполне искренне признался я. Он взял пистолет двумя руками, как чашу, и

протянул мне через стол.

— Дарю!

— Вы шутите, Граф?

— Дарю! — повторил он с таким самодовольством на физиономии, что прямо хоть руками разводи.

Странные вещи вытворяет с нами наше самомнение. Очень странные. Если человек считает, что он красив, он и ведет себя, как красавец. И что самое поразительное — и женщины-то к нему чаще всего относятся, как к красавцу. А вот если человек считает, что он умен, то ведет себя, как последний дурак. И дураком же выглядит в глазах окружающих.

А уж когда человек самовлюблен...

Я принял «глок». Не потому, что он мне действительно нравился. А потому, что понял: я должен его принять. Но «спасибо» не сказал — это слово в его глубинном, изначальном смысле никак не годилось для этого случая. Не сказал я и «благодарю». А сказал то, что он и хотел услышать:

— Графский подарок!

И он сразу стал Наполеоном после Аустерлица.

Небрежно-благосклонным к свидетелям своего триумфа.

И мысли не допускающим, что кто-то может не восхищаться им и его не любить.

Доверчивым дураком.

Что для меня в этой ситуации было самым главным.

Я попросил Трубача:

— Пойди развяжи этих. Гришу сюда приведи, а остальные пусть сидят в «фиате».

— Гриша — это который с перебитым носом? — уточнил Трубач. — Или без зубов?

— Который самый целый из них, — подсказал Граф и удалился в гардеробную, даже и не подумав убрать пистолеты с журнального столика.

Тут я их слегка и перезарядил. Патронами от «Макарова» заклинил магазины «байарда» и браунинга, а «маслятами» калибра 6,35 от этих дамских игрушек зарядил ПМ. Так что из браунинга и «байарда» теперь не смог бы выстрелить даже КИО, а стрелять из «Макарова» патронами калибра 6,35 вместо штатного 7,62 я не пожелал бы и моему первому взводному, который считал строевую подготовку важнейшей дисциплиной для будущих офицеров-десантников.

Эту нехитрую работу я закончил как раз к тому моменту, когда из гардеробной появился Граф в белых брюках и синем блейзере с золотыми пуговицами, а Трубач с улицы ввел его телохранителя Гришу — крепенького мужичка, который выглядел так, словно побывал в руках у людей, не подписывавших Женевскую конвенцию о гуманном отношении к военнопленным. А если подписывавших, то не читавших. А если и читавших, то не очень внимательно. С виду-то

он был вполне в норме, но двигался как робот с несмазанными шарнирами. Он тупо посмотрел на полусвалившегося с дивана Ленчика, потом на стволы передо мной, потом на меня, а уж только потом — со слабо обозначенным во взгляде вопросом — на Графа.

— Все в порядке, — сказал Граф, — сейчас поедем в Нови Двор.

Он взял со стола ПМ и сунул в подмышечную кобуру телохранителя, а браунинг и «байард» убрал в ящик письменного стола.

— Он не сможет сейчас вести машину, — заметил я. — Ему нужно хоть пару часиков отдохнуть.

— На заднем сиденье отдохнет. Сам поведу, — ответил Граф.

— Могу я, — предложил Трубач. — Никогда не ездил на «альфа-ромео». А в «фиате» я все равно не поеду. Там этот Владас воняет. Ну, не воняет, Но мне кажется, что воняет. А это одно и то же. Пусть сами едут. И с трупом пусть сами разбираются. Скажите им, Граф.

— Прикажу. — Он обернулся ко мне: — Вы вернете моим людям оружие?

— Не раньше, чем мы исчезнем.

— Вы мне не доверяете?

— Вам — да. Им — нет.

Он даже оскорбился, но я не дал ему и рта раскрыть — пора было переместить этого Наполеона с Аустерлица в более подходящее для него место. Скажем, на старую Смоленскую дорогу, по которой он чесал из Москвы.

— Не забываетесь, Граф. Сейчас приказываю я. И смените свой блейзер. Мы едем на барахолку, а не в гей-клуб.

Он послушно выполнил приказ, но за руль Трубача не пустил и всю дорогу до Нови Двора обиженно молчал. Мы с Трубачом тоже помалкивали. А про Гришу и говорить нечего. Возле военного городка я велел Трубачу покараулить машину, чтобы ее не сперли вместе с Гришей, и прошел с Графом к «ситроену». На лобовом стекле висел листок с крупным словом «Продано», а в кабине нас ждали Боцман и Док. У Дока в руках был его «Экономист», а на коленях Боцмана лежал светлый металлический кейс с цифровыми замками. Где-то успели найти. Правда, он был чуть великоват для пяти килограммов «дури», но выбора, видно, не было.

Мы с Графом влезли в кабину и заперли дверцы. Док молча передал мне полиэтиленовый пакет. Я заглянул внутрь: там были пачки баксов.

— Только тридцать пять штук, — объяснил Док.

— У меня еще десять.

Я вынул из кармана две пятитысячные пачки, бросил их внутрь и передал пакет Графу.

— Все, что есть. Можете взять в уплату «ситроен», но я не советовал бы. Он может быть засвечен в болгарской полиции и объявлен в международный розыск.

Граф кивнул:

— Хороший совет.

Он пересчитал пачки в пакете, пролистнул их с краю, чтобы убедиться, что это не «кукла», а одну купюру вытащил и быстро ее осмотрел — как это сделал в Москве Боцман, только гораздо быстрее. Видно, глаз у него на это дело был лучше наметан.

— Значит, с вас — шестьсот пятьдесят пять, — заключил он и кивнул на кейс. — Товар?

Боцман набрал шифр на замках и приоткрыл кейс. В нем лежали плотные полиэтиленовые колбаски с белым порошком. Героин и героин. Представляю, как ребята матерились, перемалывая в кофемолках сахарный песок в пудру, а потом запаивая пакеты утюгом или термомашинкой, если ее удалось найти в местных лавках. Граф протянул руку к кейсу, чтобы пощупать пакеты. Это был нежелательный момент. Я хотел было вмешаться, но Боцман невозмутимо и даже с готовностью открыл крышку повыше. Рука Графа отдернулась. Я понял почему: поверх пакетов лежал трубачевский кольт-командер.

— Хотите попробовать? — спросил я Графа. Боцман захлопнул крышку кейса и закрыл замки.

— Не хрен пакеты рвать, — буркнул он. — Мы проверяли товар.

— И как? — спросил Граф.

— Обыкновенное турецкое говно, — тем же тоном ответил Боцман. — Говорил же — надо было бразильский искать. Или хоть гонконгский.

— Ладно, сойдет, — оборвал я его. — Все, Граф. У нас еще куча дел. Стволы ваших кадров будут на «губе». Ключи — под камнем у порога. Скажите Николаю, чтобы шел сюда. Через три недели я вам звоню.

Я спрыгнул с высокой подножки, помог спуститься Графу и даже пожал ему руку, хотя предпочел бы обойтись без этого. Посоветовал:

— Пакет спрячьте под плащ, здесь шпаны полно. И, уже не оглядываясь, залез в кабину.

— Идет к выходу, — сообщил Боцман, наблюдая за Графом через дырку в заднем тенте. — Вышел... Он вернулся в кабину и спросил:

— Ну? А теперь объясни, зачем ты отдал ему наши бабки?

— Во-первых, это не наши бабки. А во-вторых, это не бабки, а наживка.

— Наживка? — переспросил Боцман. Он не очень быстро соображал. Совсем не быстро. Но соображал. — Ты хочешь подставить их вместо нас?

— Ты имеешь что-нибудь против?

— Ничего не выйдет, — подвел итог Боцман, выслушав мой короткий рассказ о переговорах в мотеле «Авто-Хилтон». — Зачем ему рисковать? Он получил сорок пять штук ни за хрен собачий и доволен до усрачки.

Я спросил:

— Знаешь, почему ты никогда не заработаешь миллион долларов?

— Ну, почему?

— Потому что тебе сорока пяти штук за глаза хватит. А ему — нет.

Боцман подумал и упрямо повторил:

— Не выйдет.

— Посмотрим.

Ждать нам пришлось совсем недолго. Минут через пять в дверцу кабины коротко постучали. Я выглянул. Внизу стоял не Трубач. Там стоял Граф и делал мне знаки выйти. Под плащом у него выпирал полиэтиленовый пакет. Значит, он вернулся, даже не дойдя до своей «альфа-ромео».

Я спрыгнул на землю.

— В чем дело, Граф? Что-нибудь случилось?

— Давайте отойдем в сторону, нужно поговорить.

Я взглянул на часы и изобразил нетерпение.

— Только недолго.

Мы отошли в глухой угол двора.

— Во сколько вы переходите границу? — спросил Граф.

— Вы же слышали: с часу до двух.

— Я пойду с вами.

— Вы? Сами? Бросьте, Граф. Не царское это дело. Самое большое через месяц-полтора вы и так получите эти бабки.

— Полтора месяца — срок. За это время я закуплю на них новую партию товара для вас. Сами знаете: время — деньги.

— Плохая идея, Граф. Очень плохая. Есть смелость, а есть глупость. Один, ночью, почти с миллионом баксов. А если вас грабанут и замочат?

— Вы обо мне беспокоитесь или о своих бабках?

— Сейчас это одно и то же.

— Со мной будет Гриша. Он крепкий парень. До ночи отойдет. И мы будем с пушками.

— Цена вашему Грише! И вашим пушкам! Сколько лет вашему сыну? Лет двадцать пять?

— Восемнадцать. Младшему шестнадцать. Я поздно женился. А дочери двенадцать лет.

— Так вот и подумайте о своих детях!

— Я о них и думаю.

— Вы меня не поняли. Подумайте о том, что с ними случится, если вас ограбят и убьют или вы инсценируете собственное ограбление, или по любым иным причинам не сможете выполнить взятых на себя обязательств. А вы их уже взяли. И получили аванс. Счетчик включен. Не перебивайте! Сначала дослушайте. Это не угроза, а законы бизнеса. И вы их сами прекрасно знаете. Я лишь напомнил вам о них. А теперь можете принимать решение.

Он ответил, почти не задумываясь:

— Я его уже принял. И я не меняю своих решений. Я иду.

Часть наживки он уже заглотил. Теперь нужно было, чтобы он заглотил весь крючок.

— Ладно. Решили так решили. В двадцать три двадцать пять будьте на своей машине... Нет, — сказал я. — Все-таки нет. За накладки с вас спросится. Но и с меня тоже. Мне эта головная боль ни к чему. Я вижу только один выход. Эти четверо — надежные люди?

— Да.

— Я согласен, если они вас будут сопровождать. Два «узи». Четыре «Макарова». Хоть что-то. А не ваш «байард».

Граф ненадолго задумался и кивнул:

— Хорошее решение. Вы предусмотрительный человек.

Знал бы ты, сука, какой я предусмотрительный.

— Вот ключи от «губы», держите. Стволы уже там. На «альфа-ромео» и «фиате» будьте в двадцать три двадцать пять возле почтамта. Подойдет мой человек. Скажет: от Сержа. Объяснит, куда ехать и что делать. Предупредите всех своих: его слово — приказ. Для вас, Граф, тоже. При малейшем возражении он будет стрелять. Повторяю, Граф: при малейшем. Вы сильно осложнили наш переход, поэтому нужна предельная четкость. Двадцать три двадцать пять, почтамт. Запомнили? До встречи!..

На этот раз я не стал пожимать ему руку. Просто повернулся и пошел к «ситроену».

— Секунду! — остановил меня Граф. — На той стороне у вас будет машина?

— Разумеется. Джип «патрол». А что?

— Просто спросил. Я тоже заинтересован, чтобы вы ушли чисто...

Вернувшись в кабину «ситроена», я вытащил из кармана диктофон и перемотал пленку на начало разговора. Когда к нам присоединился Трубач, прокрутил ребятам всю беседу.

— Ключнул! — поразился Боцман. — Ну, хорек!

— На семьсот тысяч баксов не только хорьки клюют, — ответил я и тут же поймал себя на самодовольстве. Заразительная, оказывается, хреновина!

— Он не на семьсот тысяч клюнул, — заметил Док. — Он спросил, сколько человек нас будут ждать на той стороне. И ты, Сережа, ему ответил.

— Что я ему ответил?

— Джип «патрол». Нас — он считает — шестеро. В джипе семь мест. Ну, восемь. Значит, встречать нас будут двое. Он клюнул не на семьсот тысяч. А на семьсот тысяч и на два с половиной «лимона». Он хочет взять и деньги, и товар.

— Как это он рассчитывает сделать? — недоверчиво спросил я.

— Может, и узнаем, — предположил Трубач. — Часа через полтора. Когда вернется дядя Костя. Он с Артистом за ними поехал. Я в обшивку «альфа-ромео» сунул «жука». Которого с Влада снял. Он-то сейчас, сами понимаете, не больно разговорчивый...

Мы сняли с «ситроена» номера, кинули их вместе с документами в дымящийся мусорный бак, ключи зажигания оставили в замке, а одну из дверей приоткрыли. Если даже после этого «ситроен» не угонят, то я просто ничего не понимаю в людях. Потом вернулись в отель и стали ждать.

Полковник Голубков и Артист приехали гораздо раньше, чем предположил Трубач. Не говоря ни слова, Артист включил «голосовик». В жизни я не делал более удачных покупок. Оправдал он свою цену и на этот раз. Не просто оправдал. Перекрыл в неизвестное число раз. Потому неизвестное, что цена жизни не поддается измерению в баксах. Особенно когда жизнь эта — твоя собственная.

«...— Ну, оклемался?

— Давно уже. Просто придуривался.

— Садись за руль, поехали... Проверь свой ПМ.

— А что может быть?

— Делай, что говорят!

— Твою мать!.. Точно! Патроны от „байарда“! Как они в нем оказались?

— Серж подменил.

— А как вы узнали?

— Я имею привычку головой думать, а не жопой. Значит, теми стволами, что на „губе“, тоже пользоваться нельзя. Или испортили, или бойки спилили...»

— Вот блин! — возмутился Муха. — А я все пальцы себе напильником ободрал!..

— Тихо! — приказал я.

«— Значит, так, Гриша. Слушай внимательно. Сегодня ночью мы идем с ними через границу. Там у них джип, будут ждать человека два-три. Их шестеро и трое — девять человек. Нас шестеро: ты, я и ребята Влада. Мочим всех тех, забираем товар и бабки...

— Как, Граф? Сами сказали — их девять!

— У нас будет шесть „калашей“ или „узи“. Плюс внезапность.

— Где мы возьмем „узи“?

— Заткнись и слушай. Как только с теми кончим, тут же шьем наших. Всех. Понял зачем? Команда Хруста, много знают.

— Братва поднимет хипеж. Стремно, Граф.

— А кто узнает, что это мы? На тех и повесят, что Пана замочили. И сразу уходим в Варшаву, сдаем товар и домой.

— Успеем, Граф? Пограницы поднимут тревогу.

— Нарядов не будет. Для них сделали „окно“. А от заставы пока доберутся... Успеем, если будем шевелиться.

— А Ленчик?

— А что Ленчик? Пусть лечится, в Польше медицина бесплатная. В другой раз хавальник не будет раззевать, козел вольтанутый! Тепленьким меня сдал, сучара!.. Да обгоняй ты его!.. Живей, Гриша, живей! Сейчас — в Белосток. Там есть человек, даст наводку. Возьмем стволы и сразу назад. Время еще есть, успеем!.. Да жми, тебе говорят!..»

Голубков выключил магнитофон.

— Ушли от нас. Да я и не стал гнать. И так все ясно... Ну что, господа спортсмены. В дерьмо мы плотно влезли. Давайте прикинем, как из него выбираться. У этих, значит, три «Зауэра», и еще у майора Васильева пушчонка, у Графа шесть «калашей» или «узи». А у нас? Кольт, «глок» и два ножа-автомата. Негусто!

— Не прибежняйтесь, Константин Дмитриевич, — возразил Док. — У нас есть кое-что посерьезней всех их стволов. Знание.

— Точно, — сказал Муха. — Даже журналы такие были. «Знание — молодежи» и «Техника — сила». То есть наоборот: «Техника — молодежи», а «Знание — сила»...

* * *

В двадцать три тридцать мы все, кроме Мухи, уже были на своих местах. На трех самых опасных точках — позади лежбищ, которые, как мы выяснили вчера ночью, облюбовали для себя снайперы — распределились Боцман, Трубач и я. Полковник Голубков со стереотрубой укрылся метрах в сорока от того места, куда подъезжал «патрол». Док с такой же трубой и с такой же насадкой для ночного видения — сбоку от «тропы», чтобы контролировать общую обстановку.

Самая трудная задача выпала Мухе — вывести графскую челядь на «тропу» и самому не подставиться под пулю снайпера. Я сначала хотел взять это на себя, но после спора все же остановились на Мухе. Он был самым маленьким и самым быстрым. А это здесь было главным. Ему отдали «глок» с глушителем, Голубкову — трубачевский кольт с приказом не стрелять ни при каких обстоятельствах, потому что этот громовой поднял бы по тревоге весь погранокруг, а я на всякий случай сунул в карман один из «Макаровых» с «губы» с так некстати сточенным Мухой бойком. Но кто знал!

Артиста вооружили двумя ножами-автоматами и поставили у начала «тропы». Он должен был втемную прикрывать Муху и вмешаться только в том случае, если у Мухи в самом начале дела возникнут проблемы. Ножи, конечно, не ахти какое оружие, но Артист работал ими виртуозно. И что важно — это оружие было бесшумным.

Рации у всех были отрегулированы на минимальный звук и включены на прием, лишь передатчик в кармане Мухи был поставлен в режим связи и должен был работать как микрофон. Договорились, что он переключит его на прием, как только начнется движение по «тропе». Муха мог бы среагировать на «пароль — отзыв», но очень мы сомневались, что снайперы майора Васильева исполнят этот традиционный ритуал. Скорее всего, они наметили рубеж — появление на нем первой цели и будет общим сигналом. По нашим вчерашним прикидкам этот рубеж был как раз посередине контрольно-следовой полосы. На него Мухе и следовало ориентироваться. Была еще небольшая надежда, что Док в свою трубу уловит движение снайпера, припадающего к прицелу непосредственно перед тем, как нажать курок. Но надежда эта была слишком ничтожной.

Надежда была только на самого Муху.

В двадцать три сорок пять я услышал слабый шум моторов. Они чуть порывали и заглохли — «альфа-ромео» и «фиат» загнали в кущи за приграничной дорогой. Через некоторое время в рации послышался голос Мухи:

— Все сюда. Говорю только я, все слушают.

— А где остальные? — перебил его Граф. И тотчас раздался хлопок выстрела из «глока» с глушителем. И снова голос Мухи:

— Это было единственное предупреждение, Граф. В следующий раз я буду стрелять не в землю. Объясню обстановку. Все на местах, страхуют нас. На «тропе» должно быть семь человек. Только семь: мы шестеро и наш связник. Иначе встречи не будет. У переднего в руках должен быть светлый кейс с товаром. Первым пойдет Корень, за ним ты, ты и ты. Потом Гриша и Граф. Я замыкаю. Дистанция три метра. На вопрос «Кто идет?» ответ «Москва». Отзыв: «Киев». Если что-то не так, тут же возвращаемся. Спокойно, без суеты. Нас прикроют. Разрешаю задать вопрос. Только один.

— Где товар? — спросил Граф.

— Стойте спокойно, сейчас принесу. Через полминуты вновь заговорил Муха:

— Корень, протяни мне левую руку. Рта не открывай, сам объясню. Это наручники. Чтобы товар не потерял. Снять «калаши» с предохранителей. Но стрелять только по моему приказу. Начали движение. Корень, пошел!.. Прямо по тропе на просвет в соснах. Следующий!.. Следующий!.. Следующий!..

Фокус с наручниками придумал я. Вернее, не придумал, а вспомнил малого на кухне конспиративной квартиры в Гольянове. И теперь я представлял, как мечутся мысли в голове Графа: как же это он будет забирать кейс, когда Корня замочит? Руку отрезать? Кейс взламывать и перекладывать товар? Задача. Думай, Граф, думай. Может, это последние твои мысли на нашей грешной земле.

Самый опасный момент был уже позади. Увидев кейс в руках Мухи, Граф мог сразу открыть пальбу. Не врубился. А теперь было уже поздно. Так что вмешательство Артиста не потребовалось.

— Внимание, рубеж, — прозвучал в радиии голос Дока. — И тотчас: — Ложись!..

И почти в ту же секунду захлопали «Зауэры». «Почти» — доли секунды. Успел? Или не успел? Должен был успеть!

— Успел, — сообщил Док. — Захват, не спешите... пока лежат...

Мы должны были взять снайперов, если они поднимутся и пойдут добивать цели. Но они продолжали лежать.

Глаза мои давно обвыклись в темноте, слегка размытой огрызком месяца, я придвинулся к моему объекту метров на десять и изготовился к броску.

Но снайпер лишь пошевелился, не встал.

— Майор говорит по радиии, — вышел на связь полковник Голубков. — Внимание! Вышел из машины, быстро идет к «тропе»! Ситуация нештатная, всем ждать!.. Мухин, ты где? Прием!

— В порядке я, в полном. Мяч ушел за пределы поля, — сообщил Муха. — Мяч — это я.

— Майор приближается к снайперам, — доложил Док.

Это я уже и сам видел. Майор прошел мимо меня метрах в пятнадцати, наклонился к моему объекту... Что за черт? Что за...

Хлопок.

Майор перешел к другому снайперу.

Хлопок.

— По-моему, он их... Он их расстреливает! — едва ли не заорал Док. — Он, сволочь... В головы, в упор!..

Третий хлопок.

Вот уж точно: жизнь полна неожиданностей. Или смерть?

Еще три хлопка.

— Добивает, — сообщил Док. — Контрольные выстрелы. Светит фонарем в лица.

И это я тоже видел. И уже знал, что будет дальше: майор пойдет к «тропе» добивать нас, посмотрит в наши лица...

— Майор движется к людям Графа, — донесся из радиии голос Дока. Но я почти не слушал его: юзом, юзом проскользнул через ельник, в подлесок. Я уже видел контуры «патрола», когда Док доложил:

— Майор очень быстро бежит к машине! Наши действия, Первый?

— Всем к джипу, скрытно, — бросил я в микрофон и выключил радицию.

Я опередил майора минуты на три. Когда он ввалился в джип и плюхнулся на водительское

сиденье, я уже лежал на полу за передними креслами, довольно удобно устроившись и сжимая в руке кастрированный ПМ, который в этой ситуации вполне мог согдиться.

И согдился.

Майор швырнул на соседнее сиденье мешавший ему пистолет с глушителем, вырвал из бокса трубку крутого, сотового или спутникового, телефона и, подсветив себе фонариком, набрал номер.

— Первого! — потребовал он, услышав голос диспетчера.

Трубку он держал в левой руке, поэтому я упер ствол «Макарова» ему под скулу и прошептал в правое ухо:

— Товарищ генерал-лейтенант, ваш приказ выполнен.

Он судорожно зашарил рукой по соседнему креслу, но его «Макаров» с горячим от стрельбы глушителем уже упирался ему в затылок.

— Слушаю! — прозвучал в мембране голос Волкова. — Слушаю!.. В чем дело, майор? Докладывайте!

Я вдавил ему в затылок горячий глушитель и повторил:

— Ваш приказ выполнен.

— Товарищ... Анатолий Федорович... ваш приказ выполнен, — проговорил Васильев.

— Почему у вас такой голос?

— Быстро бежал, — подсказал я.

— Бежал, немного запыхался.

— Сколько? — спросил Волков.

— Все семеро, — шепнул я.

— Все семеро, — повторил майор.

— Документы взяли?

— Так точно.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

— Они у вас в руках?

— Так точно.

— Так точно, — эхом отозвался майор.

— Читайте фамилии, имена и отчества!

— Одну секунду, товарищ генерал-лейтенант. Пастухов Сергей Сергеевич.

— Секунду, посвечу. — Майор уже начал слегка импровизировать, но из роли не выходил. — Сергей Сергеевич Пастухов.

— Дальше!

— Перегудов Иван Георгиевич.

— Иван Георгиевич Перегудов.

— Ухов Николай Иванович... Хохлов Дмитрий Алексеевич... Мухин Олег Федорович... — гукал я в ухо Васильева, а он отзывался горным эхом. — Голубков Константин Дмитриевич — продолжал я, а сам мучительно вспоминал, как же отчество Артиста: Евсеевич? Израилевич? — Злотников Семен...

— Злотников Семен, — повторил майор и оглянулся на меня с некоторым даже возмущением: чего же ты молчишь, суфлер хренов?

— Аронович, — рискнул я.

— Аронович, — продублировал майор.

— Погодите! Какой Аронович? — удивился Волков. — У меня в компьютере: Борисович.

— Так точно, Борисович. Извините, здесь плохо видно. Я не могу все время светить — граница.

— Молоток, — похвалил я.

— Молоток, — повторил майор.

— Что молоток? — удивился Волков.

— Кличка, — подсказал я.

— Это у него кличка такая.

— Про клички я вас не спрашивал. Исполнители?

— Нейтрализованы, товарищ генерал-лейтенант.

— Контроль произведен?

— Так точно.

— Осложнения были?

— Никак нет. После вчерашней отсрочки — ничего.

— Прекрасно, майор. Вы хорошо поработали. Очень хорошо. Утопите в каком-нибудь болоте оружие и возвращайтесь в Москву. Все оружие. И свое тоже.

— Вас понял, Анатолий Федорович.

— Можно мне на несколько дней задержаться в Гродно? — продиктовал я. — Спрашивай, сука! Сестра у тебя тут.

— Можно мне на несколько дней задержаться в Гродно? — повторил майор. — У меня тут сестра.

— Разве у вас есть сестра?

— Ну, не совсем сестра...

— А кто? — спросил Волков.

— Просто блядь знакомая, — подсказал я.

— Знакомая девушка, товарищ генерал-лейтенант.

— То-то же! А то — сестра! Успели, значит? Ладно, молодой человек, задержитесь, вы заслужили.

«Триппер», — хотел подсказать я, но сдержался.

— Спасибо, Анатолий Федорович. Большое спасибо.

— Ладно, майор, отдыхайте. Только не больше пяти суток.

— Слушаюсь, не больше пяти суток.

— Конец связи, — сообщил диспетчер.

Я взял из рук майора трубку и разбил ее о рукоять «Макарова». Потом включил свет в салоне «патрола» и распорядился по рации:

— Всем ко мне!

Но все и так уже были здесь. Они стояли вокруг джипа и прислушивались к разговору. Полковник Голубков шагнул к распахнутой водительской двери и приказал:

— Майор Васильев! Выйти из машины!

— А в чем дело? — слегка запетушился тот.

Голубков сгреб его за грудки и рывком сбросил с кресла на землю.

— Встать! Смирно!

Васильев разглядел в руках полковника кольт и подчинился.

— Майор Васильев, вы застрелили трех офицеров Российской армии, — продолжал Голубков. — Застрелили подло, в затылок!

— Я выполнял приказ, товарищ полковник!

— Никто не имел права отдать вам такой приказ! А вы не имели права его выполнять!

— Бросьте, Константин Дмитриевич! А то сами не знаете, какие у нас правила!

— Не знаю и не желаю знать! Я расстреляю вас, как преступника и убийцу!

— Пойдете под трибунал!

— Под любой!

В самообладании майору Васильеву было не отказать. В обстановке такого форс-мажора, за считанные минуты прочувствовать совершенно сумасшедшим образом изменившуюся ситуацию — не каждый на такое способен. Я бы точно не смог. А он смог. Недаром к своим тридцати он уже был майором. А к сорока стал бы точно полковником. А может быть, даже и генералом.

Он вытащил из кармана смятую пачку «Мальборо», закурил и сказал, обращаясь ко мне:

— Объясни, Пастух, этому старому пердуну, что к чему.

— А что к чему? — поинтересовался я.

— Вместе мы можем попытаться выкрутиться. А без меня вам хана.

— Ты немного опоздал со своим предложением. Вчера я бы тебя выслушал. Даже сегодня утром. А сейчас уже поздно.

— Отставить разговоры! — приказал Голубков. Он поднял кольт, держа его по-американски, «двойным хватом», и направил ствол в грудь Васильева.

— Нет, Константин Дмитриевич, только не это! — взмолился я.

— Это мой долг.

Он взвел курок. Я понял: сейчас выстрелит. Поэтому приставил ствол «Макарова» к виску майора Васильева и нажал курок. Хлопнул выстрел. Майор кулем свалился у подножки джипа. Скорей по появившейся у меня за последнее время привычке, чем сознательно, я стер полый куртки свои пальцы с «Макарова» и вложил его в откинутую на сторону руку Васильева. Конечно, даже самый тупой следователь районной прокуратуры какого-нибудь Мухосранска никогда в жизни не поверит в версию самоубийства. Но мне это было как-то до лампочки. Заставят — поверит.

— Пастух, твою перетак! — взревел полковник Голубков. — Это было мое право!

— Ваше, ваше, Константин Дмитриевич, — успокаивающе сказал я. — Но сами представьте, сколько грохота было бы!

Трубач посмотрел на все эти дела, задумчиво покачал своей большой головой и заключил:

— А ведь все сошлось. Сколько трупов нужно было Волкову? Десять: нас шестеро, трое исполнителей и полковник Голубков. А сколько он получил? Тех шестерых, трое исполнителей и майор Васильев. Тоже десять. Как в аптеке!

Я вдруг почувствовал, что если сейчас не сяду, то попросту свалюсь с ног. Я взял у Мухи «глок» и зафитилил его в болото, подходившее к приграничной дороге. Хорошая была пушка, но хранить у себя этот графский подарок никакого желания у меня не было. Туда же отправил и беззубого «Макарова». После этого сел, прямо на сырую глину, и прислонился спиной к крылу «патрола». Попросил ребят:

— Заберите у тех документы. И уничтожьте. Оружие не трогайте.

— Майора тоже нужно бы оттащить на «тропу», — предложил Боцман. Я кивнул:

— Согласен.

— А если кто остался живой? — спросил Муха.

— Пусть и живет. Значит, ему повезло...

В обрывках облаков скользил обмылок месяца. Ветер с еле слышным шумом проходил по вершинам корабельных сосен. Над всей границей, над всеми пущами, ельниками и болотами Мазурского поозерья, над всей спящей землей не было ни звука, ни огонька.

Мир на небесах. Мир на земле. И в человеках благоволение.

Что ж, хоть один человек в России сейчас счастлив. А если не совсем счастлив, то по крайней мере на сто процентов доволен жизнью.

Генерал-лейтенант Волков.

Назарова нет. Ни одного человека, причастного к тайне программы «Помоги другу», нет. Даже полковника Голубкова, на которого случайно упала лишь тень этой тайны, — и его нет.

Никого нет.

Все хорошо, можно спать спокойно.

И вдруг меня словно осколком мины садануло под сердце:

«Тимоха!..»

V

Молодого офицера армии свободной России, кавалера медали «За отвагу» и «Ордена Мужества» лейтенанта спецназа Тимофея Варпаховского мы похоронили на деревенском кладбище, примыкавшем к нашей церквушке в Спас-Заулке. Кладбище было на всхолмье, как и храм, оттуда на многие километры окрест просматривались просторные поля в валках льна и соломенных скирдах, темные заводы Чесны, серые избы по ее берегам, далекие синие леса за заливными лугами.

Отпевали и хоронили его в закрытом гробу.

Потому что...

Потому что голова его...

Потому что он погиб в результате дорожно-транспортного происшествия на шестьдесят третьем километре Рязанского шоссе, ориентировочно между десятью — и двенадцатью часами той самой ночи, когда мы переходили польско-белорусскую границу в районе поселка Нови Двор. Причиной смерти неизвестного мужчины в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет, роста среднего, телосложения худощавого, без особых примет, явился, как значилось в милицейском протоколе, наезд неустановленного транспортного средства, водитель которого с места происшествия скрылся. В связи с темным временем суток и удаленностью от населенных пунктов свидетелей происшествия найти не удалось. Поскольку при погибшем не было никаких документов, труп его был доставлен спецтранспортом в морг ближайшего к месту

происшествия города Бронницы.

Где мы его и нашли к вечеру второго дня после возвращения из Гродно.

Самолет «Як-40», заказанный для нас Губерманом, приземлился на подмосковном гидрографическом аэродроме Мячково около пяти утра. На краю летного поля стояли две машины: красный спортивный «Феррари» и джип «гранд чероки». Губерман встретил нас у трапа и сразу понял, что сейчас не время для расспросов. Он уступил мне место за рулем своего «Феррари», место водителя джипа занял Боцман. Через пятьдесят минут мы были в Затопине. Ольга, разбуженная шумом двигателей, вышла на крыльцо, кутаясь в халат. Увидев меня, бросилась мне на шею и тут же отступила.

— Что случилось?

— Где Тимоха? — спросил я.

Она облегченно передохнула и заулыбалась:

— Все в порядке. Его увезли в военный санаторий «Лесные дали». В Минобороны выделили для него путевку. Прислали специально за ним санитарную машину. Врач сказал, что там прекрасные условия, новейшее оборудование, он сможет пройти интенсивный курс лечения и физиотерапии.

— Когда его увезли?

— Вчера вечером. Часов в шесть. Врач сказал, что долго искали Затопино.

— Какая была машина?

— Обыкновенная «Скорая». «03».

— А врач?

— Тоже обыкновенный. В белом халате. И два санитаря. Тимоха сказал: жаль, что не дождетя вас. Он очень хотел, чтобы Трубач сыграл ему на саксофоне сиртаки. А мы с тобой, сказал мне, будем танцевать. Он уже мог делать шага четыре без коляски.

Вчера вечером. Часов в шесть. Значит, Волков отдал этот приказ после моего звонка из мотеля «Авто-Хилтон». До этого не решался. Нет, не так. Считал несвоевременным. А потом решил, что пора.

— Что-нибудь не так? — спросила Ольга. — Я почему спрашиваю... Перед тем как уехать, Тимоха показал захоронку, где деньги спрятаны. В чулане. Очень много американских денег. Он сказал, что ты все объяснишь... Ну, что ты молчишь? Что случилось?!

Что я мог ей ответить? Откуда ей было знать, что никакой путевки Минобороны для лейтенанта Варпаховского не выделяло. По той простой причине, что там не знали, где он. Знали только в одном месте — в Управлении по планированию специальных мероприятий.

«Показал, где деньги спрятаны...»

Значит, что-то почувствовал.

— Он был веселый. Очень ждал вас. Очень хотел, чтобы Трубач сыграл ему...

Она повторяла и повторяла эту фразу — уже когда мы нашли Тимоху и привезли в Затопино в закрытом гробу. Она повторяла ее, пока Трубач не положил ей на плечи свои тяжелые нежные руки и не сказал, заглядывая сверху в ее лицо:

— Я сыграю для него. Обязательно сыграю...

Военный санаторий «Лесные дали» действительно существовал. Но там о лейтенанте Варпаховском ничего не знали. Губерман выделил нам шесть машин с водителями. Мы объехали почти все морги Москвы и области, где были неопознанные трупы. А они были везде. У Тимохи была особая примета. О ней знали только мы: светлое пятнышко на левой руке повыше запястья, как след от прививки от оспы. У нас у всех была эта особая примета: после того как с подачи Артиста тушили горящие сигареты о свои руки.

Тимоху в Бронницах нашел Док. Он сразу узнал его — не глазами, а сердцем. А примета лишь подтвердила, что он прав.

Там же, в морге, мы и попрощались с Тимохой и забили крышку гроба. Я хотел, чтобы Ольга запомнила его таким, каким видела в последний раз. Веселым. А в моей памяти он остался другим: Икаром, летевшим с расставленными руками через взорванный пролет моста над Ак-Су.

Таким и останется навсегда.

Отпевал Тимоху отец Федор. Оказывается, старик был еще жив, хотя сильно болел и служил редко. Но на мою просьбу согласился сразу. День был будний, время неурочное, в храме горели лишь лампы и сквозь витражи сквозили солнечные столбы. Пока отец Федор облачался, а ребята и Ольга с Настенной молча стояли у изголовья гроба, я спросил у старушки служки, здесь ли сейчас отец Андрей.

— А, из лавры! — догадалась она. — Сейчас позову.

Он появился из глубины храма в том же одеянии, так же неслышно, как и в прошлый раз, когда я заехал в Спас-Заулок перед отлетом на Кипр. Две недели назад. Целую вечность.

— Спасибо, что молились за нас, — сказал я и протянул ему плотный пакет в оберточной бумаге, перевязанный шпагатом. — Здесь тридцать тысяч долларов. Это дар храму от лейтенанта Варпаховского. Он был воином и погиб от руки врагов.

— Чисты ли деньги эти?

— Нет. На них тонны крови и грязи. Но они омыты его кровью. Сейчас это самые чистые деньги в мире.

Он склонил голову.

— Мы с благодарностью принимаем этот дар... Я взял с церковной конторки пачку свечей и обошел храм.

Одну свечку зажег перед ликом Пресвятой Богородицы. За Тимоху. Теперь ей заботиться о душе его.

Еще шесть, во здравие и благодарность — перед образом Георгия-победоносца. За нас. И еще одну — за полковника Голубкова.

А потом — перед алтарем, перед общим иконостасом. На упокой души.

Десять свечей — за полевого командира Ису Мадуева и его отряд. Они мусульманами, конечно, были, но Бог един и перед ним все равны.

Восемь свечей — за капитана Труханова и его медиков. Не их вина, что они погибли за грязное дело.

Три свечи — за генерала Жеребцова, водителя его «уазика» и солдата охраны.

Пять свечей — за командарма Гришина, его адъютанта подполковника Лузгина и трех членов экипажа вертолета.

Две свечи — за неизвестных мне офицеров Веригина и Куркова, о которых рассказал Голубков.

Три свечи — за снайперов, встретивших нас на «тропе».

Все?

Нет.

И поставил еще две: за полковника Вологодина и майора Васильева. Они тоже выполняли приказ. И Бог им теперь судья.

Отец Андрей молча наблюдал за мной.

Я спросил:

— Могу я получить счет за эти свечи?

— А смысл? Такой счет не предъявляют в бухгалтерию.

— Знаю, — сказал я. — Его предъявляют людям. Это я и намерен сделать.

Он написал на бумажке несколько цифр. Я свернул листок и бережно спрятал его в карман.

Он внимательно посмотрел на меня и проговорил:

— По-прежнему несмирена душа твоя. А в сердце твоём гнев.

— Гнев? — переспросил я. — Это слишком мягко сказано.

— Это большой грех, сын мой.

— Разве вырвать у змеи ядовитое жало — грех? — возразил я. — Разве это не правое дело?

— Лишь Господь может судить дела людские и выносить приговор.

— Там, на небесах, — согласился я. — А здесь, на земле, это наше дело. Потому что некому его исполнить, кроме самих людей...

Появился отец Федор. Отпевание началось.

«Отпусти ему грехи его вольные и невольные!..»

Мы сами выкопали для Тимохи могилу, сами вынесли на плечах его гроб и поставили сосновый крест. Ольга положила на суглинистый холмик охапку водяных лилий из Чесны, а Настена — букетик полевых лютиков и ромашек.

Все было кончено. Мы молча стояли вокруг свежей могилы. Потом Трубач раскрыл выдавший виды футляр и вынул из него свой старенький, со стертым до бронзы никелем, саксофон.

Я не знаю, что он играл. Но это было не сиртаки. Нет, не сиртаки. И не «Голубой блюз». И не одна из джазовых мелодий, которые мы от него много раз слышали — еще там, в Чечне, в офицерском клубе или просто в казарме.

Он начал почти неслышно. Звук словно бы родился из тишины мирного летнего дня, дуновения ветра в полях и щебета пичуг в кронах кладбищенских берез. Он родился из тишины и остался соразмерным ей.

Это была вообще не музыка. Я не знал, что это такое, но знал только одно, но знал совершенно точно, как начальную скорость пули, вылетающей из ствола автомата Калашникова: я хотел бы, чтобы это же самое звучало и над моей могилой.

Артист опустился на землю и так и сидел, обхватив руками перебинтованную голову.

Я посмотрел на Ольгу. Она должна была знать. Ну, могла знать — все-таки «Гнесинку» закончила.

— Что он играет? — негромко спросил я.

— Это слезная.

— Я понимаю, — сказал я и отер слезы с ее лица. Она отстранилась и попросила:

— Не нужно... Ты не понял. Это из «Реквиема» Моцарта. Седьмая часть. Лакримоза. По-русски: слезная...

Вот, значит, что это. Лакримоза. Слезная.

Господи! Сделай так, чтобы эта музыка никогда не кончалась.

Но она кончилась. Она ушла туда же, откуда и появилась. Трубач стоял, опустив в своих руках хрупкую елочную игрушку саксофона, а скорбная мелодия все еще звучала — в шелесте листьев, в посвистывании крыльев мелкой утиной стаи, спугнутой с Чесны, в самой тишине, опрокинутой над полями, пригорками и золотыми маковками Спас-Заулка.

Трубач бережно уложил инструмент в футляр и защелкнул замки.

Партия саксофона исполнена.

Пришло время для партии кольта.

И предстояло ее исполнить мне.

VI

Телефонный звонок на даче генерал-лейтенанта Анатолия Федоровича Волкова раздался в воскресенье третьего августа около восьми часов вечера. Звонил не городской телефон в

гостиной, которым пользовались домашние и номер которого, зарегистрированный на девичью фамилию жены, был в справочном бюро. Звонил аппарат, установленный в кабинете — просторной угловой комнате со стенами из покрытого бесцветным лаком соснового бруса, обставленной тяжелой резной мебелью, вывезенной отцом Волкова, генералом НКВД, из побежденной Германии.

Номер этого телефона знали только два человека в Москве — один из руководителей президентской администрации, которому непосредственно подчинялся Волков, и диспетчер Управления.

Воскресенье. Вечер. Из Кремля звонить не могли. Звонок оттуда мог быть только в случае острейшего кризиса. Как в октябре девяносто третьего, когда нужно было срочно и кардинально решать проблему с Хасбулатовым, Руцким и мятежным Верховным Советом. Или в прошлом году — перед штурмом Грозного. Или недавно — после взрыва вертолета командарма Гришина. Но сейчас ничего подобного не происходило и произойти в ближайшее время не могло.

Но если это не из Кремля — значит, диспетчер.

Волков взял трубку, привычно бросил:

— Слушаю!

— Вам надлежит немедленно явиться в Управление.

Волков недоуменно поморщился.

Что значит немедленно? Что значит надлежит?

Но в мембране уже звучали короткие гудки отбоя.

Что за чертовщина! Он бы понял: просят. Это значило бы, что у кого-то из подчиненных ЧП. Он бы даже понял: приказывают. Из Кремля могли выйти на него через Управление, хоть это и необычно. А что означает бесполое «надлежит»?

«Надлежит немедленно»!

Волков раздраженно набрал номер диспетчера. Телефон не ответил — трубку не взяли.

Он повторил набор. То же самое: длинные безответные гудки.

Волков даже слегка растерялся. Все это было крайне странно, даже, можно сказать, выходило из ряда вон. Потому что такого не могло быть. Поскольку не могло быть никогда.

Он еще раз набрал номер диспетчера, ждал не меньше минуты. Тот же эффект. Отчетливо понимая нелепость собственных действий, все-таки прошел в гостиную, согнал с телефона дочь, великовозрастную дурицу, которая могла часами болтать с подругами и — как их? — бойфрендами, одновременно глядя по телевизору какую-нибудь очередную «Марию». Набрал номер Управления. Гудки. Бросил трубку на колени дочери, потрепал по плечу в знак извинения и вернулся в кабинет.

Позвонил в свою приемную. Длинные гудки.

Заму. То же самое.

Ну, правильно. Воскресный вечер, все дома сидят.

Да работает ли этот проклятый аппарат? Хоть в «Точное время» звони!

И набрал «100».

Из трубки донеслось:

«Точное время двадцать часов три минуты пятнадцать секунд. Только Московская городская телефонная сеть владеет официальной и самой актуальной информацией. Хотите в этом убедиться? Купите телефонный справочник „Москва“».

Работает. Кому еще можно позвонить? Вспомнил: на вахту.

Трубку подняли после первого же гудка:

— Бюро пропусков.

— Это Волков.

— Слушаю вас, Анатолий Федорович.

Волков замялся. Что он мог сказать охраннику? Почему не отвечает диспетчер? Он не сможет ответить. Диспетчерская находится в информационном центре, туда его даже не пустят.

— Нет, ничего, — сказал Волков и положил трубку.

По-идиотски получилось. Просто дичь какая-то!

Он еще раз набрал номер диспетчера. Длинные гудки: один, второй, третий...

«Вам надлежит немедленно явиться...»

«Да что я дергаюсь? — остановил себя Волков. — Нужно просто поехать и разобраться».

Он вызвал машину, прошел в спальню и быстро переоделся. Когда завязывал перед зеркалом галстук, заглянула жена:

— Уезжаешь?

Вопрос не требовал ответа. У него вертелось на языке напомнить, что за двадцать восемь лет семейной жизни пора бы отвыкнуть от пустых вопросов. Но сумел сдержаться. Хоть и не без труда. Ни к черту стали нервы, просто ни к черту!

— Если задержусь, позвоню, — пообещал он. Эти слова тоже были пустыми, ненужными, но она поняла, что он хочет сгладить ими едва не вырвавшуюся наружу резкость, и с сочувствием улыбнулась.

— Тебе бы в отпуск. Очень трудный был год. Анатолий Федорович только отмахнулся:

— Какой отпуск!..

Он вышел из дома, спустился с невысокого крыльца и в ожидании машины медленно прошел по дорожке, проложенной от ворот вдоль просторного газона, за которым следили два солдата.

Они были по должности положены Волкову для охраны, но на деле, как всегда велось, выполняли все хозяйственные обязанности.

Дача у Волкова была своя. Ему не раз предлагали перебраться в Архангельское или в Барвиху — на госдачу с охраной и спецобслуживанием. Он отказывался. Не из опасения, что в случае слома его карьеры будет в день выселен оттуда, как не раз бывало с деятелями куда крупнее его. Нет, чужое — это чужое. А этот крепкий, на высоком каменном фундаменте, хоть с виду и неказистый дом, построенный отцом незадолго до начала войны, — это было свое. Здесь он вырос, здесь выросли его дети, здесь с больной матерью и двумя старшими сестрами он пережил самые трудные годы, когда отец, чем-то не угодивший Берии, был расстрелян как японский шпион, а его семью вышвырнули из «дома на набережной». Но дачу почему-то не отобрали — то ли бюрократическая машина дала сбой, то ли просто не до того было: умер Сталин, у Берии появились другие заботы.

В пятьдесят седьмом отца посмертно реабилитировали, семье дали хорошую квартиру в Москве, но для десятилетнего Анатолия Волкова, не понимавшего, что с ними происходило, но ощущавшего, что происходит что-то страшное, этот подмосковный дом так и остался единственным и настоящим домом. Здесь он чувствовал себя в безопасности.

С улицы посигналили. Волков сел в свою «Волгу», приказал водителю: «В Управление». Удобно устроился на заднем сиденье, в углу — чтобы голова была поменьше видна в просвете лобового и заднего стекла.

Это было профессиональной привычкой.

Профессию Волков не выбирал, она сама выбрала его. Протекция старых друзей отца, в свое время слова не сказавших в его защиту, открыла ему двери в Академию КГБ, а дальше он пробивался сам.

К началу афганской кампании молодой полковник Волков считался одним из самых талантливых работников «конторы». Его разработки часто вызывали недовольство начальства многоходовостью, переусложненностью, обилием запасных вариантов, но практика всякий раз доказывала его правоту. И наоборот: операции не достигали своей конечной цели, когда изначально его план корректировался начальственным пером.

Афганистан показал, что Волков умеет работать не только тщательно, но и быстро, в условиях мгновенно меняющейся обстановки. Оттуда он вернулся генерал-майором, а следующий толчок его карьере дал путч девяносто первого года.

Волков сразу усомнился в успехе ГКЧП. Но он был не политиком, а офицером, его обязанностью было не обсуждать стратегические замыслы высшего руководства, а выполнять приказы. Так он действовал в Афганистане, так намерен был действовать и теперь. Но приказов не поступало. Ни накануне путча, ни в первый, имеющий решающее значение, день. К вечеру этого дня он прорвался к председателю КГБ Крючкову и заявил:

— Владимир Александрович, нужно действовать. Время для пресс-конференций еще будет. А сейчас нужны только действия, очень быстрые и очень решительные!

— Да, Анатолий Федорович, ты прав, — согласился Крючков, глядя вяло куда-то в сторону. — Ты прав, нужно действовать!.. Так что иди к себе и жди приказа!

Волков круто развернулся и вышел. Прямо от Крюčkова он поехал в Белый дом, окруженный молодой и словно бы праздничной толпой, доложил Ружкову:

— Прибыл в ваше распоряжение!

— Понял. Слушай приказ: блокировать все подходы к Белому дому. Ни с воздуха, ни из-под земли — никаких «альф», никаких «вымпелов». Выполняй!

Волков выполнил этот приказ по максимуму своих возможностей. Штурма Белого дома не было. Путч провалился. Он провалился по одной-единственной причине: у ГКЧП не было воли к власти. А у Ельцина она была. Волков и мысли не допускал, что он кого-то предал или к кому-то перебежал. Нет, он оставался на своем месте, просто руководство страной перешло к тому, кто доказал свое право на власть.

Разгон КГБ Волков воспринял без скрежета зубового, как многие его коллеги. Это должно было произойти. В эпоху атомных подводных лодок и авианосцев нет места махинам дредноутов. Такой машиной и был КГБ. Слишком он был громоздким, слишком инерционным. Просто обреченным рухнуть. На его обломках, из уцелевших балок и сохранивших свою прочность кирпичей, должно было создать нечто принципиально новое — организацию мобильную, высокопрофессиональную, способную быстро выполнить любой приказ.

Центром такой организации и видел Волков свое Управление, созданное после подавления первого путча. Он не форсировал его рост, не пробивал увеличение финансирования. Знал: это само придет. Так и происходило. Но по мере того как росли авторитет и возможности Управления, происходил и другой процесс, наводивший Волкова на нелегкие размышления. Из практика он помимо своего желания и воли превращался в политика. Причем в самом невыгодном варианте. Преимущества практика: он не обязан думать о политических последствиях порученной ему акции. Преимущества политика: его не заботит, кто и каким образом реализует его идеи. Волков же должен был заботиться обо всем. И за все отвечать.

Дело Назарова и программа «Помоги другу» были хорошим тому подтверждением. Волков был уверен, что он правильно понял указание взять Назарова в оперативную разработку, внедрить в его окружение своих людей и регулярно докладывать о ходе наблюдения за его деятельностью, в том числе и за политическими выступлениями. Сообщение о вербовке Розовского и внедрении в экипаж яхты «радиста» вызвало явное удовлетворение. Но совсем в другом тоне был отдан приказ взорвать яхту «Анна» в тот момент, когда на ее борту будут находиться сам Назаров и его сын, закончивший обучение в Гарварде. Это был настоящий армейский приказ, после которого подчиненный обязан вытянуться в струнку и ответить: «Слушаюсь!» Примерно так, разве что без стойки «смирно», Волков на него и ответил. Но быстро хорошо не бывает. Двух человек потеряли, а Назаров уцелел по дикой, совершенно сумасшедшей случайности. Волков ожидал начальственного разноса, но его доклад был воспринят спокойно, даже отмечена четкость в проведении операции. Из чего Волков заключил, что одна из целей была все-таки достигнута. Цель эта была — убрать сына Назарова. И за всем этим мог быть единственный резон: наследник, причем — взрослый, дееспособный, он мог взять на себя продолжение дела отца.

Вот тогда Волков и стал догадываться, что подоплека у дела Назарова не политическая. И окончательно убедился в этом, когда получил приказ сначала срочно выслать полковнику Вологдину сильную группу поддержки, а затем, не прошло и полутора недель, другой приказ: произвести физическую нейтрализацию объекта любыми способами. Немедленно.

Больше всего на свете ненавидел Волков эти слова: срочно, немедленно. Это всегда — глупость, риск и ненужные жертвы. Так и на этот раз получилось, хоть цель и была достигнута. Ну что ж, повезло.

Волков не был в претензии на своего непосредственного руководителя. Он понимал, что эта непоследовательность — не его прихоть, он лишь транслирует разноречивые импульсы, исходящие из высших эшелонов власти. А источники этой власти, как давно догадался Волков, вовсе не обязательно находятся в кабинетах Кремля или Белого дома.

Примерно то же самое получилось и с программой «Помоги другу». Идею подал один из молодых сотрудников аналитического отдела Управления. Волков доложил о ней при очередной встрече с куратором. Тот, подумав, решил: «Стоит попробовать». Через месяц, когда были получены ткани и органы, пригодные для трансплантации, и переданы в ставропольские военные госпитали, поступил приказ расширить программу, добытый материал доставлять в Москву и передавать лицам, ответственным за его дальнейшее использование. Так продолжалось несколько месяцев до того дня, когда капитан спецназа Пастухов передал командарму Гришину фотографии и видеозаписи, сделанные отрядом Исы Мадуева. Гришин немедленно связался по телефону с Волковым и потребовал объяснений. Через час Волков вылетел в Грозный, имея совершенно четкий приказ прекратить реализацию программы и обеспечить ее абсолютную секретность всеми необходимыми средствами...

«Волга» остановилась перед чугунными воротами особняка, в котором размещалось Управление.

— Приехали, — сказал водитель и коротко посигналил.

Ворота открылись — машину Волкова все охранники хорошо знали. «Волга» обогнула клумбу с облупившимся купидоном в чаше давным-давно иссякшего фонтана и притормозила у парадного входа. В холле горел неяркий свет. При появлении Волкова дежурный в штатском открыл ему тяжелые двери и предупредил:

— Вас ждут.

И этот дежурный, и охранники на вахте были незнакомы Волкову, но своим наметанным глазом — по сдержанности их движений, ощущению уверенности и силы, исходящих от их молодых тренированных тел, ввевшейся в самую их суть офицерской выправки — Волков машинально, специально об этом даже не думая, определил: свои. «Альфа».

Он взбежал по широкой мраморной лестнице, покрытой ковровой дорожкой, на второй этаж, пересек пустую приемную и распахнул дверь своего кабинета.

Первое, что бросилось ему в глаза, был штатив с видеокамерой и большой черной шишкой микрофона, окантованного белым квадратом с фирменной надписью «Си-Эн-Эн». За столом для совещаний сидели три человека. Два явных иностранца — судя по свободе, с какой они развалились в креслах. Лет по тридцать пять. Один высокий, рыжеватый. Второй маленький, смуглый. Третий был помоложе, русский: в светло-сером костюме с аккуратным галстуком, со спокойным жестким лицом.

— Что это значит? — резко спросил Волков.

Все трое повернулись к нему.

Иностранцы смотрели с нескрываемым интересом, русский — спокойно, даже словно бы безразлично.

— Проходите, Анатолий Федорович, — сказал он. — Садитесь.

От прихлынувшей к лицу крови у Волкова заболела жилка на левом виске.

Это был Пастухов.

VII

Этого не могло быть.

Ну, просто не могло. Мог не отвечать телефон диспетчера Управления, могло сгореть само Управление, наводнение могло затопить Москву, Рязанская область могла начать войну за отделение от России. Все что угодно могло быть. Но только не это. Потому что мертвые не оживают.

А Пастухов был мертв. Он был застрелен из снайперской винтовки «Зауэр» в ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое августа на польско-белорусской границе и его труп находился в морге районной больницы под Гродно. Вместе с трупами других пятерых из его команды. Вместе с трупом полковника Голубкова. Вместе с трупами трех исполнителей.

Рапорт начальника погранзаставы, копию которого Волков получил по факсу на утро следующего дня, подтверждал доклад майора Васильева до деталей. До возраста, до внешних примет. До роста. Семь человек, вооруженные автоматами Калашникова и пистолетом Макарова с глушителем, пытались осуществить переход границы. На белорусской стороне они были встречены тремя снайперами с винтовками германского производства «Зауэр» калибра 5,6. Шестеро нарушителей границы были застрелены снайперами. Сами снайперы погибли от выстрелов в затылок, произведенных с близкого расстояния из пистолета ПМ с глушителем. Из этого же пистолета был застрелен седьмой нарушитель — выстрелом в упор в левый висок. Сделана попытка последнее убийство представить как самоубийство. Но следы автомобиля на белорусской стороне свидетельствуют об участии в перестрелке третьих лиц.

Причины происшествия устанавливаются. У одного из нарушителей границы к запястью левой руки был прикован дюралевый атташе-кейс, в котором находилось около пяти килограммов белого порошка, по внешнему виду напоминающего героин. Однако это оказался не героин, а сахарная пудра. Возможно, произошло столкновение конкурирующих банд, действующих в сфере наркобизнеса.

Дело принято к производству генпрокуратурой Белоруссии.

Первое упоминание о «Зауэрах», обнаруженных у снайперов, заставило Волкова нахмуриться. Майор Васильев не выполнил приказа утопить все оружие в болоте. Но сообщение об автоматах Калашникова поставило все на свое место. Он правильно решил. Если те оказались с «калашами», отсутствие у снайперов винтовок лишало возможности следователей хоть как-то свести концы с концами в версии о столкновении наркобанд. Дело так и зависнет в числе нераскрытых, но это Волкова меньше всего волновало. Для него главное было: Пастухов и его команда мертвы.

Да, Пастухов был мертв.

И Пастухов был жив.

Картина мироздания, существовавшая в сознании Волкова, покрылась тысячью мелких трещин, как автомобильный триплекс при сильном лобовом ударе; потом стекло словно бы лениво осыпалось, и взгляду открылась иная картина.

Совсем иная.

В ней Москва-река оставалась в своих берегах.

И Рязанская область — в составе России.

В ней живой Пастухов, спокойный, в хорошо сидящем на нем костюме, повернулся к иностранцам и спросил:

— Почему вы не снимаете?

Ответил высокий, рыжеватый:

— Ждем. Ты обещал нам сенсацию.

— Человек увидел оживший труп — разве это не сенсационные кадры? Скажу по-другому: живой труп увидел сам убийца.

— Труп — кто?

— Я.

— А убийца?

— Разрешите представить: генерал-лейтенант Анатолий Федорович Волков. Начальник одной из самых секретных спецслужб России. Она называется — Управление по планированию специальных мероприятий.

Маленький метнулся к камере и приник к объективу. Зажглась красная контрольная лампочка. Высокий все еще не понимал.

— Он — убил тебя?

— Да. С неделю назад. Естественно, не своими руками.

— Но ты — жив?

— Анатолий Федорович, не лучше ли вам присесть? — Пастухов подождал, пока Волков пройдет по кабинету и займет место за своим письменным столом, и продолжал, обращаясь к нему: — Познакомьтесь. Арнольд Блейк, самый тупой из стрингеров Си-Эн-Эн. Его оператор — Гарри Гринблат. Не нужно путать. «Стингер» — это ракета. А стрингерами называют журналистов, работающих в горячих точках. Не понимаю, как он умудряется зарабатывать на жизнь.

Блейк вопросительно взглянул на Волкова:

— То, что сказал Серж, — правда?

— Никаких комментариев, — отрезал Волков. — Предлагаю немедленно покинуть мой кабинет. Вы незаконно проникли в правительственное учреждение. Вы рискуете лишиться аккредитации.

— Сколько раз нас лишали аккредитации, Гарри? — спросил Блейк, обращаясь к телеоператору.

- Раз двадцать, наверное. Начиная с Анголы.
- Ты спутал. В Анголе нас расстреливали.
- Может быть, — равнодушно согласился Гринблат.

Пастухов вынул из кармана радиопередатчик, бросил в микрофон:

— Зайдите на минутку, все... Арни, даю тебе еще один шанс... Анатолий Федорович, оставьте в покое кнопки. Сигнализация отключена, охрана нейтрализована.

— Вы... убили тридцать человек охраны?!

— Мы не убийцы. Мы попросили их временно прекратить исполнение своих обязанностей. Они согласились.

— Вы не могли сделать этого вшестером!

— А кто вам сказал, что нас только шестеро?

Дверь кабинета открылась. Волков уже знал, кого он увидит. И увидел тех, кого ждал.

Он помнил, как они представлялись ему в кабинете командарма Гришина:

— Капитан медицинской службы Перегудов.

— Старший лейтенант Хохлов.

— Старший лейтенант Ухов.

— Лейтенант Злотников.

— Лейтенант Мухин.

Сейчас они не представились. Да и как они стали бы представляться? «Санитар». «Охранник в пункте обмена валюты». «Саксофонист в подземном переходе». «Артист-недоучка». «Продавец газет в электричках»?..

Они вошли в кабинет свободно, молча остановились по обе стороны от двери, как на милицейском опознании. Но не он опознавал их, а они его. Они смотрели на Волкова без любопытства, без интереса, без ненависти, без презрения, без вражды. Просто смотрели.

— Это — тоже трупы? — догадался Блейк.

— Да, — подтвердил Пастухов.

Дверь оставалась открытой. Лицо Волкова исказило невольное выражение ужаса. Он не мог взять себя в руки. Он знал, кто сейчас войдет.

— Генерал ждет появления седьмого трупа, — прокомментировал Пастухов.

— Прайм-тайм! — восхитился Блейк.

Но вместо полковника Голубкова в кабинет вошел незнакомый Волкову молодой человек в элегантном темном костюме, с длинными черными волосами и в таких же, как у самого

Волкова, очках фирмы «Цейс Голд». Он мельком, равнодушно-брезгливо, взглянул на Волкова, подошел к Пастухову и положил на стол перед ним компьютерную дискету.

— Получилось? — спросил Пастухов.

— Да.

— Спасибо. Все, ребята, смотрины закончены. Посидите пока в приемной, посмотрите телевизор. А когда будет что-нибудь интересное — скажете.

— А где... Голубков? — спросил Волков, когда команда Пастухова и незнакомый длинноволосый молодой человек вышли из кабинета.

— Летит из Грозного. Он звонил мне часа два назад. Сказал, что раздобыл копии документов, которые вез в Ставрополь командарм Гришин. Не хотите спросить, что это за документы?

— Где майор Васильев?

— Там, где, по вашим расчетам, полагалось быть мне. Мы поменялись местами.

— Вы сумасшедший! Вы государственный преступник! Вы даже не можете представить себе, на что замахнулись! Щенок! Вы... — Волков понимал, что все это пустые, ничего не значащие слова, что сейчас нужно совсем другое — собрать в кулак всю волю, весь ум, психологически переломить ситуацию в свою пользу. Но остановиться не мог. — Вы грязный подлый наемник! Подонок!.. Вы получили деньги и не выполнили свою работу! Какого обращения к себе вы ждали? Что вас будут встречать с оркестром? Вы можете меня убить, но от своей участи не уйдете! А участь у наемника только одна!.. — Волков повернулся к журналистам. — Господа стрингеры, я не знаю, каким образом вы здесь оказались, но эта точка для вас слишком горячая. И чем скорей вы уберетесь отсюда, тем для вас лучше!

— Вы все сказали? — спросил Пастухов.

— Мистер Волков, — вмешался Блейк. — Мы оказались здесь, потому что об этом попросил нас Серж. Он в свое время спас нас от смерти. Рискуя своей жизнью, он и его друзья освободили нас из чеченского плена. Мы в долгу у него. Поэтому мы здесь. Но я чувствую, что в чем-то вы правы... Серж, я не знаю, какую игру ты ведешь, но у тебя вид человека, который пришел из ада.

— Примерно оттуда я и пришел, — равнодушно подтвердил Пастухов. И Волков вдруг внутренне похолодел, он понял, что никаких его сил не хватит, чтобы противостоять тому стутку страшной энергии, какой заряжен этот внешне спокойный, даже как бы слегка безучастный к происходящему молодой человек. Он потому и спокоен, что боится выплеснуть эту энергию до срока, разрядить ее мимо цели. А цель его — это он, Волков.

— Я обещал вам сенсацию, — продолжал Пастухов. — Сейчас она будет. Нужно ли вам объяснять, кто такой Аркадий Назаров?

— Мой Бог! О его смерти кричат все газеты и Ти-Ви всего мира! — ответил Блейк.

— Будет ли сенсацией имя человека, который отдал приказ взорвать яхту «Анна» в Гамбурге и виллу в Ларнаке?

— Прайм-тайм на всех мировых каналах.

— Можете на него посмотреть, — кивнул Пастухов в сторону Волкова.

Дверь кабинета открылась, заглянул Перегудов, сообщил Пастухову:

— Через четыре минуты.

— Понял. Дверь закрылась.

— Господин Волков, это правда?

— Я дал вам совет, что делать. Больше нечего мне добавить.

— Сначала частности, — продолжал Пастухов. — Непосредственным руководителем операции по нейтрализации Назарова был полковник госбезопасности Вологдин. С целью сохранения секретности полковник Вологдин подал рапорт об увольнении из ФСБ и был зачислен в штат Управления господина Волкова. Законспирированность этой организации такова, что даже их компьютеры никак не связаны с внешними коммуникациями. На этой дискете — все кадры Управления. Один из лучших хакеров Москвы три часа работал сегодня в информационном центре Управления, пока сумел взломать коды. Если господин Волков позволит воспользоваться его компьютером, вы своими глазами убедитесь в правдивости моих слов. Вы разрешите, Анатолий Федорович?

— Вам нужно мое разрешение?

— В общем, нет... Ладно, дискету мы сможем изучить в любое время. Здесь же — имя радиста, внедренного в команду яхты, а также анкета офицера госбезопасности Петерсона, который под видом бармена проник на борт и заложил взрывное устройство. Здесь же — данные офицеров Веригина и Куркова, взорвавших виллу Назарова в Ларнаке и погибших при взрыве. Я не знаю, почему не успел уйти с борта яхты Петерсон, но почему погибли Курков и Веригин, знаю совершенно точно. Они использовали взрывные устройства типа «ФЗУД». Эти устройства были специально настроены таким образом, чтобы взрыв произошел в момент активизации заряда. Кстати, таким же устройством с тротильным эквивалентом в два килограмма и радиоуправляемым взрывателем был уничтожен вертолет командующего армией генерал-лейтенанта Гришина. Но к этой теме мы вернемся чуть позже...

— Убийство Назарова — акт политического террора? — спросил Блейк.

— Наконец-то ты начал работать, — заметил Пастухов. — А то я думал, что мне придется брать интервью у самого себя. Нет. Господин Волков выполнял заказ теневой власти — нефтяных магнатов, стремившихся прибрать к рукам всю российскую нефть. Они остались довольны его работой. И в качестве гонорара перевели на счет господина Волкова в «Народном банке» триста пятьдесят тысяч долларов.

— Это ложь, — заявил Волков.

— Назвать счет? Номер платежного поручения? Реквизиты отправителя?

— Вы не могли получить эту информацию законным путем, — заметил Блейк. — Это коммерческая тайна.

— Арни, заткнись! — вмешался Гринблат, не отрываясь от камеры. — Мы не прокуроры. Нам нужна информация, а не способы ее получения.

— Скажу больше, — продолжал Пастухов. — Заказчики господина Волкова были столь великодушны, что подсказали ему способ увеличить эту сумму в несколько раз. По их совету сын господина Волкова, президент «Фонда развития», продал под залог этих денег акции нескольких российских нефтяных компаний в расчете на дальнейшее падение их курса... Анатолий Федорович, как вы называли наемников, которые берут деньги и не выполняют контракта? Грязными подонками?

— Да! И я не отказываюсь от своих слов!

— Включите, пожалуйста, телевизор. Программу «Деловая Россия». Она уже началась.

— Серж, мы пришли сюда не смотреть Ти-Ви, а делать его! — запротестовал Блейк. — У меня еще куча вопросов!

— Замри, Арни! — взмолился Гринблат. — Ты что, не видишь? Парень знает, что делает!

Волков безразлично пожал плечами, пультом включил «Панасоник» с крупным экраном. И подался вперед. В студии, рядом с ведущим программы, сидел Назаров.

«По-моему, я схожу с ума», — подумал Волков.

— Это же Назаров! — заорал Блейк. — Сам Назаров! И он, годдэм, живой! Серж, сукин ты сын! Ты знал это!

— Конечно, знал. У нас был контракт: обеспечить безопасность Назарова и переместить его в Россию. Мы это сделали. Правда, не на определенный участок польско-белорусской границы, а в Москву. Но наш заказчик, надеюсь, не станет придирается к таким мелочам... Анатолий Федорович, сделайте погромче. Давайте немного послушаем.

Волков прибавил звук.

— ...презентации проекта в «Президент-отеле» присутствовали крупнейшие финансисты и предприниматели России, видные журналисты, ученые, политические деятели и члены правительства. Герой дня, инициатор проекта Аркадий Назарович Назаров — надеюсь, мне не нужно его представлять? — был так любезен, что согласился сразу после презентации приехать к нам в студию и ответить на вопросы программы «Деловая Россия». Добрый вечер, Аркадий Назарович.

— Добрый вечер.

— Разрешите поздравить вас с очередным воскрешением.

— Спасибо.

— С каждым разом вы делаете это все эффектнее и эффектнее.

— Набираюсь опыта.

— Вам не надоело с грохотом погибать, а потом воскресать?

— Очень утомительное занятие. Но оно разнообразит жизнь.

— Рассказывают, что Хемингуэй любил запирается от домашних и читать собственные некрологи. Вам нравится читать статьи о собственной смерти?

— Нет, в них все время одно и то же.

— А теперь перейдем к серьезным вопросам, — продолжал ведущий. — Наши эксперты предсказывают, что после сегодняшней презентации акции нефтяных компаний взлетят в цене. Как вы думаете, на сколько пунктов?

— Завтра узнаем.

— И все-таки? На тридцать? На пятьдесят? На сто?

— Думаю, что не меньше.

— Значит, те, кто крупно играл на понижение, будут разорены? Вы не боитесь мести с их стороны?

— Нет. Им не на что будет нанять приличного киллера.

— А с неприличным справится ваша охрана?

— Я намерен совсем отказаться от нее. Полагаю, что охранять меня сейчас бросят все спецслужбы России. Потому что, если мне на голову даже случайно упадет кирпич, Кремль все равно обвинят в сведении счетов с политическим противником.

— Вы являетесь противником президента?

— Только тогда, когда он отступает от им же провозглашенного курса реформ.

— Вы взвалили на себя огромное дело. Оно потребует колоссальной отдачи сил и не сулит быстрых прибылей. Во имя чего? Вы и так являетесь одним из самых богатых людей России. Можете ли вы сказать, что работаете для блага Родины?

— Это не из моего словаря. Но, если угодно, можно сказать и так.

— Какой смысл вы вкладываете в это понятие? Если хотите, можете не отвечать.

— Почему? Я отвечу. Родина — это то, что остается у человека, когда у него не остается больше ничего...

Пастухов взял пульт и выключил телевизор.

— Продолжим, — проговорил он, обращаясь к журналистам. — Сенсация номер два. Примерно в начале этого года Управление по планированию специальных мероприятий начало реализацию программы под кодовым названием «Помоги другу». Специалисты фирмы «Медикор» предполагают, что за это время на нелегальный рынок поступило трансплантационных органов не меньше, чем на сто миллионов долларов наличными...

— Нет! — прервал его Волков. — Нет! Вы этого не расскажете!

Пастухов повернулся к нему и спокойно сказал:

— Расскажу.

И Волков понял: расскажет. А эти стервятники вынесут сенсацию на первые полосы газет и в прайм-тайм ведущих телеканалов мира.

И это будет для него...

Это будет страшнее смерти.

Это включит в себя его смерть как само собой разумеющийся и далеко не главный элемент. Неважно, что это будет: случайное ДТП на темной подмосковной дороге или приступ сердечной недостаточности. Но включит и многое другое. Слишком многое. Там будет и разорение дома, который он строил. И клеймо проклятья на семье, которую он любил. И позор России, которой он служил.

Как мог.

— Пусть они уйдут, — попросил Волков. — И заберут камеру.

Блейк выжидательно взглянул на Пастухова. Тот кивнул: выйдите.

— Чего вы хотите? — спросил Волков, когда они остались одни.

— Куда ушли эти сто миллионов? На избирательную кампанию президента?

— Не уверен.

— А я уверен. Вы с упорством маньяка уничтожаете всех, кто хоть что-то знал о программе «Помоги другу».

— Я выполнял приказ.

— Такой приказ отдают, когда хотят сохранить страшную и грязную тайну.

— Эта тайна гораздо страшней и грязней.

— Вот как? — не поверил Пастухов. — Бывает и так?

— Да. Лишь часть этих денег могла поступать в избирательный фонд президента. Но я думаю, что не поступало и части. Все деньги оседали на частных счетах в западных банках.

— И вы, русский офицер, служили этой мрази?!

— Я стал догадываться обо всем слишком поздно.

— Последний вопрос. Понятно, почему командарм Гришин. Понятно, почему Жеребцов. Понятно, почему мы. Но почему Голубков? Он знал только название программы. И услышал его от меня по чистой случайности.

— Он следил за виллой в Ларнаке. Мог увидеть Веригина и Куркова. И узнать их. У него феноменальная память.

Пастухов вынул из кармана какой-то листок и положил перед Волковым.

— Я хочу, чтобы вы оплатили этот счет.

— «Свечи церковные...» Что это значит?

— Расшифровать? Лейтенант Тимофей Варпаховский...

— Хватит, — сказал Волков.

— Здесь не хватает еще одной свечи. Я узнал об этом только сегодня. Анна Назарова. Врачи считали, что она в бессознательном состоянии. Они ошибались. Она услышала по радио о взрыве виллы в Ларнаке.

— Я сожалею.

— Вот как? — вскинулся Пастухов. — И это все, что вы можете сказать?

— У меня нет оружия.

Пастухов вынул из-за спины тяжелый револьвер и швырнул его на письменный стол Волкова. Волков едва успел поймать его на краю стола.

Он знал эту модель. Кольт-командер 44-го калибра. Червлёный ствол, серебряная насечка на рукояти. Самый мощный револьвер в мире.

— Один патрон? — спросил он.

— Все восемь. Из этого кольца не стреляли ни разу.

Волков проверил барабан и взвел курок.

Спросил, в непроизвольной усмешке кривя губы:

— Не бойтесь, что начну с вас?

— Нет, — сказал Пастухов.

И его «нет» было для Волкова, как пощечина.

Пастухов повернулся и пошел к выходу.

Стукнула дверь.

Волков поправил очки, сунул ствол под подбородок и нажал спуск.

Приемная была отделена от кабинета тамбуром из двух тяжелых дубовых дверей, но звук выстрела, даже приглушенный, прозвучал резко и страшно.

Помедлив, Док заглянул в кабинет, постоял на пороге и вернулся в приемную.

— Он это сделал.

Гринблат снял камеру со штатива и метнулся к дверям.

Пастухов преградил ему дорогу:

— Не нужно туда заходить.

— Но почему?!

— Потому. Дай мне эту кассету, Гарри.

— Какую? — не понял оператор.

— На которую ты снимал.

— Что ты с ней сделаешь?

— Размагничу.

— Серж, ты лишаешь нас куска хлеба! — возмутился Блейк.

— Зато вы больше нам ничего не должны... Спасибо, ребята, вы меня очень выручили. Боцман, проводи джентльменов к их машине.

— А какой был материал! — пробормотал Грин-блат, убирая камеру в футляр.

— Сколько вы хотели на нем заработать? — спросил Губерман.

— Не делай нас бедней, чем мы есть, — попросил Блейк. — По-русски как? Не сыпай нам соль на ранку!

— И все-таки?

— Десять. Двенадцать. Как повезло бы.

Губерман извлек из кармана какую-то книжечку и тонким золотым пером черкнул в ней несколько слов. Потом вырвал листок и протянул Блейку:

— Пятнадцать. «Мост-банк». Чек на предъявителя.

Блейк взглянул на чек, спрятал его в карман и покачал своей рыжей головой:

— Вы, русские, сумасшедшие!

— Я еврей, — поправил Губерман.

— Русские евреи — тоже сумасшедшие! — повторил Блейк и вышел вслед за оператором и Боцманом.

Губерман взял из рук Пастухова дискету и бросил ее в мусорную корзину.

— Она пустая. Хакер не справился.

— Но ты же сказал...

— Чтобы ты чувствовал себя уверенно. Код он не смог взломать, но всю информацию по Назарову и «Помоги другу» уничтожил. Так что вы теперь вообще невидимки. Вас нет даже в здешних компьютерах.

Пастухов пожал ему руку:

— Спасибо за помощь, Фима. Без твоих ребят нам было бы очень трудно. Передай Аркадию Назаровичу наши соболезнования.

— Он счастливый человек, — добавил Док. — У него была Анна. Не каждому так везет.

— Передам, — пообещал Губерман. — Он оценит ваши слова... Все? Пастухов кивнул:

— Все.

Губерман включил передатчик и приказал:

— Всем. Охрану освободить. Их оружие оставить на вахте, потом заберут. Уходим!..

* * *

Так все и кончилось.

Ребята разъехались.

Каждое утро затопинский пастух Никита гнал мимо нашей избы стадо, изумляясь рассвету, а вечером возвращал его хозяйкам, изумляясь закату. Изумляться ему предстояло не меньше пяти лет. В этом меня клятвенно уверил зарайский нарколог, которому я хорошо заплатил за укол какого-то современного антабуса, который он вкатил Никите.

В «Московском комсомольце» появилась заметка о самоубийстве директора «Информационно-аналитического агентства „Контур“» г-на Волкова. Вероятная причина: нервный срыв из-за финансовых трудностей, переживаемых агентством. Дело обычное.

В аналитические телепрограммы и в газеты просачивались слухи о перемещениях, новых назначениях и отставках в верхних эшелонах власти. Но кого это интересовало!

Генерал-майор Нифонтов, вернувшийся из Грозного после успешного завершения работы комиссии, которой удалось доказать, что взрыв вертолета командарма Гришина произошел из-за неисправностей в топливной системе, был назначен исполняющим обязанности начальника Управления по планированию специальных мероприятий.

Полковник Голубков стал и.о. начальника оперативного отдела.

Об этом он сам рассказал, приехав как-то порыбачить на своей плоскодонке, валявшейся возле нашей избы.

После рыбалки я проводил его до машины и к дому пошел почему-то не напрямую, а кругом — мимо березового околка у родника, вдоль Чесны, вода в которой начала заметно светлеть. Первый знак приближающейся осени. Снизу увидел нашу деревеньку, Ольгу в белой футболке возле избы, мелькающую в огороде красную панамку Настены.

И вдруг какое-то щемящее чувство охватило меня.

Я смотрел на привычные, с детства родные для меня места так, словно мне суждено было очень скоро все потерять.

Как и нужно всегда смотреть на всех, кого ты любишь, и на все, что любишь.

И я понял, что это за чувство.

Это и была тоска по Родине.

* * *

«Господи Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!..»

mir-knigi.org